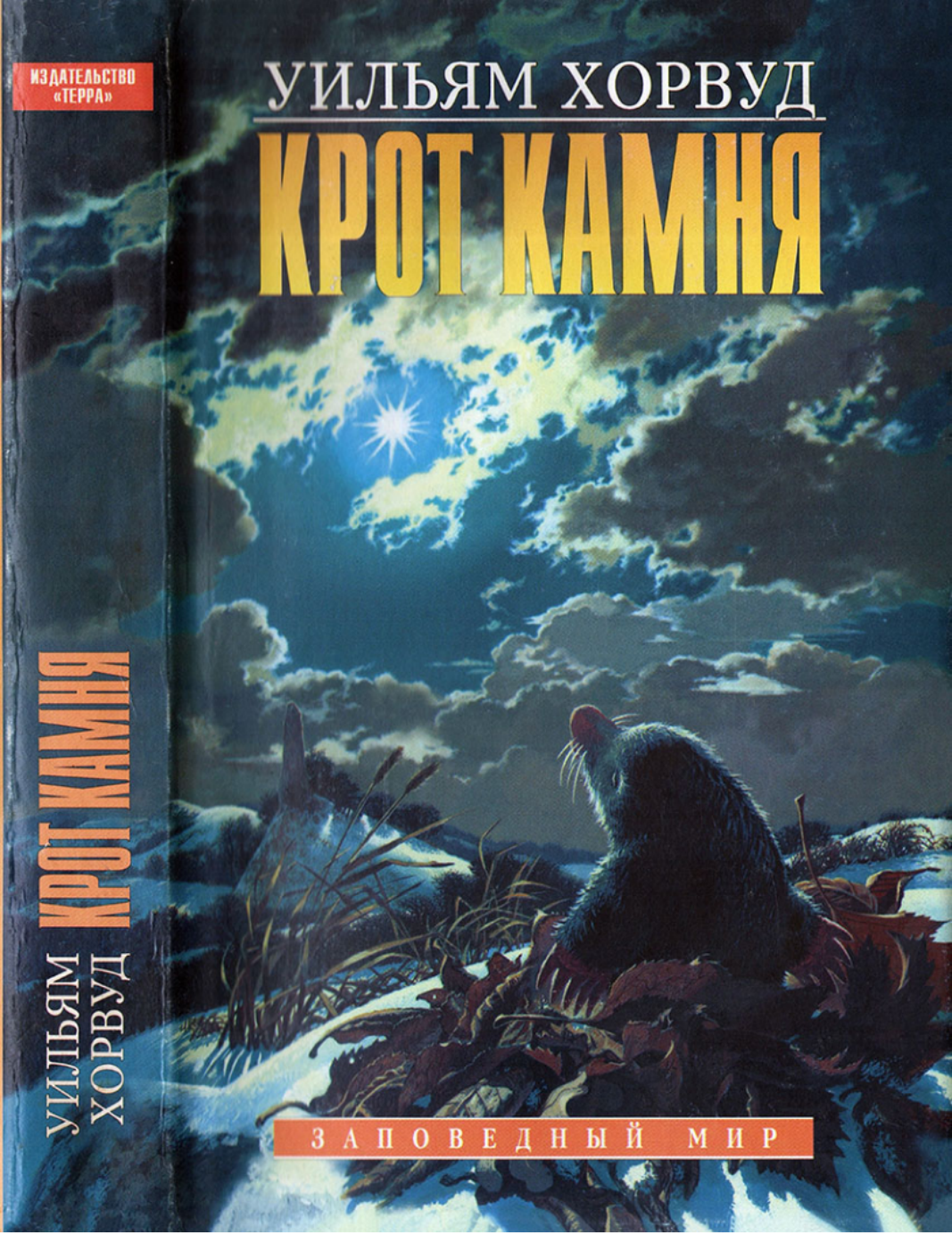
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТЕРРА»

УИЛЬЯМ ХОРВУД

КРОТ КАМНЯ



ЗАПОВЕДНЫЙ МИР

УИЛЬЯМ ХОРВУД КРОТ КАМНЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Крот Камня» — продолжение романа «Тайная миссия», четвертая книга из цикла «Данктонский Лес».

…Путешествие Триффана и его друзей в город двуногих едва не кончается трагически, но впереди их ждут еще более суровые испытания.

- Уильям Хорвуд
  - Часть I. Странствия в поисках безмолвия
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шесть
    - Глава семь
    - Глава восемь
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
  - Часть II. Пришествие Крота Камня
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
  - Эпилог
  - Об издании
  -

Уильям Хорвуд
Крот Камня

Издательство выражает благодарность литературному агентству Эндрю Нюрнберг.

Перевод с английского Ж. Грушанской, В. Капустиной

Иллюстрация на обложке Л. Блиновой.

Москва "Терра" 1999

Часть I. Странствия в поисках безмолвия

Составлено на основе карты Мэйуида найденной в Семи холмах

Глава первая

Наступил ноябрь. Прошло почти шесть кротовьих лет с тех пор, как Триффан и с ним три храбрых крота отправились в путь от Камня Комфри на восток, в самое сердце Вена. Там они надеялись раскрыть тайну, разгадку которой Босвелл возложил на Триффана, найти истину, озаряющую своим светом весь кротовий мир.

Вначале они уповали на то, что продвижение будет легким и быстрым, однако очень скоро их надежды были поколеблены, а по мере того, как углублялись в безбрежную пустошь, называемую кротами Веном, от надежд и вовсе пришлось отказаться. Целители под словом «вен» понимают вздутие, зоб или раковую опухоль, образовавшуюся на боку или на щеке. Веном могут быть самые разнообразные вещи, но они всегда обезображивают.

Триффана и его спутников, привыкших к лесным тропинкам и меловым холмам, где ревущие совы летали далеко от их нор, а двуногие встречались крайне редко, чрезвычайно смущали и беспокоили пугающие шумы и пылающие огни Вена. Требовалось время, чтобы привыкнуть ко всему этому — если они вообще могли привыкнуть.

Еще в самые первые дни похода Триффан принял мудрое решение — соблюдать осторожность. Если их ожидают опасности, то лучше сначала привыкнуть к природе этих явлений, а если грайки пустились за ними в погоню, то следует сперва отделаться от них и лишь потом двигаться вперед. Будущий путь означал открытия или смерть.

А посему Триффан, отклонившись от первоначального направления на восток, вскоре повернул на север, выбрав путь по окраинам Вена, что давало возможность познакомиться с местностью, разобраться в источниках шума, научиться отличать подлинную опасность от мнимой.

Более того, это давало четверке шанс сблизиться, почувствовать себя единым целым, а Триффан не сомневался, что скоро может наступить время, когда появится необходимость понимать друг друга без слов — иначе не выжить.

Июнь сменился июлем, июль — августом, а они все брели бетонными тоннелями, которыми изрезан Вен, находя для себя новую пищу в местах, где и не предполагали ее найти, и помогая друг другу кто чем мог.

В часы отдыха Триффан рассказывал им историю Данктона и вспоминал все, чему учили его самого. Мэйуид делился с ними опытом, как находить дорогу, что в будущем могло оказаться

очень полезным. Спиндл заражал их своей любознательностью, стремлением познать окружающий мир, а особенно таинственный Вен. Вероятно, никому из кротов никогда не доводилось так долго находиться поблизости от двуногих, оставаясь, конечно, для них невидимыми. Двуногие плохо видят землю и редко замечают крота, не умеют распознать его по запаху, потому что у них нет рыльца, хотя сами они пахнут достаточно сильно. Однако двуногие опасны и неуклюжи, они давят все, что попадается на дороге.

О другой малопонятной штуке — ревущих совах — четверка тоже многое узнала. Они очень опасны для кротов, когда не спят, а когда спят — это единственные известные кротам существа, которые не производят абсолютно никакого шума. Тихи, как смерть. Потом вдруг рев! взрыв! крик! вой! — ревущие совы проснулись. Никакого потягивания, никаких раздумий о предстоящем дне, как это принято у разумных кротов, сразу вопль — и вперед! Да, они очень опасны для кротов. Однако, несмотря на свою ущербность, двуногие, похоже, понимают ревущих сов и вполне дружески сосуществуют, хотя Спиндл с уверенностью не мог сказать, не поедают ли одни других время от времени.

Самая младшая из кротов, Старлинг, скорее вдохновляла остальных, чем учила чему-нибудь. Она напоминала о жизни, о будущем, ее бодрое настроение и веселый смех то и дело вызывали улыбки у старших. В ее неколебимой вере в то, что все будет хорошо, они обретали силу.

И все же в октябре, когда погода обычно начинает ухудшаться и крот задумывается о необходимости углублять свои ходы и готовить зимние норы, у Трифана и его друзей появилась новая причина для волнений. Они смотрели, они учились, а теперь им не терпелось двинуться в глубь Вена. Под руководством Мэйуида и с помощью умозаключений Спиндла они наловчились пользоваться ходами, которые обнаружили здесь. Одни, похожие на короткие тоннели под дорогой ревущих сов вблизи Данктонского Леса, служили для отвода дождевых вод и сначала пугали их. Потом кроты поняли, куда эти ходы ведут, и, всегда зная погоду, с успехом пользовались ими как надежным убежищем. Другие ходы, тоже прорытые для дренажа, были гораздо шире, глубже и иногда заливались водой. В них кроту приходилось плыть и постоянно быть настороже, так как другие существа тоже пользовались ими, в особенности мыши-полевки и крысы.

Самые большие тоннели пролегали глубже всех и были наиболее неприятными: в них текли сточные воды, ощущалось присутствие двуногих и даже воздух был заразным.

В начале путешествия вся четверка переболела неизвестно чем. Аппетит пропал, из носов текло, глаза слезились, желудки расстроились, голова кружилась. Спиндл и Старлинг страдали больше других, Триффан какое-то время чувствовал себя плохо, но не слишком, а Мэйуид, который избежал и лихорадки, и насморка, порезал лапу, и рана нагноилась. Старлинг очистила ее, выкусав зубами гной, — жестокий метод лечения, но он помог. После этого случая кроты старались не пораниться и были всегда очень осторожны.

Поначалу в этих более крупных, чем все виденные ими до того, тоннелях (грязевиках, как они их называли) было очень трудно передвигаться, потому что гул в них по своему характеру очень отличался от того, к чему они привыкли в земляных или меловых ходах. Здесь гудело эхо, раздавался шум падающей воды, звяканье металла о камень, далекое уханье ревущих сов и даже отзвуки криков двуногих. Сильные потоки воздуха тоже приводили кротов в замешательство. В особенно крупных ходах эти потоки оказывались необыкновенно мощными. Такого кроты не испытывали никогда: ветер отбрасывал их назад, почти срывал шубки со спин, им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Свет был холодный и переменчивый; в подобных местах всегда сыро и свет в основном отраженный. Его источники располагались высоко над головами кротов, он проникал в ходы сквозь отверстия, выходившие наружу, или в другие, боковые ходы.

Самое странное — ночью свет не исчезал, но менялся, часто даже становясь ярче. Он лился из других мест, так что днем ходы выглядели иначе, чем ночью. Мэйуид тщательно исследовал все эти явления, он советовал не шуметь в странных ходах, сначала ощупать стены, до которых кроты могли дотянуться лапами, рыльцами и выпрямленными хвостами, потом понюхать воздух, прислушаться к звукам, раздающимся впереди, и только потом начинать пересекать большие залы, стены которых, казалось, растворялись во мраке. И хотя поначалу кротам было трудно, Мэйуид заставил их научиться использовать при движении направление ветра. Кроме того, Мэйуид из осторожности научил их запоминать путь, чтобы, если придется отступать, они могли найти дорогу обратно.

Кроты живут главным образом на одном месте, и потому их собственные тропинки и ходы сами собой удерживаются в памяти, тем более если они прорыли их сами. Замечательное искусство Мэйуида заключалось в том, что он научился обследовать новые ходы, устанавливать связь между отдельными частями системы ходов и определять, как пройти из одной в

другую, не потеряв ориентировки.

В течение всего лета кроты медленно приобретали сноровку, обучая друг друга, находя более привычные для себя места, поля и деревья, откуда отправлялись в ходы Вена, и учились жить в них.

Еды было полно, хотя червяки здесь были тощими, красными и почти безвкусными. Однако их было очень много, а иногда удавалось даже найти клубок жирных пескожилов; когда же лето набрало силу, временами один-два старых жука разнообразили рацион. Однако, чтобы отыскать пищу, кротам приходилось переворачивать странные предметы, которые они обнаруживали в ходах, предметы, которым Спиндл давал названия, почерпнутые им из одного средневекового текста. Давным-давно Спиндл имел счастье слышать, как Брейвис рассказывал об этом тексте, называвшемся «Запретный Путь». Он был написан кротом, путешествовавшим неподалеку от Альбана — древней, давно заброшенной системы — и двигавшимся дорогами двуногих.

Этот крот описал предметы, которые никто из кротов не видел и которые они потом находили только на вспаханных полях и у дороги ревущих сов: куски дерева с ровными краями и прямыми углами; осколки того, что в древнем тексте называлось «стеклом», острые и опасные, ими Мэйуид однажды порезался. Из стекла были изготовлены и круглые, обычно большие по размеру, чем сами кроты, предметы с дыркой на одной стороне. Внутри накапливалась земля, иногда кроты видели там и червяков, но достать их не могли. Попадался также мягкий материал различных цветов, обычно влажный и вонючий, имевший самые разные формы, валявшийся повсюду. Спиндл называл его «тряп». Иногда на нем блестели небольшие круглые предметы.

Попадалось много металла, твердого, острого, часто ржавого, который время от времени встречается на пути любого крота, но никогда они не видели такого твердого и блестящего, как тот, что попадался им в Вене. Самыми странными и совершенно незнакомыми были предметы из материала, который кроты называли «тонкая кора». Он был почти такой же тонкий, как кора березы, обычно белого или черного цвета и не пропускал воду.

Старлинг убедилась в этом, когда такой предмет раскачивался над ее головой. Старлинг ударила по нему когтями, оттуда хлынула вода и чуть не утопила ее. «Тонкая кора» стала означать для кротов все гладкое, что удерживало воду и не имело никакого запаха, кроме того, какой издавали вещества внутри.

Иногда они находили клочки этих материалов, не крупнее кротовьей лапки, а иногда это были куски, большие, чем крот мог охватить взглядом. Об их назначении можно было только гадать и

надеяться, что со временем, продолжая путешествие, они поймут, в чем заключается смысл этих вещей.

Хищников было очень мало, зато полевок и водяных мышей полно. Запах крыс они чуяли, но ни разу не наталкивались на них. Ласки встречались, но редко, лисы — часто, впрочем, кроту всегда легко уйти от них, стоит лишь зарыться в землю. Лисицы, вообще-то, не особенно любят кротовье мясо, опасность, скорее, заключается в том, что их будут мучить, а не убьют. Хуже обстояло дело с собаками, которых в Вене была тьма, и кошками, которых раньше видел только Триффан. Тоже исключительно опасные звери.

Так или иначе, кроты вели себя крайне осторожно и все, что могло представлять опасность, наблюдали со стороны и изучали, готовясь к тому моменту, когда Триффан решит начать путешествие всерьез…

Спиндл описал Триффана в тот исторический момент, когда кроты наконец направились к сердцу Вена: «Он беспокоится обо всех нас, пугается, если одного из нас нет рядом, огорчается, если кто-то чувствует себя неважно, проявляет решительность, если кого-то одолевает слабость. До сих пор он удерживал нас от проникновения в Вен, выискивая разные предлоги, но делал это из опасения, что мы еще не готовы. Но и теперь, даже если мы готовы, он все равно будет волноваться.

Последнее время Триффан все больше молчал и старался выбирать моменты побыть одному на поверхности. Я неотступно наблюдал за ним и иногда, если слышал хищника или что-нибудь сомнительное, теребил его. В такие минуты молитв и размышлений он, казалось, не замечал ничего и вздыхал, когда я приближался. Он всегда был добр ко мне и просил меня проводить меньше времени с ним и больше с остальными, чтобы они не чувствовали себя одиноко. Я уверял его, что это не так. Мы все знаем, как сильно переживал Триффан уход из Данктонского Леса, как мучился, чувствуя свою вину из-за гибели стольких кротов. На него очень подействовала смерть Комфри и его подруги Монди. Старлинг продолжала верить, что ее брат Бэйли жив, ее уверенность давала Триффану утешение и помогала надеяться, что хоть кто-нибудь из тех, с кем мы расстались у Камня Комфри, уцелеет.

Иногда мы просим его рассказать нам о Камне, но он говорит, что еще мало знает, отнекивается, объясняя, что еще слишком молод, слишком неопытен, слишком… еще придет время для рассказов. Босвелл велел ему проводить часы в размышлениях, так он и делает. Все же, хоть Триффан и говорит, что еще молод, за это лето он постарел и сильно похудел. У него появились

морщины, а глаза смотрят озабоченно. Он начинает выглядеть, как безбрачный летописец — сильный, но больше других нуждающийся в дружеской близости. Трифан знает, как это важно, да и мы, все четверо, часто прикасаемся друг к другу. Какой-нибудь крот, встретивший нас, решил бы, что мы все влюблены! Надеюсь, Камень еще дарует Трифану из Данктона любовь подруги, о которой он мечтает, хотя сильно сомневаюсь, что он одобрил бы мои молитвы об этом! Ну а я, познавший любовь с Тайм, желаю ему этого. Я считаю, любовь приближает крота к Безмолвию».

В своем знаменитом отчете о жизни Трифана Спиндл упоминает об одиночестве крота-летописца, оно преследует его всю жизнь — тучка, которую мало кто, кроме Спиндла, мог разглядеть. Кроты видели лишь то, что нужно было им самим, — вожака, который вел и поддерживал их, а того, что нужно кроту-летописцу, не понимали.

Через два дня после того, как Спиндл записал и закопал эту часть своего отчета, они вернулись к исходной точке — месту своего прибытия в Вен, и Трифан понял, что пришло время отправиться к центру Вена.

Когда Трифан объявил о своем решении, они находились в тоннелях, которые дрожали и сотрясались от близости шоссе на востоке от их убежища. Это массивное сооружение покоилось на огромных серых столбах и тянулось по воздуху на уровне, не доступном глазу крота. Ночью там метались и дико сверкали огни. А на земле был лабиринт труб и стенок и отвратительно пахло крысами, прочей дрянью и собаками. Тут же ходили двуногие, ступая быстро, тяжело. Постоянно раздавались непонятные звуки: грохот, рев, гул, взвизги. Временами наступало затишье. Однако у водовода, который Мэйуид определил как лучший путь под шоссе, воздух был чистым, шумы приглушены, а по обеим сторонам над кротами высились стенки, такие высокие, что небо казалось тоненькой полоской, как бывает, когда сквозь маленькое отверстие узкого хода, вырытого кротенком, пробивается солнце. Повсюду чувствовалась опасность. Кроты не любят открытых тропинок, где может ждать невидимый хищник, готовый в любую минуту напасть.

Они быстро пошли вдоль водовода, делая остановки в безопасных местах, которые им удавалось найти. Иногда это были дренажные трубы, иногда — квадратные деревянные ящики, под которыми ощущалось зловоние собачьих следов, иногда — белые бесформенные кучи сора, где копошились крысы, оставляя на земле мерзкий запах. Тут же валялся хрупкий ржавый металл, такой тонкий, что он дрожал, когда поверху проносились ревущие

совы.

К каждому из таких мест кроты шли по одиночке, поджидали, пока подойдут все, а потом первый двигался дальше. Они почти не разговаривали, охраняя друг друга, старались прислушиваться к звукам. Они двигались по тени, там, где было потемнее и труднее их заметить.

Справа от себя, за стеной, которая отгораживала от них весь свет, кроты чувствовали запах воды, глубокой и темной, текущей на восток по тоннелю, где ощущался отвратительный запах двуногих. Настоящий грязевик.

Над головами кротов уходили вверх огромные бетонные столбы, завывали странные вихри, крутя обрывки бумаги и «тонкой коры» и сгоняя их к основаниям столбов, где в безветренных уголках обрывки сбивались в кучи. Кроты двигались быстро, целеустремленно, сохраняя порядок. Они прошли под одной веткой шоссе, потом под второй, третьей — и вот впереди свободное пространство. Только ходы, жалкое подобие травы и грязь, а когда наступили сумерки — грохот ревущих сов, от которого тряслось все вокруг, и огни, непонятные и слепящие.

— Двуногий!

Это крикнул, предупреждая, шедший впереди Мэйуид. Все остановились и замерли. Потом послышался громкий звук — двуногий прошел мимо. Земля была слишком твердой, утоптанной и не задрожала, но сладкий тошнотворный запах ощущался достаточно ясно. Огромный серый предмет размером больше крота опустился на влажную пыль рядом со Старлинг, и, когда двуногий прошел, она раздраженно засопела.

— Его лапа, — проговорил Спиндл.

— Он не заметил нас! — воскликнула Старлинг.

— Не заметил. Слепой. Дурак! — с необычной для него страстностью воскликнул Спиндл.

За последние несколько недель он часто видел двуногих достаточно близко и решил, что они, должно быть, слепы, потому что иногда он, Спиндл, сидел в очень плохом укрытии, а они проходили мимо, не заметив и не потревожив его. Мэйуид отзывался о них еще более презрительно, говоря, что они слишком высокого роста и не видят того, что происходит внизу. Не то что кошки, особенно кошки Вена, способные видеть сквозь камень, против которых у кротов почти нет защиты, разве вырыть ход поглубже и поуже, куда не пролезет кошачья лапа. Крысы и ласки — совсем другое дело.

Когда двуногий ушел, Трифан сказал:

— Ну вот, мы в Вене. Здесь каждый день будет полон

опасностей. Поэтому мы пойдем быстро и должны быть все время настороже.

— А что мы ищем? — спросил Мэйуид.

— Куда мы идем? — задала вопрос Старлинг.

— Мы ищем кротов или признаки присутствия кротов. Я думаю, мы найдем их. Мы пришли сюда без особых затруднений, нам потребовались только решительность и мужество. Другие кроты, раньше нас, тоже могли проделать это. Вопрос в том, как далеко они проникли и, если кто-то из них еще жив, что они нам расскажут. А куда идем?.. Я верю, что здесь тоже существует Камень. Я не ощущаю его, в Вене все слишком запутанно и кроту нелегко почувствовать, куда его ведет Камень. Но я верю, что Камень живет повсюду, значит, в Вене тоже. А там, где он есть, найдутся и кроты. Каждый из нас должен стараться найти мир и тишину.

— В таком месте? — недоверчиво произнес Спиндл, когда тоннель, в котором они укрылись, задрожал от грохота ревущих сов.

— В таком месте, — ответил Триффан.

❦

И они пошли дальше, заботясь друг о друге, как делали это всегда, рядышком, тесной группой, стараясь держаться тени и укрытий, избегая открытых мест. Иногда с бетонных высот на них слетали чайки. Один раз они почуяли запах лисы. Время от времени попадались участки с травой, но она всегда была грязной, испачканной собачьими следами. Однажды они наткнулись на дерево, но его корни были очень близко к поверхности земли, и кроты прошли мимо.

Они двигались как могли быстро, делая четырехчасовые переходы и останавливаясь по команде Триффана отдохнуть. Мэйуид все время прокладывал маршрут, и, не считая одного раза, когда они отклонились к югу и пошли по бетонному тоннелю, все время держали курс на восток. Шли днем и ночью, вперед и вперед, понимая, что с каждым шагом углубляются в Вен и что знакомая открытая местность отдаляется от них все больше, словно они находятся в открытом море и плывут, сами не зная куда, и, может быть, никогда не доберутся до суши.

Это случилось после полудня пятого дня пути, когда они уже начали отчаиваться и думать, что никого не найдут. Тут они впервые увидели признаки пребывания кротов. Ничего особенного, просто дорожка и кучка земли — там, где зарылся

крот. Ходы были старые и пустые, испорченные полевками, но все же это были кротовьи ходы.

Мэйуид хотел двигаться дальше, но Трифан сказал:

— Давайте-ка побыстрее сделаем временные норы и отдохнем. Может быть, завтра мы найдем кротов…

Всю четверку охватило воодушевление. Часом позже, когда опустились сумерки, Трифан поинтересовался, где Мэйуид. Наступление сумерек означало, что в бетонной пустыне, в которой они находились, начнут метаться по воздуху желтые лучи, пересекаясь под острыми углами, скрещиваться и выхватывать из темноты неровности земли, где укрылись кроты. Однако небо было еще светлым, если ярко-фиолетовое небо Вена вообще можно назвать светлым.

— Ушел на разведку, — ответила Трифану Старлинг. — Отправился посмотреть, не найдет ли чего.

Трифан огорчился:

— Здесь очень неспокойное место, зря он ходит один.

Не успел он это сказать, как из темноты послышалось топотание, шлепанье, а потом донесся голос Мэйуида.

— Иди, иди! — говорил он. — Заходи, боязливый господин, застенчивый, нерешительный крот. Иди и познакомься с теми, кто дружен со мной, недостойным.

Однако, кто бы ни был этот крот, он шел к ним явно не спеша. Мэйуиду приходилось непрерывно понукать его, пока остальные наконец не увидели перед собой худого жилистого крота, неохотно следовавшего за Мэйуидом.

— Ну и ну! — воскликнул Трифан.

— Я — самый блестящий, самый умный, самый замечательный, разве не так? — вопрошал Мэйуид. — Этот почтенный крот нашел меня! — объявил он.

Крот уставился на них.

— Бубог! — произнес он очень громко, словно вокруг были глухие.

Четверка посмотрела друг на друга.

— Бубог! — повторил крот еще громче.

— Только это и говорит, — пожаловался Мэйуид.

— Бубог! — заорал крот, с надеждой оглядывая всех по очереди.

Какое-то далекое воспоминание ожило вдруг в Трифане, а потом и в Спиндле, и оба инстинктивно сделали шаг вперед, пока не зная, что сказать.

— Бубог! — проорал еще раз крот, настолько громко, что от огромного усилия его лапы оторвались от земли и он подпрыгнул.

— Он говорит… он говорит…

— Он говорит: «Будьте богаты», — прошептал Триффан, повторяя начальные слова приветствия кротов-летописцев, которые сам он произносил последний раз, здороваясь с Брейвисом в Бакленде.

— Верно! — подтвердил Спиндл. Его усталость — все-таки позади был целый день пути — сменилась восторгом. — Он приветствует нас по всем правилам!

Крот подошел к ним поближе.

— Бубог! — произнес он еще раз.

— О да, — отозвался Триффан. — Будь и ты здоров и невредим! — И его голос звучал проникновенно, когда он произносил древний отклик, который был известен, как он считал, только летописцам.

Однако крот, похоже, не понял его и просто продолжал повторять: «Бубог».

— Буиты… Буиты! — неуверенно откликнулся Спиндл, исказив правильный ответ.

Крот облегченно вздохнул и скомандовал:

— За мной!

— Мы готовы! — сказал Триффан.

Не тратя времени попусту, крот провел их через выкопанную в земле неглубокую яму, презрительно посмотрел на черноголовую чайку, которая, размахивая крыльями и громко крича, спикировала на них, потом добрых полчаса они шли по дорожке на поверхности земли, затем спустились в ходы, каких никто из них еще никогда не видел.

❦

— Сплошной мусор! — заявил в конце концов Спиндл. — Отбросы ревущих сов и двуногих! Вот что это такое!

Только кое-где ходы были прорыты в земле, в основном же они были сооружены из самого разного материала, который кроты видели прошедшими летом и осенью. Все это было расплющено и распластано, разорвано, перемешано и снова спрессовано воедино, так что стенки ходов были кое-где сложены из стекла, а кое-где из «тонкой коры» или из кусков дерева, отчего эти стенки оказывались непривычно прямыми. Впрочем, попадался и ржавый металл. Звуки тоже были непривычными, очень громкими и вибрирующими.

Все посмотрели на Спиндла, а тот улыбался, как это делают кроты, когда они уже нашли решение, которого остальные еще не

знают.

— А я-то удивлялся, почему везде валяется так много всякого добра, ведь хозяевам эти вещи, наверное, нужны. А они, выходит, выброшены. Это место можно назвать помойкой; иначе говоря, это мусор, который крот обычно выбрасывает из норы, когда приходит весна.

Они сделали небольшую остановку, пока их проводник куда-то ходил. Потом он вернулся и, перекрикивая шум, позвал:

— Идемте, познакомьтесь с Кормом.

Свернув за угол, они оказались в зале с очень высоким потолком. Стенами служила согнутая по углам металлическая сетка. Там они увидели жирного грязного крота. Рот у него был набит, и правой задней лапой он подгребал к себе пищу, которая в большом количестве лежала на полу возле него. Похоже, это были овальные оранжевые безногие жуки. Пахло вкусно.

Крот поднял на пришедших маленькие, как у свиньи, глазки и ухмыльнулся, показав зубы, ставшие ярко-желтыми от поедаемых жуков.

— Бубог! — крикнул он дружелюбным тоном. Комочки оранжевой кашицы полетели у него изо рта и попали на мех Триффана и Спиндла.

— Буиты! — наученный горьким опытом, отозвался Триффан, а Спиндл принялся старательно чистить свою шубку.

— Добро пожаловать! Черт меня побери, мы не видели чужих кротов уже… сколько, Мурр? — обратился он к худому кроту, который привел их сюда.

— Достаточно давно, чтобы заметить это, — проговорил Мурр, — но не настолько давно, чтобы забыть! Эти пришли по западному мосту из труб.

Последовало удивленное бормотание, из которого Триффан заключил, что речь шла о неудобном пути по водостоку, которым Мэйуид провел их сегодня утром. Значит, Мурр уже несколько часов наблюдал за ними.

— Правда? Чтоб мне окаменеть! — воскликнул крот, глядя на гостей с явным уважением. — Ну ладно, меня зовут Корм, а с Мурром вы уже познакомились.

Они так громко орали! Триффан покосился на своих товарищей: может, и они начнут так разговаривать, если достаточно долго пробудут в этом постоянном шуме.

Триффан представился, представил и остальных, одного за другим, и в скупых выражениях объяснил причину их появления, упомянув грайков только мимоходом. Он всегда чувствовал себя неловко, не договаривая что-то, но считал разумным поначалу выбирать слова осторожно. Легко могло оказаться, что эти кроты

придерживаются Слова…

— Грайки? Слыхали о них, как же! — с энтузиазмом откликнулся Корм. — Заноза в заду — вот что они такое, если судить по тому, что я слышал. Не признают Камень, верно я говорю?

Трифан и все остальные кивнули, облегченно вздохнув.

— Ну, здесь-то вы в безопасности, потому что едва ли у них хватит упорства, как у вас, чтобы дойти сюда, а помощи они не получат… Сами мы на восток от Вена не ходим. Там опасно — чума, пожары, грайки и все такое прочее.

— Если вы не выходите из Вена, откуда ты знаешь об этом? — спросил Спиндл.

— Вы — не единственные сумасшедшие, добравшиеся до нас, приятель! Особенно с той поры, как начались несчастья. Есть более легкие дороги, чем та, по которой вы пришли. Когда вы завтра двинетесь в обратный путь, Мурр покажет вам. Сам я мало путешествую, как большинство здешних кротов. — Он похлопал себя по большому животу и усмехнулся.

— Мы… э-э… не пойдем завтра, — проговорил Трифан. — Во всяком случае, назад, на запад. Мы пойдем вперед.

— Опять то же самое, Мурр. Я говорил тебе, что на нас нагрянут еще какие-нибудь бесстрашные открыватели новых земель. — Корм поднял глаза вверх, изображая покорность судьбе, сунул в рот еще двух жуков, потом громко рыгнул, распространив вокруг зловоние. Снова похлопав себя по животу, будто для того, чтобы утрамбовать пищу, он опять рыгнул — на сей раз тише. Угомонившись, Корм сказал: — Не говорите… лучше… не… говорите. Вы направляетесь в самое сердце Вена в поисках кротов, которые наставят вас на путь истинный, так, что ли?

Тебе многое известно, — заметил Трифан.

Я знаю массу всякой чепухи, приятель, — отозвался Корм, отпихивая лапой Мурра от остатков пищи и бормоча: — Я еще не закончил. — После чего он пожевал минуту-другую, словно утверждая свое право съесть все, отвернулся, махнул великодушно Мурру, показывая, что тот может приступить к трапезе, и произнес: — Одно я знаю твердо: вы не найдете, что ищете. Тебя убьют, и этих кротов тоже убьют, и никто не станет мудрее. Потеря времени.

— Ты пытался? — спросил Трифан.

— Я? Вот еще! Единственное, ради чего я стал бы рисковать, — это еда, а ее здесь полным-полно. Очень подходящее место для крота, который любит поесть.

— Это сюда двуногие Вена приносят все свои отбросы? —

спросил Спиндл.

— Ох умно, очень умно. Мне потребовалось много времени, чтобы установить это. Но нет, это не так. Наше место — только одно из многих. Их дюжины, сотни, может быть, тысячи. Вен велик, очень велик, он — чертовски а-гро-мад-ный. Потому-то вы никогда не доберетесь до его сердца. Сердца Вена просто не существует. Вы видите перед собой крота, который когда-то был худым. Этот крот, которого вы видите, решил рискнуть и отправился, как вы, к сердцу Вена. Он добрался до этого места и начал есть. С тех пор он не перестает есть. Дальше он не захотел идти. Он нашел свое счастье здесь.

— Дородный и осанистый крот, любитель обильной пищи! Можно Мэйуид, недостойный, но любопытствующий, задаст тебе вопрос?

Когда Мэйуид неожиданно заговорил, глаза у Корма почти вылезли из орбит. Он поднял лапу, повернулся к Трифану и спросил:

— О чем это он?

Трифан усмехнулся и пожал плечами.

— Утробистый пришлец, — произнес Мэйуид, подходя ближе и заглядывая Корму в глаза, — значит, ты ходил отсюда на восток?

— Нет, — ответил Корм, — но я. знаю крота, который ходил.

— Великолепный Мурр? — предположил Мэйуид, расплывшись в самой обаятельной из своих улыбок.

— Не мели чушь, — проговорил Мурр. — По доброй воле я никогда не пойду на восток. Отвратительные дела творятся на востоке.

— Тогда кто же, пухленький Корм, кто этот крот, который ходил на восток?

— Является сюда подкормиться и отправляется восвояси, — зевнул Корм. Разговор требовал усилий, и глазки Корма забегали, словно его мысли начали понемногу возвращаться к предмету, занимавшему большую часть времени, — к пище.

— Итак, пригожий Корм? — приставал Мэйуид, явно забавляясь.

Старлинг захихикала, но только потому, что Корм, похоже, пришел в восторг от мэйуидовских определений и, бормоча, повторял некоторые про себя. Глазки его тем временем наполовину закрылись: он засыпал…

— Пригожий… Пухленький… Что еще?

— Утробистый, — напомнил Мэйуид.

— М-м-м, — промычал Корм, снова похлопал себя по животу и улыбнулся: — Ага, утробистый.

— Ну, голодный Корм? — подначивал Мэйуид.

— Не говорите, что я не предостерегал вас, но в нескольких милях отсюда есть крот, который забирался в Вен дальше, чем кто-либо другой, и жил там, если верить его басням. Этого придурка зовут Рован.

— А почему?.. — начал Спиндл.

Корм нетерпеливо отмахнулся:

— Он расскажет вам, будет очень рад рассказать все. Расспросите его. Он станет отговаривать вас, но, как я вижу, вы не хотите слушать, что говорят другие. Я могу только предложить: пойдите и поболтайте с Рованом. До свидания, желаю успехов. Не забудьте, что я вас предупреждал.

— Мы подождем до утра, если ты не против, — сказал Триффан.

— Если вы собираетесь на восток — против. Мне все равно, но вам этого делать не следует. Отправитесь в путь утром — собаки сожрут вас живьем. Идите сейчас, тогда, может, вам повезет. Они появляются утром. Очень мерзкие твари. Мурр, проводи их!

— Но я никогда не ходил на восток. Не хочу!

— Мурр! — прикрикнул на него Корм.

— Ну ладно, так уж и быть. Жалею, что нашел вас, но отведу.

— Дам вам парочку советов, — проговорил Корм, когда они собрались уходить. — Первый: берегитесь кошек. Стукните их хорошенько когтями по носу — и под землю. Одним укусом они не убивают, не то что собаки. Второй: не обращайте внимания на слезы Рована и скажите ему, что вам некогда, иначе застрянете там до Самой Долгой Ночи.

— Дольше, — пробормотал Мурр.

— Третье: если вы обнаружите что-нибудь интересное, останетесь живы и сможете рассказать об этом, я буду рад видеть вас, мне было бы любопытно.

— А где нам искать тебя? — вежливо спросил Триффан.

— Я не очень-то много двигаюсь, — ответил Корм.

❦

Они шли всю ночь, пока добрались до места. Правда, могли бы двигаться быстрее, если бы Мэйуид время от времени не останавливал Мурра, выясняя направление. Путь был запутанным и пролегал по сложным ходам и дорожкам на поверхности земли, а Мэйуид любил запоминать подобные вещи.

Поэтому они пришли, когда уже рассвело, но никакого крота

нигде не было.

— Он придет, — заверил их Мурр, беспокойно оглядываясь. — Я оставлю вас тут.

Уходя, он стукнул Мэйуида по плечу и проговорил:

— До встречи, дружище Мэйуид!

— «Дружище Мэйуид», — повторил Мэйуид в полном восторге. — Очень смешно, очень забавно, Мэйуиду это нравится! В ответ он произнес: — До встречи, дружище Мурр! — и расхохотался, когда Мурр ушел.

— Замолчи, Мэйуид, — устало попросил Трифан.

С рассветом появились собаки. Тявкая, оставляя следы, принюхиваясь, сопя, волоча за собой двуногих. Тут были участки земли, заросшие травой или залитые бетоном, кое-где высокие бетонные стены, а неподалеку по каналу, вырытому в земле, очень широкому и грязному, текла вода, уходя к северному краю травянистой лужайки, где исчезала, грозно и шумно бурля, в темноте под огромной аркой.

День был пасмурный. Собаки и двуногие приходили и уходили, и отовсюду доносилось рычание невидимых ревущих сов. Потом вдруг послышались сопение, шлепки — и из трещины в бетоне, вблизи которой путешественники нашли укрытие, появился крот и направился прямо к ним. Тяжело отдуваясь, он ввалился в ход и по очереди оглядел всех.

— Приветствую вас, путники, приветствую всех вместе и каждого в отдельности. Рован — вот я кто. А вы?..

Они назвали каждый свое имя, а крот при этом бормотал: «Хорошо! Так! Чудно! Прекрасно!»

Хотя голос его звучал молодо и сам он казался энергичным, это был старый крот, морщинистый и седой. Он, как и Корм, был тучным, пищи ему явно хватало, но вид у него был нездоровый. Он сразу же устроился у самого входа, откуда ему была видна арка, в которой исчезал поток. Рован то и дело бросал туда взгляды, словно ожидая, что в любой момент оттуда может выйти крот. Его внимание было так явно приковано к этой арке, что Трифан, прежде чем заговорить о том, что их интересовало, спросил, не ждет ли он кого-нибудь.

— Они могут появиться в любой момент, с минуты на минуту, — хмуро, с беспокойством ответил Рован. — Да, они вот-вот придут. Во всяком случае, я думаю, что придут.

— Кто? — спросил Спиндл.

— Кроты, которых я некогда знал, — ответил Рован так, что слово «некогда» могло означать только «давным-давно».

— А куда они пошли?

— Туда, где и я был однажды, — проговорил Рован. — Когда-

то. Много лет назад.

В его голосе прозвучали ужасная тоска и печаль, как будто там, под высокой аркой над тоннелем, он оставил большую часть жизни и ждал, что ее ему вернут.

— Как их звали? — мягко спросила Старлинг. Она подошла поближе к Ровану, и он на минуту повернулся к ней, словно только она могла понять, что он собирался им сообщить.

— Хэйз была моей сестрой, а Хит — моим другом. Рассказать вам?

Он опять посмотрел в сторону арки. Голос был неуверенным и дрожащим, будто он не надеялся, что они захотят выслушать его рассказ.

Триффан вспомнил предостережение Корма и оглянулся на остальных. В глазах каждого он увидел сочувствие к старому Ровану и любопытство. Это были глаза кротов, которых он полюбил. Триффан знал, что не существует трех других кротов, в которых он был бы так же уверен, с которыми так же охотно отправился бы в глубь Вена, под арку через тоннель, куда с тоской всматривался Рован.

— Мы все хотим, чтобы ты рассказал, — улыбнувшись, сказал Триффан.

— Правда? — искренне удивился Рован.

— Пожалуйста, расскажите нам, — попросила Старлинг.

— Тоскующий Рован, — заявил Мэйуид, — для присутствующих здесь кротов будет большой честью послушать тебя.

— Нам всем этого хочется, — заверил Рована Спиндл.

— Ладно! — произнес Рован. — Тогда расскажу.

Он устроился поудобнее и поведал, где побывал, как оказался там и почему всегда будет находиться здесь, пока не придет тот, особенный день — а он уверен, что такой день придет, — и кроты, которых он ждет, вернутся обратно из Вена.

Глава вторая

В сыром и ветреном месяце ноябре, когда кроты, потеряв надежду, что хорошая погода когда-нибудь вернется, начинают искать себе убежище, Триффан со своими спутниками оказались наконец на границе самой опасной части Вена, а Алдер и Маррам подошли к последнему этапу своего путешествия в страшный Шибод.

Им немногое было известно о Шибоде, кроме того, что мог сообщить Триффан, вспоминая рассказы о нем родителей, да сведений, которые Алдер и Маррам сумели почерпнуть из разговоров с другими кротами во время своего долгого пути.

Этот путь они проделали, двигаясь равномерно и быстро. Алдер и Маррам никому не называли своих настоящих имен, а то, что они были грайками, естественно, помогало им, так как большая часть систем, по которым они проходили, контролировалась грайками, и гвардейцы без колебаний верили двум своим собратьям. Все знали, что много месяцев назад было начато последнее наступление, и, хотя главные силы уже в Шибоде, Алдеру и Марраму легко удавалось убедить встречных гвардейцев, что их послали из Бакленда, так как у них есть опыт и знания, которые могут пригодиться в бою. Они даже получали помощь на пути к своей цели.

Кое-кто из элдрен проявлял подозрительность, кое-кто из грайков отказывался помогать, однако в целом их продвижение было легким. Осень начала переходить в зиму, но Алдер и Маррам надеялись прибыть на место до снега, зная, что в Шибоде не следует оставаться на поверхности, когда кругом лежит лед и снег, не говоря уже о метелях, которые начинают бушевать в декабре.

— К Самой Долгой Ночи у нас будет жилье, не менее уютное, чем родная нора летом, — частенько повторял Алдер.

Маррам не был столь уверен и, окажись он один, не стал бы проявлять такого упорства, какое выказывал Алдер. Маррам, как и большинство кротов, был способен на великие дела, если им руководили, однако, оставшись в одиночестве, мог вообще ничего не делать.

Теперь трудно сказать, действительно ли Алдер в то время уже обдумывал сражения и военные кампании, которые ему предстояли в будущем и благодаря которым он стал великим полководцем. Некоторые полагали, что путешествие в Шибод он затеял с целью собрать сведения о состоянии дел в кротовьем мире, а это впоследствии должно было сослужить хорошую

службу.

Как бы то ни было, за время их долгого пути Алдер действительно сумел многое узнать и эти знания позже с успехом использовал в войнах кротов Камня.

Пока же он увидел, как сильна повсюду власть грайков и как мудро поступил Триффан, убедив кротов Данктона разбрестись в разные стороны в ожидании, когда последователи Камня снова смогут выйти на свет. Алдер повидал много систем, и всюду незыблемо было подчинение Слову. Властные, энергичные элдрен, покорные кроты — и никакого интереса к Камню. Они вспоминали Камень лишь для того, чтобы возложить на него вину за годы засухи и чумы, видя в Хенбейн и грайках своих спасителей. Самым же тревожным являлось то, что страшные казни, повешения за рыльце и ссылки принято было считать необходимыми для искоренения зла, порожденного верой в Камень, а все творимые грайками ужасы — искуплением перед властью Слова.

Слухи о падении Данктона опережали Алдера и Маррама на их пути, кроме того, их преследовали россказни о трусости кротов Данктона. Алдер и Маррам знали, что это ложь, а потому не поверили самой зловещей сплетне — о пленении Триффана и о его предательстве. И все же подобные разговоры тревожили Алдера и Маррама и могли вызвать сомнения и тревогу, будь их вера менее крепка. Но Алдер в ответ на все слухи только еще сильнее утверждался в решимости организовать борьбу с Хенбейн.

Во время своего путешествия Алдер и Маррам не только изучали сегодняшнее положение дел в различных системах, у них оказалась возможность получить представление о кротовьем мире до падения веры в Камень. Им, выходцам из систем Слова, где о Камне не говорили ровно ничего, не были известны ни ритуалы, ни традиции кротов Камня.

Но Алдер и Маррам были любознательны и, направляясь в Шибод, иногда отклонялись от прямого пути и заходили в места, где, как рассказывал Триффан, некогда кроты отличались глубокой верой в Камень. Там могли сохраниться и Камни, и их отважные последователи. Путешественники понимали: если подобные кроты действительно существуют, в будущем они окажутся очень нужны, и не только из-за своих острых когтей. Но, увы, Алдер и Маррам пока не встречали таких кротов и могли лишь созерцать огромные, всеми покинутые Камни и размышлять, откуда же проистекает их сила.

Алдер всегда вспоминал эпизод в Бакленде, как он встретился с Триффаном и благодаря необъяснимой силе,

исходившей от него, вдруг ясно увидел все зло, которое несло с собой Слово. Алдер вспоминал, как на него потом снизошел покой и даже отчасти Безмолвие, и, хотя он был от природы реалистом, ему захотелось встретиться с кротами — приверженцами веры, научиться этой вере и побольше узнать о Безмолвии.

Странно, но Маррам прекрасно все это понимал, как будто от Алдера исходил свет воспоминаний о Трифане. И действительно, часто, пока Алдер был занят обследованием системы с военной точки зрения, Маррам, внешне казавшийся угрюмым, умудрялся находить Камни и приводил туда Алдера, говоря всем своим видом: «Ко мне это не имеет отношения, но я подумал, что тебе захочется увидеть этот Камень».

Итак, на пути в Шибод они посетили много тайных мест, где стояли Камни, хотя они и были покинутыми, все же кое-где виднелись свежие ходы и другие признаки присутствия кротов. Правда, ни разу ни один не вышел из укрытия приветствовать путников.

— Возле Камней у меня часто появляется ощущение, будто за нами наблюдают, — поделился как-то с Маррамом Алдер.

— Более чем вероятно, но бессмысленно гоняться за тенями: эти кроты, если они есть, привыкли скрываться и уклоняться от встреч.

— Правда, им пришлось этому научиться, чтобы уцелеть при вторжении грайков и дожить до сегодняшнего дня.

После посещения нескольких Камней Алдеру пришла в голову мысль, что они могут попробовать установить контакт с кротами Камня.

— Если бы я был по-настоящему воспитан в духе Камня, как Трифан или Спиндл, — сказал однажды Алдер, — и заметил бы кротов вроде нас с тобой, которые пришли сюда, как ты думаешь, что бы мне хотелось на их месте узнать? Скажу тебе, Маррам: мне бы хотелось получить доказательства того, что пришельцы верят в Камень. Так что отныне, подойдя к Камню, мы будем прикасаться к нему и вообще постараемся выглядеть так, словно мы их единомышленники. Хорошо?

Так они и поступали весь остаток пути: дотрагивались до Камня, приникали надолго к земле, если поблизости не было грайков, то есть вели себя, как последователи Камня.

— Самое странное, Маррам, — заметил как-то в ноябре Алдер, когда они выбрались из Уэльского болота на более высокую местность и поняли, что Шибод близко, — мне нравится прикасаться к Камням, я чувствую себя лучше благодаря этому. В конце концов, в них, может быть, действительно скрыты силы, в

которые верит Триффан.

— Может быть, — помедлив, отозвался Маррам.

Однако, несмотря на явное нежелание обсуждать эту тему, Маррам по-прежнему дотрагивался до каждого Камня, не пропуская ни одного, и, уходя, оглядывался с тоской, особенно если думал, что Алдер этого не видит.

— Ну вот, завтра мы будем в Кэйр Карадоке, в одной из Семи Древних Систем. По словам Триффана, там уже несколько поколений никто не живет. Если Камни и вправду действуют на нас, в Карадоке они подействуют наверняка, — проговорил Маррам.

Так и случилось.

❦

До Кэйр Карадока они добрались, когда выпал первый в том году снег — легкий, пушистый. Холмистая местность вокруг сразу стала выглядеть чище и веселее. Осенью она имела неопрятный вид — увядший папоротник и облетевшие с деревьев листья начинали гнить и затрудняли кротам движение по поверхности земли.

Итак, они пришли в Карадок и решили укрыться среди Камней от пронизывающего ветра.

Оглянувшись по сторонам, понюхав воздух — нет ли поблизости врагов, Алдер и Маррам никого не обнаружили и, помня, что за ними могут наблюдать, выбрали самый красивый Камень. Дрожа и отворачивая рыльца от ветра, они дотронулись до него и приняли позу покорности.

Проделывая это, оба вдруг ощутили присутствие следившего за ними крота и замерли, готовые в любой момент отразить нападение. Незаметным жестом Алдер дал знак Марраму не двигаться с места.

Они ждали довольно долго. Шуршание неподалеку сначала усилилось, потом стихло, словно наблюдавший за ними крот пребывал в нерешительности, а может быть, даже перепугался до смерти. Наконец они снова услышали легкий шорох, а затем кто-то сказал:

— Добро пожаловать в Кэйр Карадок!

Алдер резко обернулся, а Маррам отступил и занял оборонительную позицию.

Крот был старый, проживший, похоже, два полных цикла времен года, и взъерошенный, как будто долго находился на сильном холодном ветру. Он говорил тонким голосом с сильным

местным акцентом. Крот припал к земле перед Алдером и Маррамом и с робостью произнес:

— Я ждал вас! Вы — кроты, которые…

— Ждали нас? — удивился Алдер.

— Знаете, тут о вас ходят разговоры. Говорят, что вы навещаете на своем пути Камни. Но кто вы — шпионы грайков или камнепоклонники, — мы не знаем.

— А теперь знаешь? — спросил Алдер.

Крот нервно засмеялся:

— Думаю и надеюсь — камнепоклонники! Но если вы — шпионы, мы скоро поймем это, и тогда живыми вам отсюда не уйти.

— А кто ты, крот? — проговорил Алдер властным тоном, к которому привык за последнее время. — Твое имя?

— Можете называть меня Карадок. Я охраняю эти Камни с той поры, как умер мой отец. Я — последний крот этой системы, или первый, если наступит прекрасный день.

— Прекрасный день? — повторил Алдер.

— Великий прекрасный день, когда придет Крот Камня. В тот день Карадок возродится.

— Он придет сюда? — усомнился Алдер, оглядывая пустынную местность. — А лучших мест нет, куда бы мог прийти Крот Камня?

— Есть, есть, и я не сомневаюсь, что сначала он посетит их. Но эта система — одна из Семи Древних, и он обязательно сюда придет. Так говорил мой отец, и его отец, и отец его отца говорил это, и отец того — еще раньше. А я? Я верю, что такой день настанет, и надеюсь сам увидеть Крота Камня.

Наступило молчание, и, хотя крот замерз и его рыльце посинело, казалось, он этого не чувствует.

— А куда вы направляетесь, кроты, и зачем? — спросил он. — Я знаю, что вы говорили по дороге, но едва ли это истинная причина.

— А что мы говорили? — поинтересовался Маррам.

— Что вы выполняете особое задание и идете в Шибод. Вы ведь не шпионы грайков? Вы не похожи на шпионов.

— Нет, мы не шпионы, — просто ответил Алдер и понял, что ему поверили. Он понял также, что перед Камнем кроту нелегко солгать, и Карадок прекрасно это знал и потому не отрываясь смотрел в глаза Алдеру.

— Вижу, ты говоришь правду, — произнес Карадок.

— Мы пришли издалека, с востока, наш путь был очень длинным. Мы идем в Шибод, потому что он сопротивляется грайкам, и хотим присоединиться к кротам Шибода и помочь им,

если нам разрешат остаться.

— Откуда же вы? — спросил Карадок.

— А я думал, ты все о нас знаешь! — улыбнулся Алдер.

— Не все, нет-нет. Я услышал о вас в августе, но никто мне не говорил, откуда вы идете.

— Из Данктонского Леса, — сказал Алдер.

Во взгляде Карадока отразилось сомнение.

— У вас северный акцент, — произнес он, — а в Данктоне южный.

— Он же не сказал, что мы там родились, он сказал, что мы идем из Данктона, — вступил в разговор Маррам.

— Это правда? — встрепенулся Карадок, внезапно воодушевившись.

— Конечно правда, — успокоил его Алдер.

— Мы чертовски устали, слишком устали, чтобы дурачить какого-нибудь крота, — сказал Маррам.

— Но?.. — начал Карадок, которому от избытка чувств хотелось задать столько вопросов, что он просто потерял дар речи.

— Ты поверил нам, крот, а мы доверимся тебе и расскажем, кто мы и что намерены делать, — проговорил Алдер. — Как знать, вдруг ты сможешь нам помочь! Нас послал в Шибод из Данктона крот по имени Триффан.

— Триффан! — воскликнул Карадок. — Что я слышу!

— Да, нас послал Триффан, — подтвердил Маррам.

— Мы должны многое сообщить кротам Шибода и о многом расспросить их, — продолжил Алдер. — Сейчас они противостоят грайкам в одиночку и ведут себя храбро. Но грайки становятся сильнее. Мы знаем, как надо сражаться, знаем кое-что о грайках, знаем многое, что может пригодиться кротам Шибода. От Триффана мы несем послание и приветствие Камню. Триффан — наш вожак, а мы — его послы.

— Какое послание вы несете? — спросил Карадок.

Алдер поднял глаза на Камни, стоявшие вокруг, на покрытые пятнами снега холмы за ними и произнес:

— Хотя сейчас на кротовий мир опустилась ночь, повсюду правят грайки и они сильны, все же свет вернется, а с ним все кроты услышат другой звук, не тот, что издают черные когти.

— И что это будет за звук? — прошептал Карадок.

— Безмолвие Камня, — проговорил Алдер.

Глаза Карадока наполнились слезами. Никто из троих не чувствовал сильного холодного ветра.

— Хоть мы и пришли от Триффана, но сами мало знаем о Камне, — признался Алдер. — Мы хотели бы узнать больше. По

пути сюда мы посещали все Камни и чувствовали, что за нами наблюдают, но ты первый, кто вышел и заговорил. Так просвети нас, крот.

— Самое большее, что может сделать крот, — это открыть свою душу, — вздохнул Карадок, — А это нелегко. Но я расскажу вам, как оказался здесь и почему вышел наверх спросить вас, кто вы…

Много лет назад два крота пришли сюда так же, как вы. Это было до того, как я родился, да, наверное, и до того, как родились вы. Их звали… ну, я уверен, вы знаете их имена. Их звали Брекен и Босвелл. Один был из Данктона, другой из Аффингтона. Они пришли сюда в Самую Долгую Ночь и молились у Камня, а один крот следил за ними, как я за вами. Этим кротом был мой отец.

Он был робок, мой отец, но искренне верил с детства. Потому-то каждую Самую Долгую Ночь он выходил на поверхность, на это покинутое всеми место, и произносил священные слова, которым его научили старые кроты. В ту ночь он тоже вышел наверх. Отец очень боялся, что путники побьют его. Понимаете, он слишком долго был одинок в своей вере.

Поэтому он просто смотрел и слушал, что говорил Босвелл, когда молился у Камня. Потом отец рассказывал мне, как потрясла его красивая и необычная молитва Босвелла. Спустя короткое время отец перестал бояться незнакомцев.

— Он приветствовал их? — спросил Алдер.

Карадок покачал головой и опустил рыльце, словно ему было стыдно:

— Понимаете, он чувствовал, что недостоин. Ощущал собственное ничтожество. Чувствовал стыд за свою систему. Он понимал, что этот крот Босвелл — особенный, совершенно особенный. Хотя красотой он не отличался. Одна лапа у него была сухая, и он хромал — но мой отец не решился выйти к нему.

Потом, когда они ушли, отцу сказали, кто это был. Как они отправились в Шибод, как потом пришла Ребекка, — отец обо всем этом слышал. Здешние кроты знают эту историю очень хорошо. Да, многие говорят, что это было начало пришествия Крота Камня. Многие верят в это.

Ну вот, после этой Самой Долгой Ночи мой отец изменился. Когда пришла весна, он нашел себе подругу, хотя это было нелегко для такого застенчивого крота, как он. Это была моя мать. А из трех родившихся малышей он передал свою веру только мне, потому что я оказался самым робким из трех — таким, как он! — Карадок засмеялся, вспомнив свое детство. — Так вот, я должен был продолжить его дело. Он рассказал мне все, что знал сам. Отец всегда сожалел только об одном: у него не

хватило смелости заговорить с Босвеллом и попросить благословения. Он твердил мне: «Смотри, парень, когда сюда придут кроты, тебе будет страшно, но не повтори ошибку, которую сделал я. Доверься Камню и поздоровайся. Обещаешь?» И я обещал.

— Значит, когда мы сегодня пришли, ты поступил так, как обещал отцу, — проговорил Алдер.

— Да, — согласился Карадок, — и я рад, хотя должен признаться, что, когда неожиданно появляются два таких больших крота, как вы, такого свирепого вида и с такими острыми когтями, это изрядное потрясение. Вы не такие большие, как кроты Шибода, но все-таки! Вам будет нужна помощь, чтобы попасть в Шибод. Сейчас все восточные и северные части, где есть удобные подходы, заняты грайками. Даже если вы проникнете в ходы Шибода, вам нелегко будет найти кротов, которые вам нужны.

— Ты поможешь нам? — спросил Алдер.

— Помогу! — взволнованно отозвался Карадок. — Я провожу вас до Кэпел Гармона, это рядом с Шибодом. Там я отыщу кротов, которые отведут вас туда, куда вам надо. Я знаю, вас послал Камень, я знаю это!

— Откуда ты знаешь? — спросил Алдер.

— Потому что такие кроты, как вы, очень нужны сейчас. Как вы думаете, почему я сегодня оказался у Камня? Я пришел молиться. Я пришел просить помощи.

— А почему такие, как мы, нужны именно сейчас? — поинтересовался Маррам.

— Потому что Шибод уже почти не Шибод. Кроты Шибода устали, пали духом и, можно сказать, разгромлены. Многие бежали, многие подчинились грайкам. Кроты Шибода смелые, не спорю. Они хорошие бойцы, не спорю. Но они слишком долго были в одиночестве и мало что могут противопоставить грайкам. Вот разве что Камень… в общем, я подумал, если я приду к Камню и попрошу его о помощи…

— Пока существует хотя бы один крот, готовый встать в боевую позицию и сражаться, грайки могут быть разбиты, — произнес Алдер.

— Тогда пойдемте со мной, Алдер и Маррам, пойдемте прямо сейчас, потому что кроты должны вас услышать, им нужно показать, как вставать в боевую позицию. Вам не придется стыдиться, когда эти кроты будут сражаться рядом с вами.

— Так веди нас к ним, — заключил Алдер, и они двинулись на северо-запад, в сторону Шибода.

Последняя часть пути к границе Шибода пролегала по дикой горной местности и заняла несколько недель.

— Быстрее было бы идти по речным долинам, как когда-то Брекен и Босвелл, но теперь там распоряжаются грайки, поэтому рисковать не стоит, — объяснил Карадок. — И лучше, чтобы о вашем приходе не подозревали ни грайки, ни кое-кто из кротов Шибода.

Наверное, у Алдера был очень удивленный вид, потому что Карадок добавил, словно поверяя тайну:

— У нас есть предатели и трусы. Видите ли, осада грайков сломила многих кротов Шибода, и они согласны доносить о том, что происходит в системе, в обмен на обещание не трогать их самих. Пока что грайки не приняли этого предложения.

— И не примут, — заявил Алдер. — Их обычный метод — нагнать страха заранее, запугать до смерти — тогда кроты начинают сдаваться без борьбы и лезут из кожи вон, донося на товарищей, выслуживаясь перед Словом.

— Таким теперь и стал Шибод, — грустно подтвердил Карадок, — и мне говорили, что там нынче все подозревают друг друга. Никто никому не верит. Но у нас, кротов Камня, есть свои способы узнавать, кто остался верен, и, если нам удастся дойти до Гармона, я смогу свести вас с верными кротами.

Однако в данный момент все упиралось в «если». Погода ухудшилась, что в Северном Уэльсе означает «стала из плохой очень плохой». Бесшумный легкий снегопад, который придавал пейзажу в Карадоке спокойный, хоть и холодный вид, сменился воем пронизывающего ветра. Мокрый снег и дождь слепили кротов, лишали мужества. Алдер и Маррам надеялись вскоре увидеть Шибод, но их ждало разочарование.

— Мы уже близко от Шибода? — время от времени спрашивали они у Карадока.

— Недалеко, — отвечал Карадок. — Вам, конечно, очень хочется увидеть его, но это зрелище потрясает душу. Шибод — не место для обыкновенного крота.

— А когда ты был там последний раз? — спросил Маррам.

— Я? Я не был там никогда. И никогда не буду. Меня предостерегал от этого еще отец.

— А что он знал о Шиботе?

— Мой отец? Ничего. Его предостерегал его отец.

Алдер от души расхохотался:

— Там должно быть и вправду страшно, если кроты живут так близко и ни разу не решились прогуляться туда!

— Да, страшно, — проговорил Карадок. — Да и кроты Шибода тоже страшные. Понимаете, такое уж что место. Оно странно действует на крота. Делает его серьезным, бдительным, осторожным, всегда готовым к нападению. Кротам Шибода не хватает, чтобы кто-нибудь их погладил.

— Погладил?

— Как обидчивую кротиху, которой нужно, чтобы ее приласкали.

— Ну, это не так уж плохо — вспыльчивость и обидчивость. Может, именно эти качества необходимы для сопротивления грайкам. Но достаточно ли этого, чтобы разгромить их, — другое дело. Слушай, а правда, что в Шибоде не говорят на кротовьем языке?

— Они говорят на языке Шибода. Но не беспокойтесь, когда хотят, они умеют говорить и на кротовьем языке, во всяком случае большинство умеет, кроме тех, кто предпочитает прятаться в холмах и никогда не показываться.

Путники начали спускаться по склону, через овечьи выгоны, по дорожкам, судя по всему, хорошо известным Карадоку. Вокруг мало что происходило, только грачи и вороны ссорились над трупами павших овец. Иногда к ним присоединялись чайки. Однако когда ветер усиливался, даже эта жизнь замирала. Птицы сбивались в кучи на каком-нибудь низком, укрытом от ветра утесе, и вскоре все вокруг оказывалось усеяно их ярко-белым пометом. А еще Алдер приметил какие-то темно-синие ягоды.

— Темно-синие ягоды — это черника, — пояснил Карадок. — Годится в пищу для кротов на земле, бедной червяками. Падаль тоже годится, если рискнешь, не побоишься грачей. Нужно прорыть тоннель и подбираться снизу. Пытка для нервов.

Алдер оглянулся на Маррама и ухмыльнулся. В этих местах кроту трудно выжить, и следовало прислушаться к аборигенам.

Небо оставалось по-прежнему низким и серым, когда через грязное поле они вышли к месту скопления таких невзрачных Камней, каких Алдеру с Маррамом ни разу не приходилось видеть на всем своем долгом пути.

— Кэпел Гармон, — объявил Карадок. — Одно из мест, совсем забытых природой. Однако здесь есть Камни — значит, в прошлом были и кроты. Сейчас здесь никто не живет, но мы, бродячие кроты Камня, пользуемся им как безопасным местом встреч.

Они огляделись вокруг, сгрудились, пытаясь согреться, посмотрели на Камни, а потом нашли для себя убежище в большой пустой норе, куда привел их Карадок.

— Иногда мне кажется — здесь совершилось что-то плохое и

дух Камней покинул эти места. Может, здешние кроты умерли от чумы, одинокие и брошенные. Кто знает? Даже грайки, побывав здесь один раз, больше не появляются. Лишь немногие кроты Шибода знают о нем и приходят сюда, если хотят установить связь с внешним миром.

— Значит, Шибод близко? — спросил Алдер, посмотрев на запад, где за Камнями стлался туман и низко нависали облака, закрывая панораму.

— Пять дней ходу или около того. Ну вот, теперь мне надо отправить послание, и это займет день или два. А потом придет крот или несколько кротов — забрать вас. Это может занять еще день-два, так что придется вам тут посидеть. Только не заблудитесь, пока меня не будет.

— Шутишь, приятель, — произнес Маррам. — Мы рады отдохнуть.

❦

Карадок вернулся только через пять дней и привел с собой нескольких кротов. Все, как и он, тощие и лохматые. По правде говоря, они выглядели так, словно ужасно замерзли еще при рождении и после этого никак не могли отогреться. Исключение составлял один большой молчаливый крот, который держался позади всех и молчал.

— Крот из Шибода в пути, он придет скоро, как только сможет, — сказал Карадок, — а пока… — Он как будто извинялся. — Эти кроты хотели посмотреть на вас. Расскажите им то, что рассказали мне. — И добавил шепотом: — Не бойтесь того, большого, сзади. Его зовут Тредфах, я потом расскажу вам о нем.

— Им можно доверять? — с сомнением спросил Алдер, глядя на эту компанию жалких, наводящих грусть кротов.

— Они поклянутся! — с чувством ответил Карадок. — Они все прикоснутся к Камню. — Он кивнул собравшимся в кружок кротам, молча смотревшим на Алдера и Маррама, и они стали по очереди подходить к ближайшему Камню, класть на него лапу и, глядя на остальных, произносить:

— Пусть отсохнет эта лапа и умрет это сердце в тот день, когда я нарушу клятву Камню. Я всей душой жажду пришествия Крота Камня, и это истинная правда! Клянусь!

Один за другим повторяли они эти слова, и, хоть выглядели кроты жалкими и несчастными и было ясно, что некоторые просто голодны, произнеся клятву, они оживали, в их глазах

появлялась не только вера, но и гордость. Последнее «Клянусь» они произносили все вместе, хором, и выглядело все это очень внушительно. Потом они выжидательно уставились на Алдера и Маррама, и Карадок прошептал:

— Теперь должны поклясться вы, и тогда они тоже поверят вам.

Глядя на последователей Камня, оба крота поклялись:

— Пусть отсохнут лапы и умрут сердца, но Крот Камня придет!

Когда ритуал был закончен, Алдер поговорил с кротами, рассказал им о последних событиях в Данктоне, об уходе кротов, о Триффане. Ему задали множество вопросов о грайках, о Хенбейн, о Верне. Но большинству хотелось знать, что говорил Триффан о Кроте Камня.

— Скоро он придет? — спрашивали одни с горящими глазами.

— Он убьет грайков и отведет нас обратно в долины, где мы когда-то жили, правда ведь? — вопрошали другие.

— Это будет раньше, чем пройдет весь цикл времен года, да? — интересовались третьи.

Алдер отвечал:

— Я не знаю, когда, как и куда придет Крот Камня. Сейчас все кроты жаждут его появления, и я верю, что Триффан узнает об этом в Вене. Все надеются на приход Крота Камня, и, когда настанет время, он явится. А мы пока должны верить и быть мужественными. Я думаю, это еще не конец Шибода. Уверен, что грайков можно задержать, потому что в Данктоне мы задержали их, по крайней мере на время. Я полагаю, их можно победить, и первая великая победа будет здесь, в Шиборде. А вы, смелые кроты, покинувшие долины и оставшиеся верными Камню, — ваш час придет. Держитесь друг друга, прислушивайтесь, наберитесь терпения, верьте в будущее, как вы верите друг другу, и верьте Марраму и мне, хоть вы нас почти не знаете. Сейчас здесь долгая зима, но если у нас не хватит сил и веры пережить ее, тогда чем поможет нам Крот Камня? Это время великих испытаний. Крот Камня явится тем, кто достоин его, он придет в системы, где кроты, пусть очень тихо, все же говорят, что в один прекрасный день они услышат Безмолвие — великий дар Камня. Таково послание Триффана к вам.

После этой речи кроты еще долго, далеко за полночь, беседовали с Алдером и Маррамом, говорили о своих надеждах и страхах и обещали поддержку делу Триффана. Один за другим кроты повторяли, что, хоть у них мало сил и умения сражаться, они готовы отдать свою жизнь, если Триффан или Алдер

потребуют этого, так как знают, что в один прекрасный день — да! в один прекрасный день! — придет Крот Камня.

Эта встреча известна как Конклав в Кэпел Гармоне. Кроты говорят о ней с уважением и почтительностью и всегда рады заявить о своем родстве с храбрецами из осажденного Шибода, участниками встречи с Алдером и Маррамом. Давайте назовем их имена, чтобы они навеки остались в памяти кротов: Карадок, Клун, Минидд, Кумифор, Мэйнод, Ститт из Ратлингхоупа, Вентнор из Майнда и близнецы из Пентра — Гэлри и Лаймор. И наконец, три крота с Южных Болот — Блен-кум, Доур и Тредфах из Тин-и-Бедва.

Из этих двенадцати кротов лишь один впоследствии отправится в путь с Алдером — Тредфах из Тин-и-Бедва, которого Алдер впервые увидел, когда кроты пришли к нему в Гармон. Тредфах возвышался над остальными, как дуб над низкорослыми деревьями. Алдер и. Маррам тогда же поняли, что другие кроты считаются с мнением Тредфаха, причем не то что покорно соглашаются, а прислушиваются к нему.

— Тредфах проделал длинный путь, с юга в Шибод, — объяснил Карадок, — и, хотя он больше молчит, я знаю, он страстно жаждет пришествия Крота Камня, сильнее, чем кто-либо другой. Он редко говорит, но кроты любят его и верят ему, и он спас от грайков не одну жизнь.

Из присутствующих только Тредфах давал клятву Камню на другом, не кротовьем языке — глухом, гортанном. Он почти касался рыльцем Камня, словно плохо видел, но глубоко чувствовал.

При расставании он высказал мнение многих:

— Мы ждали вас долго и теперь будем ждать вашего возвращения из Шибода. Каждый из нас охотно пошел бы туда с вами, но лучше, если сначала пойдете только вы двое. Мы будем готовы откликнуться на ваш призыв, когда бы нас ни позвали. Клянемся!

И все криками поддержали его.

На этой встрече зародилось великое воинство кротов, которое Алдер мечтал когда-нибудь возглавить. Впоследствии в этой армии каждый нашел для себя место. Всем должно было хватить терпения пережить ночь, опустившуюся на последователей Камня, пережить ее до самого горького конца и не потерять веры, чтобы, когда стихнет последняя буря и над кротовьим миром снова забрезжит свет, у них достало сил сражаться за него. Когда наступил серый рассвет, гости с юга молча ушли дожидаться сигнала Алдера.

Несколько часов спустя появился весьма крепкого сложения

крот. Рыльце его было точно вытесано из камня, и он все время щурился, словно прикрывал глаза от ветра, даже в надежном укрытии, под землей.

Крота звали Кум, он попросил извинения за задержку, объяснив ее трудной дорогой. Еще раз извинившись, он спросил, не согласятся ли они для верности принести клятву Камню. Что Алдер с Маррамом достаточно охотно проделали.

— А теперь — ты, — потребовал Алдер.

Кум монотонно произнес слова клятвы, а «Клянусь!» выкрикнул так, что слово это прозвучало одновременно проклятием грайкам и прославлением грядущего лучшего мира.

— А теперь слушайте хорошенько. Я уже знаю вашу историю от тех» кто провел здесь ночь. Я встретил их сегодня утром на пути сюда. Сам Тредфах сказал, что я могу доверять вам, этого для меня достаточно. Я возьму вас с собой в Шибод, но предупреждаю: это будет трудное путешествие.

— Это далеко? — спросил Маррам.

— Нет, недалеко, если измерять взглядом, да еще в такой день, когда небо без туч. Но чтобы дойти, требуются истинные мужество и вера, а потому для большинства это оказывается слишком далеко. Давайте рассудим. Обычно путь занимает пять дней, но нам нужно пройти его за три, чтобы успеть до морозов, а они уже вот-вот грянут. — Он говорил быстро, отрывисто и оценивающе поглядывал на Алдера и Маррама, как будто прикидывал, хватит ли у них сил на такое путешествие.

— Мы готовы! — ответил Алдер.

— Дорога, которой я поведу, проходит прямо через линии грайков, так что если я скажу «не разговаривать» — выполняйте, понятно? Ни слова. Но это легкая часть пути. Потом мы пойдем в горы, будет холодно и голодно. Сообщаю обо всех трудностях заранее, чтобы вы были к ним готовы и не жаловались. В конце вы поедите — не много, но поедите.

На прощание Карадок сказал, что, если понадобится, он всегда готов помочь и что он будет ждать их, сколько бы времени это ни заняло, либо в Гармоне, либо в Кэйр Карадоке.

— Да прибудет с тобой Камень, крот! — произнес Алдер.

— И с тобой! — громко ответил Карадок. Вместо робкого крота, каким он являлся всего несколько дней назад, перед Алдером стоял гордый и решительный Карадок. Таково было воздействие Алдера на кротов — отличительный признак настоящего вожака.

Как ни молчалив был Кум, как сжато ни выражал он свои мысли, все же за три дня совместного пути Алдер и Маррам многое узнали от него о современной истории Шибода.

Грайки впервые появились здесь целый цикл времен года назад. Они неуклонно продвигались вверх по долинам. Первая ошибка кротов Шибода была в том, что они не обратили на грайков никакого внимания и позволили занять позиции в долинах, откуда время от времени устраивали набеги. Но им удалось не только это: понемногу они отвратили от веры некоторых кротов; с теми же, кто сопротивлялся, грайки жестоко расправлялись.

Только когда несколько смельчаков-беглецов обратились в Шибод за помощью, кроты Шибода вышли из своих горных укрепленных ходов и напали на грайков. Однако это были разрозненные атаки, и, хотя был одержан ряд побед, изгнать чужаков не удалось. Более того, когда с приходом лета кроты Шибода переселились в горы и оставили без присмотра расположенные внизу ходы и богатую червяками долину Нантгврида, грайки начали методично занимать их. Эта ошибка впоследствии привела к большому ослаблению Шибода. Пришла зима, а они уже не могли спуститься на богатые червяками земли и оказались заперты в горных ходах, где пищи было очень мало.

Даже тогда кроты Шибода могли бы еще вернуть свою территорию, так как грайки были малочисленны, рассеяны и нуждались в подкреплении. И опять — атаки кротов Шибода были смелыми, но осуществлялись безо всякой системы, не были скоординированы — и момент оказался упущен.

Кум не стал подробно рассказывать о последовавшем за этим смятении. Много молодых кротов Шибода погибло в сражениях, старые начали умирать от недоедания, а кое-кто бежал в грязный Ффестиниог — место, где кругом сине-серый сланец, где вечно царит холодный сырой мрак, который высасывает силу из крота — и он умирает молодым.

— Значит, когда на юге говорят о смелом сопротивлении Шибода — это не совсем верно? — проговорил Алдер. — Скорее, грайки не рискнули пробиваться к самому сердцу Шибода и его легендарным Камням потому, что у них не было достаточно для этого сил?

Кум согласился. «Лето принесло кротам Шибода короткую передышку, они смогли отвести юное поколение повыше в горы и хоть немного восстановить силы.

— Но теперь зима снова на пороге, а грайки закрепились в долинах. К ним пришло подкрепление, а у нас опять не хватает пищи, и многие считают, что лучший выход — уступить грайкам

и жить надеждой со временем вернуть утраченное.

— А ты, Кум, что думаешь ты?

— Я буду сражаться с этими выродками не на жизнь, а на смерть, понятно? А если потребуется — и сверх того.

— Много таких, как ты?

— Достаточно.

— Кто ваш вожак?

— Я думал, Карадок рассказал вам, — ответил Кум. — Его зовут Глиддер. Вы что, кроты, не знаете его?

Алдер и Маррам покачали головами. Кум, судя по всему, был очень удивлен:

— Я думал…

— Да? — произнес Алдер.

— Тогда пусть он скажет это сам!

На третий день они спустились в долину, лежавшую слева, и перешли Нантгврид по мосту, построенному двуногими. По ряду признаков поля были заняты грайками, но путники сумели, молча следуя за Кумом, пробежать незамеченными через линии захватчиков. Справа от них долина резко уходила вверх, и Кум объяснил, что именно там находится их главная система.

— Даже если тучи разойдутся, нашего Шибода отсюда не увидите: горы, окружающие долину, настолько круты, что загораживают его. Тоннели начинаются здесь и уходят вверх, но, поскольку они заняты грайками, мы пойдем западнее, вдоль реки, и проникнем в главную систему необычным способом, с северного конца.

Погода по-прежнему была плохой, недвижно висели низкие тучи, дул пронизывающий ветер, сыпал мокрый снег. И все же, когда они перешли реку и стали взбираться наверх, им было тепло: движение не позволяло замерзнуть, а Кум прекрасно знал местность и находил для отдыха хорошие временные норы, хотя земля была сырой.

На рассвете снова начали подъем к серым горам. Ветер стал заметно холоднее, морозное небо светилось, что предвещало новый снегопад. Под ними среди деревьев змеилась река, которую они перешли. На севере облака расступились, и Алдер с Маррамом впервые увидели горы, отделявшие Шибод от моря. Это были огромные скалы, серые, покрытые пятнами первого снега, и продуваемые всеми ветрами вересковые пустоши, каких они никогда раньше не видели. Место, грозившее кроту смертью.

Тут и там вздымались высокие пики.

— Это Карнедду, — пояснил Кум. — Кроты там не живут.

Алдер и Маррам, посмотрев на вершины, увидели, как быстро плывут облака, открывая здесь — обрывистый склон, там —

голую осыпь, а за всем этим — непроходимые горные кряжи.

— Вам они кажутся страшными? Вы еще не видели Шибода! — со смехом проговорил Кум, повернулся и повел их к выходу из долины, а потом к северным склонам системы, к земле, за которую он согласен был умереть.

❦

Сначала на них обрушился ветер, грозя смести с окутанных туманом склонов, затем стало невыносимо холодно. Потом их охватил страх перед неминуемой, казалось, гибелью: они погрузились в плотный серый туман, который ложился на невидимые скалы, заставляя кротов снова и снова подымать головы и тщетно вглядываться в скрытые от взора вершины.

Они шли сосновым лесом, по мертвой бесплодной земле. Между клочками травы и корнями виднелись замерзшие грязные лужи. Над головами кротов беспокойно шумели раскачиваемые ветром деревья. В таком месте крот начинает дрожать и невольно двигается быстрее. Вскоре они выбрались из чащи и двинулись по дорожке, которая вилась по склону. Слева тянулся лес, справа стремительно несся поток. Сначала попадались сухие деревья, потом и они пропали, и кроты начали подниматься по пустынному, покрытому только вереском склону.

— Червяков здесь не найдешь, — проговорил Алдер, когда Маррам стал беспокойно озираться по сторонам.

— Пища тут есть, если знаешь, где искать, и ходы тоже, они ведут вверх. Вы таких раньше не видели.

— Мы обещали беспрекословно следовать за тобой, так и будет. Но где же этот Глиддер и другие кроты Шибода?

— Глиддер найдет нас, не беспокойтесь.

Туман над ними сгустился и опустился ниже. Справа, за потоком, земля круто уходила вниз, оттуда дул ветер, и в его вихрях кружился туман. Все вокруг было серым. Только папоротник ярким пятном выделялся на этом фоне, коричнево-золотой, но мертвый.

Они взбирались все выше, ветер постоянно менялся, он нес с собой колючие крупинки снега, но земля по-прежнему оставалась голой, бесснежной.

— Мне здесь не нравится, — оглядываясь, проворчал Маррам, понимая, что на них могут напасть с любой стороны, а они заметят противника только совсем рядом.

— Мне тоже, — согласился Алдер, — но у нас нет выбора. Держись ко мне поближе и верь, что Камень ведет правильно.

— Смотри! — внезапно воскликнул Маррам, указывая когтем перед собой, будто увидел что-то страшное. — Мне показалось… Алдер, там было темное, громадное…

Но что бы это ни было, видение исчезло: туман поглотил его. Они пошли быстрее, подгоняемые холодом, с каждой минутой все сильнее ощущая усталость. Однако ни тот ни другой не жаловались.

Потом Кум остановился, хотя ни Алдер, ни Маррам не поняли почему. Вокруг не было видно ни дорожки, ни чего-либо вообще.

— Туман скоро рассеется, — произнес Кум.

— А мне кажется, он сгущается, — заворчал Маррам. Мех кротов намок от тумана и снежной крупы.

— В этих местах либо ты научишься разгадывать причуды тумана, либо умрешь молодым, — мрачно отозвался Кум. — Он станет уходить на север.

Они посмотрели вниз.

И действительно, туман медленно, почти незаметно, стал рассеиваться. Не рядом с ними, а далеко, на другом конце долины. Они скорее почувствовали, чем увидели, как над пеленой на дне долины неожиданно возник узкий просвет, который быстро расширялся; небо прояснилось, и открылся удивительный вид.

Вдали засияло солнце и осветило пики, вздымавшиеся на горизонте, кроме одного, в стороне от остальных. Его нижняя половина оставалась скрытой от глаз. Однако были ясно видны два более близких пика и третий чуть дальше.

— Как они называются? — спросил Алдер.

— Самый дальний находится в Карнедду, это Карнедду Даффид, или просто Даффид. Два ближайших — Глиддер Фавр слева и Глиддер Фах справа.

— Глиддер! — повторил Алдер. — Ведь это имя вожака Шибода!

Почти весь туман рассеялся, и стал виден Шибод, вздымавшийся над ними, пугающий, величественный. Его темные отвесные каменистые скалы казались неприступными. Облака теснились у его вершин, время от времени закрывая собой пики.

— Это и есть Шибод, — почтительно заметил Кум.

Алдер снова посмотрел на вершины, названия которых начал было перечислять Кум. Из долины по-прежнему поднимался туман, но значительно менее плотный. Он клубился на земле перед кротами, тут погуще, там пореже, а в нем двигались фигуры — темные, грозные, не разобрать — то ли овцы, то ли кроты. Никто не произнес ни слова. Дико бушевал ветер, и в

горах, и в долине, а над всем этим вздымались четыре огромных пика.

Кум молчал. Маррам подошел поближе к Алдеру, и оба заняли боевую позицию, так как фигуры в тумане приближались. Они поднимались по склону, двигаясь к ним, — три огромные зловещие фигуры. Кроты.

Потом Алдер и Маррам увидели перед собой трех громадных кротов, двоих слева, третьего чуть в стороне, на небольшом расстоянии. Кроты выпрямились и замерли, повторяя очертания вершин за своими спинами, а в промежутке между кротами высился укутанный облаками пик.

Алдер догадался, кто к ним пришел.

— Кроты из Данктона, — представил их Кум, и Алдер и Маррам вежливо опустили рыльца к земле.

— Меня зовут Даффид, — проговорил самый крупный крот, за спиной которого высился Карнедду Даффид.

— Меня — Фах, — басом произнес второй.

— Меня — Глиддер, — сказал последний, за спиной которого был Глиддер Фавр. — Добро пожаловать к нам. — Он говорил медленно глубоким, властным голосом. Все трое были чем-то странно похожи. Причем не только похожи один на другого, но и, как показалось Алдеру, похожи на знакомого ему крота — тоже крупного, темного, властного, но гораздо моложе.

— Кроты, вы знаете, кто мы, не так ли? — спросил Глиддер.

Алдер не мог произнести ни слова. Имена вышедших из тумана кротов повторяли названия вершин за их спинами, и сами кроты казались ему такими знакомыми.

Пока он пристально вглядывался в них, облака окончательно разошлись и открыли последний пик — темно-серый, уходящий в самое небо. Только один этот пик не был освещен солнцем. Он гордо возвышался, темный, зловещий.

Глиддер проследил за взглядом Алдера и полуобернулся в ту сторону.

— Это Триффан, — произнес он. — Триффан там, где стоят Камни, которые мы, кроты Шибода, рождены защищать. Да, кроты, это Триффан.

Вершина Триффан возвышалась как раз в промежутке между Даффидом и Фахом. Тогда Алдер понял, кто эти кроты. Догадаться было нетрудно. Разве не рассказывал ему Триффан, как его мать в Шиборде родила малышей на этих самых склонах?

— Ты знаешь, кто мы? — повторил Глиддер.

— Вы рождены Ребеккой, — проговорил Алдер. — Вы — сводные братья Триффана из Данктона.

— Верно, — сказали они.

— А четвертый — ведь был четвертый? — спросил Алдер.

— Камень взял его в юности. Он был больше нас всех и сильнее, и он оставил нам свою любовь, — ответил Фах.

— А как его звали? — прошептал Алдер.

— Наша мать назвала его И Виддфа — так называли орлов, некогда летавших здесь. Но он умер, спасая нас. Об этом мы вам еще расскажем. Но когда мы впервые услышали о Триффане, его деяниях и откуда он пришел, мы поняли, кто он и в чем его предназначение. Мы поняли, что это наш младший брат.

— Мы были твердо уверены в этом, — подтвердил Даффид.

— А что ему предстоит сделать? — спросил Маррам.

— Триффан подготовит кротовий мир к будущему пришествию! Он понесет на своих плечах Безмолвие Камня, подобно тому как великая гора, именем которой он назван, несет на себе Камни. Мы трое и наша система охраняем эти Камни. Однако Триффану потребуется помощь. Ни один крот не может в одиночку выполнить такую задачу. Мы мечтали, что он придет сам. Но он послал вместо себя другого, и этот другой должен научить нас, что мы должны делать.

— Я должен научить вас? — смущенно переспросил Алдер.

— Ты! — подтвердил Глиддер.

— А где же остальные кроты Шибода? — спросил тогда Алдер.

— Мы покажем тебе.

И они провели Алдера и Маррама еще немного вверх, пока не добрались до огромного сводчатого тоннеля, пробитого двуногими в горной породе.

Алдер оглянулся у входа — уже снова начали клубиться тучи. Сначала они скрыли одну вершину, потом следующую. И вот только Триффан остался чист, только он был освещен солнцем. Потом набежали темные облака, Триффан исчез, и Алдер словно ощутил потерю.

— Иди сюда, крот! — позвал его голос из глубины хода. — Шибод хочет приветствовать тебя!

И вздрогнув от холода, Алдер стал спускаться под землю.

Глава третья

Трифан, Спиндл, Мэйуид и Старлинг вступили в последний этап своего путешествия в Вен, не пошевелив и лапой: они просто слушали рассказ старого Рована о том, как он оказался у этого вонючего хода, который вел на восток, и кого он здесь ждал.

— Как-то летом, больше четырех Самых Долгих Ночей назад, мы пришли сюда втроем. Я был тогда еще подростком. Мы все родились в Икэнхеме, он расположен к западу от жилища толстяка Корма. Икэнхем был некогда прекрасной системой, но за несколько лет до моего рождения двуногие построили шоссе ревущих сов, и система оказалась разрушенной.

То лето выдалось жарким, и мой друг Хит уговорил меня и мою сестру Хэйз отправиться на разведку на восток. Нам хорошо были знакомы легенды о кротах, живущих там, но в действительности нас толкала не жажда знаний, а жажда приключений. Хит был сильнее меня и настоящий сорвиголова. Может, ему просто нужна была компания на день-два похода.

Хэйз пошла, потому что он ей нравился, а я — из преданности ему. Ведь он спас мне жизнь, когда ревущая сова едва не раздавила меня. Я тогда впал в панику, а Хит не растерялся и столкнул меня с дороги, причем едва не погиб сам. Он был не очень крупный, но отважный. Обладал какой-то безумной отвагой. Бывают же такие кроты!

Трифан обвел взглядом свою группу и улыбнулся. Да, такие кроты действительно бывают! И даже, может быть, еще более отважные безумцы.

Итак, беззаботная молодежь отправилась в путь, и, поскольку хищников и двуногих они не боялись, а погода стояла хорошая, добывать еду было легко, шли они шли и скоро решили, что рассказы об опасностях, подстерегающих на востоке, преувеличены. Более того, они встречали там кротов, с которыми можно было хорошо провести время и которые могли посоветовать, как лучше пройти еще несколько миль. Так текли дни, и путешественники вскоре обнаружили, что они уже целый месяц в пути, а до сих пор не видели ничего достойного, о чем бы можно было потом рассказать другим.

— Нам встречались опасности, это правда, но ничего такого, с чем мы не могли бы справиться, — проговорил Рован, и его глаза потеплели и увлажнились от приятных воспоминаний, столь отличающихся от воспоминаний о последующих страшных событиях и потерях, оставивших его безутешным. — Поскольку некоторые ходы были запутанными, Хит придумал делать

отметины — царапать когтем по стене, чтобы на перекрестках мы всегда могли узнать, откуда пришли. Может, Хит и отличался необычайной дерзостью, но был очень предусмотрительный, и эти пометки позже спасли мне жизнь. Погода ухудшилась, как обычно бывает в августе, нависли облака и пошли дожди. Но мы были им рады, потому что от засухи в земле стало меньше червяков, а главное, теплая погода была источником еще одной опасности, о которой мы до тех пор не знали, — крыс.

Когда Рован произнес это слово первый раз, и произнес очень неохотно, он прервал свой рассказ и какое-то время молчал, словно для того, чтобы образ, вызванный этим словом, проник в нору, где все они находились.

— Вы видели когда-нибудь крысу? — спросил Рован.

Они по очереди покачали головами. Чуяли — да. Ощущали ее присутствие — да. Но видеть — никогда.

— Крысы и мчащаяся вода — никогда не дадут ни одному кроту добраться до центра Вена. Ни одному! — Голос Рована перешел в испуганный шепот, суровые складки на лбу, казалось, стали глубже и превратились в уродливые тени, и Трифан понял: все, что случилось с Рованом и изменило его жизнь, было связано с крысами, водой и смертью.

Потом Рован снова выглянул из норы, где они укрывались, посмотрел на сводчатый вход в тоннель — похоже, это стало у него навязчивой идеей, — потом опять на небо. Совы рычали. И вдруг Рован улыбнулся:

— Со временем я понял, что моя сестра Хэйз и Хит тянутся друг к другу, и я начал чувствовать себя лишним. Мы добрались до этого самого места, где я сейчас рассказываю вам свою историю, и остановились на ночь здесь, у тоннеля. Я не хотел идти дальше. Однако Хэйз и Хит убедили меня не покидать их, а через несколько дней мы все вместе вернемся обратно домой, в Икэнхем. И я согласился идти с ними. — Рован снова помолчал, посмотрел на каждого из слушателей в отдельности и серьезно проговорил: — Пусть мой рассказ послужит вам предостережением. Возвращайтесь обратно, пока можно. Ни шагу дальше. Если вы войдете в этот тоннель, как это сделали тогда мы, вы войдете в мир, где кроту не место и ни одному живому существу тоже, кроме тех, кто прячется в темноте и живет убивая.

Спиндл беспокойно ерзал. Мэйуид ни на что не реагировал и, казалось, незаметно дремал. У Трифана же сна не было ни в одном глазу — он был весь внимание, а Старлинг с восторгом уставилась на Рована широко открытыми глазами. Она не верила грозным предостережениям и по молодости лет не сомневалась, что уж с ней-то ничего такого никогда не случится.

— Продолжай! — потребовала она, и Спиндл толкнул ее в бок, чтобы утихомирить. События, о которых повествовал Рован, были не выдумкой, а реальностью.

— Этот ход со сводчатой аркой, с которой я не свожу глаз ни днем, ни ночью, после короткого подземного участка выводит на пустырь, непривычный для кротов. Вонючая река, шум которой вы слышите, а запах чувствуете, продолжает течь на восток и является северной границей этого пустыря.

Итак, мы рискнули войти в тоннель. Прошли по бортику вдоль всей его длины и в конце обнаружили большое открытое пространство, заброшенное, но населенное разными живыми существами. Отдельные участки поверхности были покрыты бетоном, другие — обильной растительностью, а вокруг стояли строения двуногих, особенно густо — в центре площадки.

Сначала нам показалось, что здесь хорошая почва и полно червей, хотя пятна земли были отделены друг от друга грудами искусственного красного камня и там росли только простые цветы, вроде васильков. Кое-где между этими участками земли стояли лужи, а кое-где громоздились кучи ржавого металла и целые холмы — нет, горы! — мертвых ревущих сов.

Услышав это, Старлинг испустила вздох изумления и ужаса, выразив и чувства всех остальных.

Каким бы страшным ни представлялся Вен, кроты не могли вообразить, что он убивает ревущих сов.

— По ночам там кипела жизнь, опасная для нас. Мы чуяли запах лисы, хотя не видели ни одной живой, мертвых — да. Мы поняли, что Вен убивает вообще все. Полевок было очень много, на окраине пустыря встречались ласки; черноголовые чайки, пустельги и совы кружили здесь днем, а вечером устраивались на ночлег. Но еды было полно, и, если соблюдать осторожность, можно чувствовать себя в относительной безопасности. Кое-где трава росла очень густо, здесь хорошо, вкусно пахло полынью, а поскольку мы не знали этого места, то дали ему название «Полынный пустырь». Там-то впервые мы наткнулись на крыс и поняли: чем дальше мы заходим, тем больше рискуем.

Три крота решили побыть какое-то время в этой богатой пищей местности, а потом отправиться к ее восточным границам. Оттуда они договорились двигаться к дому.

На Полынном пустыре было совсем не плохо, и Рован вскоре забыл, как еще недавно ворчал на своих спутников, поторапливая их с возвращением. Наступил благоуханный сентябрь, дни протекали очень приятно. Но однажды случилось так, что их веселая троица, завернув за угол какой-то кучи обломков камней, увидела перед собой крысу.

— Она была огромная, у нее были красные глаза, и от нее жутко несло падалью. Земля вокруг была испачкана ее пометом, и меня начало рвать от отвращения и страха. Однако Хиту мужество не изменило: с громким воинственным криком он стремительно бросился вперед. Крыса злобно заворчала, подпрыгнула и побежала, волоча за собой длинный хвост. Она протиснулась в щель между двумя камнями и исчезла.

Кроты могли быстро уйти, но бегство крысы придало им уверенности. Осмотревшись, они услышали — как им показалось, из-под земли — шум бурлящего потока воды. После небольшой разведки, которую кроты провели (ни на минуту не забывая при этом о возможности нападения крыс), они обнаружили узкий водосток, уходивший к северо-востоку. Берега водостока, некогда крутые и выложенные тесаным камнем, осыпались, так что кротам теперь удобно было по ним идти. Из страха повстречать крыс троица не стала спускаться в водосток, а пошла по его краю. Двигались осторожно и медленно. Они шли вдоль водостока, подозревая, что он приведет их к реке, по которой они добирались до пустыря.

Наступила ночь. Небо наверху запылало огнями и наполнилось шумом. Кроты услышали, как где-то поблизости кошка схватила устроившуюся на ночь чайку, а потом в ночном свете увидели плывущие по водостоку белые перья чайки. Этой же ночью, чуть позже, их разбудил тошнотворный запах — из водостока поднимался едкий пар, от которого потекли слезы и перехватило горло. Как только начало светать, вода в водостоке забурлила и к бортам его прибило пену, но запах уменьшился.

Кроты двинулись дальше. Свободное пространство у краев водостока сузилось, кротам пришлось спуститься к самой воде, черной и грязной. Над ними круто поднимался илистый вязкий берег, и им казалось, что они в ловушке. В одном месте кроты наткнулись на крысиный помет, в другом — на гниющий трупик черного дрозда, почти совсем разложившийся.

— Наверное, тогда я понял, что это начинается настоящий Вен. Казалось, он втягивает нас, засасывает в свою грязь, убивает. Хит стал как одержимый, а Хэйз ему не перечила. Они стремились идти вперед и сердились на меня, когда я пытался отговорить их. Мне хотелось вернуться, но я не осмелился отправиться обратно один и не хотел оставлять Хэйз.

Однако в глубине души и меня разбирало любопытство — что же там дальше.

Пищи становилось все меньше, на завтрак они выцарапали себе из каменистой почвы всего несколько отвратительных на вкус червяков.

Через некоторое время узкий поток влился в больший, и кроты поняли, что опять вышли к черной реке, возле которой остановились некогда в первый раз, и решили: если какая-то дорога и приведет их к сердцу Вена, то только эта — река, текущая под арку.

Очень неохотно Рован согласился идти дальше.

— Я помню холодную темноту этого тоннеля, сомкнувшуюся над нами, когда мы спустились на его дно. Местами дно было сухим, иногда мы чуяли запах крыс. Не знаю, почему мы продолжали идти вперед. На стене у входа в тоннель мы сделали пометки и потом регулярно оставляли их так высоко, как только могли дотянуться. По следам на стенах было ясно, что вода здесь иногда поднимается. Стены были мягкие и крошились, так что процарапывать знаки оказалось легко.

Свет проникал сверху, с поверхности, через отверстия и вертикальные ходы в потолке, расположенные довольно далеко друг от друга. Сначала запах казался тошнотворным, потом мы привыкли. Вокруг слышались разные звуки, всплески, но трудно было понять, что они означают. Двигались мы быстро. Тоннель иногда изгибался, но все время постепенно уходил вниз. В большой тоннель вливались мелкие. Мы продолжали отмечать путь, чтобы найти дорогу обратно.

На поверхности снова наступила ночь. Мы смогли выбраться на бортик у края водостока, русло которого начало наполняться мусором и всякой грязью. Идти по бортику оказалось легче. Стояла уже глубокая ночь, но настоящей темноты не было, потому что в тоннель проникал свет сверху. В этом желто-оранжевом пятне мы и спали. В ту ночь Хэйз разбудила меня, приложив лапу мне ко рту. По дну водостока в нашу сторону двигалось что-то огромное, коричнево-черное, гладкое. Следом еще такое же. Потом третье, четвертое. Они ступали мягко, пофыркивая и попискивая. Крысы. Во марке я чувствовал их запах. Мне сделалось страшно, хотя бортик, на котором мы находились, был слишком узким и скользким, чтобы туда могли забраться такие крупные животные. Похоже, однако, они тоже почуяли нас, потому что стали метаться взад и вперед и принюхиваться. Затем они ушли, и их черные тени бежали впереди. Позже мы слышали, как крысы не то дрались, не то спаривались, трудно сказать. Потом наступила тишина. Мы пошли дальше, пока еще не рассвело, оставляя свои пометки на каждом перекрестке, но к этому времени мы здорово проголодались, а потому решили выбраться на поверхность.

Мы нашли тоннель поменьше, который вскоре вывел нас на поверхность, и неожиданно обнаружили там сырую траву,

влажную черную землю и какие-то кусты. Все было темное, мрачное, все загублено Веном. Чистой была только доносившаяся издалека песня птицы. Рассветные лучи осветили стены высоко над нами, но прошло много времени, пока солнце добралось до нас. Мы поняли, что заперты со всех сторон. Видели воробья, но больше из живых существ — никого. Поели вонючих червей и заснули.

Мы решили закончить здесь наше путешествие и вернуться тем же путем, что пришли. Когда двинулись обратно к тоннелю, Хит задержался. В траве он учуял ход, начал рыть и действительно нашел его. Кротовий ход! Старый, забитый корнями, почти непроходимый, но несомненно сделанный кротом. Мы двинулись вниз по этому ходу. Некоторое время он вел прямо, а потом мы попали в зал. Дальше путь преграждала какая-то стенка, дело рук двуногих. В другой стороне то же самое. Это была часть разрушенной системы. Хоть бы нам никогда не находить ее! Она разожгла любопытство Хита. Мы хотели спать на поверхности, но Хит настоял, чтобы до ночи мы еще немного прошли по тоннелю двуногих. Он надеялся найти еще какую-нибудь часть разрушенной системы или даже ходы, которые выведут нас. — Рован прервал свой рассказ и какое-то время молчал.

— Уважаемый рассказчик, Мэйуид с интересом и любопытством ждет твоей следующей фразы и думает, что упрямый Хит есть или был (ты этого не сказал, но Мэйуид опасается худшего) открывателем, исследователем, путешественником! Это мне, недостойному Мэйуиду, по сердцу. Так что, печальный рассказчик, продолжай!

— Хорошо, — согласился Рован, почесываясь. Его несколько удивила реплика Мэйуида. — Мы действительно обнаружили ходы, и они были расположены не намного глубже того места, где мы выбрались на поверхность. Много ходов, но все заброшенные, все перегорожены бетонными стенками двуногих. Ходы были отрезаны от всего мира.

— А свет там был? — спросил Трифан.

— Возле ходов был свет двуногих, а глубже не было никакого света, никакого шума… кроме звуков от наших когтей… Темно хоть глаз выколи, ни дуновения, ни шороха, ничего. Чувствовалось, что эти ходы очень древние. И между ними мы обнаружили зал с неровными стенами, но все же, если провести по ним когтем, как это сделал Хит, а потом и я сам, — слышался звук. Необыкновенный звук.

— Звук Устрашения, — пробормотал Спиндл, вспоминая процарапанные надписи у входа в Библиотеку, которыми он

пытался напугать Триффана и Босвелла, когда те впервые пришли в Аффингтон.

— Это был очень далекий звук, глубокий и древний, как будто где-то пели кроты. Страшно не было. Песня звучала как требование или как призыв, не ответить на него я был не в состоянии.

— Ответить? — переспросил Триффан.

— Ну да, я сразу понял, это был призыв двигаться дальше. Хит заставлял его звучать снова и снова, и я решил, что он захочет последовать ему. Только так не получилось.

В конце концов кроты опять вышли в главный тоннель двуногих, где бежал поток воды, и там-то и разразилась трагедия. На них неожиданно напали крысы, и троица в замешательстве бросилась бежать, — похоже, все в разные стороны. С этого момента в Рованe жили только ужас и смятение. Он почувствовал боль от укуса, и инстинктивно побежал обратно, и на бегу услышал крик крота, но кричал Хит или его сестра — этого он не понял. Крысы оставили Рована и кучей бросились на крик, а раненый Рован воспользовался моментом и удрал обратно к узкому бортику, где они отдыхали два дня назад и где впервые увидели крыс.

Он успел добежать до бортика, когда крысы вернулись и одна попыталась стащить его. Рована удалось забраться повыше, и крысы не смогли до него дотянуться. Что с его товарищами — он не знал, но, когда крысы сгрудились в кучу рядом с ним, Рован заметил у нескольких кровь вокруг пасти и на когтях. Крысы царапали стенку, пытаясь добраться до Рована. Они были так близко, что он ощущал их зловонное дыхание. Рован ударил крысу когтем по глазу, другую укусил за лапу. Третья залезла на чью-то спину и едва не стащила Рована с бортика, но он сумел сжаться в комок, и его не достали.

Два дня прошли, как кошмарный сон. Непрекращающийся страх и все усиливающаяся слабость. Огромные крысы, сменяя друг друга, пытались дотянуться до Рована, они мерзко верещали от злости и плотоядно щелкали зубами. Если бы не влажные подтеки на стенках, имевшие дурной вкус, он бы, наверное, умер, потому что они были его единственной пищей. Отсутствие настоящей еды вызывало у Рована муки голода, а через два дня его начала одолевать слабость. И все же ему как-то удавалось спасаться от крыс. Он бегал от них по бортику из стороны в сторону, и крысы не могли его достать.

Дальнейшее случилось вечером третьего дня. Рован из последних сил уклонялся от крысиных когтей. Их зубы, красные глаза и запах — вот все, что он видел и ощущал. Вдруг крысы

внезапно отскочили от стенки и, нерешительно сопя, сбились в кучу на полу тоннеля. Усевшись, они стали принюхиваться, повернув морды в сторону западного конца тоннеля, куда сначала направились Рован и его друзья. Потом все крысы разом, не взглянув больше в сторону Рована, исчезли в подземных глубинах.

На какое-то время воцарилась тишина. Затем с запада на Рована полетела воздушная волна и раздался угрожающий рев — и Рован понял, что сейчас его смоет поток воды. Сначала он почувствовал одуряюще тошнотворный запах, и, когда этот запах уже забил нос и глаза, Рован увидел стремительно надвигающийся на него огромный водяной вал. Грязно-коричневая вода бурлила и пенилась в тоннеле, заполнив его по самый бортик, где примостился Рован, а может, и выше. Рован едва успел уцепиться за скользкий бортик, как поток с шумом и яростью обрушился на него, почти задушив зловонием, забросав грязью и нечистотами, и потащил за собой. Его подняло, опрокинуло, перевернуло, а скользкая коричневая грязь забивала ему рот и нос. Он почувствовал, что тонет.

— Меня снесло вниз, я почти захлебнулся, а потом попал в какой-то водоворот, который отбросил меня к тому же бортику, только гораздо дальше. Я уцепился за него, и держался что было сил, и был так близок от смерти, как только может быть крот. Потом поток замедлился и вовсе остановился, так же внезапно, как обрушился. Я упал, совсем обессиленный, задыхающийся, на грязное дно, а вокруг меня текла вода.

Рован замолчал и посмотрел на слушателей. Весь его вид выражал отвращение, как будто он снова оказался в потоке с нечистотами. Он с омерзением отряхнулся.

— Вы спросите, как же мне удалось спастись? А вот как. Я услышал из глубины тоннеля тот же зов, который рождался у стен заброшенных кротовьих ходов. Я посмотрел в ту сторону и увидел глаза крысы, потом еще одной, потом третьей. Красные, злобные, жадные. Я увидел перед собой смерть. Но звуки продолжали раздаваться, и я решил, что это Хэйз или Хит подают о себе знак, но не знал, кто именно из них. Завораживающим был этот зов, невыразимо прекрасным. Крысы, которые сумели укрыться от потопа и опять появились передо мной, тоже услышали эти звуки. Они отвернулись от меня, в слабом свете было видно, как замелькали их хвосты, вода захлюпала под лапами — и они исчезли.

Я бросился бежать по длинному тоннелю в противоположную сторону, подальше от этого места, предоставив уцелевшего товарища-крота, кто бы он ни был, его или ее судьбе. Один за

другим я находил знаки, нацарапанные Хитом, и по ним определял направление. Иногда я слышал за собой погоню — или мне казалось, что слышал. Я не останавливался, не оглядывался и в конце концов выбрался на Полынный пустырь, а затем уже пришел сюда. У меня не хватило мужества вернуться сразу, не нашел я его и потом. Вот и живу здесь, надеясь, что Камень простит меня и однажды из-под арки выйдет крот, которого я давным-давно бросил в беде.

Рован закончил рассказ. Все молчали. Каждый пытался найти слова утешения, но никому это не удавалось, потому что прежде всего крот должен простить сам себя, если он действительно хочет обрести мир в душе.

Потом Рован обвел взглядом своих слушателей и произнес:

— Не ходите туда. Это не место для кротов, и гнев Камня ляжет на вас, если вы попытаетесь туда проникнуть.

Первым заговорил Мэйуид. Его вопрос ясно показал, что, несмотря на предостережения старого Рована, они все равно пойдут в Вен.

— Убитый горем господин, — проговорил Мэйуид, — я, недостойный крот, хотел бы узнать ради собственной пользы, куда следует двигаться, какой знак оставлял твой друг Хит на стенах, чтобы выбраться из опасного места?

— Знак? — переспросил Рован отрешенно, и, судя по всему, он все еще переживал описанные им ужасы. — Да, да… я могу нарисовать его.

Рован вытянул лапу со стертыми когтями и на засохшей грязи нацарапал длинную загогулину с петлей на одном конце.

Все внимательно разглядывали рисунок Рована, а Трифан, став рядом со старым кротом, осторожно провел вдоль нацарапанной линии когтем.

— Так-так, — произнес он немного удивленно.

Спиндл дотронулся до знака и тоже был озадачен. Мэйуид осмотрел знак с одной стороны, потом зашел с другой и наконец проговорил:

— Господа и восхитительная юная дама, я, недостойный, плохо обучен письму, но ведь это просто знак и ничего больше, не правда ли, образованные господа?

Старлинг провела по нацарапанной линии лапой и вопросительно посмотрела на Трифана. Письму она еще не была обучена.

— Скажи мне, Рован, в Икэнхеме вели летопись? — спросил Трифан.

— Я был слишком молод и не мог знать этого. Но писцы были, я помню. В Самую Долгую Ночь и в Ночь Середины Лета мы

произносили одну-две молитвы и рисовали разные знаки. Я не понимал их значения, но, может быть, Хит, с его характером, пытался научиться.

Все посмотрели на Триффана, чувствуя, что вопрос он задал не случайно.

— Этот «знак» твоего друга Хита не просто знак — это иероглиф.

— А мне так не кажется! — возразил Спиндл, который тоже хорошо знал грамоту.

— Это древний знак, столь же древний, как ходы, что вы нашли, и звуки, что вы слышали. Это средневековый язык и первый иероглиф, которому наставник учит крота-писца. Меня научил ему Босвелл. Но более того, — прошептал Триффан, глядя на нацарапанный Рованом иероглиф так, будто у него перед глазами возникло его прошлое, — Белый Крот рисует такой знак, показывая, что он побывал в этом месте!

— А что означает иероглиф? — с благоговением спросил Спиндл.

— Он означает очень многое. Он означает почти все. Письменность произошла от идеи, и, хотя впоследствии кроты сильно усложнили идею, поначалу все было достаточно просто. Хорошо бы кротам помнить об этом! Этот иероглиф изображает не более и не менее как червяка, а червяк — это пища. На старокротовьем языке этот иероглиф означал слово «жизнь».

Твой друг Хит, Рован, не мог найти более убедительного иероглифа, чтобы отметить ходы Вена.

Неважно, откуда Хит узнал его — а мне кажется, что он его не выдумал (хотя вряд ли понимал его смысл), — но он избрал символ Белого Крота, символ самой жизни. Этот знак спас тебе жизнь, Рован, он вывел тебя из тоннеля. Давайте помолимся Камню, попросим, чтобы он спас жизнь Хита и Хэйз и повел их вперед.

— Но крысы… — прошептал Рован.

— Ты ничего не знаешь точно, пока во всяком случае. Нарисовав это слово здесь, на полу, не зная его значения, ты вложил в меня веру и желание идти дальше. Я думаю, мои спутники пойдут со мной, а ты, Рован, жди здесь, но теперь исполнись веры и надежды. Мы постараемся вернуться или пошлем тебе весточку, которая, надеюсь, освободит тебя от воспоминаний об ужасе, который ты видел и пережил и от которого никак не можешь избавиться.

— Конечно, мы придем! — пообещал Спиндл.

— Великолепные господа и ты, юная дама, Мэйуид отнюдь не в восторге от этой внушающей страх перспективы, но все же он

пойдет.

— Прекрасно! — воскликнула Старлинг. — А когда?

❦

Они ушли через два дня и двинулись по описанному Рованом пути через Полынный пустырь. Отсюда они скользнули вниз, в тоннель, из которого в отчаянии бежал когда-то Рован. Все четверо двигались осторожно, тесной группой, как одно целое: Мэйуид впереди, Триффан сзади, Спиндл и Старлинг между ними.

Почти сразу же Мэйуид сумел найти знак Хита, хотя после подъема воды он был частично смыт. От сюда они пошли вниз, в сырую тьму канализационного водостока. За время летних странствий по таким местам кроты привыкли к странному отраженному свету и гулкому эху и почти не обращали на них внимания, сосредоточившись на движении.

Они обнаружили бортик, с которого Рован отбивался от крыс, и ужаснулись, поняв, насколько опасным было его положение. Посмотрели на сырые стены, на сводчатый потолок, а потом заглянули в трубу, откуда вытекал грязевой поток, таща за собой мусор и мутный ил, и попытались выяснить, не прячутся ли где-нибудь здесь крысы. Но путешественники не обнаружили никаких признаков их присутствия, не почуяли даже запаха, а потому смело двинулись вперед.

Когда дно канализационного водостока стало вязким, они поступили так же, как до них поступили Рован и его друзья, — пошли по высокому бортику. Это облегчало ходьбу, и Мэйуид быстро и уверенно продвигался вперед. Ему редко приходилось останавливаться, потому что бортик был достаточно чистым. Местами тоннель разветвлялся, а иногда в него впадали другие тоннели или вливалась оранжево-мутная вода, которую выплевывала какая-нибудь труба из ниши в стене. Время от времени попадались знаки, оставленные Хитом, и это действовало на кротов успокаивающе. Триффан был поражен. Ему пришла в голову мысль: кротам представляется трудным, если не невозможным, путь, которым никто раньше не проходил; но если однажды это уже было проделано, значит, и другие могут с большей уверенностью следовать за первооткрывателями. Быть может, Алдеру и Марраму легче было идти в Шибод, зная, что Брекен и Босвелл благополучно проделали это путешествие несколько кротовьих лет назад.

А разве путь в Безмолвие чем-нибудь от этого отличается?

Окажется ли он легче, если знать, что до тебя другие уже прошли его? Было ли предназначением Триффана и Спиндла — показать кротам, что они могут пройти такой путь в своем сердце и в своей душе, если поверят, что способны на это?

Когда мрачные стены отвратительных тоннелей Вена стали смыкаться теснее, Триффан начал ясно понимать, какое значение будет иметь их возвращение из странствий для всего кротовьего мира. Оно будет означать: такой путь можно проделать. И — если расширить этот вывод — борьба со Словом может быть выиграна.

— Вперед! — звал Триффан своих товарищей, понимая значение похода и поддерживая всех в решимости достичь сердца Вена и вернуться обратно.

Наступила ночь. Она застала кротов почти на том же месте, где останавливались и Рован с друзьями. На земле над ними зажглись страшные огни. Их свет проникал в водосток. Триффан со спутниками решили поспать, по очереди сменяя друг друга на карауле. Вокруг не ощущалось признаков жизни — только сверху всю ночь доносились звуки шагов двуногих и рычание ревущих сов.

На второй день, кротов повел сам Триффан, и они добрались до места, где, как говорил Рован, из тоннеля можно было выйти на поверхность. Однако, не останавливаясь, они поспешили дальше, горя желанием поскорее найти старые кротовьи ходы, описанные Рованом. По-прежнему им время от времени попадались знаки на стенах: Хит был явно предусмотрительным кротом, хотя Рован и называл его «сумасшедшим». Знаки облегчали поиски старых ходов.

Мэйуид ушел вперед один, остальные ждали у входа. Вскоре он вернулся. Ходы были вовсе не такими разветвленными, как их описывал Рован, но почти совсем темными. Зал со звучащими знаками на стенах был на месте. Мэйуид не касался знаков, предоставив это Триффану, однако он обнаружил и кое-что другое. Под нацарапанным на стене иероглифом лежало тело кротихи, если судить по размерам. Возможно, это была Хэйз. Труп уже успел высохнуть. Во время жизни в Слопсайде Мэйуид привык к виду мертвецов и все же, обнаружив труп, заметно помрачнел.

По всей видимости, Хэйз сумела убежать от крыс и спряталась в ходах. Она, вероятно, была ранена и, дотронувшись до стен, заставила их звучать. Этот-то древний зов и слышал ее брат, но ответить не мог. Кротиха, очевидно, была тяжело ранена, не могла двигаться и умерла в этих ходах, одинокая, всеми брошенная. Еще они поняли, что скорее всего Рован слышал крик именно Хита и он, наверное, тоже погиб. До этого они все-таки

надеялись, что Хэйз либо Хит все-таки остались в живых, но, похоже, это было не так.

— Я еще не теряю надежды, добрые господа и впавшая в уныние дама, что Хит спасся, — проговорил Мэйуид.

Однако Триффан и Спиндл только покачали головами. Зачем спорить, если скоро они узнают все точно? Если больше знаков не будет, Мэйуиду придется признать смерть Хита.

Триффан и Спиндл спустились в древние ходы и слегка дотронулись до стен. Послышался знакомый им странный гул. Кроты пришли к заключению, что эти знаки нанесены на стены самим Сцирпасом, вероятно с помощью Данбара, отчего в них слышится светлый оттенок доброты. Триффан и Спиндл единодушно решили, что это сохранившийся фрагмент Древней Системы. Именно здесь, вероятно, разгорелся спор между Сцирпасом и Данбаром, и именно отсюда последователи Данбара бежали вместе со своим вожаком на восток, в Вен. В те далекие дни, судя по расположению ходов, Вен еще не был таким, как теперь, и, вероятно, Данбар мог идти на восток по поверхности. Когда Триффан услышал звук древних стен, у него появилась надежда, что добрый дух Камня пришел к умиравшей здесь кротихе, принес ей утешение и в темном, всеми забытом тоннеле позволил увидеть свет и услышать Безмолвие.

Кроты загрустили, однако не потеряли решимости довести дело до конца. Следовало только быть осторожными и защищать друг друга.

Они прошли уже дальше Рована и его друзей, и тоннель стал спускаться вглубь. Отверстия в потолке казались светящимися точками над головами кротов.

В тоннеле царили темень и холод, слышался шум воды — бегущей, вихрящейся, пузырящейся, капающей, — вправо и влево отходили ответвления, одни темные, другие поблескивающие серо-голубым светом. В каждом стоял свой особенный запах. Сырость, отраженный свет и редкое эхо. И все же тоннель притягивал кротов, побуждал идти на восток, а ветер и шум, доносившиеся сверху, с поверхности Вена, не раз заставляли кротов замирать у какой-нибудь кучи мусора или у бетонного выступа.

До следующей ночи они продолжали спускаться по большому канализационному водостоку, после чего, немного поспав беспокойным сном, шли еще день. Единственным свидетельством, что здесь вообще когда-то существовала жизнь, была дохлая кошка. Ее черно-белый мех колыхался в воде, бледная пасть окоченела открытой, глаза размякли и побелели. Какие-то хищники прогрызли ей живот, и внутренности свисали наружу. В

них шевелились тускло-белые личинки. Кроты потом долго не могли есть, особенно червяков, которых выбрасывало в большой водосток. Но это было все, что они могли найти из пищи.

Мэйуид по пути принюхивался то тут то там, заглядывал в отверстие каждой трубы, попадавшейся по дороге, останавливался, определяя направление воздушных потоков, однако и без того всем было ясно, что движутся они на восток.

Неожиданно эта главная нитка канализации — грязевик, как называли ее кроты, — свернула вправо и пошла круто вниз, и там тоннель оказался, в полном смысле, заперт. От пола до потолка его перегораживала вертикальная металлическая решетка. Она задерживала мусор, пропуская только воду, шум падения которой слышался за решеткой. Кротам удалось протиснуться сквозь прутья решетки и спуститься дальше по течению. Вода стала чище, дно водостока оказалось выложено камнями, а вдоль вогнутых стен были встроены бортики-полочки. Очень неуютное место для кротов, отсюда не убежишь, а трубы, проложенные вдоль скользких стен, находились слишком высоко, добраться туда кроты не могли. Здесь-то они впервые учуяли запах крыс и увидели следы когтей на бортиках. Запах был слабый, застарелый, но все равно кроты постарались побыстрее выбраться отсюда.

Вечером третьего дня, усталые и голодные, они добрались до места, где большой водосток заканчивался и сливался с тремя другими в камере, выше и шире которой кроты никогда не видели. Все звуки беспорядочно смешивались в этом огромном зале, а вода из труб стекала на пол, где образовалась глубокая бурлящая лужа, которую было не переплыть. На противоположной темной стороне зала находилась еще одна решетка. Сквозь нее уходила вода, — казалось, она туда всасывается, а потом с шипением и свистом уносится дальше в темноту, откуда доносились только рев и грохот. Ясно было, что кроту здесь не пройти. Но куда же направиться? Ни один из четверых выходивших в зал тоннелей не годился: они вели на север, на юг или на запад, назад, откуда пришли путешественники.

Обнюхав разные пути, Мэйуид в конце концов рискнул обойти лужу и приблизиться к решетке, куда поток прибил обломки дерева, обрывки «тонкой коры» и прочий мусор из тоннелей. Все это удерживалось на месте, у прутьев решетки, напором воды.

Мэйуид приблизился к первой кучке мусора и, прижавшись правым боком к самой решетке, вытянул лапу и ступил на какой-то торчащий из воды обломок, потом на следующий и еще на

следующий. Деревяшки и обрывки «тонкой коры», на которые он ступал, иногда погружались под весом его тела в воду и обрызгивали Мэйуида. Казалось, течение пытается оторвать его лапы от опоры, затащить меж прутьев решетки, что означало бы неминуемую гибель. Но Мэйуид понемногу продвигался вперед, чем дальше, тем увереннее. Стоял страшный шум, вода грохотала, а ржавые прутья решетки поднимались высоко вверх к мрачным сводам.

Кроты увидели, как Мэйуид остановился и стал вглядываться в невидимую для них глубину потока. Мэйуид смотрел очень долго, потом, ступая крайне осторожно, пошел обратно, так же как пришел. Обломки качались под лапами, то всплывая, то погружаясь в быстрый поток.

И вот Мэйуид снова стоит рядом с друзьями, промокший насквозь, но глаза у него веселые, и он улыбается своей обычной улыбкой.

— Непромокшие господа, элегантная юная дама, вы видели — я проделал это, теперь ваша очередь. Мэйуид признается, ему было страшно, Мэйуид признается, это безумие, но инстинкт говорил Мэйуиду, что он справится, обязан справиться, если мы хотим продолжать наше путешествие в… неизвестно куда!

— А там, на другой стороне, можно пройти? — спросил Спиндл с сомнением. Он хуже всех умел сохранять равновесие и боялся высоты. Спиндлу даже самый широкий бортик казался слишком узким, заставляя его неуклюжие лапы дрожать, а голову кружиться.

— Мэйуид будет откровенен, великолепный Спиндл, замечательный путешественник, — возможно! Поэтому… вперед! Только вперед! Ни шагу назад!

И они пошли, Триффан впереди, за ним Спиндл, потом Старлинг и, наконец, Мэйуид. И когда один из них вот-вот готов был упасть, они поддерживали друг друга. Все промокли, сердца колотились от страха, но вот последний прыжок — и кроты с облегчением поняли, что находятся у противоположного края всасывающей решетки.

Пройти дальше оказалось возможным по трубам, которые начинались как раз здесь, где бурлящая вода спадала за решеткой. Трубы были небольшие, но вполне пригодные для того, чтобы по ним мог передвигаться крот, за исключением одной подробности, о которой Мэйуид, вероятно, догадался, но говорить не стал: днище труб было ужасно скользким. Когда первый крот начал спускаться, он заскользил, приостановить скольжение не смог, начал скатываться вниз, полетел, кувыркаясь, стукаясь о стенки трубы, все вниз, вниз, пока не

вылетел — плюх! — прямо в воду. За ним следующий — плюх! Еще два плюха — и вот кроты уже внизу, мокрые, грязные, задыхающиеся.

— Замечательно, о достойнейшие господа и милостивая, немного промокшая юная дама! Мэйуид приветствует вас всех!

Они посмотрели вверх и увидели решетку и водопад, сливающийся в большую лужу, куда их выплюнули трубы, по которым Мэйуид заставил их спуститься.

Сверху сюда вели еще и другие трубы, но, похоже, больше всего забиты илом и наносами были те, по которым скатились путешественники. Кроты много времени потратили, счищая с себя грязь. Только потом они заговорили. Больше всех негодовал ужасно перепачкавшийся чистюля Спиндл. Вдруг он расплылся в улыбке, указывая лапой на трубу, по которой они слетели. Старлинг испустила крик восторга. Там, ясный как день, виднелся знак, оставленный Хитом! Знак жизни и всего живого.

— Но как это может быть?.. — спросил Трифан за всех.

— Действительно как, почтенный мыслитель? — воскликнул Мэйуид, расплываясь в одной из своих самых обезоруживающих улыбок, которой он славился до ухода из Данктонского Леса. При этом он показал лапой чуть дальше: на стене переполненного грохотом тоннеля виднелся еще один знак, который вел их — к третьему.

В течение последующих нескольких дней кротам удалось установить, что Хит действительно после нападения крыс остался жив, более того, проделал тот же путь, что они, и пришел в эти же тоннели. При этом он время от времени возвращался и опять шел по своим собственным следам, как будто отыскивал разные пути к местам, где однажды побывал. Быть может, он надеялся, что в один прекрасный день Рован пойдет по его стопам, и помечал дорогу дважды, а один раз даже трижды. Похоже, он стремился показать будущему последователю, что в Вене есть хорошие пути, а есть плохие.

Судя по обнаруженным знакам, где-то здесь Хит прожил значительное время, вероятно несколько лет, потому что знаки менялись: сначала был простой знак, потом появились более сложные, — и Трифан предположил, что дополнительные были предупреждающими: крысы обозначались чем-то вроде крючка, вода — несколькими черточками. Был еще какой-то знак, размером меньше других, но они никак не могли догадаться, что он обозначает. Первоначальный знак иногда дублировался, а пройдя подальше, они нашли его повторенным трижды. Трифан считал, что бедняга Хит, запертый в тоннелях Вена, встретил здесь по крайней мере три Самых Долгих Ночи.

❦

Почти целый месяц шли кроты до места, где знак червя повторялся трижды, а добравшись, они решили, что находятся вблизи жилища Хита. Была надежда, что он еще там. Через некоторое время им стали попадаться выходы из тоннелей на поверхность, но лишь немногие позволяли выбраться наружу. Обычно они оказывались закрыты у самой земли решетками, слишком частыми, чтобы кроты могли протиснуться сквозь них.

Теперь они совсем не слышали пения птиц и не ощущали запаха травы и деревьев. Только ревущие совы и топот двуногих — днем и ночью.

Пища здесь была скудной: червяки, личинки, моль, пауки, наевшиеся навоза. Чтобы не вытошнило, они старались не всматриваться в то, что ели.

Крыс они видели, но из безопасной позиции — с расположенной высоко трубы, которую нашел Мэйуид. Кроме того, кроты так сильно пропитались снаружи вонью от канализационного водостока, а изнутри — от дрянной пищи, что пахло от них только грязью и крысы их попросту не замечали. Быть может, в менее шумных тоннелях крысы учуяли бы кротов по вибрации, но, так или иначе, до сих пор путешественникам удавалось избегать этой опасности.

Все же они понимали, что когда-нибудь придется сразиться с крысами, и двигались тесной группкой, всегда готовые отразить нападение. Из рассказа Рована они вынесли урок: на Полынном пустыре Хит сам бросился на крысу — и она отступила.

Более серьезной опасностью казались потоки, которые то и дело внезапно извергались из труб, но кроты научились предугадывать такие выбросы и устраивались на бортиках. Гораздо страшнее — и избежать этого было невозможно — оказались потоки горячей воды. Она дымилась, и дым разъедал носы и глаза, с чем раньше кроты не сталкивались; Спиндл первый попал в такой ужасный поток и обжегся, его задние лапы распухли и болели несколько дней.

Еще одну опасность представляли собой порезы, от них страдали все. Заживали порезы очень медленно, а иные и вовсе не заживали, причиняя сильную боль, превращаясь в язвы.

Кроты могли бы попытаться выбраться на поверхность в одном-двух местах, но, понюхав воздух, поняли, что уже наступил суровый декабрь. Воздух был холодным. Однажды в тоннель через решетку попал снег и лежал там серо-белым пятном, повторяя рисунок круглой решетки. Кроты разглядывали снег, трогали его, словно это было какое-то чудо. Снег казался белым и чистым, а

исходивший от него свет будил далекие воспоминания, как будто вернулось детство, где летом они ходили по земле среди травы и деревьев, где пели птицы, дул ветерок и хорошо пахло. Мир, чуждый темноте, в которой они затерялись сейчас.

Затерялись. Они не произносили этого слова. Однако, если бы не знаки, оставленные Хитом, кроты чувствовали бы себя совсем несчастными.

Они ушли далеко на восток, но чутье Триффана, ученого-летописца, все сильнее подсказывало ему, что путь, предначертанный Камнем, лежит через тоннели, уходящие на север. Они бы и пошли туда, но знаки Хита влекли их вперед, словно там их ожидало некое озарение. Так что Триффан и Мэйуид продолжали вести своих спутников на восток, игнорируя зов, становившийся все сильнее по мере того, как с каждым днем приближалась Самая Долгая Ночь. Зов требовал повернуть на север.

❦

Добравшись наконец до места, где обосновался Хит, они были одновременно и удивлены, и разочарованы. Помеченный Хитом путь неожиданно отклонился к югу и какое-то время пролегал по узкому квадратному водоводу, проходившему поблизости от шоссе ревущих сов. Когда совы проносились мимо, водовод дрожал. Кротов впервые обдало дымом, они почувствовали себя плохо, их затошнило. Пока они шли по длинному водоводу, сверху все время капали вода и жидкая грязь, и кроты понимали, что вокруг них — только бетон, наверху и внизу, да еще непрекращающийся шум. Червяки исчезли, единственными живыми существами были голуби. Кроты слышали их, но не видели, за исключением одного раза, когда голубь учуял близость кротов, в трещину над их головами просунулся серо-голубой злобный клюв, он опускался все ниже, но потом исчез.

И все же они шли по узкому тоннелю, довольные, что какое-то время можно идти посуху, что здесь не очень холодно и нет жидкой грязи. Наконец они увидели знак: здесь, в водоводе, была трещина. Кроты обрадовались, протиснулись в трещину и попали на землю, где не были уже несколько месяцев. На настоящую землю, хотя голую и холодную. Однако в земле были самые настоящие ходы, вырытые Хитом. Спустились вниз, там земля была лучше, нашли пищу.

Они назвали это место «ходы Хита», однако очень быстро поняли, что самого его здесь нет, причем, очевидно, уже давно.

Ходы были пыльные, местами обвалившиеся, но очень разветвленные и располагались под большой площадкой с коротко стриженной травой. В течение последующих дней кроты тщательно обследовали площадку. Дышать настоящим воздухом, чувствовать дуновение ветра, наконец найти чистую воду, изобилие чистой воды — какое это было счастье! Здесь кроты и провели Самую Долгую Ночь, восстанавливая силы после ужасного длинного путешествия, благодаря судьбу за то, что остались живы, радуясь возможности отдохнуть.

Они прекрасно понимали, что скоро им снова в путь. Теперь все были согласны с Триффаном: нужно двигаться на север. Однако они решили немного побездельничать. По ночам наверху кроты видели вокруг себя зрелище, которое потом не могли забыть: неистово яркий свет, высокое, освещенное снизу небо, всюду бродят двуногие — туда-сюда, туда-сюда — и ревущие совы. Место страшной красоты, для крота означающее смерть.

Здесь-то в полном одиночестве и жил Хит. Здесь он нашел для себя убежище, но не нашел покоя. Здесь были вырытые им ходы, они начинались хорошо и правильно, а заканчивались странно и непонятно, как, вероятно, закончилось и само пребывание Хита в этом месте, несчастного Хита, обезумевшего от одиночества. И все же в расположении ходов, как обнаружил Мэйуид, прослеживалась логика. Какими бы извилистыми и бессмысленными они ни казались, у них существовал общий рисунок: они были кольцеобразными. Что находилось в центре кольца, можно было только гадать, так как ни один ход туда не вел, а все подземные подступы преграждались бетонными плитами.

Как-то ночью Триффан и Спиндл прошли по поверхности к центру этого кольца и обнаружили там странную вещь. Это был Камень, но не из камня. Камень из бетона. Под его основанием были вырыты ход и зал. Должно быть, именно сюда приходил бедняга Хит, у основания этого «Камня» искал он утешения, так как здесь лежали сухая трава и небольшой запас длинных мертвых червей.

— Вероятно, он соображал, что это Камень, — проговорил Триффан. — Наверное, приходил сюда в поисках наставления.

— А почему он просто не отправился дальше в путь? — отозвался Спиндл. — Судя по всему, чувствовал он себя достаточно хорошо и мог продолжить странствия. Почему он снова и снова возвращался, шел по своим следам и только отмечал, сколько прошло лет?

— Мне кажется, он потерял мужество, а что послужило причиной — нам не угадать. Что-то с Хитом случилось.

Одиночество может сотворить такую штуку с кротом. — В этом маленьком зале под бетонным столбом, олицетворявшим для крота Камень, витал дух ужасного одиночества и горя.

— И все-таки он ушел, — заметил Спиндл.

— Или его увели, или он умер, или просто утонул в больших тоннелях.

Почему мужество в конце концов покинуло Хита, они поняли лишь несколько дней спустя. Кое-как они отпраздновали Самую Долгую Ночь, вспоминали, как договаривались со Скинтом и Смитхиллзом встретиться в Роллрайте, понимая, что, к несчастью, такая встреча пока невозможна. И тут кроты утратили осторожность, забыли о подстерегавших со всех сторон опасностях.

Во-первых, неожиданно появилась собака. Огромная, вонючая, она с яростью просунула лапы и пасть в нору, где находилась Старлинг, и едва не выволокла ее оттуда. Собаке удалось укусить Старлинг за лапу, и это было очень больно. Потом, через день или два, когда кроты были на поверхности, пришли крысы. Спиндл оставил отчет об этой ужасной битве. Крысы напали внезапно, злобные, кровожадные. Кроты сбились в кучку и попытались зарыться в землю. Не вышло — почва была слишком твердой, а ближайший вход сторожили крысы. Какое легкомыслие! И кроты стали сражаться за свою жизнь, Трифан впереди, Старлинг позади всех. Они сражались, как сражается всякое живое существо, если речь идет о его жизни. Каждый миг казался последним — сначала от испуга, потом от ярости, оттого что врагов было ужасно много. Когти, зубы и красные крысиные глаза заслонили собой весь мир. Над кротами было пылающее небо, похожее на кровавую рану, вокруг стоял грохочущий шум ревущих сов, как будто они торжествовали победу крыс в смертельной схватке с четырьмя кротами. Сколько было крыс? Может быть, шесть, может быть, сотня.

Кроты остались живы, но только едва живы. Все были искусаны, Трифан сильнее всех. У него был вырван кусок бока, повреждена правая лапа: пробившись ко входу в тоннель, он до последнего момента оставался на поверхности, сталкивая вниз товарищей. Они остались живы и помогли друг другу спуститься под землю, но их уверенность испарилась. До спасения было еще очень далеко.

Крысы вернулись, окружили вход в тоннель. Они разрывали землю, прислушивались, подстерегали кротов, гоняли их, нападали при первой возможности, не давая передышки.

Наверное, так было и с Хитом. И его так же травили, пока он не впал в отчаяние. Как теперь Трифан с товарищами. Что было

еще хуже — всех поразила болезнь, словно укусы крыс были ядовитыми. Только Мэйуид оставался на ногах, видно на него крысиный яд действовал меньше, чем на других.

А Трифан умирал. Он понял это, когда примерно через час или два очнулся от обморока. Чувствовал, как жизнь покидает его. Когда это поняли и остальные, они стали взволнованно обсуждать, что же делать.

А крысы не уходили. Они рыли землю, пытаясь добраться до кротов, и троица вынуждена была перетаскивать Трифана в безопасные места. По мере того как надежных ходов, куда они могли пробраться, оставалось все меньше, кроты стали приходить в отчаяние, потому что на поверхности все живые существа, похоже, решили, что кроты — легкая добыча. Прибегали собаки, огромные, слюнявые, и царапали землю. Пикировали с неба чайки. Казалось, хрупкие потолки ходов вот-вот проломятся, не выдержав топота крыс, рычания собак, криков чаек, — словно ожили все хищники в Вене, и их единственными врагами стали кроты.

Тогда, как ни плохо было ему самому, руководство взял на себя Спиндл. Он заявил, что, невзирая на опасности, нужно как можно скорее вытащить Трифана из этого гиблого места и двигаться назад по водоводу, по которому они шли, следуя знакам Хита, а там…

— А там, почтенный Спиндл? — спросил Мэйуид.

— На север! — ответил Спиндл.

— Да! — присоединилась Старлинг. — Трифан давно говорил — нам следует повернуть на север, так что теперь мы должны унести его отсюда и доставить в безопасное место.

— Но, милосердная дама, Мэйуид не спорит, Мэйуид согласен, только он хотел бы знать — куда?

Иногда в жизни крота наступает момент, когда его близкие видят, что крот стал взрослым, все, чему его учили, сплелось в единый узел, детское поведение забывается, крот выпрямляется и заявляет: «Так! Теперь я скажу, что думаю, и выполню все, что могу!»

Такой момент наступил для Старлинг. Мэйуид вдруг увидел, как она красива, чего он раньше не замечал, и как умеет она заботиться о других. Теперь в ее помощи нуждался Трифан. Их вожак почти умирал, его раны не заживали, прокушенный бок воспалился, а мех посерел от лихорадки.

Старлинг припала к земле и проговорила:

— Отведем его на север, и, если мы верим, как верил он, мы найдем ему место. Веди нас, Мэйуид, выбирай самую хорошую дорогу, какую только сможешь найти, как будто вся твоя жизнь

была лишь подготовкой к сегодняшнему дню. Ты, Спиндл, поддерживай Триффана, он любит тебя, понимает, верит. А я буду охранять вас с тыла, как учил меня Смитхиллз. Все вместе мы сможем вывести Триффана из этого места, из ходов Хита. Более того, мне кажется… я чувствую… я слышу… что-то доносится с севера и находится не очень далеко. Я думаю, это Камень прислушивается, следит за кротами, которые верят в него. Мне кажется, он помогает таким кротам. Я начинаю слышать звучание Камня, слышу, Спиндл, правда слышу, Мэйуид! — Старлинг вытянула лапы и прикоснулась сначала к одному, потом к другому, а потом все трое прикоснулись к Триффану. Он пришел в себя, открыл глаза, взглянул на своих товарищей, и те увидели, что ему страшно.

— Мы здесь, Триффан, мы все здесь, и мы отведем тебя в безопасное место, — прошептал Спиндл, погладив друга по плечу.

Триффан задрожал, покрылся потом и, весь еще во власти мучивших его кошмаров, зашептал, забормотал что-то, а они повели его по осажденным ходам. Они провели его мимо крысиных зубов, мимо собачьих когтей, мимо клювов злых чаек, мимо дымящих ревущих сов, мимо бесконечного ужасного топота лап двуногих. Прочь из ходов Хита, по тоннелям с водой, уходящим на север, не на восток, куда лежал их основной путь, не на запад, откуда они пришли, а строго на север, углубляясь в более древние, узкие, странные ходы. А Триффан взывал к ним из глубин своего беспамятства, выкрикивал имена, которые он когда-то знал, вспоминал случаи, свидетелем которых бывал, страхи, которые пережил. Он звал Босвелла, своего отца Брекена. Он оплакивал брата Комфри, а его спутники должны были успокаивать его и вести по Вену, ставшему для Триффана кошмаром.

Кроты проходили под древними сводами, боролись с темнотой, с наводнениями, им преграждали путь сточные воды, но они упорно двигались на север, шаг за шагом, помогая друг другу преодолевать страшные препятствия. А Триффан в бреду вспоминал обо всем, что некогда знал, все глубже погружаясь в прошлое. И вот он, опять детеныш, потерявшийся в самом сердце Данктонского Леса, под самим Камнем, а вот родители Триффана отыскали заветный Камень и увидели белый прекрасный свет. Триффану казалось, что он идет к этому свету, а тело его кровоточит и раны гноятся.

Спиндл пытался успокоить Триффана, когда тот начинал сопротивляться и кричать от ужаса. Похоже, Триффан думал, что его тащат куда-то во мрак Вена.

— Мы ведем тебя к Камню, он поможет тебе, — твердил Спиндл, — ведем тебя туда, куда давным-давно послал тебя Босвелл. Ведем тебя к тайне, которую хранит Вен, потому что даже в самой кромешной тьме существует свет.

Они помогали Триффану делать один мучительный шаг за другим, и бедняга Спиндл рыдал. А Триффан проговорил тихо, как маленький детеныш:

— Значит, вы ведете меня к Камню, куда в один прекрасный день придет Безмолвие.

— Да, — ответили они шепотом. — Тш-ш, да, да. И каждый молился, чтобы так оно и было.

❦

Так четверка кротов пробиралась через самое сердце мрачного Вена, где бродят крысы и погибают живые существа. Совсем ослабевшие, кроты брели по самым древним частям Вена, где не было даже тоннелей, построенных двуногими, где обваливались стены, где трудно было идти из-за жидкой грязи под ногами, которая, казалось, была повсюду.

Страдающие от ран, слабые, все, как один, больные, с полумертвым вожаком, они шли и шли и вскоре уже не видели ничего, кроме лап идущего впереди. День превратился в ночь, а ночь в день, бодрствование стало незаметно переходить в сон, а сон сменялся чем-то вроде видений на ходу. Так они шли во мраке.

Как впереди появился свет, они не увидели. Не услышали и шума поблизости. Не заметили, что за ними наблюдают. Не учуяли запаха других кротов, следивших за ними из темноты. А на путников из древних ходов, куда они попали, смотрели странные существа, тихо шушукавшиеся кроты, древние кроты с седым, побелевшим от старости мехом и высохшей морщинистой кожей, перепуганные кроты. Кроты шептались на древнем языке.

Древний язык, язык ученых летописцев, звучал странно, но красиво, не жестко, как язык кротов Шибода, и не мягко, как обычный кротовий язык, а сильно и уверенно, слова были красивы, а их значение благочестиво. По духу этот язык принадлежал Камню.

Так, сам того не сознавая, Триффан оказался в тайном сердце Вена, которое вот уже в течение нескольких веков было на замке и строго охранялось. Потом в слабом январском свете, проникшем в древний ход, они увидели, как какой-то крот припал к земле и приветствовал их голосом, хриплым от старости и

тревоги:

— Хто п ты ни пыл, о кро-от, шем пы ты ни пыл п-о-олен, што пы… што пы… та препу-утет с то-обой Ка-а-амень!

Глаза старых кротов следили за пришельцами и увидели наконец, что это не враги, а больные, слабые, чуть живые создания. Тогда странные кроты один за другим вышли на свет и осмелились дотронуться до чужаков.

Если друзья Триффана и не поняли первых слов, они прекрасно поняли последующие. Их вывели на поверхность, которая показалась им просто волшебной, — она была расположена выше уровня ревущих сов и двуногих. Странные кроты приветствовали гостей, дотрагивались до них, шептали слова, которые узнают все кроты, на любом языке — старом или современном: «Добро пожаловать к нам!»

Добро пожаловать! Хозяева исполнили ритуальный приветственный танец с большим достоинством, и величествен был старый лес, достигший уже возраста глубокой осени.

Глава четвертая

— А нет ли здесь целителя?

Это раздался голос Старлинг, и в нем прозвучали гнев, разочарование, нетерпение. Однако никто в зале даже не обернулся в ее сторону. Кроты продолжали что-то невнятно бормотать, неуверенно переглядываться. Отвечать они явно не собирались.

— Вы что, не видите — он умирает, а вы все говорите, говорите, и произносите заклинания, и…

— Древние господа и дамы, моя спутница, озорная юная дама, расстроена болезнью Трифана и тревожится, так что извините ее… — начал Мэйуид, пытаясь умиротворить собравшихся здесь кротов. Однако Старлинг больше терпеть не собиралась.

— Ручаюсь, что где-нибудь есть целитель. Вам только нужно прекратить церемонии и понять, что Трифан из Данктона умирает, — выпалила она, не обращая внимания на Мэйуида. — Так что если никто не хочет пойти за ним, пойду я!

С этими словами Старлинг выскочила из зала на поверхность и бросилась в какой-то ход, в западном направлении, совершенно не зная, куда он ведет. Остановилась Старлинг, лишь услышав за собой шлепанье лап: ее догнал один из самых древних кротов и задыхаясь проговорил:

— Пойтем, быстро, со мно-ой, к моей то-о-чри, по-о-оговорим с ней. Пойтем, пойтем вме-есте!

— Наконец-то попался разумный крот! — заявила Старлинг и позволила проводить себя к дочери разумного крота, если она правильно поняла старика. Старлинг очень обрадовалась, так как ей уже начало казаться, что здесь нет ни одного молодого крота.

❦

Гостям оказали теплый прием, о них хорошо заботились, и первые несколько дней ни один из них не покидал большой удобной норы, куда их отвели. Они приходили в себя после тяжких испытаний. Трифана поместили в отдельную нору.

Он был настолько плох, что его положили в маленькую теплую нору, где за ним легче было ухаживать. Больше, казалось, сделать ничего невозможно.

Сколько прошло времени, как они покинули ходы Хита, никто из них точно не знал, но не меньше месяца, а может, и

больше. Сейчас был январь, и снаружи, на поверхности, лежал снег.

Только когда кроты начали понемногу выздоравливать, они смогли кое-что узнать о системе, но не раньше, чем пришел в себя Спиндл. В Святых Норах в Аффингтоне Спиндл научился языку летописцев. Большой удачей для современного кротовьего мира было то, что Спиндл с товарищами добрался до кротов, давно живших в Вене отгороженными от мира.

Прежде чем эта система рассеялась и исчезла навсегда, Спиндл составил подробный отчет обо всем, что он увидел и узнал*. (*См. «О необыкновенном открытии, или История кротов Вена с приложением пророчеств Данбара», сочинение Спиндла из Семи Холмов.) Отряд Триффана заново открыл систему, кроты которой были потомками маленькой группы кротов, впервые добравшихся в Вен во главе с самим Данбаром много столетий назад.

Это было следствием исторического раскола и ухода Сцирпаса и Данбара из Аффингтона..

Данбар, считавший мятеж Сцирпаса началом упадка Камня в кротовьем мире и полагавший, что только Крот Камня сможет остановить этот процесс и возвратить кротам веру и покой, решил сохранить старые обычаи в системе, не развращенной, как он надеялся, кротами Слова, которые вскоре, очевидно, захватят власть в кротовьем мире. Данбар основал свою общину кротов вблизи самого сердца Вена, на холме, возвышавшемся над его центром, где червей не было совершенно. Когда Данбар впервые пришел сюда, холм показался ему не хуже любого другого места, что можно было выбрать для жилья, а может, и лучше многих: на юге к холму примыкал Вен, зато на севере лежали открытые поля.

Перед смертью Данбар сделал ряд пророчеств, которые записал, оставив эти тексты своим последователям.

Всего было записано двадцать одно пророчество, но самыми важными считались три следующих. Первое: Святые Норы Аффингтона придут в упадок и кроты-летописцы разбегутся. Второе: придет время, когда Крот Камня (повествовала одна древняя легенда, в справедливость которой Данбар продолжал верить) явится из Вена и о нем узнают во всем кротовьем мире. Третье: дабы кротовий мир духовно сохранился для будущего, потребуется, чтобы у одного-единственного крота хватило мужества услышать полное Безмолвие Камня. Многие будут стремиться к Безмолвию, и некоторые кроты начнут слышать его, но, лишь когда один из кротов поймет его и примет в свою душу, остальные тоже смогут выбраться на великий свет Камня.

Еще раньше пришлось отбросить обеты безбрачия, данные

многими кротами Данбара. Вероятно, большинство его последователей были только послушниками или учеными-клириками (а не посвященными в сан летописцами), и их воля восторжествовала. То, что задумывалось как мужская община кротов-летописцев, превратилось в смешанную систему, причем единственную в кротовьем мире, где все кроты учились писать, где от них действительно требовалось написание собственных текстов.

К тому времени система оказалась отрезана от внешнего мира, сначала с северо-востока, потом с севера и, наконец, с запада. Исключение составляли только ходы на север, в дикую местность, называвшуюся Хемпстед. Туда в течение многих последующих столетий кроты Данбара обоих полов отправлялись искать себе пару. Очевидно, кроты Данбара в те годы были сильными и пылкими, им удавалось сохранять свою индивидуальность и очень высокий уровень порядка и дисциплины, установленный Данбаром, а написанному им мудрому Закону управления системой следовали еще многие десятилетия.

Возможно также, что, поскольку система постоянно находилась под угрозой самого Вена и многочисленных хищников, кроты Данбара чутко следили за тем, чтобы, поддерживать число жителей своей системы на таком уровне, который позволял сохранять порядок и веру в Камень.

Все должны были уметь писать, все должны были создавать тексты, и в этой системе в течение двух столетий наблюдался необыкновенный расцвет летописания. Однако система со временем становилась все более изолированной, и о ней постепенно забывали. Рассказы о кротах Данбара просачивались в мир только из системы Хемпстеда, однако над кротами Хемпстеда все сильнее тяготело разлагающее влияние Вена, поэтому знания о действительных событиях в изолированной системе оказались в конце концов утеряны. Рассказы превратились в мифы и легенды, в которых сохранялись лишь жалкие обрывки сведений о прошлом: в Вене живут древние кроты и от них когда-нибудь явится миру Крот Камня.

Так, скрытая от посторонних взоров, текла жизнь всеми забытых кротов Данбара, единственной системы в кротовьем мире, где летописанием занимались все.

Закону следовали строго, язык и молитвенные ритуалы сохранялись неизменными, они не развивались так, как развивается разговорный язык, когда при общении смешиваются разные диалекты, когда кроты имеют возможность знакомиться с обычаями других систем. Устный язык развивался изолированно

от других, и это делало его особо трудным для понимания даже тем немногим, кто, подобно Триффану и Спиндлу, сталкивался с ним в текстах.

К чести кротов Данбара следует сказать, что в последние века делались попытки добраться до внешнего мира, но они, очевидно, не удались, поскольку ни об одном контакте упоминаний нет. Вероятно, все экспедиции погибли в тоннелях Вена.

Однако позже, ближе к нынешним дням, поколений, быть может, за десять до Триффана, на систему кротов Данбара обрушилась незаметно подкравшаяся беда, с которой они ничего поделать не могли, ставшая для них роковой. Быть может, это было вызвано зараженными водами Вена или ядом, попавшим в червей, а может, просто ситуацией, присущей любому сообществу кротов, в которое не вливается свежая кровь, — какова бы ни была причина, но плодовитость в системе резко упала. Уменьшилось не только общее число приплодов, но и количество детенышей в каждом выводке, так что постепенно население системы стало стареть, а немногие малыши, родившиеся здесь, оказывались в окружении старых и частенько обозленных на судьбу бездетных самцов и самок. Между обитателями системы установились странные, «стерильные» отношения, отчего падение численности населения только ускорилось. Неожиданно Закон стал суровее и начал предписывать молодежи спариваться с пожилыми кротами. Обычной стала ненависть по отношению к немногим удачным парам. Неизбежно разгорелась смертельная вражда между кротами, и наступило время ужасного насилия, когда молодежь дралась с гораздо более многочисленными стариками. К несчастью, много юнцов погибло.

Система Данбара, великий основатель которой предсказал, что когда-нибудь в далеком будущем из нее выйдет Крот Камня, потихоньку убивала себя сама.

Потом понемногу жизнь в разоренной системе стала налаживаться, но тут на нее обрушилось очередное несчастье — чума. Та самая чума, которая поразила и весь остальной кротовий мир, добралась и до кротов Вена. Никто не знал как. Трагедия заключалась в том, что чума унесла больше молодых, чем стариков, и система пребывала в отчаянии и горе, не имея надежды возродиться к жизни.

А как же вера в Камень и поклонение ему? У системы не было Камня, только воспоминания о нем передавались из поколения в поколение. Однако на вершине холма существовало культовое место, а под ним находилась строго охраняемая гордость и слава системы — Библиотека. Там лежали написанные кротами Вена тексты, и эта Библиотека сильно отличалась от аффингтонской,

так как в ней хранились тексты, которых не было больше ни в одной системе, и в этих текстах повествовалось о событиях, никому из кротов других систем не известных. Там, укрытые от внешнего мира, практически затерянные — ведь не было никакой надежды, что они сохранятся, — лежали труды столетий, труды, отразившие рождение, расцвет, славу, великий успех, упадок и печаль. Труды о весне, лете и осени, великие труды, написанные в форме, которую не знали в Святых Норах, где летописцы были скрытны и сверхрелигиозны, да и мало кто из них писал ради своего удовольствия. Здесь же были поэтические тексты, рассказы, философские трактаты, фантазии и даже тексты, посвященные естественной истории, — ведь кроты Вена первыми описали двуногих, а один отважный крот даже занялся изучением ревущих сов.

На поверхности, над Библиотекой, в которой в течение веков хранились эти уникальные труды, совершались ритуальные обряды, и делали это кроты, обученные смотреть при этом на далекий запад, где находились Святые Норы Аффингтона, как рассказывали когда-то в далекие времена братья-основатели. В той же стороне высились Великие Камни Семи Древних Систем: Эйвбери, Аффингтона, Кэйр Карадока и Шибода, Роллрайта, Файфилда и самой близкой — Данктонского Леса. Эти названия сохранялись и произносились в их древней форме, а ритуальные обряды породили у кротов Данбара страстное желание узнать про Камни. С этим желанием пришла и вера, что когда-нибудь кроты Вена обретут вожака, который отведет их обратно, в прекрасное место — на их родину. Быть может, этим вожаком будет сам Крот Камня, а может, вожак объявится, когда состоится пришествие Крота Камня.

К тому времени, как Триффан со спутниками пришли в Вен, кроты Данбара практически доживали последние дни. В системе оставалась одна способная родить самка, и она была самой молодой из всех живших здесь кротов. Были еще, правда, и другие самки, но иссохшие, озлобленные, бесплодные, старые, завидовавшие молодой кротихе, тем более что сама она была единственным отпрыском последней удачной пары в Вене, имевшей детей, — пары Лейне и Пастона, того самого старого крота, который бросился вслед за Старлинг и уговорил ее пойти к его «тошери».

Между несчастными старыми кротами разгорелась настоящая война. Всем хотелось нежно погладить бок этой самой «тошери», когда она стала взрослой. Мало кто из этих бедняг спаривался хотя бы раз в жизни, а многие, вероятно, не были и способны. А если и были способны, то не оказались ли бы они бесплодны? Кто

мог знать? Несчастную молодую кротиху обязали выбрать себе пару среди этого сборища старых злых кротов. В конце концов она отправилась на Библиотечный Холм и сделала то, чему ее всегда учили: стала молиться Камню и просить направить ее.

Она заявила, что получила ответ — «ждать», и ни один самец не осмелился выступить вперед и потребовать, чтобы она подчинилась новому Закону и выбрала одного из них, стариков.

Но ждать чего? Ждать всю жизнь? Быть может, ждать чуда? Два года она ждала, то надеялась, то приходя в отчаяние, и все это время только ее отец, Пастон, защищал Фиверфью, разговаривал с ней. Самцы отказывались замечать ее. Самки предпочитали помалкивать. Все ненавидели ее. Два года ожидания с лежащим на ней тяжелым бременем — будущего этой системы.

И вот в эту затерянную, потерявшую всякую надежду систему и пришел отряд Триффана. Не зная истории системы, кроты не понимали, почему старики аборигены очень скоро стали странно глядеть на них. Они не понимали, почему до юной Старлинг дотрагивались, изводя ее этими прикосновениями, седые старики или почему, даже не дав кротам Данктона окончательно оправиться, древние ворчливые самки стали, как молоденькие, улыбаться и смущенно облизываться, глядя на крепнущих после болезни смущенного Мэйуида и растерянного Спиндла. Спаривание? Разве могло это прийти им на ум, разве этого хотели их измученные тела? Что касается Триффана, на него, по сути дела, не обращали внимания. Все видели, что он умирает, никто не хотел тратить на него время, когда вокруг были лучшие цели, за которые можно было побороться.

Через некоторое время после прибытия четверки кроты системы Данбара утратили всякий интерес к миру за пределами Вена. Система обратила свои взоры внутрь самой себя, в ней вдруг стало тесно, се ходы гудели от разговоров, сплетен и предположений о том, кто может понравиться пришельцам… В конце концов Мэйуиду и Старлинг пришлось проявить твердость и потребовать, чтобы Спиндла оставили в покое и не мешали все внимание сосредоточить на уходе за Триффаном. А Триффан редко приходил в сознание. Он лежал, тяжело больной, раны его гноились, он не мог даже пошевелиться. Бедный Спиндл не отходил от друга ни днем ни ночью, ухаживал за ним, чистил его и все время снова и снова просил принести травы, позвать целителя или кого-нибудь на помощь. Кого угодно, только не из этого скопища отчаявшихся стариков и старух, пытающихся лапать его самого, Мэйуида и Старлинг и предлагающих им свою тошнотворную близость.

Вероятно, именно тогда Спиндл стал догадываться об истинном состоянии дел в Данбаре; ему удалось использовать знание ритуалов Древней Системы и собрать совет кротов в зале, прилегающем к Библиотеке. Для этого Спиндл призвал на помощь свод правил, которые сам придумал, с единственной целью — потребовать, чтобы данбарцы перестали болтать и послали кого-нибудь смыслящего в лечении на поверхность — собрать травы для Триффана. Иначе тот скоро умрет.

Возложив на Мэйуида и Старлинг задачу убедить хозяев, Спиндл ушел из зала, не желая оставлять Триффана одного. Но совет только говорил и говорил, ничего не предлагая. Вот тут-то Старлинг в конце концов вспылила и выскочила из зала, за ней последовал Пастон.

❦

Старлинг смутно представляла себе, что тот намерен делать, но она была Старлинг, к тому же по горло сытая болтовней, готовая сделать что угодно, чтобы найти помощь Триффану. Она пошла за Пастоном.

Старик повел ее вниз по склону в западном направлении, по поверхности и подземными ходами. Поняв только, что они идут к его дочери, Старлинг решила, что дочь, вероятно, старуха (Пастон был очень дряхлым), но, может, она славная старуха.

Так они и шли, пока не добрались до малозаметного хода и не стали спускаться. Пастон покричал, предупреждая дочь о гостье, а потом, сделав знак Старлинг оставаться на месте, пошел вперед один. Старлинг заметила, что в этих ходах хорошо и вкусно пахнет, они сухие и вырыты недавно. Эта кротиха, решила Старлинг, должно быть, придется ей по душе.

Потом Пастон вышел, позвал Старлинг и, трогательно гордо улыбаясь, ввел ее в зал, где их ожидала очень милая кротиха, показавшаяся Старлинг доброй и немного испуганной.

— Мья тошь Фиверфью, — представил Пастон.

Старлинг улыбнулась и громко поздоровалась:

— Привет!

Фиверфью смотрела на нее и, похоже, не знала, что сказать. К удивлению Старлинг, она выглядела достаточно молодо, ее мех отливал здоровым блеском, и все вокруг было устроено очень разумно. Кротиха казалась робкой, однако, когда она, собрав все свое мужество, посмотрела на гостью, в глазах светились ум и прямодушие. Фиверфью была стройной, как будто в отличие от других кротов этой системы она проводила время в беготне и не

позволила себе бездельничать. В одном чистом углу ее норы лежало даже несколько начатых текстов — свидетельство, что она собиралась писать и в дальнейшем. Кротиха-летописец!

Старлинг проговорила:

— Рада познакомиться с тобой. Меня зовут Старлинг. Ты понимаешь, что я говорю?

Рядом с Фиверфью Старлинг чувствовала себя чересчур крупной и, как бы это сказать, излишне жизнерадостной. Однако Старлинг ощутила и значительное облегчение, впервые за долгое время оказавшись в обществе кротихи, похожей на нее саму. Остальные самки в этой системе были такими старыми, что Старлинг их и за самок почти не считала.

Наступило долгое молчание. Фиверфью, казалось, копила силы, собираясь заговорить, что в конце концов и сделала:

— Старлинг, ра-ас-реши представиться. Мне не гро-оосит смерть, да будь благословен Ка-а-амен.

Старлинг медленно переварила услышанное, а потом сказала:

— Прекрасно, это большое облегчение, я рада, что ты не собираешься умирать. А ты думала, что умираешь?

Фиверфью энергично потрясла головой, взглянула на своего отца, кивнула, снова посмотрела на отца и ничего не сказала. Повисло неловкое молчание. Старлинг решила, что мужчине здесь делать нечего. Ей нужно было откровенно побеседовать с Фиверфью.

— Знаете что, — произнесла Старлинг, — двое — это компания, трое — уже толпа…

Она повернулась к Пастону и вежливо дала ему понять, что лучше бы он на время вышел. Ничего плохого не случится с его любимой дочерью, ну совсем ничего. Старлинг улыбнулась Пастону очаровательной всепобеждающей улыбкой. Это потрясло старика, и он произнес длинную речь, полную «по-ш-тенная», «умоляю» и «от фсе-его серт-са», под конец которой Старлинг выпроводила его.

Фиверфью к тому времени совсем пришла в себя и робко улыбалась. Казалось, она хочет о чем-то спросить, но вместо этого вдруг вытянула вперед лапу и потрогала мех Старлинг.

— Ма-а-ала-дой, гладкий и при-и-иятный! — пропела она и стала напевать веселую песенку.

— Как мило! — воскликнула Старлинг, приходя к выводу, что Фиверфью ей действительно нравится.

Старлинг устроилась поудобнее, понимая, что разговор займет какое-то время, и произнесла медленно и отчетливо:

— Я очень рада познакомиться с тобой.

Поскольку Фиверфью не поняла ее, она повторила эти слова.

Произнося «я», она показала на себя, захихикала на «очень рада», а под конец дотронулась до Фиверфью, чтобы показать, что такое «с тобой». Потребовалось время, но, когда Фиверфью наконец поняла, что так терпеливо пытается объяснить Старлинг, она произнесла нечто подобное на старокротовьем языке, подождала, пока Старлинг повторила фразу, а потом неожиданно глаза Фиверфью наполнились слезами, и она разрыдалась, будто бы много лет ждала возможности выплакаться. Она рыдала и от счастья нравиться этой чужой кротихе, и от горя, что столько лет не нравилась никому.

Потом обе стали болтать, открывая для себя чистую, ничем не омраченную радость разговаривать с другой кротихой в этом мире больных, возбужденных или слишком уж хорошо знакомых самцов.

Потом, много позже, Старлинг сумела объяснить, что в этой системе находится крот по имени Триффан и ему требуется помощь, травы и лечение. Фиверфью улыбнулась и спокойно сказала, что сейчас пойдет и сделает все, что сможет.

— Ка-ак е-ефо зо-офут? — спросила она.

— Триффан, — ответила Старлинг.

— О-он хо-ор-о-ошенький? — робко спросила Фиверфью.

— Да! — воскликнула Старлинг со смехом. Да, Триффан хорошенький! Ей ни на минуту не могло прийти в голову, что Триффан может быть объектом интереса со стороны самки, но если подумать… При этом они обе рассмеялись, выскочили из норы и выбежали на поверхность, не объяснив своих действий Пастону, который ждал их так долго и очень удивлялся доносившимся до него смеху и болтовне. Даже если бы он разобрал слова, он, старый и мудрый, не понял бы их.

Придя в нору Триффана, они увидели, как он ослабел; хотя рот его был открыт, казалось, он почти не дышит. «Хорошеньким» Триффан был когда-то, но не теперь. Правый бок распух и воспалился, грязно-желтый гной сочился и застывал на мехе. Раны приобрели зловещий серо-белый цвет там, где мясо начало гнить, и пахли тухлятиной. Горячечное состояние, в котором Триффан пребывал в пути, теперь прошло. Он лежал тихо, с полузакрытыми глазами. Иногда что-то шептал или пытался шептать, но разобрать слова было невозможно.

Спиндл редко отходил от Триффана, чистил его, предлагал ему пищу, к которой тот давно уже не прикасался. Спиндл был вне себя от горя. Он изо всех сил пытался держаться спокойно рядом с Триффаном, но, когда разрешал Мэйуиду или Старлинг сменить себя, не находил покоя, не мог спать и почти не слышал собеседника.

Пожилых кротих, которые досаждали ему, Спиндл игнорировал, и утешить его не мог никто. Его друг умирал, а он, Спиндл из Семи Холмов, которому сам Босвелл поручил следить за здоровьем Трифана, не справился с этим. Последней надеждой Спиндла было найти целителя среди здешних жалких средневековых писцов-кротов. Но все, что Мэйуид мог сообщить Спиндлу, вернувшись с совета, — это то, что Старлинг наорала на всех и убежала сама искать целителя. Трудно надеяться, что из этой затеи что-нибудь выйдет.

Спиндл был на поверхности (Мэйуид отпустил его) и оглядывался по сторонам, словно хотел понять, что же ему теперь делать. Тут и нашла его Старлинг, измученного, бормочущего что-то про себя, а увидев, твердо объявила:

— Спиндл, я хочу, чтобы ты поздоровался с этой кротихой. Будь с ней помягче, она ужасно робкая.

— И никого больше не нашлось… — начал было Спиндл, но, подняв глаза, увидел перед собой Фи-верфью. Она была моложе других, это уже значило кое-что, и, что еще важнее, выглядела смышленой.

— А она целитель? — спросил Спиндл.

— Вообще-то я не знаю, — ответила Старлинг, как будто защищаясь. — Она знает травы, и я надеюсь — если ты будешь милым по отношению к ней и подбодришь ее, — она сделает все, что сможет.

Фиверфью посмотрела поочередно на Спиндла и Старлинг, не очень понимая, что они говорят. Спиндл выдавил из себя слабую улыбку и проговорил, пожалуй, немного резковато:

— Хорошо. Спасибо. Хм, здравствуй! Тогда пойдем посмотрим, что ты умеешь.

— Я — ме-еня присла-ал Ка-амен, и я за-аймус фа-ашим Трифаном, — спокойно проговорила Фиверфью, положила свою лапу на лапу Спиндла и посмотрела ему в глаза.

— Спасибо, — произнес он, внезапно оробев, потому что единственной самкой, прикасавшейся к нему, не считая Тайм, была Старлинг, а к ней они все относились как к дочери! Но в прикосновении этой кротихи было что-то слишком интимное, и Спиндл почувствовал себя неуютно.

— Э-э, спасибо, — повторил он. Потом, внезапно ощутив покой, какого не ощущал уже много дней, добавил: — Да! Да! Прекрасно! Пойдем!

Они отвели Фиверфью вниз, к норе Трифана, и она без колебаний вошла в дурно пахнущие глубины. Фиверфью представили Мэйуиду, и первое, что она сделала, — дала всем знак отойти подальше, пока опа будет осматривать больного.

Фиверфью припала к земле и, внимательно всматриваясь в Триффана, долго не произносила ни звука, только еле слышно сочувственно вздыхала. Потом обошла вокруг Триффана, принюхиваясь тут и там, что-то шепча про себя, что-то вроде «Ох!» и «Бедняжка!», а когда закончила осмотр — «Это ужасно!» и, наконец, «Так не пойдет!».

Мэйуид оглянулся на своих друзей и энергично кивнул, как бы говоря: «Почтенный Спиндл и волшебница-дама, эта кротиха произвела сильное впечатление на меня, Мэйуида, вашего недостойного друга! Да-да!»

Потом Фиверфью подошла еще ближе к Триффану, положила лапу на его бок и нежно прошептала заклинание:

До-орогой Крот,
Мы здесь, с тобой,
Во имя любви к лету с его цветеньем
И к зимней ночи с ее градом и снегопадом.
В твоем сердце сейчас темно и мрачно;
Дорогой крот Триффан,
Наберись мужества.
Разреши нам вести тебя,
И ты будешь любим, мы поможем тебе,
Мы пришли, чтобы исцелить тебя.

Может быть, при звуках ее голоса Триффан пошевелился, а может быть, и нет. Сейчас, рассказывая о первой встрече Триффана из Данктона и Фиверфью, юной кротихи из Вена, которой суждено было изменить жизнь Триффана и всего кротовьего мира, любят сообщать, что Триффан пошевелился, открыл глаза и увидел совсем близко от себя Фиверфью. Некоторые в своих выдумках доходят до предположения, что он заговорил с ней.

Отчет Спиндла менее романтичен, но, вероятно, более правдив. Спиндл просто сообщает, что Фиверфью отвернулась от Триффана, у нее был решительный и целеустремленный вид, словно слабость Триффана вызвала у нее прилив энергии.

— Ты м-можешь пом-мочь ему, и-исцелить его? — спросил Спиндл, копируя старокротовий язык и надеясь, что Фиверфью поймет его так скорее.

Она улыбнулась, услышав его исковерканную речь и проговорила:

— Я еще не знаю, но доверим Триффана священному Ка-амену, и он исцелится от своих по-о-олесней через семь но-тшей, а мы это ф-фре-емя будем ве-ерно и хо-орошо уха-ашивать за ним.

В нашем рассказе мы последуем примеру Спиндла и будем передавать речь Фиверфью на современном кротовьем языке.

Она, еще раз взглянув на Трифана, объявила, что его надо перевести, и побыстрее, в место, где будет легче поправиться.

— Он слишком болен и не может двигаться.

— Ка-а-амену будет легче помочь, если крот ляжет правильно, — проговорила Фиверфью.

— Э-э, а каким образом должен лежать больной крот? — спросил Спиндл.

— Головой на запад, если рана в боку. Если болит сердце — головой к восходящему солнцу.

— Та-ак, — с сомнением протянул Спиндл.

— Перестань суетиться, не будь таким старым, — раздраженно заметила Старлинг, — ты становишься таким же противным, как все кроты в этой системе. Фиверфью знает что говорит, и чем скорее мы все в точности выполним, тем лучше. Ты согласен, Мэйуид?

— Великолепная, поразительная юная дама… — завел Мэйуид.

— Да или нет? — прервала его Старлинг.

— Да, — проговорил Мэйуид. Ему было очень трудно ограничиться одним словом. — Безусловно — да.

— Куда мы отведем его?

— В мо-о-ою нору, — сказала Фиверфью, и в ее голосе звучали лишь слабые отголоски былой робости.

Что они и сделали — к удивлению всех кротов. Им пришлось нести Трифана (потому что идти сам он уже не мог) по ходам системы, а потом вниз по западному склону холма. Там они поместили его в теплую, приятно пахнувшую нору Фиверфью, и она начала ухаживать за больным: уложила Трифана головой на запад, а по ночам друзья вытаскивали больного на поверхность. Фиверфью поворачивала его рыльцем на запад, где находились Великие Камни, и самый близкий из них — в Данктонском Лесу.

Пылало небо Вена, издали доносились рычание ревущих сов, приглушенный топот двуногих. В эти ясные холодные январские дни, когда Трифан был близок к смерти, луна иногда светила так ярко, что, казалось, затмевала огни Вена, очерчивала дальний горизонт, где высился лесистый холм, и как будто приближала к ним Камень. Понемногу Трифан начал приходить в себя. Кризис миновал, боли стихали, и на него снизошел мир и покой.

Трифан начал слышать звучание Безмолвия. Одолевать болезнь было гораздо труднее, чем проделать путь, начатый давным-давно в Аффингтоне. И рядом с ним была незнакомая кротиха с ласковым голосом. Иногда Трифану удавалось

почувствовать ее бесхитростную, встревоженную, тоскующую душу, даже в самые мрачные часы обращенную к Камню.

❦

Болезнь Триффана продолжалась гораздо дольше, чем «семь нот-тшей». Прошел январь, кончался февраль, и лишь тогда больной полностью пришел в сознание. Триффан был слаб, во сне его еще мучили кошмары, но он уже понимал, что это кошмары. Во время болезни, когда он метался в бреду и его обступали образы прошлого, он считал их реальностью.

Триффан, хоть и не разговаривал с Фиверфью, чувствовал ее присутствие, слабо протестовал, если она уходила даже на минуту, и погружался в сон под ее нежными прикосновениями. Фиверфью ухаживала за Триффаном днем и ночью, а Спиндл был рядом, и, поскольку раньше у него уже была Тайм, он понимал, что такое любовь на вечные времена. И Спиндл обращал свое рыльце на запад и благодарил Камень за то, что он привел к Триффану Фиверфью.

Спиндл не испытывал ревности к Фиверфью, как могло бы случиться с другим кротом в его положении. Он понимал, что только Фиверфью могла облегчить телесные и духовные муки Триффана, которые накопились за долгие годы.

В бреду Триффан вспоминал о событиях своего детства, о минутах, когда он рисковал жизнью, защищая братьев и сестер, о том, как он рос вдали от Брекена и Ребекки и жил один в Лугах возле Данктонского Леса, о долгих годах, когда он один охранял Босвелла на пути в Аффингтон, о временах, когда другие видели в нем вожака и он должен был жертвовать собой, чтобы остальные жили в безопасности.

Спиндл понял, как тяжело Триффан переживал страдания и смерть множества кротов на склонах Бакленда и ужас бегства из Данктонского Леса. И наконец, последний удар, сломивший Триффана: уговорив товарищей последовать в Вен, он чуть не привел их к гибели.

Ко всему прибавлялось сомнение: достойно ли служение Триффана Камню и так ли уж необходимо ужасное одиночество, от которого Триффан, как всякий вожак, страдал все годы, потому что кроту необходима любовь.

Вероятно, Триффану из Данктона требовалось время, чтобы отдохнуть от бремени принятой на себя ответственности, время для размышлений и для описания пережитого. Но теперь болезнь вынуждала его молчать. Физически он не был один, с ним были

его друзья, но духовно — Спиндл знал это — Триффан был одинок. Одинокий крот в ночных кошмарах пробирается сквозь болезнь и страдания, стремясь понять и услышать Безмолвие.

В конце февраля наступило улучшение, Триффан произнес несколько слов и неотрывно смотрел на выход из норы, возле которого, по настоянию Фиверфью, его поместили. Триффан стал спокойнее, он похудел и постарел, характер его смягчился, словно он лучше стал понимать страдания.

Однажды в сумерках Триффан спросил:

— Тебя зовут Фиверфью?

— Т-та, — ответила она шепотом, — а ты — крот Триффан.

Казалось, после долгой разлуки они наконец встретились.

— Я хотел бы выйти на поверхность, — проговорил Триффан.

Медленно, с трудом он выбрался наружу, и Фиверфью помогала ему. Когда они подошли к месту, которое понравилось Триффану, он повернулся рыльцем на запад, где садилось солнце, в то время как на юге, слева от них, начали зажигаться огни Вена.

Но Триффан хотел показать Фиверфью запад и, глядя на гаснущее небо, произнес:

— Там находится Данктонский Лес, Фиверфью, далеко-далеко. Я пришел оттуда.

— Т-та, я с-сна-аю это, — ответила она. — Те-ебе при-ишлось то-олго идти и пы-ыло тру-удно.

— Я хочу рассказать тебе об этом.

— Так расскажи, — прошептала Фиверфью и прижалась к Триффану, а на востоке на небе зажглась первая звезда.

— Расскажу, обращаясь от своего сердца к твоему, — начал Триффан на древний лад, — я расскажу тебе о заблудшей, сбившейся с пути системе, о том, как сбился с пути весь кротовий мир, о том, как Камень оставил его, и о нескольких кротах, которые мечтали найти Безмолвие и помочь всем услышать его звучание.

— А когда ты закончишь, — ответила Фиверфью, — я расскажу тебе, обращаясь от своего сердца к твоему, о том, как Данбар говорил нам, что явится Крот Камня и поможет всем кротам услышать звучание Безмолвия, как он говорил о кроте, простом и скромном, который первым поймет полное Безмолвие Камня и поможет понять его всем.

Так Триффан и Фиверфью разговаривали между собой, прикасаясь друг к другу, а солнце садилось, подготавливая приход лучшего, чем прошедший, дня, и высоко над ними в небе зажигались звезды, словно предвестники их великой судьбы и судьбы всего кротовьего мира.

Глава пятая

Скоро всем в системе стало ясно, как было ясно Спиндлу с самого начала, что Триффан и Фиверфью — пара и, если будет на то благословение Камня, у них родятся дети. И Спиндл вовсе не удивлялся, что этот союз, совершившийся тихо, почти втайне, оказал успокаивающее действие на других кротов.

А может, так случилось потому, что к моменту соединения Триффана и Фиверфью, январь и февраль, когда кроты ищут себе пару, волнуются и легко раздражаются, уже прошли, стали появляться первые признаки весны и кроты были заняты более важными делами, чем продолжение взаимных распрей, тем более что дело было явно решенным.

Желание Спиндла и Мэйуида остаться в одиночестве было хорошо известно, а Старлинг, которая с каждым днем становилась все сильнее и была полна жизни, вселяла такой ужас в трусливых кротов Вена, что, за исключением Пастона, относившегося к Старлинг по-отечески, никто не решался заговорить с ней.

Итак, Триффан и Фиверфью стали парой, и система согласилась с тем, что им требовалось уединение, поскольку повсюду началось весеннее возбуждение и в будущем оно обещало усилиться. Возбуждение коснулось даже старых кротов, которые казались совсем бесчувственными. Первые проблески солнечных лучей на каплях росы, первые рулады птичьих песен в кустах, всегда неожиданное появление молодых зеленых ростков, которых так давно не было, но которые вернулись, юные и нетерпеливые. А все, что было в системе едкого и горького, скапливалось у шоссе ревущих сов, у бетонных построек, у дорог и проложенных под землей тоннелей двуногих, в местах либо очень грязных, либо бесплодных.

Под землей стали быстро расти белые корешки первоцветов и кукушечника, медленно ползали гусеницы, а на поверхности зацвели белые подснежники, пурпурные крокусы и обрел свежую красу желтый чистотел.

Воздух стал теплее, а свет ярче, все живое постепенно набирало силу, шло в рост, сначала медленно, потом все быстрее, и среди этой красоты бродили Триффан с Фиверфью, открывшие друг другу свою любовь. Они разговаривали обо всем и ни о чем весь день, до глубокой ночи.

Если прежде Спиндл боялся, что Триффан будет бороться с обрушившейся на него любовью, выполняя обет безбрачия, терзая себе сердце ложным чувством верности мертвому канону

летописцев, то теперь он мог не беспокоиться. Триффан изменился и телом, и душой. Он обрел покой. Он похудел, мех местами стал седым. Однако он снова выглядел сильным и властным, во взгляде появились целеустремленность и уверенность. Его душа познала боль и пережила ее, и теперь он смотрел на мир проще. Раны Триффана затянулись, но на обеих передних лапах и на боку остались шрамы, потому на солнце он казался старше своих лет. Шрамы были сморщенными, кожа стянулась, и казалось, что Триффан вот-вот прыгнет вперед. Однако, если приглядеться, было видно, что это просто глубокие шрамы и там мех еще не вырос.

Триффан составлял резкий контраст с Фиверфью, которая, как выяснилось, была его сверстницей. Фиверфью выглядела очень серьезной, будто только что оторвалась от своих текстов, но, когда она поднимала голову и смотрела на Триффана, у нее появлялось мягкое выражение, глаза теплели, и двигалась она так же молодо и грациозно, как некогда Триффан. Только он за время странствий и болезни утратил свою легкость.

Вместе они казались единым существом, причем весьма внушительным, как будто представляли собой не просто супружескую пару, а некую единую сущность с единой верой, единой целью и единым обязательством, которое никак нельзя нарушать. Никогда еще не было столь очевидно, что Камень благословил союз этих двух кротов. Веру Триффана и Фиверфью разделяли и другие, а их ежедневные походы на вершину холма, где они смотрели на запад и тихо молились, превратились для многих кротов Вена в ритуал поклонения Камню.

Странное дело, но ни Триффан, ни Фиверфью не замечали, что их любовь вызывала слезы на глазах Спиндла и Мэйуида, а по прошествии времени и у других благосклонно настроенных кротов Вена.

Однако имелась и другая реакция системы на их союз. Ревность по-прежнему была жива, а теперь к ней присоединилось и сильное раздражение, потому что вера Триффана не являлась привычным и формальным выполнением обрядов, она ощущалась постоянно, а слова, которыми он пользовался, произносились не на старокротовьем, а на современном языке, что некоторым представлялось святотатством. Требовался только предлог, чтобы злые чувства окрепли и нашли себе выход, а там, где существует раздражение и недоброжелательность, подобные предлоги находятся весьма быстро. Однако пока этого не случилось. Триффан и Фиверфью пока еще могли спокойно любить друг друга.

А что Старлинг? С момента соединения Триффана и

Фиверфью она — и это было так непохоже на нее! — вдруг стала угрюмой и необщительной. Старые самки разгадали, в чем дело, и злорадно ухмылялись, хитро переглядываясь, они прекрасно знали, как должна чувствовать себя самка в такой системе и в такое время. Но самцы ничего не понимали, а тем более Спиндл и Мэйуид, которые никогда не смотрели на Старлинг с такой точки зрения. Пока головы Спиндла и Мэйуида были заняты изучением сокровищ Библиотеки Вена, пока они сами начали записывать историю кротов Вена, Старлинг ушла на восточную сторону холма и стала устраивать себе там нору и ходы в данктонском стиле: четкие, удобные и прочные.

— М-мы с-снаем, ш-што эт-та землекопалка р-роет и з-затшем! — шипели старухи, обмениваясь многозначительными взглядами; было похоже, Старлинг готовится найти себе пару. Кто станет ее избранником?

❦

Однажды, когда ярко сияло мартовское солнце, Спиндл пришел к новому жилищу Старлинг и радостно сообщил ей добрую, как он сам полагал, новость: у Фиверфью будут дети. Старлинг встретила это известие с преувеличенным, несколько искусственным восторгом и велела Спиндлу передать от нее семейству самые лучшие пожелания. Но, уходя, Спиндл не переставал удивляться и искренне не мог понять, чем он, собственно, досадил Старлинг и почему она так злится, что даже не предложила ему, Спиндлу, ни одного червяка.

«Злится» — это еще слабо сказано. Точнее было бы сказать — вне себя от ярости, той самой ярости, какую испытывает кротиха, когда другая получает все, а она ничего, и винить за это некого! Полтора дня Старлинг свирепо носилась по своим ходам и норе, а потом решила сказать Камню все, что она об этом думает.

— Слушай-ка, — проговорила Старлинг, приняв соответствующую позу, но обратив взор вовсе не туда, куда следовало: она повернулась не на запад, а в сторону Вена, однако Камень услышал бы ее, куда бы она ни повернулась. — Я недовольна тобой. Сначала ты заставил меня заботиться о Лоррен. Потом навязал мне на голову Бэйли. Разве я жаловалась? Нет, ни разу! Я присматривала за ними, пока ты не отнял их у меня (и тебе придется ответить, если они в один прекрасный день не вернутся целыми и невредимыми). Как будто этого было недостаточно — ты заставил меня пройти по ужасным тоннелям, где полно вонючих крыс, а потом я оказалась в этом по-

настоящему страшном месте, где совсем нет самцов. Надеюсь, ты не ждешь, что я всерьез стану думать о Спиндле или Мэйуиде, потому что это, право, уж последняя соломинка. Нет, даже ты не можешь быть таким круглым дураком. Так вот, я хочу, чтобы ты нашел мне самца, более крупного, чем я, здорового, чтобы он говорил на нормальном кротовьем языке и мог стать отцом малышей, которых я намерена родить очень скоро. Так что, будь любезен, займись этим побыстрее, время уходит, и ты еще не видел, какой я бываю, когда действительно разозлюсь.

Сделав это заявление Камню, Старлинг ушла, нашла много вкусных червяков и, нежась на весеннем солнышке и чувствуя себя гораздо лучше, устроила себе пир. Потом немного убрала в своей норе и легла спать. На следующее утро, яркое и чистое, Старлинг еще раз хорошенько почистила шубку, так что ее густой мех приобрел особый блеск, а когти, всегда ухоженные, стали чистыми, как стеклышки.

После этого она вышла на поверхность и объявила Камню:

— Вот, я готова, теперь твоя очередь.

Прошел день, потом два. Старлинг оставалась спокойна. Прошел третий день. Старлинг начала сердиться. Четвертый день. Старлинг стала впадать в уныние и немного поплакала от разочарования. Потом ее охватил новый приступ гнева. Наступил пятый день. Старлинг вздохнула и провела его, пытаясь смириться с перспективой бездетности.

В этот вечер ее навестил Мэйуид.

— Уходи, — прогнала она его.

Следующим утром к ней заглянул Спиндл.

— Ненавижу вас всех, — выпалила Старлинг. — Пожалуйста, оставьте меня в покое навсегда.

— Э-э, да, прекрасно, — пробормотал Спиндл.

Неожиданно, непонятно почему, в Старлинг возродилась надежда. Она опять почистила коготки, пригладила мех и устремилась наверх. Горицвет начал зацветать, распустилось несколько нарциссов, и все они ловили солнце лепестками, но Старлинг не замечала ничего. Сосредоточенно и решительно она двинулась вперед, как лисица, выслеживающая добычу. Казалось, она что-то чует поблизости.

— Самец, — бормотала она.

Старлинг услышала шорох в траве и, припав к земле, приняла позу, выражающую безразличие и беспечность. Она делала вид, что не замечает ничего вокруг себя, но на самом деле ни один крот не следил так внимательно за тем, что происходит в мире, как Старлинг. Ничего не подозревавший самец гулял по склону и простодушно фыркал от удовольствия. Чудесным весенним утром

он в одиночестве наслаждался завтраком и что-то напевал себе под нос.

«Определенно самец», — решила Старлинг. Тихонько поднялась и двинулась на доносившиеся звуки. Сердце ее билось в два раза быстрее, но лапы ступали твердо.

— Ну и ну! — обескураженно пробормотала Старлинг, завернув за угол.

Там, на солнышке, действительно находился крот-самец. Но что за крот! Она просила у Камня совсем не такого. Этот не был молодым, не был крупным, мех его не был глянцевитым, а когти не были вычищенными. Он казался… диким, очень лохматым и неопрятным. Такие пустяки, как внешний вид, не занимали крота-бродягу, охотно довольствовавшегося собственным обществом. Он ел медленно, получая от этого удовольствие, что-то напевал, задумчиво посматривал в сторону Вена, снова ел и снова что-то напевал.

— Привет! — вдруг занервничав, поздоровалась Старлинг.

Крот вздрогнул, уронил червяка и отступил на шаг, широко раскрыв глаза.

— Чтоб тебя вороны склевали! — воскликнул он. — Ну и напугала ты меня! Никогда больше так не делай!

— Прости, пожалуйста, — извинилась Старлинг с непривычным для нее смирением.

— Да уж придется, — проворчал Крот и повторил, уже спокойнее: — Придется. Уф! Это был удар! — Он устроился поудобнее и посмотрел на Старлинг.

— А ты не очень молод, — произнесла она.

Крот ничего не ответил.

— И очень лохмат, — продолжала она.

Крот, равнодушно взглянув на нее, снова принялся за еду.

— Пожалуй, я слегка разочарована, — заявила Старлинг.

— Знаешь, кто ты такая? — спросил крот.

— Нет, — ответила Старлинг, кокетничая: любой, даже такой самец все же лучше, чем никакого.

— Ты — зануда, — отрезал крот.

Наступило долгое молчание, во время которого Старлинг тщетно пыталась разрешить один из многих парадоксов в отношениях между кротами, а именно: если самец выражается прямо и грубо, но при этом говорит правду, то самка, являющаяся объектом его внимания, находит его бесконечно более привлекательным.

Что и произошло со Старлинг.

— Так говорить невежливо! — едва выговорила она.

— Да, возможно, но не очень-то приятно, когда кротиха, с

которой ты и не знаком вовсе, заявляет, что ты похож на крысиный обед. И еще хуже, если упомянутая кротиха — первая, кого ты встретил за такое долгое время, что почти не можешь припомнить, когда это было в последний раз.

— Я знаю, кто ты! Ты — Хит! — воскликнула Старлинг. — Камень спас тебя ради меня. Это очень романтично, хоть ты и старый.

— Подожди минуту, — проговорил Хит, ощущая, что в нем просыпается интерес к этой самке, которая чем дольше он на нее смотрел и чем дольше ее слушал, тем больше ему нравилась. — Откуда ты знаешь, как меня зовут, и вообще, что ты здесь делаешь?

— Спорю, тебе стало интересно! — хихикнула Старлинг.

— Ну, что тут возразишь.

Тогда Старлинг, не до конца веря в свою удачу, серьезно взглянула на Хита и задумчиво сказала:

— Мои друзья, которых зовут Триффан и Спиндл, говорили, что ты, вероятно, сошел с ума, или что-то вроде того, из-за…

Она запнулась, не зная, стоит ли продолжать, потому что Хит нахмурился, забормотал:

— Я сошел с ума? Это она сошла с ума, — и начал оглядываться, как будто собрался удрать.

Но Старлинг всегда отличалась непосредственностью, и ее было уже не остановить.

— Они говорили, что ты строил ходы непонятно и запутанно и что ты стал под конец каким-то странным, наверное из-за долгого одиночества.

Хит простодушно усмехнулся:

— Я выгляжу странным?

— Да, — ответила Старлинг. — Очень странным. Но я не против.

— Твои друзья, Триффан и Спиндл, пожалуй, правы, но, когда крота несколько месяцев подряд преследуют крысы, когда он заблудился в ужасных тоннелях, и у него почти нет воды, и целые годы он совсем один, чего ты хочешь? Но, убежав из тоннелей, я решил, что с меня хватит! «Плевал я на крыс! — сказал я себе. — Плевал я на тоннели! Отныне буду жить спокойно и счастливо». Я тихонько припал к земле и не шевелился, пока все мои проблемы не покинули меня. Тогда я двинулся в путь и скоро пришел сюда. Естественно, когда я видел других кротов, я старался не попадаться им на глаза. От кротов одни неприятности, кроты почти как крысы. Хит открыл секрет счастья и не собирается раскрывать его. И вдруг сегодня, в такой хороший спокойный день, являешься ты.

Старлинг какое-то время поразмышляла над этим длинным монологом, потом удовлетворенно вздохнула и, полностью игнорируя скрытый смысл сказанного, заявила:

— А тебе не кажется, что нынче в воздухе чувствуется что-то особенное?

Хит с сомнением оглянулся, понюхал воздух и опять повернулся к Старлинг:

— Желаешь получить честный ответ или такой, какого тебе хочется?

— И тот и другой, — выдохнула она.

— Воздух кажется мне совершенно обыкновенным; и в нем сегодня ощущается что-то особенное. Что теперь?

Старлинг оробела, но ненадолго.

— Любовь и дети, — ответила она.

— Не выйдет, пока ты не ответишь на ряд вопросов, — изрек Хит, — главный: как ты сюда попала?

За ним второй: как скоро я смогу унести отсюда ноги?

— Не хочешь ли зайти в мою нору, чтобы я могла ответить на все твои вопросы? — с милой улыбкой весело пригласила Старлинг.

— С глубокой и решительной неохотой, — ответил Хит. Но тем не менее последовал за ней, пытаясь на ходу почиститься и обрести более приличный вид.

❦

Однако же в некоторые места кротовьего мира весна и любовь еще не пришли, и одним из таких мест был мрачный осажденный Шибод.

После встречи Алдера и Маррама с Глиддером и его братьями путешественников провели подземными ходами в расположенную в горах опасную юго-восточную часть системы. По холодным, проложенным двуногими тоннелям стремительно неслись потоки воды. Лишь зимой они замерзали, и вместо шума капающей воды слышался хруст трескающегося льда или грохот камнепада.

И все-таки уже много поколений кротов Шибода находило приют в этом угрюмом месте, устраивая здесь свои странные жилища, прорывая ходы в разломах горной породы, где пищи, то есть червей, не было вовсе. Они сооружали залы под немногими открытыми полянами, где червей было полно, но зато часто встречались крутые провалы, уходившие далеко вниз, к ходам, расположенным на большой глубине. Действительно опасные места.

Пища, таким образом, имелась в Шибоде лишь в определенных местах, и кроту следовало точно знать дорогу, если он не хотел умереть на пути между двумя стоянками, оказавшись неожиданно наверху, среди бесплодной снежной пустыни. Здесь ему становилось так холодно, что очень скоро он уже не мог двигаться, заболевал, лапы примерзали к земле, и хищные птицы заклевывали его.

В Шибоде существовало два рода кротов. Первые, которых, с некоторой долей условности, можно было бы назвать долинными, жили на нижних северных склонах долины Нантгврид, они были более мелкими, худыми, жуликоватыми, коварными, скупыми и довольно болтливыми. На чужих смотрели косо и старались не иметь с ними никаких дел. Они делали вид, что презирают своих высоко живущих соплеменников, хотя заявить об этом у них никогда не хватало смелости. И все же среди них попадались и сказители, и фантазеры. Крот Шибода Бран, который первым познакомился с Брекеном, а позже сопровождал Ребекку обратно в Данктон, где прожил потом некоторое время, был из долинных кротов.

Горные кроты, от которых вели свой род Глиддер и его братья, а также их предок грозный Мандрейк, жили высоко на склонах. Эти немногословные кроты были крупнее, сильнее, смелее и прямолинейнее долинных, и тоже, хотя и не все, владели общекротовьим языком. Это были настоящие кроты Шибода, легендарные кроты, которые со времен Бэллагана являлись хранителями великого наследия Шибода — священных Камней Триффана.

Вероятно, в каждой системе есть кроты, которые болтают, и кроты, которые делают дело, кроты, живущие разумом, и кроты, живущие сердцем. В Шибоде эти группы различались очень явно, и все же на памяти многих поколений система сохраняла единство, и обычно находился вожак, происходивший из одной или из другой группы, но признаваемый обеими. Однако к тому времени, как Алдер пришел в Шибод, в системе ощущался разброд, поскольку лукавые долинные кроты начали уступать давлению грайков, идти на компромисс и пускать грайков к своим ходам в тщетной надежде спасти жизнь.

Именно поэтому среди кротов, которых созвал Глиддер, чтобы они познакомились с южанами и получили от них сведения о грайках, был всего один долинный крот. Глиддер предупредил Алдера, что шибодцы могут не поверить чужеземцам и их доверие придется завоевывать. На что Алдер улыбнулся, вспомнив, как ему пришлось завоевывать доверие кротов Данктона. Он не видел причин для возникновения трудностей в Шибоде.

— Только разреши мне действовать, как я найду нужным, Глиддер, как поступил бы Триффан, будь он здесь.

— Хорошо, я верю тебе, как я верил бы ему, — согласился Глиддер.

Чтобы собрать кротов, понадобилось несколько дней, но зато потом они не теряли времени на пустые разговоры. Нигде в высокогорном Шиборе не было достаточно червяков, чтобы долго могло кормиться так много кротов, особенно зимой, когда стояли холода.

Глиддер представил собранию Алдера и Маррама, и они увидели перед собой довольно мрачную компанию: массивные уродливые морды, тяжелые плечи, когти, казалось вгрызавшиеся в землю. Этим отшельникам по природе, похоже, нелегко было общаться даже друг с другом. Кум был здесь единственным представителем долинных кротов, и, хотя в большинстве систем он считался бы кротом среднего роста, среди этих великанов он казался маленьким.

На Алдера произвела сильное впечатление торжественность, с которой они вслед за Глиддером низкими голосами благоговейно повторяли ритуальную молитву.

❦

После молитвы все немного размялись, а затем один крот разразился замечательно красивым хвалебным гимном, слова и энергичная мелодия которого выражали великую и вечную устремленность к Камню.

Из среды этих кротов вышел и сам великий Мандрейк. Странная скорбь некогда охватила его и увлекла далеко от Шибода, а Камень в своей мудрости и благодати привел его в Данктонский Лес, где Мандрейк стал отцом Ребекки, матери Триффана. Слушая пение шибодских кротов и видя их перед собой, Алдер смог лучше понять характер Триффана, увидеть истоки его физической мощи и осознать, что иногда под сильной и, казалось бы, невозмутимой внешностью скрывается страстность, прорвавшаяся сейчас в звуках гимна, когда кроты низкими голосами самозабвенно пели о своей вере.

Однако, как только шибодцы замолчали, Алдер с огорчением увидел, с каким недоверием и подозрительностью они глядят на Маррама и на него самого.

«Что вы можете сообщить нам полезного? — казалось, говорили они. — И что вы можете сказать о самих себе?»

Алдер отвечал им бесстрастным взглядом. От его поведения

сейчас зависело, станет ли он в будущем руководить кротовьим войском. Алдер не торопился, он не хотел проиграть.

— Ну, крот? — проговорил один из самых крупных кротов, который к тому же выглядел самым опасным. Он явно чувствовал себя вожаком, не хуже Глиддера. — Сколько прикажешь тебя дожидаться?

— Это Клогвин, — прошептал Кум. — Постарайся не задеть его.

Но Алдер отнюдь не собирался проявлять слабость.

— Чего вы, собственно, ждете? — резко возразил он. — Совета, как выбраться из ямы, в которую сами же и угодили?

По рядам кротов Шибода пробежала рябь удивления, они начали переговариваться. Но скоро все перешло в настоящую перепалку между Глиддером и группой Клогвина, причем ни один крот не соглашался с другим. Суть спора ни Алдер, ни Маррам понять не могли, а потому молча дожидались его окончания.

Внезапно часть кротов необыкновенно разъярилась. Казалось, своды над головами вот-вот рухнут от гама, голоса зазвучали еще громче, а когти раскрылись. Глиддер с братьями выстроились перед Алдером и Маррамом, как будто защищая их, а их противники во главе с Клогвином встали напротив. Но вот построилась еще одна группка, а потом и четвертая. Все орали, даже толкались, словно готовясь к схватке.

— И все это из-за одной твоей фразы, — прошептал Маррам.

— Это их дело, — спокойно сказал Алдер. Никогда раньше не видел такого сборища несговорчивых кротов. Если удастся заставить их действовать заодно, перед ними не устоит никакой враг.

Алдер и Маррам продолжали прислушиваться, а когда Глиддер и братья отошли в сторону, несколько кротов двинулись прямо на Алдера, стали орать на него и так свирепо потрясать когтями перед его рыльцем, что Маррам приготовился к схватке. Но ни тот ни другой не отступили, хотя такое количество агрессивных кротов могло испугать кого угодно.

Алдер не обманулся в ожидании неприятностей от Клогвина. Спорили по поводу способов ведения будущей войны с грайками, и Клогвин чаще других повышал голос на Глиддера. Клогвин был здесь самым крупным, самым громогласным, с весьма внушительными когтями и вовсе не дурак. Он даже легонько, будто шутя, ударил Глиддера.

Дальше Алдер действовал по наитию и впоследствии едва ли мог вспомнить, что заставило его так поступить.

Он отшвырнул в сторону пару кротов, споривших поблизости, и шагнул к Клогвину, оттолкнув с дороги еще одного. Гвалт

замер. Клогвин озадаченно посмотрел на Алдера, удивившись неожиданной угрозе, но в боевую позицию не встал. Клогвин был крупнее Алдера, хотя и не так хорошо сложен, и явно не привык, чтобы ему бросали вызов.

Алдер выбрал момент удивительно точно. Голоса вокруг стихли, но еще не замерли совсем, никто из кротов не ожидал от чужака никаких решительных действий. Прежде чем они смогли что-либо сообразить, Алдер шагнул вперед. Он сильно ударил огромного крота, отбросив его к стене. В зале наступила мертвая тишина, Алдер сделал другой шаг и нанес Клогвину еще два удара. На плече Клогвина показалась кровь, он повернулся вокруг собственной оси и упал, не успев нанести ни одного удара.

Алдер шагнул в последний раз и, придавив левой лапой огромного крота к земле, высоко поднял правую и произнес на кротовьем языке холодно и спокойно:

— Ну что, убить его?

Кроты вышли из оцепенения, одни бросились на Алдера, оттащили его назад и держали, чтобы он не мог больше ударить, другие держали Маррама. При этом все кричали:

— Нет! Нет!

В это время взбешенный Клогвин пришел в себя, поднялся и встал на задние лапы. Его мех взъерошился от ярости, мощные когти были нацелены на Алдера.

— Так, — произнес Алдер спокойно, но весомо, — значит, вы можете действовать сообща, как один, и способны понять, что является разумным. — Он обернулся и бросил через плечо: — Видишь, Маррам, эти кроты Шибода не совсем безнадежны!

Никто не ответил. Алдер стряхнул с себя державших его кротов, а Клогвин подошел ближе, явно намереваясь напасть. Кровь капала из легкой раны, нанесенной Алдером.

— Крот, я приношу извинения, — проговорил Алдер. — Я выбрал тебя, потому что ты показался мне самым сильным и, скорее всего, мог бы победить меня в честной борьбе.

Клогвин немного смягчился и чуть-чуть опустил когти.

— Но, понимаешь, — продолжал Алдер, — глядя, как вы тут спорите, мой добрый друг Маррам и я начали думать, что вашу систему грайки завоюют с легкостью, пока здесь все спорят со всеми. Такая раздробленная на группировки система очень уязвима. Такая система не в состоянии организовать серьезную оборону. Такая система не может выработать единую стратегию. В войне против дисциплинированных кротов Слова такая система обречена, каким бы великим ни было ее прошлое.

Кроты молчали. Потом Клогвин, все еще потрясенный, не осознавая полностью смысла сказанного Алдером, прорычал:

— Ты обидел меня, крот.

Алдер обезоруживающе улыбнулся, легко шагнул вперед, коснулся опущенного плеча Клогвина и поднес свою испачканную кровью лапу ко рту. Потом он повернулся к остальным кротам и проговорил:

— Многим было бы интересно узнать, какова на вкус кровь Шибода, а я знаю. Вкусная!

Алдер снова ухмыльнулся, а многие из присутствующих засмеялись, развеселившись от его неожиданной выходки.

— У меня болит рана, южанин, — снова рявкнул Клогвин.

Алдер резко обернулся:

— Так ударь меня, крот, как я ударил тебя, и давай забудем наши разногласия и начнем разрабатывать план, как победить грайков.

С ужасным ревом Клогвин двинулся вперед и так сильно ударил когтем Алдера, что тот упал на Маррама, которого все еще держали кроты.

На какое-то время Алдер потерял сознание. Ожидая, что он очнется и бросится в контратаку, все затихли, приготовившись наблюдать кровавую схватку.

Однако Алдер, придя в себя, посмотрел на место, куда пришелся удар и где текла кровь, коснулся собственной раны, поднес лапу ко рту, как он сделал это чуть раньше, и проговорил, правда, не совсем твердым голосом:

— Скажу вам одну вещь, кроты. Я говорю чистую правду — кровь грайков все-таки вкуснее!

При этих словах многие кроты громко расхохотались, а другие — только когда Клогвин присоединился к общему веселью.

Они с Алдером по-приятельски потолкали друг друга, и Алдер заявил:

— Честное слово, крот, если ты так бьешь друзей, клянусь Камнем, именно ты будешь рядом со мной, когда придет день победы.

Этот момент можно считать для Алдера началом командования войском кротов Камня. Хотя на земле Шибода Алдер всегда сознательно отходил на второй план, пропуская вперед Глиддера, и действовал как советник, с того самого дня кроты Шибода начинают отсчитывать восхождение Алдера к командным вершинам — когда сопротивление великой системы вышло за пределы границ самого Шибода. Естественно, теперь все готовы были слушать, что скажет «южанин», а главное, они поняли, что путь к победе — единение, а не разброд.

— Я не могу сейчас сказать, какой способ ведения войны с

грайками окажется лучшим, но одно я знаю: мы не сможем сражаться с ними на равных. Нужно самим создавать условия, благоприятные для нас. Мы должны собрать войско дисциплинированное, решительное, которое будет сражаться во имя великого дела. Я видел осаду грайками Шибода и сделал вывод, что попытка разбить их сейчас и здесь может привести только к катастрофе. Вы наверняка проиграете, как проиграл бы Трифан из Данктона, если бы попытался повести свою систему на бой с грайками. Поступок героический, но глупый — а именно так, при всем моем уважении к вам, вел себя Шибод до сих пор.

— Не собираешься ли ты потребовать, крот, чтобы мы отступили? Это не в обычаях Шибода! — вскричал какой-то крот.

— Вы хотите, чтобы весной родились малыши? Хотите, чтобы они выжили? Хотите, чтобы ваши тоннели и тоннели долинных кротов оставались целы и невредимы и не были уничтожены грайками? Или вы хотите, чтобы грайки насиловали ваших самок, а родившиеся полукровки воспитывались в презрении к Камню? И чтобы некогда великий Шибод был разрушен, язык его уничтожен, а гордость навеки втоптана в грязь? Именно это и произойдет, как произошло уже во многих частях кротовьего мира. Во избежание этого Трифан и отступил, чтобы со временем вступить в битву за свою систему и за весь кротовий мир.

— Расскажите нам о Трифане, откуда он получил имя и в чем его удаль, — попросил Клогвин.

Алдер начал говорить что ему рассказывали кроты в Данктоне и что ему открыл сам Трифан. Алдер говорил о его путешествии в легендарный Аффингтон и о его борьбе с грайками сначала в Бакленде, а потом в Данктоне. Алдер говорил о великой цели Трифана — найти Безмолвие, на что его благословил Белый Крот Босвелл. Алдер рассказал кротам Шибода о походе Трифана в самое сердце Вена, откуда не вернулся еще ни один крот.

— Смелый крот! — сделал вывод Клогвин. — Не удивительно: у него в жилах течет кровь Шибода!

Одобрительное бормотание было ему ответом.

Глиддер сказал:

— Мои братья и я считаем этого крота Трифана своим братом, посланным нам нашей матерью Ребеккой взамен И Виддфа, которого многие из вас знали. Мы верим в Трифана, в его предназначение. Мы верим, что он сможет привести нас туда, куда мы сами прийти не в состоянии. Мы умеем жить в горах и знаем, что такое снежные бураны, но Трифан знает юг и пути двуногих и ревущих сов — а это нам совсем неведомо. Трифан

борется не только за свою систему, он борется за весь кротовий мир, и так же должны поступать мы, забыв взаимные разногласия, помня о гордости нашей системы, о долге перед Камнем.

Вы слышали, что говорил Алдер, и видели, что и он, и Маррам смелостью могут сравняться с любым из нас. Алдер пришел к нам вместо Трифана, и поскольку Трифан доверяет ему, мы тоже станем ему доверять. Мы должны слушать его и изо всех сил стараться делать так, как он советует.

— Клянемся! — воскликнуло большинство присутствующих, хотя кое-кто все еще сомневался. Те же, кто плохо знал кротовий язык и говорил только па диалекте Шибода, не до конца поняли, о чем шла речь.

И начались великие прения на языке Шибода, проходившие с невероятным накалом страстей. Но иногда раздавался и смех. Алдер и Маррам, не понимавшие, что говорилось, старались сохранить уверенный вид. Конечно, многие посматривали на них, и некоторые старики подходили и глядели на них в упор, хмуря брови и что-то бормоча.

Наконец споры прекратились.

— Благодаря твоей смелости нам удалось побелить, — прошептал Глиддер, не скрывая радости.

Вперед вышел огромный Клогвин и заявил во всеуслышание, что верит Алдеру и готов прислушиваться к его советам. Его слова вызвали шумное одобрение кротов Шибода.

— Но ты говорил об отступлении, — сказал позже Клогвин, — а для нас это так или иначе означает смерть, только более медленную, вот и все!

— Нет, если вы станете действовать, как я говорю, вы не погибнете, — возразил Алдер. — Существует такой вид отступления, который не просто сохранит вашу мощь, но позволит умножить ее. Это отступление, которое пугает врагов, вынуждает их растягивать свои силы, от этого они делаются легко уязвимыми, особенно в такой местности, где кроты Шибода чувствуют себя превосходно.

Такое отступление представляет опасность для врага и лишает присутствия духа, оно заложит основу для будущей победы над грайками…

Так начал Алдер свое руководство, и с ноября, когда он пришел в Шибод, по март следующего года был разработан долговременный стратегический план. Одновременно осторожными вылазками кроты постоянно беспокоили грайков, их продвижение замедлилось, причем обошлось почти без жертв для Шибода.

Эти успехи сломили недовольство долинных кротов, и

несколько храбрецов под командой Кума отправились к подножию склонов, чтобы «сотрудничать» с грайками, снабжая их ложными сведениями, затягивая их наступление.

Тем временем в высокогорных ходах были устроены ловушки, чтобы сбить с толку грайков-разведчиков и укрепить репутацию Шибода как неприступной крепости. В частности, были прорыты обманные ходы к грозным провалам. Кроты, хорошо знавшие тоннели, должны были выводить грайков на поверхность, на ледяные склоны гор, и там бросать.

Однако главной сутью плана Алдера, как и плана Триффана в Данктоне, было постепенное стратегическое отступление. Они надеялись заставить грайков думать, что в Шибоде погибло больше кротов, чем это было на самом деле. Тем временем беглецы должны были уйти на север, в студеный Карнедду, и скрываться там, пока не придет время для возвращения.

Поэтому в январе кроты Шибода стали уходить на север. Многие по пути находили себе пары, самки рожали детенышей в потаенных темных местах на севере от Нантгврида, а грайки, устремившись в высокогорные системы, нашли там лишь свою собственную погибель, а те, кто остался жив, были изрядно обескуражены.

Несколько кротов, отобранных Алдером за острый ум и умение действовать самостоятельно, небольшим числом отправились на юг устанавливать контакт с Тредфахом из Тин-и-Бедва. Алдер надеялся, что они смогут добраться до болот Уэльса и подготовить местных кротов к грядущей битве с грайками.

Тем временем Алдер и Маррам ушли в Карнедду продолжать обучать кротов и разрабатывать планы на будущее. Там в апреле они стали отцами и сделались еще ближе своим хозяевам. Установив сеть контактов на северных холмах Уэльса с такими кротами, как Карадок, Алдер и Маррам готовились к тому дню, когда кроты Камня будут противостоять грайкам в битве — рыльце к рыльцу, коготь к острому когтю.

К концу марта высокогорные ходы Шибода были пусты, кротов там не оставалось, и грайки могли свободно проникать туда, если были готовы столкнуться с таящимися там опасностями. Некоторые рискнули и погибли, но в апреле ходы уже были очищены от ловушек, только теперь они оказались бесполезны для грайков. А вдали по-прежнему стояли Камни Триффана, и, как их вечная защита, высились голые вершины Глиддера, на которых не бывал почти никто из кротов.

❦

Тогда же, в апреле, два крота с высоты обозревали окрестности. Они поднялись по западным склонам Шибода до места, которое им казалось еще безопасным, и оба устали.

— Граница владений грайков, — проговорил один. — Сюда-то я и мечтал когда-нибудь прийти. От этого вида по спине проходит дрожь. Он кажется слишком пустынным, трудно поверить, что в действительности так оно и есть.

— Верно! — отозвался другой.

— В этих брошенных ходах, по которым мы шли, что-то напомнило мне наш приход в Данктонский Лес. Организованное отступление! Интересно, не приложил ли здесь лапу тот же самый крот.

— Алдер? — высказал предположение второй.

Первый, более пожилой, весьма властного вида, посмотрел на чернеющие склоны Шибода, потом на широкую долину, которую крот должен был пересечь, если он хотел добраться до вершин Глиддера и Камней Триффана, охраняемых этими вершинами. Потом обернулся и посмотрел на север, в сторону Карнедду.

Это был Рекин, командующий всеми гвардейцами грайков. Второй был Гиннелл, его молодой заместитель, который первым прибыл в Шибод и сумел превратить очевидное поражение в медленно развивающиеся, но успешные действия. В марте сопротивление грайкам внезапно прекратилось, и, хоть отступающие кроты расставили позади себя ловушки, они не причинили грайкам особенного ущерба.

— Ничего не удалось узнать от кротов, которых допрашивали?

Рекин пожал плечами:

— За все годы наших военных кампаний я не встречал ни одной системы, где кроты были бы так неразговорчивы, как кроты Шибода. Кажется даже, они гордятся тем, что их казнят! Однако я потерял к этому интерес. Слишком много лет прошло в походах…

— Но Шибод — это окончательная победа, — сказал Гиннелл.

— Победа? Возможно, только я сомневаюсь в этом. Разве кротов Верна удалось покорить? Нет! Они держались в своей последней крепости, пока не пришло время и у нас не объявился вожак — Рун. Гак и кроты Камня будут сидеть по углам кротовьего мира и ждать. В частности, кроты Шибода и кроты Данктонского Леса. Особенно Данктонского Леса с его Камнем. А потом наступит день и у них объявится вожак, как было у нас.

Рекин обернулся и посмотрел в сторону запада, на Триффан:

— Знаешь, как называется тот пик, вон там, высокий, серый? Триффан. А знаешь, что находится на его вершине, где никогда не бывал ни один крот, за исключением самого Бэллагана?

Священные Камни Триффана. Скажи мне, Гиннелл, ты когда-нибудь слышал о кроте, которого они называют Крот Камня?

— Конечно слышал. Если здешних кротов хорошенько обидеть, они начинают говорить о нем. Пугают им. «Он грядет», — говорят они. Может, так оно и есть, но ты думаешь, твои гвардейцы не смогут победить его?

— А ты слыхал о Триффане из Данктона?

— Все слыхали. Спасся от Хенбейн в Бакленде, а потом одурачил нас в Данктоне. Но ведь его поймали, и он предал своих.

— Никого он не предавал. Это ложь. Его не поймали, и он не стал предателем, и я не думаю, что много последователей. Камня поверило этим россказням. В этом смысле победить его не удалось.

— Вожак, о котором ты говорил, это — он?

— Может, да, а может, и нет. Я считаю, что таких вожаков трудно победить, несмотря на то что и они сами, и их кроты ушли, оставив нам свою землю. И поверь мне, Хенбейн хорошо позаботилась о том, чтобы никто никогда не смог вернуться в Данктонский Лес, теперь это место — живая язва. В его ходах собраны отбросы со всего кротовьего мира. Они там рожают детенышей-уродов и, без сомнения, разрушают Данктонский Лес более основательно, чем мы разрушили Аффингтон.

И все же имя Триффана живет. Вот почему я боюсь — если появится этот Крот Камня, победить его будет нелегко. Он — мечта, за которой пойдут кроты, последователи Камня, так же как Сцирпас сотворил мечту из Слова, а другие последовали за ней. Я считаю, что Кроты Камня будут ждать, как ждали мы, когда наступит подходящее время. А оно наступит с приходом Крота Камня.

— Говорят, это будет скоро?

— Для меня — недостаточно скоро, — мрачно отозвался Рекин. — Теперь все сражения с южными кротами выиграны и не осталось ни одной крупной системы, которая не подчинилась бы Слову. Но я спал бы спокойнее, если бы знал, что Крот Камня, кто бы он ни был, уже пришел. Потому что если мы бросим его в темницу, как Хенбейн и Рун сделали с другим кротом, представлявшим опасность…

— С Босвеллом?

— С Босвеллом. Если им удастся убрать Крота Камня, как Босвелла, а потом долго поддерживать в кротовьем мире порядок, чтобы Закон Слова набирал силу, а память о Камне умирала, тогда нам нечего больше бояться. Во всяком случае, тебе. Я-то, очевидно, не доживу до этого.

Рекин отмахнулся от попытки Гиннелла вежливо запротестовать и продолжал:

— А пока мы должны быть осторожны. Наступает время сомнений — время, когда мы начнем распускаться, станем вялыми, когда грайкам придется передать правление кротовьим миром элдрен. Да, так нужно. Но пока это не совершилось и с Крота Камня не сорван покров тайны, предупреждаю: мы все должны быть очень осторожны. Если такой крот придет, лишь Слову известно, какие силы он выпустит на свободу. И до тех пор, пока существуют кроты вроде Триффана и Алдера, покоя нам не видать.

— Значит, Рекин, ты возвратишься в Бакленд, как велела Хенбейн, и пошлешь гонца в Верн сообщить ей о победе над Шибодом?

Рекин угрюмо усмехнулся:

— Слишком долго я живу на свете, чтобы сделать подобную глупость. В Бакленде сейчас командует Вайр, и я не сомневаюсь, что Хенбейн и Уид приказали ему убить меня. Нет, я пойду на север, как только сойдет снег, на север, в Верн, где начался йот долгий поход. Я сам доставлю туда известия о Шибоде. В этом мире, Гиннелл, в живых остается тот, кто находится рядом с властью. Где Хенбейн и Уид, там должен быть и я. С кем я стану говорить? Ни с ней, ни с ним. Я стану говорить только с Руном. Он не прикажет убить меня, как, наверное, приказала бы Хенбейн.

Гиннелл с сомнением покачал головой.

— Мне говорили, Рун никого не принимает, — произнес он.

— Кроме юных самок и Белых Кротов, — загадочно ответил Рекин. — А пока я предлагаю тебе укрепить нашу оборону на севере.

— Но кроты Шибода, оставшиеся в живых, очевидно, ушли на юг.

— Кроты Шибода ушли бы, а грайк — нет. Здесь и вижу знакомый почерк, и при обороне Данктонского Леса отступлением тоже руководил крот, прошедший школу грайков. Мне думается, Алдер где-то поблизости. Рекомендую тебе быть готовым к атаке с севера. А теперь давай-ка уйдем из этого забытого Словом места. Может быть, последние битвы за кротовий мир и отгремели, но я очень в этом сомневаюсь. Когда наступит время, за победу надо будет сражаться не на окраинах, а в центре. Помни об этом и берегись прихода Крота Камня!

— Из уст того, кто только что одержал окончательную победу, странно слышать столь мрачные речи.

— Я — воин, не то что Уид или Хенбейн. Я был им нужен, потому что командую войсками. Надеюсь, они, как и я, чувствуют,

что в кротовьем мире назревают перемены и теперь его надо завоевывать не в сражениях, а в душах.

Пока они беседовали и Рекин собирался уже возвращаться в темные ходы Шибода, небо на западе очистилось и солнечные лучи на минуту осветили склоны Глиддер Фаха и Глиддер Фавра, а потом коснулись Триффана. Его вздымающийся в небо пик стал белоснежным, но серые отвесные скалы оставались в тени.

— Впечатляющее зрелище, — проговорил Гиннелл.

— Красивое — вот правильное определение, Гиннелл, но от таких кротов, как мы, не ждут подобных слов. Представь себе крота, который смог бы управлять такой красотой! Разве сумеют наши гвардейцы победить его?

— Слово мудро, оно научит нас, как бороться с кротами, представляющими для нас опасность, кто бы они ни были.

Рекин рассмеялся горьким смехом и посмотрел на вершину Триффана, прекрасно понимая, до чего ничтожна цель его жизни по сравнению с подобным величием.

— Кстати, — добавил Гиннелл, словно эта мысль только что пришла ему в голову, — кто из кротов мог бы, как ты выразился, «управлять» такой штукой?

— Ну, не знаю. Я просто следую Слову. Но меня беспокоит и, я надеюсь, великого Руна тоже, что существуют кроты, даже в момент казни выкрикивающие имя Крота Камня. Эти кроты доверяют своему идолу больше, чем нашим когтям.

— Ладно, а теперь, Рекин, пойдем на нижние северные склоны, покажешь мне, как бы ты расставил гвардейцев на случай нападения с севера…

С этими словами они отвернулись от пика Триффана и ушли под землю. После их ухода долго еще сверкали вдали западные вершины, освещенные солнцем. Затем лучи передвинулись к северу и коснулись таинственных гор Карнедду, словно окрасив их цветом надежды.

Глава шесть

Если Рекин услышал сейчас зов Верна, как задолго до того услышала его Хенбейн, не было ничего удивительного в том, что этот зов вскоре дошел и до кротов, живших в тоннелях Данбара, и принес с собой разлуку для двух кротов, которые совсем недавно обрели любовь.

К концу марта и Фиверфью, и Старлинг отяжелели, обе были беременны, и, пожалуй, именно Старлинг выглядела более неуклюжей.

Они с Хитом составили неплохую пару, может быть немного странную, потому что Хит не был способен долго оставаться на месте, особенно если есть интересные и необычные тоннели в сердце Вена. Хит подтвердил, что именно он создал ходы, которые Триффан и его спутники назвали «ходами Хита».

Однако к своим путешествиям, и более ранним, и после бегства от крыс, он относился крайне несерьезно. Казалось, долгие годы странствий спрессовались для него в одно смутное воспоминание. В результате он вовсе не боялся одиночества, каждый новый день принимал таким, как он есть, не испытывал сожалений о дне прошедшем и не особенно беспокоился о дне будущем.

Это отразилось и в отношениях со Старлинг, и на перспективе отцовства. Его не трогало ни то ни другое, как будто он не имел к этому никакого отношения. Возбуждение, охватившее кротов Вена в ожидании знаменательного события, сбивало Хита с толку и ставило его в тупик. Общество здешних кротов, к собственному удивлению, он находил достаточно приятным.

Кроты же просто не знали, что делать с Хитом, особенно как бороться с его обыкновением заходить к ним в норы, устраиваться там и поедать их червяков, игнорируя неприкосновенность территории и прочие порядки, которые за истекшие десятилетия стали весьма сложными и запутанными.

Один или два крота пытались призвать Хита к ответу, но они были старые и гораздо слабее, к тому же у Хита была привычка, пока хозяин стонал и жаловался, продолжать есть и съедать все до последнего червяка, так что обобранному бедняге больше не о чем было говорить. Крота, который умудрился уцелеть, прожив столько лет в сточных каналах Вена, который спасся от крыс, столько раз тонул, видел больше двуногих и ревущих сов, чем способно вообразить большинство кротов, — с таким кротом не сладить ни одному разгневанному старцу.

— Ну, все в порядке? — говорил обычно Хит в ответ на обличительную речь хозяина, как если бы хозяин только что перенес приступ колики. — Теперь можно и поболтать, правда?

А если беседа начинала крутиться вокруг темы супружества, детей, заботы о потомстве, Хит, как правило, произносил:

— Не спрашивай меня, приятель, спроси ее. Она расскажет тебе, — и добавлял одобрительно: — Умная кротиха эта Старлинг, очень умная.

Следует сказать, что и Рован, который, без сомнения, все еще ждал возвращения товарища у дальнего конца тоннелей Вена, так же мало занимал мысли Хита, как и тонкости уклада жизни кротов Вена. И Хэйз тоже он помнил теперь весьма смутно. Однако, если принимать Хита, каким он был — просто случайным прохожим, — он мог составить неплохую компанию.

За время беременности Старлинг Хит, естественно, без всяких стараний со своей стороны расположил к себе кротов Вена, особенно самок, которые, как это иногда бывает со строгими стариками по отношению к неотесанной молодежи, опекали их обоих и глупо суетились вокруг, готовясь к родам Старлинг. Хит великодушно соглашался принимать любую помощь, которая предлагалась Старлинг, поэтому, насколько могла судить сама Старлинг, почти всем самкам в системе была обещана работа по уходу за ней, когда придет знаменательный день — или ночь.

Однако отношение к Фиверфью и Триффану было отнюдь не столь дружеским и стало откровенно злобным еще до родов Фиверфью.

С самого начала эта пара обосновалась в норах Фиверфью в Вестсайде, достаточно удаленных от центра, зато вблизи Библиотеки. Триффан не поощрял частых посещений, но все же не мог препятствовать приходу гостей, как не мог и изменить традицию, требовавшую, как и в Данктонском Лесу, в случае рождения уродов принять соответствующие меры. У самой самки не хватило бы духу убить собственных детей.

Сквейл, тощая самка, которой было поручено наблюдать за Фиверфью, поначалу казалась достаточно безобидной. Как большинство самок системы, она никогда не рожала и потому не могла дать Фиверфью полезных практических советов. Это не мешало Сквейл при каждой возможности предупреждать Фиверфью о болях и муках при родах. Все это она проделывала с подчеркнуто неодобрительным выражением «я же вам говорила», как будто получая удовольствие от тревоги Фиверфью. Фиверфью перенесла бы это, наверное, достаточно спокойно, потому что Триффан был рядом и частенько заставлял Сквейл убираться восвояси, но эта Сквейл была и надоедлива, и лжива, вечно

вмешивалась, куда ее не просили, вечно совала свое рыльце в чужие дела. Она разносила сплетни, подглядывала, подслушивала, и Триффан с Фиверфью терпеть ее не могли.

Однако у них не было выбора. Пришлось согласиться с ее присутствием, потому что именно таков был порядок. Кроме того, столько самок было занято наблюдением за Старлинг, что, пожалуй, никто, кроме Сквейл, не собирался серьезно помочь Фиверфью. А нужна ли она им вообще — это был единственный вопрос, в котором мнения Триффана и Фиверфью расходились, но Триффану пришлось уступить.

Все это не имело бы особого значения, если бы не тот ужасный факт, что незадолго до родов Фиверфью Сквейл обнаружила — или сказала, что обнаружила, — на боку у своей подопечной признаки болезни.

Сквейл поджала губы, нахмурила брови, выражая лицемерную озабоченность, но глаза выдавали нескрываемую радость. Она неодобрительно произнесла «хмм!» Потом, не сказав больше ни слова, отправилась в главные ходы обсудить новость со своими злобными подругами-сплетницами.

Прежде чем Триффан понял, как обстоят дела, эти злобные самки явились и обследовали Фиверфью. Они сначала потребовали, чтобы Триффан покинул поры Фиверфью, а потом, пробормотав что-то насчет «бу-у-т-ушшей пот-те-ери», объявили, что это начальная стадия ящура и что у Фиверфью неизбежно родятся «ю-у-ро-о-ты».

— Что это означает? — спросил Триффан, когда старые ведьмы ушли и ему удалось успокоить Фиверфью. Однако она не могла заставить себя произнести это слово, и перевел его на кротовий язык Спиндл: «уроды».

Теперь над недавно счастливой норой нависла грозная тень, а Сквейл чуть не порхала в предчувствии драмы. Ее заплывшие глазки блестели от радости: «я же вам говорила».

Однако Фиверфью не выгнала Сквейл, опасаясь этим еще больше усилить подозрение и враждебность. Возлюбленная Триффана не переставала горевать и плакать, а он остро чувствовал собственную беспомощность и очень страдал.

В последние дни перед родами болезнь усугубилась. Триффану болезнь казалась похожей на лысуху, причем на один из очень опасных видов. Пятно высохшей кожи распространялось на боку Фиверфью, делалось все больше и больше, потом кожа начала трескаться и кровоточить. Фиверфью похудела от тревоги и не воспринимала утешений Триффана. Потом, ужасно уставшая и напряженная, она стала устраиваться в родильной норе, куда не имел права входить ни один самец.

Именно тогда, слоняясь без определенной цели по западной части системы, Триффан столкнулся с Мэйуидом, который бродил вокруг, погруженный в раздумья. Мэйуид, как обычно, занимался исследованиями…

❦

Дело было в том, что никто из спутников Триффана до конца февраля вообще никуда не ходил. Они были слишком слабы, чтобы изучать окрестности, а потом, когда им стало получше, слишком заняты уходом за больным вожаком. Даже Мэйуид, который никогда не мог спокойно усидеть не месте, и гот не отходил от Триффана вплоть до появления Фиверфью, да и потом, пока он не поправился, не любил уходить далеко.

Только в марте Мэйуид опять занялся обследованием тоннелей, давным-давно заброшенных кротами Вена. Он поставил себе цель — отыскать норы самого великого Данбара, если они еще сохранились.

Поначалу кроты Вена для видимости немного противились его затее, но скоро сдались, а некоторые даже высказали Мэйуиду свои предположения, где бы эти норы могли быть. Но никто не потрудился пойти и проверить свою догадку, что само по себе служило признаком упадка системы. Даже если кроты и задумывались, особого интереса они не проявляли. Одно казалось несомненным, и в этом все были согласны: норы Данбара должны находиться в Вестсайде и быть ориентированы в направлении Аффингтона.

Причиной интереса Мэйуида к этой задаче — интереса, который быстро свел на нет изучение им текстов Библиотеки, — было воспоминание о звуках, таившихся в стенах древних ходов, на пути в Вен, где умерла сестра Рована, Хэйз.

— Мэйуид все помнит, Мэйуид думает, что звуки должны быть и здесь, Мэйуид мечтает их снова услышать! — говорил он Спиндлу.

И Мэйуид день за днем отправлялся исследовать древнюю систему Вена. Тоннели были весьма своеобразны, и в первую очередь теснее, чем ходы большинства современных систем, так что иногда Мэйуиду приходилось сильно сгибаться, пробираясь из хода в нору. Ходы были прочными, и, вероятно, когда-то звуки легко разносились по ним. До сих пор отлично слышалось эхо, давая кроту точное представление, где он находится, как и должно быть в хороших тоннелях. Шаги других кротов достигали ушей Мэйуида в виде отчетливых отголосков шепота — ясного и

членораздельного.

Ходы были достаточно сложными, со многими поворотами, и разветвлялись на более высокие и низкие уровни. Они были прорыты в песчано-кремнистой породе старым, архаичным способом, создавалось ощущение, что уходишь в прошлое.

Общими ходами когда-то широко пользовались, это Мэйуид понял сразу. Сейчас они запылились и кое-где обрушились, но углы на поворотах были хорошо отполированы боками многочисленных пробиравшихся здесь когда-то кротов, а у ступеней, которые вели с одного уровня на другой, были изношенные, закругленные края.

Мэйуид понял, что ходы на севере Вестсайда более древние. Он обнаружил среди них даже несколько запечатанных. Взломав их, он увидел в каждом по одному погребенному кроту. С крепнущей надеждой на успех Мэйуид обследовал соседние тоннели, но не нашел ничего.

Однажды разочарованный Мэйуид бродил неподалеку от нор Фиверфью и повстречал Триффана, впервые за много дней. Триффан обрадовался встрече, он устал от сплетен Сквейл и ее наставлений — припасть к земле, терпеть и ничего не предпринимать.

— О господин, вот-вот будущий отец, я, недостойный старик, не могу сделать ничего полезного в данный момент. Расположевшей Старлинг я сейчас не нужен, Спиндл не видит дальше своего рыльца, так как учится у Пастона старокротовьему языку, ты и плодовитая Фиверфью тоже заняты! Так что Мэйуид бродит и ищет мечту.

— Когда найдешь, Мэйуид, дай мне знать. Мне хотелось бы взглянуть на норы Данбара, если они существуют, в чем я сомневаюсь.

— Мэйуид обещает, грозный Триффан, Мэйуид обещает!

— Фиверфью вот-вот родит, — устало проговорил Триффан.

— Мэйуид желает ей счастья, — серьезно произнес Мэйуид, — и надеется, что малыши будут достойным началом вашей долгой совместной жизни.

— Началом? Поздновато для начала.

— Мэйуид, конечно, холостяк, мой удачливый господин; Мэйуид, может быть, недостойный, но он не дурак. Брак — это прелюдия.

— К чему?

Мэйуид пожал плечами.

— К лучшему, — проговорил он. — Мэйуиду очень хотелось бы знать к чему, но он не знает. Мэйуид крайне невежествен в таких вещах, но надеется со временем исправиться.

— Похоже, заприметил самку? — усмехнувшись, спросил Триффан. В компании Мэйуида он явно почувствовал себя лучше.

Мэйуид самоуверенно ухмыльнулся:

— Долгосрочная тактика — вот метод Мэйуида, как и самой жизни. Сделаешь шаг лапой по склону, а на следующий день обнаруживаешь себя в одном из ходов Вена, вот так. Это и есть долгосрочная тактика. Сегодня Мэйуид думает о супружестве, а завтра это может осуществиться. Что же касается твоего шутливого вопроса, благородный Триффан, то честный ответ будет: «Нет!» Пока еще у меня нет на уме определенной самки. Но если я ее встречу, я тебе сразу скажу.

Позже, когда Триффан ушел обратно в норы Фиверфью, к Мэйуиду неторопливым шагом приблизился Хит и произнес:

— Я знаю, что ты ищешь.

— Твой недостойный слуга тоже знает, — отозвался Мэйуид, — но толку-то! Знать — не то что найти. Мэйуиду хотелось бы, чтобы это было одно и то же.

— Э, приятель, я пытаюсь сказать, что мне известно, где есть несколько старых ходов. Очень старых, очень удобных. Я знаю, потому что жил в них и продолжал бы жить, если бы меня не застукали, когда я занимался своими делами. Нашел на поверхности мирного червяка и простодушно радовался наступающей весне. Тут-то и появилась наша подруга Старлинг.

— Мэйуид деликатно интересуется, близок ли великий день волшебной Мадам? — проговорил Мэйуид.

— Если ты спрашиваешь, скоро ли она родит, то я могу лишь гадать об этом, так же как и ты, потому что стоит мне сунуть кончик рыльца к ней в нору, как оттуда вылезает какая-нибудь ухмыляющаяся старуха и велит мне убираться.

— Тогда, злополучный Хит, веди меня к этим старым ходам, которые ты нашел, и давай посмотрим, не сможет ли само воплощение недостойности разобраться в них.

— Иди за мной, — скомандовал Хит, поворачиваясь на восток.

— Прошу прощения, господин, и еще раз прошу прощения, но ты двинулся на восток.

— Так ведь эти ходы там.

— Опиши их, Хит, надежда моя.

Хит так и сделал, рассказав Мэйуиду, что по форме они почти такие же, как другие сохранившиеся остатки древних систем в Вене, что в них имеется анфилада залов, стены которых покрыты надписями, издающими странные звуки.

— Ой-ой-ой! Мэйуиду хочется быстренько посильнее стукнуться головой о потолок этого хода! — Так он и сделал, а

потом с унылым видом обернулся и посмотрел в сторону запада, словно желая одним взглядом объять мириады ходов, которые он, теряя попусту время, обследовал. — Теперь Мэйуид готов, господин.

Они двинулись по какой-то длинной обходной дороге. Несколько раз останавливались, чтобы поесть и понежиться на солнышке, потом нырнули под землю в дальнем конце Истсайда, после чего по каналам двуногих, дренажным трубам и древним ходам вышли на пустынную, поросшую травой площадку, возвышавшуюся над Веном.

Как только Мэйуид спустился в здешние ходы, он понял, что находится вблизи очень древних тоннелей. Эти ходы формой и расположением повторяли место, где они нашли тело Хэйз. Поскольку на поверхности не было построек двуногих и Хит жил здесь несколько сезонов, выходы оказались открытыми и тоннели хорошо освещались.

— Их тут полно, — сказал Хит, — и они здорово старые…

Но Мэйуид его не слышал. Он восхищенно оглядывался по сторонам. Ходы соединяли ряд залов, и чем дальше Мэйуид забирался в темные глубины, тем в большее восхищение они его приводили.

— Если ты не против, Мэйуид, я бы предпочел остаться тут…

Голос Хита прозвучал где-то позади Мэйуида, и странное эхо отразилось от покрытых надписями складчатых стен древних залов. Ход прихотливо извивался, был путаным, Мэйуиду пришлось остановиться и хорошенько сосредоточиться, чтобы понять, где он находится. Только тогда он сообразил, что свернул влево и спустился на нижний уровень. Мэйуиду пришлось потрудиться, чтобы найти место, где он оставил Хита.

— Ага! — воскликнул Хит с облегчением, увидев Мэйуида. — Я же говорил, что мне не нравятся эти тоннели. В них раздается странный шум в странное время. Поэтому я жил в ходах поближе к поверхности, у входа они тоже очень удобные.

— И ты никогда не забирался глубже, беспомощный господин? — спросил Мэйуид.

— Это не для меня, — ответил Хит. — Я люблю простую жизнь, без сложностей. И ты все равно ведь заблудишься — я ведь заблудился.

— В одной вещи, только в одной вещи Мэйуид уверен: каким бы недостойным он ни был, он не заблудится. Случайно он может повернуть не туда, часто здорово пугается, но заблудиться не может никогда. Так что пусть лучше нерешительный Хит остается здесь, пока Мэйуид отправится обследовать ходы. Он вернется.

— Ладно, будем надеяться, что вернется. Но Хит без

колебаний вылетит отсюда, если почувствует, что ему этого хочется.

Мэйуид елейно улыбнулся:

— Хит поступит, как найдет нужным. Мэйуид поступит, как найдет нужным. А если все кроты станут так поступать, кротовий мир перестанет, пожалуй, существовать. Жалкий Мэйуид предлагает Хиту подумать над этим, прежде чем он соберется уходить, потому что Мэйуид был бы рад его компании на обратном пути!

С этими словами Мэйуид снова исчез в ходах, а Хит, ворча что-то про свободу и вольность, устроился поудобнее и стал ждать.

Наступили сумерки, а с ними снизу послышалось пение древних кротов. Пришла ночь — зазвучал смех самок. Наступил ранний рассвет — беспокойные крики малышей. Пришло утро — и по залам затопали лапы усталой самки, как будто она в последний раз шла в родильную нору. Хит проголодался, но продолжал ждать. Ближе к полудню из ходов донеслось шлепанье лап, и чуть позже появился наконец Мэйуид.

— Мэйуид благодарен Хиту за ожидание, Мэйуид очень устал. Мэйуид очень тронут. Мэйуид благодарит Хита, именно сейчас Мэйуиду не хочется быть одному. Мэйуид очень устал. Да-да, очень.

Проговорив все это, Мэйуид замолчал и припал к земле, а Хит, обнаружив удивительные для него преданность и заботу, не двинулся с места, несмотря па голод и беспокойный характер. А тем временем из ходов доносились, пролетая над спящим Мэйуидом, голоса усталых, встревоженных кротов — от старческих до молодых, от молодых до писка новорожденных.

Мэйуид проснулся после полудня, поел и снова заснул. Только на рассвете следующего дня он проснулся и сказал:

— Теперь Мэйуид должен вернуться в Вестсайд и рассказать Триффану, что он видел, до чего дотрагивался и что слышал. Мэйуид с помощью Хита, кажется, нашел предмет поисков Триффана. Мэйуид должен отчитаться.

Однако, когда они выбирались на поверхность, ходы содрогнулись от сильнейшей тряски, потом она прекратилась, потом началась снова. Мэйуид остановился.

— Двуногие, — пояснил Хит, — и желтая ревущая сова.

— Хорошенький Хит сейчас объяснит Мэйуиду, — попросил Мэйуид.

— На север отсюда прошлым летом сам видел огромную ревущую сову, она вся желтая, с двуногими, такими большими. Вгрызается в песчаник, шлепает по грязи.

— Какая грязь, какой песчаник? Объясни, бесстрашный господин! — нетерпеливо потребовал Мэйуид.

Поскольку подобрать подходящие слова было очень трудно, Хит решил показать, хотя такая вылазка на север должна была занять много времени.

Они пришли к огромной пустой площадке, травы на ней не было вовсе, только камни и грязь. Да еще ревущая сова, огромная, желтая, с бледными выпученными глазами. И крики двуногих. Оба крота молча уставились на эту картину, а потом Хит сказал:

— Они сейчас ближе, чем были прошлым летом. Идут в нашем направлении.

— Мэйуиду хотелось бы знать, догадывается ли Хит, что все это значит, — проговорил Мэйуид.

— Черт побери, приятель, но это же ясно. Это дорога ревущих сов, или она здесь будет. Двуногие делают дороги для ревущих сов. И все эти дороги ведут в Вен, не так ли? Во всяком случае, эта-то ведет. Желтые приходят, а потом рожают разноцветных. Наверное, так.

— И ты думаешь, дорога пройдет как раз по холмам, о которых я должен рассказать Триффану?

— Над ними или по ним — когда-нибудь. От этих старых ходов вообще ничего не останется. Хотя по тому, как они движутся, потребуется еще один-два летних сезона, прежде чем они доберутся сюда. Кстати, притом как Старлинг требует то одного, то другого, Хит к тому времени станет такой старой клячей, что ему будет все равно.

Мэйуид понимающе расхохотался:

— Хит, ты заставляешь Мэйуида смеяться, когда говоришь, как он. Мэйуид предпочел бы, чтобы ты этого не делал, у Мэйуида бока заболят.

Хит ухмыльнулся:

— Знаешь, чего мне не хватало все эти годы, когда я был один? Смеха. Если чего-то и не хватает кроту, то именно этого. Хорошего смеха, черт побери!

— Недостойный Мэйуид, который больше всего любит обследовать новые места и отыскивать дороги, постарается придумать какую-нибудь славную шутку и принесет ее Хиту, чтобы тот, когда будет один, мог вспомнить ее и посмеяться. Это будет подарок Мэйуида Хиту за ходы, которые он помог ему найти.

Хит был очень тронут, однако ответил намеренно грубо:

— Ты меня и так непрерывно смешишь, глупый болтун, тебе не надо специально придумывать шутки, чтобы заставить меня смеяться. А теперь иди-ка обратно, к Триффану.

❦

Триффан очень обрадовался новостям Мэйуида и захотел сразу отправиться в путь, поскольку Сквейл уверила его, что «есссли пе-е-тная Фифер-фьюуу (та препу-у-тет с ней пла-ахо-ословение) ес-шо не ро-о-отила, то до сле-е-етуш-шего ут-ра-а не ро-о-тит».

— Блестящий господин, что сказала эта старая мадам карга? — спросил Мэйуид.

— Нам нужно вернуться к рассвету. До этого Фиверфью не родит.

— Тогда, о поспешающий господин, Мэйуид отведет тебя и доставит обратно раньше, чем наступит утро. Может быть, позже, когда у тебя будет больше времени, ты сам вместе с ученейшим Спиндлом еще раз сходишь туда и осмотришь эти странные ходы и залы.

Однако ученейший Спиндл всегда безошибочно чувствовал, когда ему нужно быть рядом с Триффаном, и присоединился к их компании.

Итак, как раз в послеполуденное время, когда свет начинает блекнуть, а трава на восточной стороне блестит не так ярко, за час или два до того, как солнцу скрыться за западным выступом скал, три крота опустились в ходы, найденные Мэйуидом.

— При всем уважении к вам обоим, предвкушающие господа, я предлагаю держаться поближе ко мне и не разбегаться в стороны. Эти ходы очень обманчивы и, по моему скромному разумению прорыты мудрым, хитрым кротом, который хотел сбить с пути и послать в неверном направлении всякие там любопытствующие рыльца, не причинив им вреда. Давайте покажу. Как ты представляешь себе, неистовый Триффан, куда теперь мы пойдем?

Они стояли у пересечения трех тоннелей.

— Сюда, — уверенно сказал Триффан, указывая на продолжение хода, по которому они пришли. — Смотрите, он идет вглубь, а в двух других слышится шум с поверхности, так что, очевидно, они ведут наверх.

Мэйуид, ухмыляясь, двинулся по пути, предложенному Триффаном, и через несколько минут они оказались снова на поверхности.

— Худшее впереди, обманувшийся вожак, — заявил Мэйуид. — Попробуй вернуться обратно той же дорогой.

Пробежав под землей изрядный отрезок, Триффан в большом смущении обнаружил, что попал отнюдь не туда, где они были раньше.

— Что и требовалось доказать, — сказал Мэйуид, — как это ни унизительно. У Мэйуида есть ощущение, что вся его жизнь была подготовкой именно к этим вот ходам, и, как он совсем недавно заметил лохматому Хиту, заблудиться Мэйуид не может. Однако здесь требуются мастерство и сосредоточенность, так что, если Ваши Великолепия перестанут разговаривать, он постарается привести всех нас обратно, а именно туда, откуда Триффан предпринял свои, увы, неудачные попытки отыскать правильный путь.

Мэйуиду пришлось снова выбраться на поверхность и с того же места снова начать спуск. Оказавшись под землей, они пошли довольно быстро, пользуясь отметками, которые делал Мэйуид, проходя здесь один.

Ходы были сухие и пыльные, то тут то там осыпавшиеся, но потом начали уходить вглубь и оказались совершенно нетронутыми. Эхо звучало громко и беспорядочно. Путникам иногда мерещилось, будто и впереди, и позади них есть кроты, которые идут навстречу или убегают от них.

Потом пришли в темный зал, куда через шахту в потолке проникал слабый свет, и Триффан со Спиндлом смогли разглядеть нацарапанные на стенах надписи. Некоторые места были густо испещрены знаками, в других их не было вовсе. Рисунок казался незавершенным, словно крот, наносивший надписи, не закончил своей работы.

— Попробуй, Триффан, — предложил Мэйуид.

Триффан протянул лапу и, прикоснувшись когтем к надписи, легко провел по ней. Раздалась беспорядочная смесь звуков, похожая на гул голосов кротов, если бы они говорили все вместе, но одного было слышно лучше, чем других. Звуки прекратились, когда кончилась надпись. Триффан перешел к другой на той же стене. Заворчал и забормотал одинокий крот. Казалось, он где-то сзади, и Спиндл даже обернулся в темноту, ожидая увидеть там этого крота.

Звуки стихли, исследователи двинулись дальше и скоро пришли во второй зал, такого же размера, как первый. Здесь тоже стены были исписаны лишь частично, и Триффан дотронулся до ближайшей к нему надписи. Снова голос старого крота, по-прежнему неясный, зовущий. Потом — другая надпись и другой голос, но тоже старый. Не разобрать.

Спиндл дотронулся до надписи, которую Триффан заставил звучать первой, и, хотя раздавшийся звук был похож на тот, что слышался раньше, все же он отличался от него. То же и со второй надписью, которой коснулся Спиндл.

— Мне кажется, крот, нанося эти знаки, пробовал разные

варианты, — проговорил Спиндл.

Мэйуид энергично кивнул, посмотрел на Триффана, ожидая от него подтверждения.

— А может быть, он искал что-то, — отозвался Триффан. — Мэйуид, эти залы тянутся далеко?

— Далеко, любознательнейший господин. Ходы разветвляются. Расщепляются и расходятся. Может быть, некоторые залы расположены ниже тех, которые я, несведущий, нашел. Я могу сберечь ваше время и силы и скажу: дальше ходы становятся все сложнее, звуки все отчетливее и все больше захватывают.

— Есть логика в их расположении?

— Мэйуид не уверен. Если Мэйуиду будет позволено выразиться подобным образом, звуки молодеют. От голосов старых кротов — к голосам подростков, а потом и к голосам малышей.

— Тогда веди нас, — решил Триффан. — Мы не можем оставаться здесь долго. Я хочу на рассвете вернуться к Фиверфью.

Они двинулись вперед, но иногда вынуждены были задерживаться, залы становились все более хорошо отделанными, со все более богатыми надписями. В некоторых залах исследователи обнаруживали, что Данбар — а они решили, что надписи делал именно он, — похоже, пытался изложить тему перехода от старости к молодости на одной стене, потому что, дотрагиваясь до надписей по спирали от потолка к полу, можно было вызвать звуки все более и более юных голосов. Когда же кроты попытались сделать это в обратном направлении — от пола к потолку — ничего не получилось, раздавались лишь резкие, диссонирующие звуки. Это было очень странно. Ведь жизнь кротов начинается и юности, а потом они стареют. Что пытался описать Данбар?

В некоторых норах создавалось впечатление, что Данбар наносил надписи только для определенного возраста, как будто старался найти для него точное звуковое отображение. Очевидно, потом он собирался соединить эти звуки с другими, выработанными таким же методом, в последнем, полностью законченном зале.

Мэйуид, Триффан и Спиндл продолжали свои исследования и после наступления ночи, когда ходы осветились огнями Вена, проникающими сверху, и наполнились звуками его обычного ночного шума.

Становилось все очевиднее: их догадка об экспериментах Данбара со звучащими надписями верна. Он, вероятно, был одержим темой перехода от старости к юности. Но почему? Этого

они понять не могли.

Кротами овладело какое-то необычайно восторженное возбуждение, словно им обязательно нужно было найти ответ на этот вопрос до того, как они уйдут. Поэтому они трудились всю ночь без отдыха, непрерывно извлекая из стен звуки. В результате они научились по легчайшему прикосновению определять, какую стену они проверяли. Пока Триффан и Спиндл извлекали звуки и слушали их, Мэйуид разведывал дальнейший путь и постепенно вывел их в ходы, где записанные голоса звучали чище, индивидуальнее. В конце концов выявился один голос, самый ясный в пожилой группе, но не очень хорошо различимый среди подростков. Быть может, голос Данбара? Крота, который занимался поисками самого себя в юности?

Более того, они обнаружили, переходя из зала в зал, что Данбар, если это был он, постарел за время своей огромной работы. Теперь надписи располагались не так высоко на стенах, как в предыдущих залах были нанесены огрубевшими когтями и процарапаны менее глубоко. И стиль знаков изменился: стал свободнее, отсутствовали детали, имевшиеся ранее. При этом звучание улучшилось, как будто Данбар понемногу находил суть своего поиска.

По-прежнему слышались только голоса: ни песен, ни членораздельных слов. Не было и Звука Устрашения, как называл его Триффан, — звука, от которого сердце крота трепещет в тоске. Все обнаруженные звуки были добрыми, ищущими, светлыми.

— Вероятно, он искал звучание Безмолвия, — высказал предположение Спиндл. — Хотя я никогда не думал, что этот звук может исходить от крота.

— Должно быть, эти надписи — часть его пророчеств о явлении Крота Камня, — задумчиво проговорил Триффан.

Потом все неожиданно изменилось. Они пришли в зал, где звучали голоса малюток и к ним примешивался голос самки. Иногда нежный, иногда резкий, и все это в одних и тех же надписях, словно Данбар, создавая эти звуки, не мог как следует управлять своими когтями. Слышались плач, крики, успокаивающие звуки. И сквозь все это — детский писк, сначала тоненький, зовущий, потом нежный и прекрасный.

Дальше начались странные явления. По мере того как друзья продвигались вперед, надписи становились все более изящными, а форма залов все лучше отвечала их назначению, так что Триффану и Спиндлу больше не нужно было прикасаться к надписям — они сами шепотом издавали звуки, вбирая в себя шаги трех преисполненных благоговения кротов, и претворяли их

в звуки, как и задумал Данбар.

После этого они впервые услышали Звук Устрашения. Тяжелый, угрожающий, он настигал кротов, как настигает поток грязной воды, устремившийся и тоннель. Когда слышался этот звук, они дрожали от страха.

Теперь первым шел Триффан, остальные держались как можно ближе. Они увидели перед собой портал, над ним — резной орнамент, за ним — зал. Кроты двинулись к порталу, а Звук Устрашения нарастал, окружая их. Даже эхо шагов было искаженным, зловещим. Казалось, он хотел заставить их напасть друг на друга, ненавидеть, пугать, угрожать… Триффан бросился вперед, потащил за собой Мэйуида и Спиндла, и они, проскочив через страшный портал, ввалились в зал, охранять который Данбар заставил построенный им портал.

Тишина, почти абсолютная. Надписей не много. Тусклый свет из шахты в потолке, уже не такой пылающе-страшный, ставший мягче с приближением рассвета.

— Триффан… — начал было Мэйуид, увидев, что они провели в ходах гораздо больше времени, чем собирались.

— Тш-ш-ш…

Но этого краткого обмена словами оказалось достаточно, чтобы надписи вокруг зазвучали. Кротам стало казаться, что они находятся в норе, в одном конце хода; в другом раздаются голоса матери и малышей, их призывы, писк, а в ответ — нежные успокаивающие звуки, какие можно услышать сразу после рождения детей. Потом все постепенно стихло и исчезло, как улетучивается сон при пробуждении. В дальнем конце зала кроты увидели еще один портал, но вход в него был заложен кусками горной породы, черной и блестящей. Почва вокруг портала была утоптанной и твердой и не крошилась под когтями.

Триффан дотронулся до одного из кусков породы и услышал донесшийся из-за камня глухой звук. Он снова дотронулся, и тут услышали все: мимолетный, очень далекий звук, про который нельзя было сказать с уверенностью, будто он существовал на самом деле. Похожий на отголосок бегущих по дальнему-дальнему тоннелю лап, который тут же исчезал, так что кроту оставалось лишь гадать, слышал ли он его вообще.

Звук был настолько соблазнительный, что Триффан снова дотронулся до камня и опять не смог точно уловить раздавшийся звук. Не звук — звуки. Крики, беготня, снова крики… и вот в зале, где они все находились, послышался слабый отголосок материнского зова, который был им уже знаком. Потом эхо от рыка ревущей совы, тоже очень далекое, — совы, кружившей над их головами по поверхности, там, где по небу начинал

разливаться свет зари.

— Надо идти! — сказал Триффан.

С этими словами он повернулся и непроизвольно коснулся одной надписи на стене. Провел когтем от начала до конца, и в ответ последнее произведение Данбара зазвучало из-за заложенного камнями портала, зазвучало с нарастающей силой и абсолютно отчетливо. Вопль, ужасный, долгий, — роды. Да, и тут же вопль самки, сражающейся за жизнь своего детеныша, дерущейся изо всех сил в отчаянии, что не удастся сохранить его. Вопль повторился восемь раз, потом писк малыша, исполненный такого же отчаяния, как крик матери.

Вслед за этим — извлечение сущности из всего, что они слышали ранее: голоса малышей, подростков, молодых кротов — и этот материнский вопль, смешавшийся с голосами других самок. Потом голос крота, старческий, усталый, зовущий, умоляющий, протестующий, — и снова проходящий весь путь во времени обратно: к юности, к детству. А в самом конце — самый краткий и прекрасный момент из всего, что им довелось услышать, такой краткий, что они едва осознали, что услышали его: звучание Безмолвия.

Но тут снова раздался шум ревущей совы, кружившей над их головами, и Безмолвие ушло.

С его исчезновением снова стали слышны вопли — само олицетворение ужаса: крики детенышей, родовые муки, звуки жизни, звуки смерти. И невосполнимая горькая утрата.

— Фиверфью! — закричал Триффан.

Его крик слился с воплями, сотрясавшими зал, он повернулся, бросился к выходу, от которого, казалось, ответвлялось сто дорог, и все в разные стороны, и побежал. Триффан не разбирал, куда он бежит, Спиндл и Мэйуид следовали за ним, и у них в ушах гремело все, услышанное до сих пор. Только звуки нс были больше простыми и осмысленными. Звук Устрашения — голоса старых кротов и молодых, добрых и злых, самок и самцов, мрака и света. Вокруг все перепуталось. Смятение увлекало кротов вниз, в глубину, их бег превратился в бегство, оно длилось очень долго, и при каждом шаге они продолжали слышать и вопль роженицы, и отчаянный писк и понимали: совершается что-то невероятно жестокое.

Никому, кроме этих трех кротов, никогда не приходилось испытывать таких мук, никого не охватывала подобная паника. Триффан заблудился. И Мэйуид, и Спиндл тоже заблудились в звуках, которые постоянно нарастали, как будто, пока они бежали, вокруг них гремел весь кротовий мир, весь его свет, вся его тьма.

— Тихо!

Триффан остановил друзей и, положив большие лапы им на плечи, притянул к себе, словно хотел передать им свою силу.

— Не двигайтесь, — прошептал он, поглаживая обоих и глядя на них с необыкновенной нежностью. — Успокойтесь. Путь наружу не здесь.

Позже, когда в ходы проник свет зари и искусственно яркие, зловещие огни ночи сменились сероватыми тенями, звуки стихли и зал, в котором они находились (или это были ходы?), показался кротам огромным, простирающимся и вперед, и вверх, над ними, и вниз, и назад, словно для того, чтобы дать почувствовать кротам их ничтожность.

— Тихо! — повторил Триффан, и это был не приказ, скорее, призыв к тишине.

Потом рядом прозвучал первый из услышанных ими голосов — голос старого крота. Сначала он казался глухим, но по мере воцарения тишины становился все яснее. Он произносил какое-то слово, имя, их имена. Впоследствии они говорили, что каждый услышал свое имя, произнесенное этим кротом.

И каждый понял, кто этот крот.

Для Спиндла это был зовущий его Брейвис. И Спиндл заплакал.

Для Мэйуида это был крот, который нашел его, когда он, совсем малышом, был замурован в норе, а потом вырастил. Голос снова шепотом звал его, уговаривал, вел по темным ходам на далекий свет Слопсайда. Бедный Мэйуид заплакал.

А для Триффана это был Босвелл, любимый старый Босвелл, скрытый за сероватыми тенями, умоляющий его прийти, потому что прошло так много, так много времени. И Триффан готов был прийти к нему.

— Приди ко мне, приди… — говорил старый Босвелл. Он выглядел таким дряхлым и морщинистым в предрассветном сумраке, который, казалось, был границей Безмолвия.

— Ты же в Верне, ты же теперь в Верне, — шептал Триффан.

— Да, — отзывался Босвелл. — И тебе пора прийти сюда. Ты достаточно силен. Следуй за мной и веди за собой остальных. Следуй за мной…

И тени задвигались, размеры зала сжались, и Триффан, все еще не отпуская своих друзей от себя, подтолкнул их, сначала одного, потом другого, вывел, несмотря на их слезы, из этого около-Безмолвия, увел от этих смертных воплей, повел вперед, говоря:

— Пойдем, Босвелл укажет нам — куда. Пойдем…

❦

Потрясенные, измученные, три крота выбрались из ходов Данбара наружу у того хода, где начали свое путешествие. Небо над Веном было исполосовано красно-кровавыми лучами рождающегося солнца. И Триффан понял, что дети его родились и он опоздал, не успел вернуться к Фиверфью и помочь ей… и понял, что так предопределил Камень.

И все же Триффан побежал, побежал как только мог быстро, из Истсайда в Вестсайд.

— Триффааан!..

Он оставил далеко позади Спиндла и Мэйуида.

— Триффааан!..

Без единого слова он проскочил мимо Хита и бросился в темноту. Триффан знал, что там найдет.

Стены хода как будто летели на него, впереди темнота и…

— Триффан!

И вот она, здесь. Его Фиверфью.

Перед ней на полу лежал и пищал один-единственный детеныш, самец. Она была вся в крови, и все же ее, измученную, слабую, вел инстинкт. Фиверфью сражалась до конца.

— Триффан! — вскрикнула она, схватила зубами своего единственного оставшегося в живых детеныша за загривок и побежала с ним мимо Триффана навстречу Спиндлу, Мэйуиду и Хиту. Она положила малыша рядом с ними и обернулась, готовая одна встретить обезумевших кротов, гнавшихся за ней.

Нет слов, которые могли бы описать эту сцену, вероятно финальную в истории системы Данбара. Старые кроты, кроты вымирающего вида, дряхлые и растерянные, озлобленные, больные. На их губах и когтях — кровь, кровь детенышей, которых родила Фиверфью, детенышей, которых они растерзали. А во главе толпы — омерзительная, злобная, переполненная ядом горького бесплодия Сквейл, которой поручили наблюдать за Фиверфью, которая приказала убить детенышей, всех до единого.

Нет слов, которые могли бы описать шум, производимый этой толпой, звуки, издаваемые охваченными яростью калеками.

Нет слов описать рожденную ими жестокость.

Триффан не стал их убивать. Зачем? Эти кроты и так были уже мертвы. Он медленно пошел им навстречу — и этого оказалось достаточно: жаждущая крови толпа превратилась в кучку жалких созданий, слишком жалких, чтобы порядочный крот стал марать о них свои когти. Потом они крадучись, с виноватым видом разбрелись, тщетно пытаясь очистить кровь со своих когтей, — ушли в свои ходы, где им суждено будет скоро умереть.

❦

Фиверфью осталась жива. Триффан остался жив. Их детеныш остался жив — на какое-то время. И система делала вид, что ничего не произошло. Только по ночам кроты шептались.

Встало солнце, но Триффан не видел его. Глаза его потускнели, он пал духом.

Старлинг родила четверых малышей, и Хит держался поблизости, сторожил их. Доброе известие — эти детеныши. Смех звучал в ходах Вена — смех, скрывающий тени, о которых все знали.

Какое-то время сын Триффана был жив. И бедная Фиверфью кормила малыша, как могла, своими изъеденными лысухой сосцами, не принимая никаких слов утешения. Потом его не стало. Он все больше слабел и в конце концов умер. После этого все показалось ненужным. Там, где он лежал, было теперь великое молчание, неизведанное, бесплодное. Но одну его сторону находился Триффан, по другую — Фиверфью. Говорить друг с другом они не могли.

За что покарал их Камень?

— За что?

Что могли ответить на это Спиндл или Мэйуид? Ничего. Только ждать. И в конце концов посоветовали уйти.

— Я не пойду! — заявила Старлинг. — У меня дети. И вообще, здесь не так уж плохо, правда-правда. И еще — удивляйтесь, удивляйтесь! — Я буду нужна Фиверфью. — Старлинг улыбнулась. Теперь это была взрослая, заботливая, уверенная в себе кротиха.

— Но и она пойдет с нами…

Старлинг покачала головой:

— Она не готова к этому, только вы, наверное, не понимаете. Она еще не распрощалась.

— Но, восхитительная Мадам…

Старлинг ласково дотронулась до Мэйуида:

— Глупенький, я же не останусь тут навсегда. Только пока мои дети подрастут. Чтобы научить их всему, чему смогу. А потом я отправлюсь домой, в Данктонский Лес. Правда-правда! И возьму с собой Фиверфью. Честное слово! Нужно найти Лоррен и Бэйли… Правда-правда!

Старлинг была права, Фиверфью отказалась идти. И от этого Триффан, к своему стыду, почувствовал облегчение.

— Лысуха, Старлинг…

— Но ведь Мэйуид жив, и у него осталось всего несколько шрамов.

— Да, — прошептал Триффан, — да, всего несколько шрамов.

Потом Триффан пошел к Фиверфью и попытался поговорить с ней, но слова не шли у него с языка. Тогда Фиверфью подошла близко, нежно обнюхала Триффана, и они осмелились взглянуть друг на друга. Говорить они по-прежнему не могли. Между ними было молчание, которое вобрало в себя их детенышей и боль всего кротовьего мира, все его надежды, а смерть малышей — всю жестокость и ужас этого мира. Осталось лишь пустое молчание.

— Что нам делать? — спросил наконец Триффан.

— Пу-у-усть бу-у-удет по во-оле Ка-а-амена, — ответила Фиверфью. — До-о-оро-огой Триффан, крот мо-ой, бу-у-удем ли мы когта-нибу-уть фме-есте? — В ее мелодичном голосе слышалась смертельная тоска. Триффан не понимал, почему они расстаются, но не находил слов, чтобы помешать разлуке.

— Если мы сохраним верность и преданность друг другу, я думаю, Камень снова сведет нас, — проговорил он.

— Мо-ой ми-илый, я от-тшень лю-ублю-у тебя-а-а. Я хо-очу, ш-штоб у на-ас бы-ыли де-е-ети.

— Ты — единственная, кого я любил, я никогда никого больше не полюблю, — прошептал Триффан.

Но Фиверфью приложила свой коготь к его губам, прерывая слова, которые в один прекрасный день могут оказаться ложью. Триффан скользнул взглядом по Фиверфью, изуродованной лысухой, и прикоснулся к больному месту.

Фиверфью улыбнулась:

— Не бо-о-ойся, я-а-а не умру-у. Ка-а-амен изле-е-ечит меня-а. Не бо-ойся, любо-овь мо-оя, не бо-ойся.

И снова между ними стояло молчание, одолеть которое не могли никакие слова любви, никакие слова надежды, обещавшие лучшие времена. Поэтому, расставшись, они почувствовали облегчение. Каждому предстояло пережить это молчание и ждать встречи.

❦

Вскоре Триффан, Спиндл и Мэйуид ушли из Вена. Славный Мэйуид должен был прокладывать путь на север, откуда донеслись до них призывы старого Босвелла, на север — за Темную Вершину, в страшный Верн.

Хит спокойно попрощался с ними. Он дотронулся до Триффана и Спиндла и напоследок на минутку задержался около Мэйуида, с которым подружился.

— Об одной вещи я, назойливый Мэйуид, хотел бы тебя

попросить, — проговорил Мэйуид.

— Давай, приятель, я выполню твою просьбу, гели смогу.

— Люби и охраняй нашу восхитительную Мадам, в когда она захочет идти домой, помоги ей.

— Хит об этом не забудет. А теперь убирайся, иначе Хит расплачется, а это не по его части, — ответил Хит.

Мэйуид догнал Триффана и Спиндла и повел друзей на север, в Верн.

❦

А в Истсайде этой умирающей системы Старлинг играла со своими детьми. Фиверфью была рядом. Другие кроты держались от нее подальше, напуганные болезнью Фиверфью.

Однако малыши часто резвились у самого бока Фиверфью, и Старлинг не запрещала им этого. Она сама долго находилась под опекой Мэйуида, на коже которого были шрамы после перенесенной лысухи, и не боялась за своих детей. Какой-то древний материнский инстинкт подсказывал Старлинг, что хорошо, а что плохо, и, когда Фиверфью пела малышам, Старлинг считала ее песни лекарством для выздоровления подруги. Пусть малыши освоят все, чему их учит Фиверфью. Правильно, что Триффан ушел. И все же Фиверфью сейчас очень плохо. Но об этом Старлинг не говорила, надеясь в будущем с помощью Камня исправить причиненное Фиверфью зло.

— Фиверфью?

— Что-о, до-орога-ая-а?

— Ты расскажешь моим детям о Камне, когда придет время, а заодно и мне?

Фиверфью ласково кивнула, подумала о молчании, которое пролегло между ней и Триффаном, и улыбнулась. Обязательно должен отыскаться какой-нибудь способ заполнить его, и Камень найдет этот способ, и Триффан тоже узнает об этом!

— Расскажешь? — повторила Старлинг.

— Ра-асскажу-у.

— А мне можно будет послушать, или это только для детей?

— Можно, милая, можно.

Глава семь

Расхождение во взглядах приводит порой к тому, что формируется новая община, которая роет собственные подземные ходы и находит новые места для встреч. С теми, кто не хотел молчать о своей вере, так и случилось.

Например, в Карадоке местом паломничества служили давно покинутые Камни. Туда приходили новообращенные, там на тайных сборищах смелые верующие свершали свои обряды. Но в системах, захваченных грайками, приближаться к Камням было опасно, потому что они охранялись и кроту, застигнутому патрулями, грозило подвешивание. Поэтому в таких системах верующим приходилось выбирать места менее приметные, но чтобы их легко могли найти простые кроты, знавшие о них понаслышке. Подобные сведения передавались на ухо, шепотом. Часто эти места становились небезопасными, и, лишь когда бдительность патрулей ослабевала, там можно было собираться снова.

Естественно, в Семи Древних Системах или, по крайней мере, в таких, как Эйвбери, Данктон, Шибод и Роллрайт, оккупированных грайками, патрули и наблюдатели за Камнями всегда были начеку, особенно в периоды солнцестояния, когда верующие любили посещать Камни. Говорят, даже во времена наиболее суровых гонений Камни посещались и в Самую Долгую Ночь, и в День Летнего Солнцестояния. В Книге Мучеников записаны имена нескольких последователей Камня, которых вера приводила к Камням, хотя они знали, что это будет стоить им жизни. Так погиб почтенный Гербарт из Эйвбери в мрачные времена Клейна, так Феррис отдал жизнь в Файфилде в эпоху правления Льюкнора, а в ближайшем прошлом досточтимый Брамблинг принял мученичество в Семи Холмах от когтей грайков.

Тому, кто хочет узнать о самом начале великой миссии Триффана, придется отправиться в Роллрайт, скрываясь между стволами дубов, прячась в золе, которой там покрыта земля к юго-востоку от Камней. Со смирением и мужеством Триффан дерзал говорить миру кротов о Камне так, как учил его сам Босвелл.

Роллрайт, как и Эйвбери, окружен кольцом Камней, но, конечно, во времена Хенбейн Камни бдительно охранялись на случай, если его последователи попытаются выйти на поверхность и прибегнуть к их целительной силе. Но имелись в Роллрайте и другие Камни, на которые грайки не обращали

внимания, может быть, потому, что названия их были непонятны и загадочны. Эти Камни казались грайкам неподходящими для сборищ инакомыслящих.

Эти загадочные Камни, которые высятся к юго-востоку от кольца и словно жмутся друг к другу, как будто защищая один другого, суеверным кротам в старину, возможно, представлялись похожими на больших неподвижных горностаев, шепотом переговаривавшихся перед молитвой. И потому местные кроты называют эти Камни Шепчущими Горностаями.

Только слабый ветерок проникает на огороженную ими территорию, потому что лежат они под защитой холма, на котором возвышается Роллрайтское кольцо.

Там и собирались камнепоклонники, почти под носом у патрулей грайков, и шепотом вершили свои обряды, просили у Камня вернуть кротам Свет и даровать Безмолвие.

Иногда под Шепчущими Горностаями собирались лишь двое или трое кротов, потому что большие группы жестоко преследовались и выслеживались шпионами сидима. Многие пропали без вести или были убиты на месте. Но всегда приходят другие, чьи сердца озарил Свет Камня, и потому они осмеливаются открыто проповедовать свою веру.

Такие кроты, когда Триффан путешествовал с друзьями по Вену, жаждали его возвращения; ибо время раскола и смуты — трудное время для одиночек. Крот роет и роет свой ход в черной ночи, и лишь вера, надежда и любовь могут указать ему верное направление.

Что же удивительного в том, что в такое время, когда для верующих весь мир был сплошной темной ночью, тоска по Камню и его Безмолвию воплотилась в страстном ожидании Крота Камня?

«О, именно сейчас, Камень, пошли его нам на помощь!» — такую молитву чуткий крот мог бы подслушать у Шепчущих Горностаев.

❦

Триффан, Спиндл и Мэйуид обнаружили, как и многие путешественники до них, что обратный путь всегда быстрее и легче. Хотя их и подстерегало много опасностей и неожиданных препятствий, дорога оказалась не слишком трудной, и скоро они добрались до богатых червями почв, где можно было сделать передышку, не подвергаясь опасности. Они отправились в путь в мае, уже к середине июня сумели выбраться из самой опасной

зоны Вена и затем стали продвигаться на северо-запад, к Роллрайту. Триффан надеялся дойти туда до Летнего Солнцестояния.

Хотя они пропустили встречу со Скинтом и Смитхиллзом в Самую Долгую Ночь, их соратники перед уходом могли оставить какое-нибудь послание, рассчитывая, что Триффан и его спутники придут в Роллрайт.

Сначала путешественники шли быстро, но в июне стали продвигаться много медленнее и к Дню Летнего Солнцестояния все еще не добрались до окрестностей Роллрайта.

Но Триффану была известна цель, от Босвелла он знал о Шепчущих Горностаях. Это было неотъемлемой частью той науки, которую должны постигнуть кроты-летописцы в ходе обучения.

Спиндл и Мэйуид оба заметили, что Триффан, который был внешне спокоен и молчалив и в то время, когда Фиверфью стала его подругой, и во время ужасных испытаний, связанных с ее родами, сделался еще тише и молчаливее, когда покинул Вен. Хотя, пожалуй, слова «спокойствие» и «молчаливость» неточно передают его состояние. Мэйуид и Спиндл не наблюдали у него проявлений скорби и чувства потери, которых можно было ожидать. Его молчание не являлось также и признаком опустошенности после несчастья в Вене. Скорее, оно свидетельствовало о внутренних метаниях и сомнениях, одолевающих крота, когда он вынужден немедленно взяться за дело, не чувствуя себя полностью готовым.

Спиндл хорошо знал Триффана и поддерживал его, и только они двое знали, в чем состояла эта поддержка. Часто казалось, что Спиндл сам по себе и действует только в своих интересах. Однако, когда Триффан нуждался в нем, он всегда оказывался рядом, как в свое время и обещал Босвеллу. И хотя Спиндл нигде особенно не распространялся в летописях о своем общении с Триффаном, он, безусловно, сознавал: по мере приближения Триффана к Безмолвию, которого тот искал, требования к нему, Спиндлу, будут все увеличиваться и усложняться. Их будет все труднее исполнять. Поэтому возможной причиной раздражительности Спиндла на пути из Вена в Роллрайт, упоминаемой в хрониках, было волнение перед грядущими испытаниями и растущая уверенность в том, что они скоро умножатся.

Триффан продолжал паломничество, начатое по завету Босвелла на Аффингтонском Холме; впрочем, иные скажут, что оно началось у Данктонского Камня, откуда он впервые отправился в Аффингтон с Босвеллом, а иные, еще более прозорливые, скажут, что оно началось еще раньше. Но Спиндл не

мог не понимать, что с началом любви Триффана и Фиверфью значение похода изменилось, смысл его стал глубже, духовная его цель возобладала над фактической. Триффан полюбил, соединился с любимой и потерял ее. Он ощутил пропасть между собой и своей любовью, и ее надо было заполнить. Триффан не знал другого способа, кроме как уйти на время от места, где жаждала остаться его душа.

Но был ли это зов Босвелла из Верна? Или он существовал лишь в его воображении? Не было ли это бегством от реальной жизни, оставшейся в Вене? И правильно ли Триффан понял смысл предначертаний Данбара? Не был ли он не прав, уйдя от них, вместо того чтобы вернуться к ним еще раз? А его любимая, которую он не смог спасти от беды? Как быть с этим?

Такие вопросы способны сделать больше, чем медленные лапы крота, бредущего к Роллрайту; такие вопросы способны увести крота в себя, как в темную ночь, и оставить его там смущенным и растерянным, сомневающимся в своей вере и в своем предназначении. А если добавить к этому годы запустения и упадка Данктонского Леса и смерть многих, кого он любил и за кого чувствовал ответственность, эта темная ночь могла оказаться не просто ночью, она могла лишить красок и звуков всю его жизнь. Вот почему Триффан медлил по дороге в Роллрайт; он как будто опасался, что в двух шагах от цели у него не хватит сил и он потерпит поражение.

Но таково уж одно из сверхъестественных проявлений власти Камня над жизнью кротов: когда они сквозь темноту рвутся к свету, Камень дает им силы. Благородная цель и твердая вера, особенно в тяжелые времена, вызывают особую благосклонность Камня.

Удостоившиеся этой милости должны действовать, а для этого требуется нужный крот в нужное время. Истина, о которой многие забывают, а многие и вообще не знают, состоит в том, что Камень обязательно сведет их с кротами, способными помочь, даже если они и не будут приверженцами Камня и, возможно, сначала не покажутся достойными служить ему. Да и способен ли крот в своей непросвещенности судить о таких вещах, даже если признать за ним право судить? Лучше просто довериться Камню.

Для Триффана, как и для Спиндла, Мэйуид оказался тем самым нужным кротом. Они нашли его в Слопсайде, отнеслись к нему со всей искренностью и любовью, и предназначение его все больше раскрывалось в той помощи, которую он им оказывал. И хотя Мэйуид считал всю свою прежнюю жизнь подготовкой к тому, чтобы провести Триффана и Спиндла по опасным Данбарским тоннелям, он еще не отдавал себе отчета в миссии,

уготованной ему Камнем. Его детство в Слопсайде и последующее путешествие с Триффаном — все это было лишь подготовкой к большему, чем продиктованная природным даром роль проводника.

После нескольких дней почти полного молчания для Триффана наступила решающая ночь. Они были в одном-двух днях перехода от Роллрайта. Триффан напряженно молчал, Спиндл был сердит и недоволен сам собой, но ему хватило здравого смысла сказать Мэйуиду:

— Поговори с ним ты, потому что я ничего не смогу сказать. Он угрюм и мрачен, уже несколько часов созерцает ночное небо и, похоже, ничего не собирается делать. Поговори с ним так, Мэйуид, чтобы он опять улыбнулся.

— Озабоченный господин, Мэйуид выполнит твою просьбу, но Мэйуид не думает, что шутка и смех здесь помогут. Триффану нужно нечто другое.

— Я не знаю, что ему нужно. Только ты бы мог помочь.

— Смиренный Мэйуид постарается, господин, он постарается. Он помнит, как храбрый Триффан однажды испытал страх в тоннеле под рекой. Мэйуиду тогда удалось успокоить Триффана. Триффан сейчас тоже в тоннеле, только этот — еще темнее и длиннее того и нет утешительной надежды увидеть свет, нет даже воспоминаний. Мэйуид постарается утешить его и вдохнуть в него надежду, хотя Мэйуид не на многое способен, он может только постараться. Сначала он попросит благословения мудрого Спиндла, потому что он иногда тоже очень боится, как сейчас, просто дрожит от страха, что ему придется вернуться в темный тоннель, откуда Триффан помог ему выбраться.

И Мэйуид опустил голову, а Спиндл сказал:

— Ну, не думаю, что мне пристало благословлять, но, возможно, не будь Триффан не в себе, он бы положил свою правую лапу на твою, вот так, и, наверное, сказал бы… — и замолчал, припоминая слова напутствия, которые мог бы сказать Триффан.

Затем он тихо произнес:

О Камень, благослови этого крота, который боится.
Благослови его тело, голову, ноги, глаза, сердце,
в котором страх.
О Камень, веди этого крота в его исканиях:
его тело, голову, ноги,
глаза.
О Камень, помоги этому кроту любить —
помоги его телу, голове, ногам,

глазам, сердцу, в котором любовь.
О Камень, благослови, направь и сохрани
этого крота, верящего в тебя.

Как и предполагал Спиндл, Мэйуид нашел Триффана на поверхности созерцающим ночное небо и молча устроился рядом. При таком свете взгляд Триффана казался пустым и тоскливым.

Мэйуид ничего не сказал, он просто тихо припал к земле рядом с Триффаном, дав ему понять, что проведет ночь здесь. Он осмотрелся в темноте, окружавшей их, многообразной и богатой оттенками, вслушался в звуки, которые может слышать только сама земля да припавший к ней крот. Он сделал, как учил его Триффан, как самого Триффана научил Босвелл: замедлил дыхание и почувствовал землю каждой лапой, — только так можно слиться с землей и найти дорогу вперед.

И Мэйуид почувствовал, как входят в него темная ночь и черная земля, он ощутил рядом с собой любимого всем сердцем крота и прошептал:

— Помоги ему, Камень, помоги ему!

Прошло много времени; Триффан вздохнул, слегка повернул голову в сторону Мэйуида и сказал:

— Я не достоин, Мэйуид, хотя ты считаешь меня достойным. Но я потерпел слишком много неудач и не продвинулся в исполнении дела моей жизни.

Мэйуид ничего не ответил. Триффан продолжал:

— Так много предстоит, ты и Спиндл ждете решения, куда нам идти и чем заняться в первую очередь. Я понимаю…

Мэйуид опять ничего не ответил.

— Не знаю, что я могу сделать. Просто чувствую, что мне нужно идти в Верн, не знаю почему. Чувствую, что Босвелл должен быть там. Но чем ближе я подхожу к Верну, тем больше отдаляюсь от Фиверфью, а я должен быть с ней!

Кроты не любят, когда ученый летописец так колеблется в выборе. Мэйуид спросил:

— О сокрушающийся господин, которого Мэйуид любит и которому доверяет. Как ты думаешь, почему в, ничтожный, легко нахожу дорогу там, где другие плутают? Что помогает мне выбрать из нескольких путей верный?

— Для этого нужно быть тихим, кротким и невозмутимым. Нужно уметь внимательно слушать. Не один год я учился у Босвелла слушать, но иногда мне кажется, что я так ничему и не научился! Я и ему это нередко говорил. И знаешь, что Босвелл отвечал? Он сказал: «Не старайся так сильно. Наслаждайся жизнью!»

Мейуид рассмеялся:

— Иногда Мэйуиду хотелось бы встретиться с Босвеллом, и он надеется, что когда-нибудь это случится, кажется, у нас есть что-то общее. В самом деле, удрученный господин, Мэйуид думает, что Босвелл-то хорошо сумел бы находить дорогу в тоннелях.

Трифан улыбнулся и сказал:

— Ему было бы приятно услышать это именно от тебя, Мэйуид. Так как же ты выбираешь из двух одинаково трудных путей?

— Стремящийся к победе Трифан, Мэйуид сам часто об этом думает. Сейчас он попытается ответить. Когда ничтожный Мэйуид был маленьким и боялся всего, он усвоил крайне полезную истину, которую Трифан, вероятно, потерял из виду в темноте, окружившей его: при выборе решения часто забывают, что есть еще третий способ — не делать ничего. Пока Мэйуид спокойно ничего не делает, в мире происходят изменения и предстоящий выбор тоже изменяется, то, что казалось трудным, становится очень легким. Мэйуид подозревает, что Трифан забыл совет Босвелла — не стараться так сильно и наслаждаться жизнью. Мэйуид осмеливается предложить Трифану забыть о каком бы то ни было выборе и сосредоточиться на простом — ставить одну лапу впереди другой… с радостью! Тогда правильный путь сам найдет его лапы. Трифану нужно только тянуться к свету…

Мэйуид умолк, а Трифан задумался. Потом он сказал:

— Нет ли у тебя еще каких-нибудь предложений, Мэйуид, ибо твои слова кажутся мне очень разумными?

— Удовлетворенный господин, я выскажу скорее утверждение, чем предложение. Крот по имени Мэйуид испытал много счастья с Трифаном, и ему очень грустно, что Трифан сейчас в затруднении. Он не собирается оставлять Трифана и мудрого Спиндла без проводника. Ему известно, что эти храбрые кроты хотят попасть в Верн, и, хотя Мэйуид никогда не был в тех краях, он проведет их. Путь, возможно, будет извилист, поскольку Мэйуид считает, что самая короткая дорога — не всегда самая лучшая. И пока смиренный Мэйуид ведет их, Трифан и Спиндл могут заниматься своими делами. А теперь я хочу сказать еще вот что. Мэйуид лишь повторяет то, что он уже говорил однажды: когда Трифан нашел его, он был несчастным кротом, а теперь, когда он с Трифаном, он очень счастлив. Он робко предполагает, а вернее, смело берется утверждать, что если Трифан позволит ничтожному Мэйуиду прокладывать дорогу, то Трифану будет легко найти время поговорить с другими

кротами так же, как беседовал он с вышеназванным ничтожным кротом. В таких беседах Трифан обязательно снова обретет свое великолепие.

— О чем говорить? — спросил Трифан.

— Мэйуид не может посоветовать. Наверное, важно не то, о чем говорить, а то, что говорить будешь именно ты, Трифан. Так думаю я, простой крот.

Они больше не сказали ни слова до самой зари. Затем, уже более умиротворенный, Трифан спросил:

— А ты, Мэйуид? О чем сейчас мечтаешь? Найти наконец подругу, как ты хотел в Верне? Ты собираешься искать подругу?

— Скромный Мэйуид, конечно, ничего особенного собой не представляет, но он утешает себя тем, что многие кротихи такие же. При всей своей малости, он в этом уверен. Он понял, глядя на других, что любовь приходит, когда меньше всего ожидаешь. Должно быть, огорченный господин постиг это, почему Мэйуид думает, что он полюбит неожиданно. Но ему пригодится все, чему он научился, и еще он надеется, что его друзья ему помогут.

— Мы обязательно поможем, Мэйуид! — улыбнулся Трифан.

Тут они заметили, что к ним бесшумно присоединился Спиндл, Трифан спросил:

— Ведь мы поможем Мэйуиду, Спиндл?

— Да! — ответил Спиндл. — Влюбленный Мэйуид — это, вероятно, замечательное зрелище.

— Сиятельного Спиндла здесь не было еще мгновение назад, — сказал Мэйуид.

— Сиятельному Спиндлу захотелось размяться, — сказал Спиндл.

— Что ж, — вздохнул Трифан, — думаю, мы все в этом нуждаемся. Итак, Мэйуид, куда мы идем сегодня? Теперь ты — наша путеводная звезда.

Мэйуид расплылся в улыбке.

— Сначала в Роллрайт, — ответил он, — там Мэйуид все разведает, наметит цель, и мы отправимся дальше. Он предлагает Трифану и Спиндлу точно следовать за ним и не отставать, потому что, отправляясь в путь в хорошем настроении, Мэйуид не любит останавливаться!

— Как скажешь, Мэйуид, — сказал Трифан.

— Так и будет, — подтвердил Спиндл.

❦

Когда они прибыли в Роллрайт несколько дней спустя, Триффан чувствовал себя гораздо лучше. Он знал, что Мэйуид ведет их и сам Камень их направляет.

Они осторожно проникли в систему с северо-запада и благополучно, без происшествий, добрались до Шепчущих Горностаев. Там никого не было. Но они решили затаиться и подождать неподалеку. Вдруг появится какой-нибудь камнепоклонник, и, возможно, от него они узнают что-нибудь о своих друзьях, с которыми расстались так давно. Они настроились на долгое ожидание.

Дождались только через три дня. За это время несколько раз проходили патрули и просто кроты, но никто из них не приближался к Горностаям. На третий день вечером они увидели одного крота, который шел с запада, тщательно осматриваясь и обнюхивая землю на подходе к Горностаям. Перед Камнями он ненадолго распластался по земле, прочел простую молитву, глядя снизу вверх на Камни и прикоснувшись к одному из них. Крот был довольно большой и крепкий, но, видно, побывал уже во многих схватках: рыльце и бока у него были в шрамах, а на левой лапе не хватало когтей. Что-то в нем казалось очень знакомым, но никто не узнал его.

Триффан со спутниками дождались, пока крот отойдет от Горностаев, и окликнули его. На мгновение он принял стойку, которая не оставляла сомнении в том, что перед ними крот, способный постоять и себя, но в этот момент он узнал их и радостно нос кликнул:

— Да это же Триффан и благородный Спиндл, и оба живы! А ты… — Он взглянул на Мэйуида, не зная его имени.

— Перед тобою, о бесстрашный камнепоклонник, самый ничтожный крот во всем кротовьем мире по имени Мэйуид. Но мы тоже хотим узнать, пока безжалостные грайки не услышали нас, кто ты и какие у тебя новости…

— И Мэйуид тут! Как обрадуются кроты — вы живы! Я — Тандри, но, думаю, несколько изменился с тех пор, как ты видел меня в последний раз, господин мой Триффан. Отряд Скинта… Оборона болота в Данктонском Лесу…

Вдруг Триффан вспомнил. Этот крот появился и отряде в результате замены в последний момент.

— Что слышно о Скинте?

— Он жив и в безопасности, господин, насколько мне известно. Они ждали здесь в Долгую Ночь и, черт возьми, рисковали головой, добираясь сюда, чтобы встретиться с вами. Правда, застряли и пришли с опозданием. Но решили продолжать поход. А мне было поручено остаться в Роллрайте под видом

приверженца Слова. Они поручили мне встретить вас и рассказать, где их найти, если вы этого захотите… Но я знаю место для беседы получше и крота, который будет рад видеть вас, поэтому ступайте теперь за мной.

Они пошли вниз по склону прочь от главной системы, сначала сухими ходами, потом в сырой почве, а под конец стало и совсем мокро.

— Неприятно, но зато грайки никогда сюда не заходят, — сказал Тандри.

Только он произнес это, парочка юнцов высунулась из бокового тоннеля взглянуть на них, оба грязные, с донельзя выпачканными носами. Мэйуид удивленно посмотрел на них, припоминая прошлое.

Они прошли еще немного, и еще одна голова высунулась из-за угла, такая же вымазанная. Никто не произнес ни звука.

— Мэйуиду кажутся очень знакомыми эти тоннели. Он просит позволения пойти вперед.

— Тебе решать, — сказал Триффан.

— Мэйуид с надеждой идет вперед, вид тоннелей, сырость и грязь согревают ему душу, хотя и пачкают лапы. Сердце Мэйуида вдруг преисполнилось надежды на встречу с кротом, которого Мэйуид уже не рассчитывал никогда увидеть…

Но Мэйуид не успел договорить, потому что, как только они зашли за поворот и попали в общий ход, такой же топкий, как другие, они встретились нос к носу не с одним, а с двумя кротами. Почище была кротиха и, хотя она выглядела довольно неряшливо, казалась жизнерадостной и полненькой, шерстка ее небрежно топорщилась. И главное, в ней было что-то очень знакомое. Однако не на нее, а на крота рядом с ней ошарашенно уставился Мэйуид.

— Мэйуид не верит своим глазам! — воскликнул он.

На них робко глядел своими огромными глазами Хоум. Молчаливый Хоум, чей мех был все еще забрызган жидкой глиной. Неразговорчивый Хоум, который так же хорошо, как Мэйуид, умел находить дорогу. Молчун Хоум, который показал Мэйуиду тоннель под рекой.

Хоум не произнес ни слова, но неотрывно смотрел на Мэйуида. На глаза его навернулись слезы, и он опустил голову, дрожа от волнения. Потом Хоум повернулся к кротихе и произнес очень длинную для себя речь.

— Я счастлив, — сказал он. И повторил: — Я счастлив, Лоррен!

Лоррен! Сестра Старлинг — Лоррен? Но эта кротиха была приземистой, грязной…

— О, какое счастье! — воскликнул Мэйуид, выразив общие чувства.

На его голос трое молодых кротов опять высунули головы из тоннеля и замерли в смущении, оттого что их заметили.

— Господа, — начал Мэйуид. — Господа, все пятеро, каждый из вас и повзрослевшая Лоррен, и те удивительные молодые кроты! Мэйуид хочет повторить единственное слово, достойное быть повторенным в данном случае, — «счастье». И он повторит его, потому что эта встреча с когда-то беспомощным Хоумом и Лоррен должна воодушевить Трифана и Спиндла! И весь кротовий мир тоже. И потому Мэйуид говорит: счастье!

Лоррен радостно рассмеялась, потом спросила о Старлинг. И сразу заплакала, услышав о том, что у сестры тоже дети, о том, что сейчас Старлинг в безопасности и надеется вернуться в Данктонский Лес.

Кроты обменялись новостями. Трифан попросил молодых кротов остаться, потому что именно от них зависит завтрашний день, им нужно знать о прошлом и о тех, кто боролся за будущее. Им необходимо понять, сколь многое в будущем зависит от прошлого.

Когда главные темы были исчерпаны, Тандри с подобающей серьезностью поведал, что произошло с отрядом Скинта в Данктонском Лесу после захвата системы грайками.

❦

Вскоре после ухода данктонских кротов, как и предвидели Скинт и Трифан, грайки забеспокоились, не досчитавшись двух или трех своих гвардейцев. Им пришлось патрулировать группами, но кротам Скинта все равно удалось прикончить еще нескольких.

В конце концов грайки сообразили, что кроты-партизаны скрываются на северной окраине леса. А когда до них это наконец дошло, начались розыски; патрули то и дело прочесывали Болотный Край. Но безрезультатно, грайки никого не обнаружили.

Потом, ближе к концу сентября, в системе произошли перемены. Сначала патрули долго не появлялись вообще. Установилось затишье, жутковатое, как осенний туман за деревьями на болоте. Затем в лесу началась суета и беготня, кто-то приходил, кто-то уходил. Иногда раздавались ужасные крики. Кроты Скинта все это только слышали, но, вылезая наверх, ничего не могли рассмотреть сквозь дождь и туман. Лес выглядел

пустынным, и дня два им казалось, что грайки Хенбейн ушли насовсем. Однако в некогда спокойном лесу теперь царил дух страха и ужаса.

— Я не могу объяснить этого словами, господин Трифан. Могу только сказать: пока кроты знали, что вокруг грайки, они понимали, против кого сражаются, — рассказывал Тандри. — Но когда произошли эти непонятные перемены, кроты стали догадываться, что в Данктоне появился еще кто-то и что этот кто-то прячется. Он и носа не высовывает, а ты знаешь, что он умен, опасен, коварен и зол.

Естественно, мы решили выяснить, что случилось с грайками, а потому Скинт с двумя бойцами отправился к южным границам Древней Системы. Грайки там, конечно, оставались. В этом не было никаких сомнений — толстые, как блохи в шкуре старого крота. Но мы не могли себе представить, что за этим последует.

Они узнали это позднее, уже в октябре. Был сырой осенний день. На поверхности, рядом с их убежищем, началась какая-то возня. Поднялись узнать, в чем дело, и увидели кротов, которые бились насмерть. Бесстрашные отчаянные кроты. Были слышны звуки смертоносных ударов и предсмертные стоны. Когда все стихло, они сделали вылазку и обнаружили труп крота.

— Не забывайте, — сказал Тандри, — он погиб от ударов когтями, но вполне можно подумать, что он умер от болезни. Бока крота были изъязвлены болезнью до мяса и усеяны личинками мух, которые, видимо, попали в раны, когда крот был еще жив. Это был крупный, мускулистый крот. Скинт приказал нам не трогать его, совы тоже не собирались к нему прикасаться, хоть и кружили поблизости. Им не нравился ни его вид, ни его запах, и их можно было понять. Наши тоннели наполнились зловонием и смрадом разлагающегося тела. И это было только начало.

— Начало чего? — спросил Спиндл.

— Нашествия, подобного которому еще не знали кроты. Оно погубило многих из нас.

У Скинта и его отряда была возможность наблюдать трагедию, разыгравшуюся в Данктоне. Хенбейн придумала хитрую штуку: она переселила в Данктонский Лес множество увечных и больных кротов. Особая изощренность состояла в том, что они переселились насильственно, однако им была обещана хорошая, свободная жизнь по своим законам. Правда, они должны были подчиняться еще и законам Хенбейн, устанавливаемым ее преемницей Вайр через элдрен Данктонского Леса. Законы эти были довольно просты: запрещалось даже подходить к Древней Системе и приближаться к Камню. И наконец, никто не имел

права самовольно уходить из Данктона.

Грайки обезопасили себя от переселенцев, отправляя их на север системы сразу по прибытии, еще у коровьего тоннеля. Прибывшие отправлялись своей дорогой, грайки — своей, путь грайков к Древней

Системе пролегал совершенно обособленно от других тоннелей. Что происходило в нижних ходах, они не знали, и это их мало заботило, и меньше всего занимало Бик — их элдрен. Трудно найти более свирепую кротиху, она с радостью сама убивала острыми когтями любого крота с нижнего склона, осмелившегося нарушить границу. Некоторые кроты продолжали приходить, просто по незнанию. Некоторые были настолько больны физически или душевно, что не осознавали, где находятся, и, если случайно переходили границу, их тоже убивали. А немногие, изгои, поклонявшиеся Камню, старались пробраться к нему в надежде на избавление от страданий. Таких тоже убивали. Мало-помалу кроты из отряда Скинта стали понимать, что происходит. Сначала они надеялись сплотить переселенцев в единую силу для свержения грайков. Но это оказалось невозможным. Среди них был полный разброд, и чем больше их прибывало в октябре и ноябре, тем шире распространялись хаос и анархия, возникали банды, уничтожали друг друга, стремясь захватить власть.

Воспоминания Тандри заставили слушателей содрогнуться: он рассказывал об истязаниях, о жестокости обезумевших больных кротов, поселившихся в Данктоне и образовавших отвратительную преступную общину. Тандри видел, как калечат и подвешивают, видел драки, кровавые расправы, убийства и изнасилования. Кто посильнее становились вожаками, возникали группы кротов, представлявшие собой дикую пародию на те группировки, которые существовали во времена молодости Брекена. Как и тогда, самыми сильными были кроты с западного края. Ведь именно там самые богатые червями земли, и теперь сильнейшие захватили Вестсайд и бились насмерть зубами и когтями за каждую пядь земли. Меловой Истсайд стал зоной вымирания, здесь жили больные кроты, изгнанные отовсюду; их водворяли сюда силой, или они приходили сами, предпочитая доживать здесь, чем быть сразу убитыми.

В Бэрроу-Вэйле — историческом центре системы — в одиночку больше не ходили, а только сбившись в кучу, чтобы защитить друг друга, если потребуется. Болотный Край стал тайным убежищем для кротов, физически слабых, но достаточно умных и терпеливых для того, чтобы приспособиться к сырости и бедной почве этой низменной части леса.

Таким образом, довольно скоро в Данктонском Лесу установилось подобие порядка. Скинт решил, что пора уходить. К такому решению его подтолкнула потеря двух кротов, Фидлера и Ярроу. Их поймали и убили в Вестсайде. Скинт попытался вразумить вестсайдцев, но сам был схвачен и чудом спасся. Его едва не прикончили, пришлось потом отлеживаться дня два, и только после этого он смог присоединиться к Тандри и остальным троим.

Ноябрь был уже на исходе, и Скинт хотел поспеть в Роллрайт вовремя, чтобы встретиться с Трифаном. Одним из тайных подземных ходов, к северу от коровьего тоннеля, отряд покинул Данктонский Лес. Можно ли было считать успешным их пребывание здесь, трудно сказать. Во всяком случае, их ходы так и не обнаружили, они уходили открыто, наглухо заделав за собой входы в тоннели, где так долго скрывались.

— Поход в Роллрайт оказался долгим, господин, — заключил Тандри, — потому что под землей было полно грайков и мимо нас проследовала не одна процессия кротов, которых, судя по их плачевному виду, вели в Данктон. Уверяю вас, эта система не будет снова заселена при нашей жизни — по крайней мере, мне жаль тех, кто попытается заселить ее. Никто теперь не пойдет туда, а когда эти, пришлые, прошлой весной стали размножаться, Данктонский Лес, наверное, превратился в совсем жуткое место. Подумать только: Данктон заселен больными, убогими, уродливыми и безжалостными кротами, у которых нет других обычаев и традиций, кроме ими же придуманных, дикарских и жестоких! Недавно оттуда пришла весть, что Бик погибла и грайки отступили за коровий тоннель. Бик умерла от болезни. Грайки заняли прочную позицию, их теперь не выбьешь оттуда, — по крайней мере, неорганизованной толпе тамошних кротов это не под силу. Переселенцев все еще гонят в Данктон, навстречу медленному умиранию. Когда же мы со Скинтом пришли в Роллрайт, нас ждал добрый Смитхиллз вместе с Лоррен и Хоумом. Они рассказали нам, что знали о вас, про обвал тоннеля и о вашем спасении. Скинт и Смитхиллз некоторое время ждали, а затем, как я уже сказал, отправились на север. У них было предчувствие, что вы поступите так же, услышав последние новости: Хенбейн ушла на север, в Верн, и этот крот Уид — с ней; еще говорят, будто Шибод пал и грайки одержали победу.

— Нет ли известий об Алдере или Марраме? — спросил Трифан.

— Никаких.

— А о других кротах, переживших обвал тоннеля на склоне Данктонского Холма?

Тандри покачал головой:

— Никому ничего не известно.

Трифан немного помолчал, потом заставил себя подняться и снова спросил о Скинте.

— Он просил сообщить вам, где его искать, — в Биченхилле, это система в самом сердце Темной Вершины. Она слишком мала, чтобы грайки обратили на нее внимание. Там, в предгорьях, есть достойные кроты.

Вот и все, что знал Тандри. Остальное касалось его собственного решения смириться, признать Слово и жить среди грайков до лучших времен, когда его когти потребуются системе, ставшей ему родным домом.

— Думаю, потребуются не когти, а вера и преданность Камню, — спокойно отозвался Трифан.

— Что ж, может быть, — сказал Тандри, — но именно когтями грайки завоевали земли — другие когти лишат их этих земель.

Возможно, Трифан заметил восхищение трех молодых кротов, в молчании внимавших разговору старших; или, может быть, его охватило отвращение к поклонению грубой силе, которая уже утвердилась там, где была потеряна связь с Камнем, будь то Данктонский Лес или Роллрайт, Аффингтон или даже Вен.

Как бы там ни было, Трифан вдруг обрел значительность и величие, и, хотя он говорил тихо, никто не усомнился в его правдивости и уверенности.

— Путь Камня — это не путь силы. И Крот Камня не изберет такой метод. Я слишком много видел насилия и сам иногда совершал его, вольно или невольно. Путь Камня — это путь Разума, Тишины и Света. Но такой путь труден, Тандри, труднее, чем война когтями и клыками. Чтобы жить так, нужно больше храбрости…

— Больше? — переспросил Тандри, и в этот момент луч солнца осветил его мощные бока, покрытые боевыми шрамами.

— Да, больше, — подтвердил Трифан. — Легче наносить сокрушительные удары лапами, чем мыслить, хотя удар доходит быстрее, чем мысль. Легче заставить вопить от боли взрослого крота, чем утешить плачущего ребенка; труднее признать свою вину — легче считать себя правым. Путь Камня — это путь мысли, это череда перемен в каждом из нас.

— А как же Скинт, Алдер и Маррам, и такие, как я? — вдруг разозлился Тандри. — Такие, как я, дерутся за Камень своими когтями — разве мы не правы? Ты хочешь сказать нам, что мы не правы?

— Я не знаю, что для вас правильно, — сказал Трифан. — Не знаю даже, смогу ли сам удержаться от драки, если будут угрожать мне или нашим Кротам. Во всяком случае, если бы ты сейчас напал на Спиндла или на Мэйуида, я бы защищал их и дрался насмерть. Это я знаю точно.

— Когти даны нам, чтобы мы дрались, — упрямо заключил Тандри.

— Нет, они даны нам, чтобы рыть землю, а мы ими деремся. Нам так проще, а потому всем остальным принципам мы предпочитаем принцип «коготь за коготь». Но я долго странствовал по южным землям кротов и видел лишь горе и разорение. Я видел жаждущих покоя, рассудительных и миролюбивых кротов, таких как Хоум, вынужденных скрываться от чьих-то когтей. Разве не хватит червей на всех кротов? Разве недостаточно земли для их ходов? Я думаю, Крот Камня укажет нам другой путь!

— Когда же он придет? Скоро? — тихо спросила Лоррен.

— Думаю, да. Еще я думаю, чем больше кротов будут нуждаться в нем и желать его прихода, тем неизбежнее будет его появление. Я понял, что само существование Босвелла — свидетельство скорого Пришествия.

— Я надеюсь, он призовет нас напасть на грайков, когда придет, — многие кроты хотели бы этого, и среди них есть верующие в Камень! — сказал Тандри.

— Он призовет нас прислушаться к Камню, а не напасть на грайков.

— А если грайки на нас нападут, как всегда нападали?

— Тогда он призовет нас еще лучше прислушаться, — ответил Трифан.

— Ни один крот за ним не последует, если он будет призывать только прислушаться к Камню, и очень немногие поймут то, что ты сейчас говоришь.

— Значит, я должен научиться говорить с большей любовью, и поверь мне, Тандри: этому научиться труднее, чем драке. А сейчас нам надо поесть и поспать. Завтра мы пойдем к Шепчущим Горностаям, поблагодарим Камень за то, что остались живы и встретились с вами, и будем просить о такой же встрече со Скинтом и Смитхиллзом на пути в Верн.

Путешественников накормили и отвели отдохнуть. Лоррен и Хоум позаботились о гостях, дети со священным трепетом смотрели на Трифана и двух его товарищей, которые пришли к ним, и все, что они говорили, молодые кроты запомнили до конца своих дней.

Никому не ведомы пути Камня и не известно, где и как

проявится его благодать.

В системе возникли слухи, что здесь, в Роллрайте, и находится Великий крот, который благословит всех кротов от имени Камня. Не иначе как он — ученый летописец, и само его имя произносить опасно. Разве могли его поймать грайки, а он признать Слово и предать своих товарищей? Враки, все это враки грайков!

На следующее утро, едва рассвело, Хоум проводил Триффана и его спутников обратно к Шепчущим Горностаям; там уже собрались кроты. Они молча ждали. А когда сход начался, подошли еще кроты, старые, молодые, робкие и посмелее, кроты, которые услышали об этой встрече и хотели присутствовать, — поэтому Камни были окружены теперь целой толпой. Триффан тихо прочел молитвы и смешался с толпой, дотрагиваясь до каждого и благословляя, как его научил Босвелл. И опять и опять звучал вопрос:

— Придет ли Крот Камня?

Одним Триффан отвечал:

— Да, он уже идет. Будьте терпеливы. Верьте, вы услышите Безмолвие Камня.

Другим он шептал:

— Если будет на то воля Камня, вы увидите Крота Камня и он благословит вас. Доверьтесь Камню.

Затем он обратился ко всем и сказал им то же, что говорил Тандри: времена когтей прошли, настало время разума и мира. Сама идея Слова погибнет раньше, чем ее приверженцы.

Триффан простился с кротами Роллрайта и отправился дальше. А некоторые глубоко верующие кроты, с которыми Триффан только что простился, потом говорили:

— Его прикосновение заживляет раны и врачует душу. Этот крот — посланец Камня! Он исцелил меня!

Так, устами этих и многих других кротов, к которым прикоснется Триффан во время долгого путешествия на север, Камень возвещал о Пришествии Крота Камня.

Глава восемь

Говорят, сердце крота, идущего на север, вскоре начинает остывать. Иногда дорога поворачивает на восток или на запад, и тогда крот видит солнце, но в основном оно всегда оказывается позади него, а перед ним — лишь собственная тень, которая медлит или вдруг останавливается перед крутыми подъемами, словно предупреждая, что мудрее было бы отступить.

Однако достаточно понюхать да раз взглянуть на Темную Вершину, чтобы понять, что здесь не так уж плохо: и червей много, и дорога легкая. Даже если впереди у тебя нет ничего приятного, все же земля под твоими лапами жирная и плодородная; и пусть солнце показывается редко, но, по крайней мере, речки и ручейки, протекающие в этих краях, своим журчанием подбадривают тебя, и временами кажется, что вокруг — счастливая, приятная жизнь.

Но вот опять вырастает перед тобой Темная Вершина, а потом долго тянутся бесплодные горные пустоши. Многие столетия кроты останавливались здесь и дальше не шли: не было дальше хорошей дороги и дружелюбных добровольных проводников. Дружелюбных? Добровольных? Благоразумный путешественник воздержится даже произнести вслух эти два слова: «Темная Вершина».

Здесь серое небо темнеет, если грач взмахнет крылом, здесь царят неясыти, которые уже не водятся в южных землях, где теперь ухают совы и пахнет двуногими.

На открытом месте, пробираясь по вязкому липкому торфу, крот замедляет шаг и становится легкой добычей для существ с пушистым хвостом, чьи глаза подло косят, а язык лжет. Другое дело, если крот хорошо знает дорогу и сохраняет присутствие духа.

Однако храбрый крот, продолжая путь на север, должен держаться подальше от Вершины и стараться отыскать дорогу через долину, где пролегают пути ревущих сов и двуногих: там местность освещена даже ночью. Опасный, очень опасный край: там рыщут лисы и охотятся неясыти, а тех, кого не успеет схватить ревущая сова, настигают крысы.

Воздух здесь прохладный, дожди холоднее и продолжительнее. Такие дожди топят червей. Здесь взору путника предстает странная картина: ползают черные слизни, погибают мотыльки, плавают в лужах бледные мертвые черви.

Все это предупреждения. Все это означает: вернись обратно, отступи! Об этом шепчет ветер, прячась в гниющей на корню

траве, чтобы смутить душу крота.

Если крот начнет уставать и почувствует пустоту в сердце, но все равно пойдет дальше — это глубоко верующий крот, или, напротив, его душа темна и потому стремится прочь от солнца к Звуку Устрашения. Крота не надо учить распознавать его. Здесь сами скалы стонут, а песчаник, скользкая глина, осколки камней — все вбирает в себя Звук Устрашения и передает дальше. Кроту кажется, что сама земля нападает на него. Возможно, так оно и есть.

Не удивительно, что многие столетия лишь кроты-летописцы совершали путешествия на север, чтобы потом занести увиденное в «Системные Реестры».

Эта была дань древней традиции — собирать сведения о системах и о кротах, живущих в них. Правда, следуя ей, обычно упускали из виду то, что таилось в сердцах простых кротов, о чем они думали, чего хотели.

И пока не приходили очередные летописцы, цитадель Темной Вершины оставалась неприступной и загадочной для южных кротов. Она стала источником легенд, сказок, мифов, страшных историй. Так ведь всегда случается с еще не изученным местом.

Потом из этих неизведанных северных земель пришла чума. Она распространялась тяжело, медленно и неотвратимо, как запах барсука. На гребне этой волны появились грайки — непонятные, безликие, страшные. Они говорили на языке Слова, запугивали местных кротов, а потом убивали их.

Это нам известно. Это мы видели. И мы недоумевали: если светит солнце и по траве весенних полей пробегает свежий ветерок, откуда взялся этот мрак и к чему он приведет?

О вы, кроты, которые когда-то возносили молитвы за Брекена и Ребекку, а потом молились также за Триффана! Вы, идущие на север теми же тоннелями как и он, и оберегающие его! Вы, шепотом благословляющие Триффана, храброго Мэйуида и мудрого Спиндла, готового отдать жизнь за тех, кого он любит, единственного, кто был при посвящении Триффана в сан летописца и поклялся стать его верным помощником, другом и последователем… Идите с ними мимо Темной Вершины, и если у самого Верна силы покинут вас и вы побоитесь идти дальше, тогда дождитесь возвращения Триффана и его друзей, потому что им, несомненно, понадобятся ваши молитвы и ваша помощь.

❦

А пока Триффан выжидает, вглядываясь в тенистые склоны

Верна, припомните снова вместе с ним славный поход в Роллрайт, когда, сам того не сознавая, он поселил надежду в душах многих кротов. Трифан сумел внушить им, что ждать осталось недолго и если они наберутся терпения, то увидят, как придет Крот Камня.

Кроты многих систем утверждают теперь, что Трифан тогда проходил и по их земле. Многие рассказывают о совершенных им чудесных исцелениях. Многие искренне верят, что когда-то Трифан благословил их.

— Трифан был здесь! — утверждают они.

Они видели крота, испытавшего страх и боль утраты. Они видели крота, исполненного смирения и спокойной глубокой мудрости. Он проповедовал мир и осмысленную жизнь, он призывал своих последователей спрятать когти, предоставить грайкам быть такими, какие они есть. Они видели крота, разлученного со своей единственной любимой подругой, которую он едва успел узнать. Он с пониманием относился к их бедам, потому что и сам немало страдал. Он говорил с ними о своей родной системе, от которой его оторвали чума и грайки. Еще Трифан рассказывал о Босвелле, Белом Кроте, который, как он полагал, находился в то время в Верне, ожидая, чтобы Трифан и его приверженцы доказали свою верность Камню. Трифан знал обряды и гимны былых времен. Он не раз произносил молитвы около Камней, или в других тайных местах, или просто в норах, прямо и открыто. Это был крот, облеченный высокой миссией, крот-летописец. Он обучал письму тех, кто хотел учиться, и не делал из этого тайны.

Трифан шел и встречался по дороге с кротами, тихо беседовал с ними, и каждому казалось, будто он обращается именно к нему. Однако, когда кроты спрашивали совета, Трифан неизменно отвечал, что не достоин указывать им, что скоро придет более достойный. Это будет Крот Камня. Он и научит их.

Когда Трифан говорил, Спиндл припадал к земле и замирал где-нибудь неподалеку. Так же поступал и Мэйуид, который очень смешил молодых кротов своим более чем неказистым видом.

— Почему грайки не нападают на нас? — часто удивлялся Спиндл.

Грайки действительно их не трогали, несмотря на частые тайные собрания на пути следования Трифана.

— Должны же они нас обнаружить! — настаивал Спиндл. — Во всем остальном они весьма бдительны и расторопны. Не могу поверить, что им неизвестно о нашем походе!

— О чуткий Спиндл! Смиренный Мэйуид с тобой согласен, —

сказал Мэйуид. — Возможно, это ловушка. На такие штуки грайки мастера. Может быть, они как раз очень хотят, чтобы мы шли на север.

— Я уверен, что так оно и есть, — согласился Триффан, — но, пока нам не причинили никакого вреда и никому из сочувствующих нам — тоже, мы можем оставить все как есть и продолжать путешествие. Помните: грайки могут вступать в заговоры и плести интриги против нас, но нам, последователям Камня, это не пристало!

Слухи о Триффане и его друзьях опережали их самих. Кроты отыскивали места, где останавливались путешественники, и собирались послушать Триффана, находя утешение в скором Пришествии Крота Камня.

— Но откуда это известно? — волновался Спиндл. — Вдруг он не придет? Мы будем выглядеть глупо. Может быть, Хенбейн именно этого и хочет! Даже если он придет, Хенбейн может убить его. Тогда все подумают, что Камень слаб, и перевес будет не на нашей стороне.

— Что ж, возможно, она так и рассчитывает. Во всяком случае, это объясняет, почему грайки нас не трогают. Боюсь, я не смогу объяснить, откуда я знаю о Пришествии, я и сам этого не понимаю. Как бы то ни было, в Верне — разгадка тайны его Пришествия, — отвечал Триффан.

Спиндл недоверчиво хмыкнул.

— Тебе, Спиндл, надо, чтобы все случилось как по-писаному, — тогда ты поверишь.

— Но ведь это действительно записано в предсказаниях Данбара, хотя они так туманны, что едва ли позволяют нам прогуливаться по округе и обещать кротам…

— Это не прогулки, Спиндл! Я очень устал…

— И не ты один! — запальчиво ответил Спиндл.

❦

Есть еще одно предание, которым мы можем поделиться, прежде чем последуем за Триффаном в Верн.

Подойдя к Темной Вершине, они, возможно, впервые ясно осознали, сколько преград их ожидает. И тогда Мэйуид, как всегда, нашел наилучший путь. Это была дорога не совсем на север, она немного забирала на восток, что позволяло путешественникам по утрам видеть солнце. Извилистые реки избороздили здесь всю землю. Почва в основном была плохая и кислая, но кое-где попадалась и хорошая, в тех местах солнечный

свет лился с неба на траву и цветы и пели птицы.

Мэйуид утверждал, что несколько приверженцев Камня живут уединенно в высокогорном Биченхилле. Скинт просил запомнить это название, именно там он собирался оставить известия для Триффана. Поднимаясь наверх, в Биченхилл, Триффан повеселел: их окружали благоухающие цветы и журчание речных вод доносилось снизу, из долины.

Поднявшись, но еще не встретив ни души, Триффан решил побродить в одиночестве.

— Но… — начал было Спиндл с сомнением.

— Мой дорогой господин! Мне тоже не хотелось бы выпускать тебя из поля зрения! — поддержал Спиндла Мэйуид.

Но Триффан лишь улыбнулся в ответ:

— В этом месте что-то очень доброе переполняет мое сердце.

Спиндл и Мэйуид с удивлением увидели на его глазах слезы радости и печали.

В тот день Триффан ушел далеко. Как в детстве, он смотрел на добрую землю, вбирал в себя краски, звуки, запахи.

Триффан видел здешний край во всем его великолепии. Был июль, все перипетии и испытания, связанные с выращиванием и воспитанием потомства, уже закончились, а темные холодные зимние месяцы еще далеки. В июле земля хорошо задерживает влагу, дерн пружинит под лапами и от земли исходит тепло. В небе — только голубой и белый цвета, а внизу расстилается мир кротов, наполненный ароматом жимолости и рябины. Зайцы мелькают туда-сюда, то и дело застывая столбиками, чтобы оглядеться, и передние лапки их мелко дрожат. Именно в июле появляются красивейшие цветы: чистотел зацветает над ручьем, рододендрон растет на пожарищах, и еще Триффану встретился дубровник, радующий глаз своей яркой желтизной. А душистый чабрец словно приглашал отдохнуть рядом. Через долину — это не слишком далеко для крота и тем более для его слуха — то принимался стучать, то замолкал дятел. А вокруг жужжали насекомые.

В такой июльский день хочется бродить одному, если только рядом нет подруги. Но когда крот встретится с ней, они обязательно спросят друг друга, что каждый из них делал и о чем думал именно в этот день. Непременно захотят убедиться, что оба думали тогда друг о друге.

Триффан бродил и вспоминал Фиверфью. Если по милости Камня он еще когда-нибудь увидит свою любимую, то обязательно спросит ее, помнит ли она этот день. И заранее знал ответ: конечно она помнит, в этот день светило солнце, мрак прошлого рассеялся, и она знала, что Триффан мысленно был с

нею.

В одиночестве, но не чувствуя себя одиноким, Триффан дошел до Биченхилла, и в его сердце навсегда воцарилась любовь к этой земле. Поселение было расположено достаточно высоко, чтобы чувствовать близость неба, и достаточно низко, чтобы долины внизу не казались призрачным сном. Голые скалы придавали холмам величие, а отдаленное журчание ручьев растворялось в воздухе. Здесь даже крот, не столь жизнелюбивый, как Триффан, почувствовал бы: этот дивный день скоро кончится и поэтому надо во все глаза глядеть на рассыпанные вокруг богатства лета.

Наконец Триффан остановился, лег и положил рыльце на вытянутые лапы. Он просто лежал, впитывая запахи и звуки, и смотрел по сторонам.

— Тс-с! Он спит.

— Ты уверен?

— Гм. А он большой!

— И старый.

— Нет. Просто у него морщинки.

— И шрамы. Но он совсем не страшный.

— А ты уверен» что это он?

— Ш-ш-ш! Тише! Скорее всего это он.

Триффан осторожно пошевелился, чтобы не напугать детей.

— Здравствуйте! — сказал он.

Они уставились на него. Их было двое — он и она.

— Ты пришел учить нас?

— Ты с юга?

— Может быть, — ответил Триффан. — А откуда вы знаете обо мне?

— Все знают, что ты должен прийти сюда. Тебя так долго ждали! Для чего ты пришел?

— Хотел бы я сам это знать!

— Разве не затем, чтобы учить нас?

— Учить чему?

Дети смутились.

— Не знаю, — ответил один из них робко.

— Рассказывать нам о Камне! — нашлась другая.

— А у вас есть Камень в Биченхилле? — спросил Триффан.

— Конечно! Самый лучший во всем кротовьем мире! Разве ты не знал этого?

— Что ж, теперь знаю, — сказал Триффан. — Вы мне его покажете?

— Пошли! — обрадовались они и повели Триффана за собой — как это свойственно детям — по любимым местам и не жалея

времени, которого у них так много.

— Вот! Вот наш Камень.

Трифан поднял глаза, оглядел пастбища, среди которых стоял Биченхиллский Камень.

— Ну? Правда, он самый лучший? — спросили дети.

Трифан подошел и дотронулся лапой до Камня. Гордо высился он, золотистый в солнечном свете, теплый, шероховатый на ощупь.

Трифану показалось, что Камень излучает свет на весь мир кротов.

— Сегодня он самый лучший, — сказал Трифан.

— Только сегодня?

— Когда дотронетесь до других Камней и помолитесь, лишь тогда вы сможете решить это для себя.

— Так значит, ты не считаешь этот Камень самым лучшим? — шаловливо улыбнулась маленькая кротиха.

— Вот что я вам скажу, — доверительно произнес Трифан, — я знаю один Камень, который должен вам понравиться не меньше этого.

Юный крот понимающе кивнул:

— Ты имеешь в виду Данктонский Камень, правда? Все говорят, что он особенный, но сможем ли мы когда-нибудь попасть туда?

— Почему же нет? — подзадорил их Трифан.

— Слишком далеко и опасно, — засомневалась кротиха.

— Грайки! — добавил юный крот.

— Ну я-то ведь сюда добрался!

— Ты — взрослый.

— Вы тоже однажды станете взрослыми. К тому же не думаю, чтоб это имело такое уж большое значение.

— На нашем месте ты думал бы иначе!

Трифан рассмеялся.

— Хочешь посмотреть на наши тоннели? — последовал вопрос.

— Да, — ответил Трифан, — только не хочется спускаться вниз, когда наверху такое солнце. Я долгодолго жил во тьме, а сегодня нашел выход.

— Мы можем подождать, когда солнце зайдет, — предложила маленькая кротиха.

Трифан кивнул и поинтересовался:

— А пока скажите мне, как вас зовут.

— Меня — Брамбл.

— А я — Бетони. А ты кто?

— Ио чем ты будешь нам рассказывать? — подхватил Брамбл,

устраиваясь поудобнее.

— Много чего можно было бы вам рассказать. Пожалуй, я начну с самого начала, — ответил Трифан.

— Это самое лучшее! — важно одобрил Брамбл.

Трифан так и сделал. Вскоре к его слушателям присоединились другие кроты: взрослые, дети, старики — кроты, заблудившиеся в жизни, как многие обитатели Данктонского Леса, кроты, жаждавшие вновь обрести надежду.

Но Трифан говорил прежде всего для Брамбла и Бетони, потому что они молоды и все у них впереди. И если они считают дорогу в Данктонский Лес такой трудной, то могут никогда и не попытаться куда-нибудь отправиться, а значит, не сделают в своей жизни многого, что могли бы сделать.

Трифан говорил с кротами, пока вечер не опустился на Биченхилл, и только Камень, высившийся среди остывающей травы, хранил тепло дня.

Спиндл и Мэйуид тоже слушали Трифана в тот день, когда глубоко верующий в Камень крот открыл свое сердце другим кротам, поведал о своих надеждах и опасениях, рассказал историю своей жизни.

Заканчивая повествование, он говорил очень тихо и спокойно, словно чувствуя, что едва ли еще кто-нибудь сможет говорить так же. Кроты придвинулись к нему ближе, они поняли, как нужно ему их участие и вера в завтрашний день.

Наконец Трифан призвал их помолиться Камню о Пришествии Крота Камня, который указал бы всем заблудшим истинный путь, как бы принижены они ни были, какие бы беды и страдания их ни постигли. Потом Трифан благословил кротов Биченхилла, и они тихо разошлись по своим норам.

❦

Наступило серое утро. Путешествие продолжалось, пришли вести о Скинте.

— Грассингтон, — прошептал незнакомый крот. — Вы найдете там Скинта и Смитхиллза. Совсем рядом с Верном. Да пребудет с тобою, крот, Безмолвие Камня, и помни: ты и твои друзья всегда найдете здесь убежище!

Крот говорил радостно и бодро, смотрел прямо и открыто. Он был полный, но крепкий. Что-то заставило Трифана спросить, как его имя, а Спиндла — запомнить это имя.

— Меня зовут Сквизбелли. Брамбл и Бетони — мои дети. И они, и я, да и все здесь — враги грайков, а значит, твои друзья

навеки. Поминай нас в твоих молитвах, Триффан из Данктона, а мы всегда будем молиться за тебя.

Распрощавшись с добрым толстяком Сквизбелли, Триффан с друзьями вновь тронулся в путь под жизнерадостную трескотню Мэйуида.

— Господа, вы можете положиться на Мэйуида! Он с легкостью приведет вас в Грассингтон, к славному Скинту и добросердечному Смитхиллзу. Ступайте за Мэйуидом!

В августе путешественники благополучно миновали Темную Вершину, не переставая удивляться отсутствию грайков. А к началу сентября достигли Грассингтона — последней системы перед мрачным Верном.

❦

Скинт и Смитхиллз заметно постарели, и, увидев их снова, Три ан осознал, что он и его друзья, вероятно, тоже не помолодели. Но как радостна была эта встреча! Как много им нужно было сказать друг другу! Как велико было искушение остаться в чистых тоннелях Скинта или даже в грязноватых домах Смитхиллза и отдохнуть от длинной дороги, коротая дни в праздных разговорах! И они поддались этому искушению.

Они также нашли время посетить норы, где прошло детство Виллоу, и почтить память этой старой кротихи, убитой по повелению Хенбейн. Скинт вспомнил, какой гнев охватил его после ее гибели. Триффан же подумал, что теперь их объединяет гораздо большее — сострадание и боль утраты. Вероятно, гнев — это эмоция, свойственная молодым, а настоящую душевную боль может достойно вынести только зрелый крот. Триффан и его спутники обратили взоры на север, где был подъем к Верну, и почувствовали, что на этот раз гнева им будет недостаточно.

— Когда мы уходим? — спросил, как всегда, решительный Скинт. Правда, голос слегка дрогнул. Ему явно не хотелось уходить из дома. Смитхиллзу — тоже, хотя и он предложил свою помощь и, конечно, пошел бы, не побоявшись когтей Хенбейн.

— Мы пойдем одни, — ответил Триффан. — Мэйуид, Спиндл и я. Вы, кажется, говорили, что знали о нашем приходе сюда заранее?

— Да, уже много недель. Всем известно, что вы идете в Верн и грайкам дали приказ не задерживать вас, — сказал Смитхиллз. — Говорят, Хенбейн и Рун хотят потолковать с вами. Никто не знает, к чему бы это, но, видно, в мире что-то изменилось, если последователи Камня могут спокойно добраться

до Верна.

— Изменилось или нет, а только мне все это не нравится, — сказал Спиндл.

— Мне тоже! — согласился Скинт. — Кроты, способные убивать таких, как Виллоу, не могут измениться. Это надо помнить.

— Не беспокойся, мы не забудем, — произнес Триффан.

Спиндл молча тряхнул головой и потер лапы, как будто что-то его беспокоило, но что именно — он не сказал.

Позже Скинт отвел Триффана в сторону и недоуменно спросил:

— Но зачем ты идешь туда? Разговаривать с теми, кто творил жестокости по приказу Хенбейн?

— Я иду искать Босвелла, — твердо ответил Триффан. — Он там и давно ждет нас! Я не знаю, Скинт, почему мы должны идти, но я уверен, Спиндл и Мэйуид останутся невредимы, я это твердо знаю; поэтому не волнуйся за них..

— Но ты, друг! Что будет с тобой? А? — тихо спросил Скинт, прикоснувшись к Триффану.

— Не знаю, — ответил Триффан. — Думаю, сейчас дело не во мне. Много лет назад Босвелл готовил меня именно к этому. А зачем? Наверное, это знает Камень, и мы поймем, но со временем.

— Тебя лихорадит, друг. Позволь нам пойти с тобой — несколько лишних пар лап не помешают. Мы еще не так стары, чтобы от нас не было никакой пользы!

— Нет, Скинт, — ответил Триффан. — На этот раз — нет. Сейчас мы сражаемся не когтями. Кроме того, у меня есть прекрасные защитники: Спиндл и Мэйуид. Они сумеют сделать то, что надо.

— Что ж… Если мы чем-нибудь можем помочь…

— Молитесь за нас, — сказал Триффан.

— Я буду молиться, как умею, пока не получу известий, что вы в безопасности. Вы вернетесь к нам и расскажете, как плюнули в глаза Руну!

Триффан устало улыбнулся. Потом, после недолгого раздумья, сказал:

— Мы вернемся тем же путем, и, возможно, тогда нам понадобится помощь. Будь наготове, Скинт. Пусть у тебя под началом соберутся кроты с сильными когтями, но не для того, чтобы убивать, а чтобы внушать уважение. Ждите нас, и, если мы сами не придем, кто-нибудь передаст от нас весточку.

Скинт кивнул.

Триффан, помолчав, добавил:

— По пути сюда мы заходили в Биченхилл.

— Да, и что же?

— Запомни это название. Там я был счастлив целый день. Там живут кроты, крепкие в своей вере, они придали мне сил для продолжения похода. Запомни это!

— Я запомню, — сказал Скинт, одновременно и тронутый, и обеспокоенный. — Я не забуду.

Потом Скинт и Смитхиллз отправились немного проводить своих друзей. Они шли все вместе по вересковой пустоши, за которой высился сумрачный Верн; река изгибалась и неслась им навстречу по склону, навстречу солнцу и той жизни, которую они оставляли позади.

Вскоре слева появились неясные очертания скалы.

— Что это за место? — спросил Триффан Скинта, пока Спиндл с сомнением осматривался, а Мэйуид, прищурившись, вглядывался в темноту.

— Килнси, — ответил Скинт. — Здесь обучают грайков. А дальше, за рекой Уорф, — Верн.

— Это место выглядит не таким мрачным, как я предполагал, — заметил Спиндл.

— Да, в нем есть своеобразная красота, — отозвался Смитхиллз.

Вечерний свет ложился на склоны Верна, бледно освещал известняковые откосы.

— При таком освещении даже Верн выглядит симпатичным, но это впечатление обманчиво, — предостерег их Скинт.

Пока кроты разглядывали окрестности, сильно похолодало, потому что с наступлением вечера Килнси отбрасывает черную, как ночь, тень.

— Зачем ты пришел сюда, крот? — вдруг послышался голос из камней и травы, и перед ними появился грайк. — Отвечай скорее, неверный, иначе ты умрешь!

— Господин, мы идем…

— Я не тебя спрашиваю, а вон того, — перебил Мэйуида грайк. В нем чувствовались сила и уверенность, а в интонации слышалась издевка. Ясно было, что поблизости укрылись и другие грайки.

— Мы пришли в Верн с миром, — сказал Триффан.

— Ты Триффан?

Триффан кивнул. Тогда грайк подошел ближе, совсем вплотную к Триффану и уставился ему в глаза:

— Нельзя сказать, данктонец, что ты торопился, но все же ты пришел. Хотя и заставил себя ждать, а ждать я не люблю, и мои друзья — тоже. Мы очень этого не любим — понял, ты, подонок Камня!

Грайк сплюнул сгусток слюны с недожеванным червем. Тут же отовсюду появились темные морды, множество глаз злобно следило и ожидало ответа Триффана на плевок. Ответа не последовало.

Вместо этого он коротко попрощался со Скинтом и Смитхиллзом. Когда они уже уходили, Триффан в последний раз печально посмотрел им вслед. Потом он снова повернулся к грайкам.

— Куда вы нас поведете? — спросил Спиндл.

— Заткнись? Пошевеливайся и не задавай вопросов! Узнаешь, если у тебя хватит сил туда доползти.

Они последовали за грайком, остальные окружили их и принялись подгонять, заставляя идти быстрее.

Скинт и Смитхиллз издалека видели, как путешественников поглотили длинные тени Верна.

— Не нравится мне все это, Скинт! — сказал Смитхиллз.

— Они храбрые кроты, но им может понадобиться помощь, — отозвался Скинт, — но не сила. Не тот случай. Мы будем готовиться к их возвращению. Но им понадобится другое.

— Что же, друг?

— Я не знаю, Смитхиллз, — ответил Скинт, глядя на север, куда ушли Триффан и остальные. — Камень знает.

Смитхиллз усмехнулся, но улыбка вышла печальной.

— Мы можем попробовать что-нибудь сделать. Хоть что-нибудь! — сказал Смитхиллз.

— Молиться! — резко ответил Скинт.

— Брось! За всю свою ничтожную жизнь ты ни разу не молился!

— Что ж… Тогда я собираюсь попробовать сейчас, — сердито ответил Скинт и, чтобы справиться с чувствами, отвернулся от старого друга и поспешил назад, в Грассингтон. Смитхиллз побрел за ним.1

Глава девятая

В сознании Триффана, Спиндла и Мэйуида Верн так долго был местом опасным и мрачным, что было бы даже странно, если бы они не испытывали цепенящего ужаса.

Когда они покинули Килнси и через мост, построенный двуногими, пересекли реку Уорф, ощущение великой тоски усилилось еще и потому, что солнце стало заходить, свет меркнуть и уже невозможно было различить цвета окрестных деревьев и скал.

В сгущающихся сумерках над ними нависали террасы из известняка. Ниже по реке они терялись из виду, поднимаясь к темной громаде Верна. На одну из таких террас они и стали взбираться. Потом они некоторое время шли по лугу, затем вскарабкались по каменистой осыпи, поросшей чахлыми деревьями, где ютились совы, грачи и летучие мыши. Где-то рядом завозился старый барсук, а далеко внизу, на пастбищах, мычали коровы, их контуры темнели под влажным тонким покрывалом тумана. Отсюда в вечернем свете они напоминали листья, плывущие по поверхности реки.

Грайк вел их быстро; он был явно разочарован отсутствием сопротивления. Но для тех, кто так долго скитался, поднимался с холма на холм, спускался с долины, это был не самый быстрый темп.

Мэйуид, как всегда, осматривался и принюхивался, несмотря на резкие окрики грайков. Триффан легко поспевал за грайками, чувствуя себя лучше, чем когда-либо. Даже Спиндл со своей неуклюжей и неровной походкой не отставал; если кто и дышал тяжело, останавливаясь время от времени передохнуть, так это грайки, из чего Триффан заключил: для них дорога не была привычной.

Наконец добрались до следующей террасы. Пленникам удалось рассмотреть впереди множество ходов, выбоин и расщелин. Грайки-охранники остановились. Они суетливо озирались, поглядывая на громаду из песчаника.

— Где пройдем насквозь? — спросил наконец один из них.

— Через Северные Норы, — ответил старший.

После короткой передышки они отправились дальше.

Кустарники и деревья встречались все реже, и вскоре они оказались на альпийском лугу. Чуть выше виднелись нагромождения песчаника, лиловые в последних лучах заката. Издалека сверкнули хищные глаза ревущей совы, она стремительно пронеслась где-то внизу и пропала из виду, то ли в

густом тумане, то ли среди деревьев.

Поблизости раздался крик неясыти, было слышно, как ее коготь задел по сухой ветке. Далеко наверху возник камнепад, и гулкое эхо разнеслось по всей долине.

Они остановились на ночлег и нашли себе пищу. Грайки не отходили от Трифана, Спиндла и Мэйуида ни на шаг. Но страшным было другое: земля, казалось, вибрировала от гула, такого отдаленного, что поначалу они даже не заметили его. Но когда спустилась ночь и грайки задремали, звук стал слышнее, он исходил от известковых утесов над головами. Это был непривычный звук, он походил, скорее, на глухое завывание, вызванное, возможно, шумом воды, и эхо одновременно.

Наступило утро, выпала роса. Нельзя было шевельнуться, не замочив рыльца. Но взошло солнце, роса стала высыхать, небо сделалось ярко-голубым.

На западе утесы оставались в тени, поэтому воздух у их подножия был холодный. Но на другой стороне долины солнце нещадно жгло белые известняковые утесы, как две капли воды похожие на те, что еще предстояло преодолеть. Внизу медленно рассеивался туман.

«Пройти насквозь» — означало пока просто карабкаться наверх. Солнце вскоре стало припекать. Им видна была дорога, по которой они пришли, — странный ландшафт, почти полностью состоящий из травы и песчаника, ущелий и расселин, в которые крот мог бы протиснуться, только изранив лапы острыми обломками.

Именно в таком месте могла подстерегать смерть. Кротам попадались то заячьи черепа, то высохшее крыло грача, то скелет овцы, то умирающий еж с побледневшей мордочкой и вздымающимися в агонии боками.

Только Мэйуид казался довольным; он с любопытством заглядывал в каждую трещинку и ямку, часто оглядывался, все подмечал и умудрился шепнуть Триффану на ходу:

— Мой недоумевающий господин, ничтожный Мэйуид очень взволнован. Лапы его просто горят от чудесного предчувствия. Нужное бояться не самого Верна, а скорее этих кротов, его обитателей!

— Заткнись и шевели лапами, каналья! — рявкнул грайк, оттесняя Мэйуида.

Грайки с самого начала были грубой и трусливой стаей, а чем выше они поднимались, тем раздражительнее становились.

— Кто на связи? — спросил один из них, когда они добрались до покрытой дерном террасы, за которой высился еще один утес.

— Лейт из Арнклиффа, — ответил старший.

— Проклятье! — воскликнул один из грайков. — Только его мне сейчас не хватало.

— Молчи, придурок…

— Ладно, я лягу и затаюсь, когда этот…

— Ложись куда хочешь, крот. Слово все равно тебя найдет. Ложись где угодно и как угодно, Слово узнает правду!

Голос был холодный и ядовитый, и поначалу было трудно понять, откуда он доносится. Сзади? Спереди? Все застыли.

— Я здесь, идиоты!

Крот был прямо перед ними. Казалось, его голова выросла прямо из известняковой глыбы. Серый мех, горбатый нос, холодные серые глаза. Послышалось чирканье когтей по камням — и крот мгновенно оказался совсем рядом с ними.

— Лейт, — представился он Трифану.

— Триффан из Данктона.

— Свободны, — бросил Лейт грайкам.

— Но Лейт, господин, их трое и…

Лейт криво усмехнулся, он явно презирал своих подчиненных.

— Вряд ли они проделали столь долгий путь, чтобы теперь сбежать или причинить вред такому незначительному кроту, как я. Поэтому оставьте нас, вот только… — Все уже думали он забыл о том, что сказал один из грайков незадолго до его появления. — Ты!

— Я, господин?

— Да, ты. Подойди.

Крот, недавно поминавший Лейтона недобрым словом, подошел ближе. Это был крупный сильный крот, но сейчас он дрожал от страха. Триффан заметил, как подобрался Лейт. В его власти над остальными было что-то злое и порочное, и он явно хотел продемонстрировать эту власть.

— Итак, тебе «только меня и не хватало»? Кажется, так ты сказал?

— Я не…

— И мы знаем, почему ты это сказал, не так ли?

Изощренное издевательство сильного перед провинившимся слабым проступало в его словах. Грайк был совершенно серым от ужаса.

— Да, — ответил он, опустив голову.

— Выбирай: удар или исповедь? — спросил Лейт.

— Удар, — пробормотал грайк.

— Будь по-твоему, — сказал Лейт. Он бросил взгляд на трех путешественников, удостоверился, что они смотрят, затем ударил грайка в плечо. Это был на редкость сильный и красивый удар,

причем такой быстрый, что, казалось, он завершился еще раньше, чем начался. Грайк с воплем закрутился на месте, кровь хлынула из раны на плече.

— Иди и живи в мире со Словом, крот. Ступайте все! — приказал Лейт.

Потом он повел Триффана и его друзей туда, откуда появился сам, и Триффан заметил, что с лапы Лейта капает кровь, оставляя следы на песчанике.

Триффан содрогнулся: немало времени пройдет, пока он и Спиндл снова увидят дневной свет.

❦

Тоннели, в которых они оказались, и норы, куда эти ходы вели, были и остаются самыми необычайными во всем кротовьем мире. Хотя Триффан, Спиндл и Мэйуид не видели еще всего Верна, но и малой части было достаточно, чтобы сказать: здесь живут избранные. Как и в Вене, ходы были вырыты в ширину двух лап, но здесь не было скучной упорядоченности и грязи. Стены тоннелей устремлялись ввысь, крепкие, как мускулы. Они петляли и изгибались, и красота этих изящных форм поражала лесных кротов, привыкших к рыхлой почве, корням деревьев и низким сводам.

Впечатление от размеров и формы тоннелей усиливалось необычным освещением. В потолке было много отдушин, хотя трудно было понять, как они образовались, потому что ни один крот не способен забраться так высоко.

Воздух был чист, явственно слышался шум ветра, свет падал так, что волнистые поверхности известняковых стен отражали великолепие и величие неба.

«Кто мог вырыть такие ходы?» — хотел было спросить Спиндл, но Мэйуид перебил его:

— О любознательный Спиндл, ты видишь следы гораздо большей силы, чем когти ничтожных кротов. Это сила потока воды.

— Но здесь нет воды, — возразил Спиндл.

Под ногами действительно было сухо, но Мэйуид указал на слой песка и гравия на полу и глубокие следы вымывания в стенах.

— Достопочтимые господа, я, ничтожный, догадался: мы поднимаемся по руслу, по которому когда-то текла река, — сказал Мэйуид, в его голосе прозвучало благоговение. Триффан и Спиндл поняли, что вода и сейчас иногда течет здесь: в

некоторых трещинах стояли темные лужицы.

— Внемли же, о изумленный Спиндл! Радуйся, мудрый летописец! Я улавливаю звук текущей воды, которая роет тоннели. Вода! Слушайте ее плеск, смотрите на оставленные ею узоры, чувствуйте ее сырость, празднуйте ее могущество!

Это было правдой. Они слышали воду. Везде. Сверху, снизу и вокруг. Ее отдаленный шум, стук падающих капель в темной, как ночь, пещере. Они слышали, как вода прорывается сквозь трещины в камне. Но где она? Как далеко? Они прошли поворот — и вдруг увидели ее! Мэйуид притоптывал от волнения. Это был белопенный поток, он гремел подобно грому, вырываясь из расселины в скале, а потом превращался в жалкую лужу. Белая вспышка бьющей воды, чья пена потом становилась желтоватой. Они шли под этим водопадом.

— О мокрый Спиндл! Забрызганный Спиндл! Смиренный Мэйуид оказался прав! Разве не так? — кричал Мэйуид сквозь грохот.

— Да, смиренный Мэйуид прав, — отвечал Спиндл.

— Смиренный всегда оказывается прав, — проговорил Триффан, скорее, себе самому.

Они благополучно миновали бьющий из скалы поток, и вскоре шум его казался уже отдаленным. И вдруг совсем рядом они явственно услышали звук, похожий на всхлип детеныша… — это одинокая капля сорвалась с потолка в лужу. Звук был тихий, и, если бы не круги на поверхности, они могли бы подумать, что капля упала далеко отсюда.

В тех местах, куда попадали лучи света, на сырой почве вырастали папоротники, и на них плели свою паутину изящные, бледные, как сероватое небо, пауки.

— Твоя догадка верна, — сказал Мэйуиду Лейт.

Его голос отдавался приглушенной дробью среди сталактитов, свисавших над головами путешественников. Гибкое тело Лейта лавировало между сталагмитами, тут и там поднимающимися из земли.

Сталактиты потоньше дрожали, когда кроты проходили мимо, и весь их путь сопровождался тонким позвякиванием.

Потом кроты свернули в расщелину, заполненную камнями и грязью, налипавшей на лапы и животы, а затем, быстро преодолев подъем, подошли ко входу в коротенький тоннель, ведущий к глубокому озеру. За озером был освещенный зал, и в нем — несколько кротов, которые скорчились в неудобных позах среди сталагмитов и казались неодушевленными предметами.

— Это новообращенные, они должны научиться достигать состояния такого покоя, чтобы даже не замечать входящих и

выходящих, — объяснил Лейт. — Здесь начало Верна сидимов, а это — очистительное священное озеро, которое должны переплыть все новообращенные. Оно холодное, как сама смерть. Вы трое, насколько мне известно, первые, кто, не исповедуя Слово, получили эту возможность по приказу Глашатая Слова. Имейте в виду, что течения лижут лапы и живот и могут затянуть вниз. Такое уже случалось. Кроты пропадают в омутах, и Слово не может их спасти. Поэтому плывите уверенно, но не слишком быстро, чтобы успеть очиститься. Для каждого крота приходит время очищения.

Без дальнейших объяснений Лейт скользнул в озеро и медленно поплыл, оставляя рябь с левой стороны, что действительно говорило о существовании подводных течений. Кроты не заметили, чтобы из озера вытекала какая-либо река или ручей, но там, где течение разбивалось об отвесную стену, черная, как ночь, вода словно втягивалась под утес.

Мэйуид поплыл первым и не замедлил выбраться на сушу на противоположном берегу. С него капало, он улыбался застывшей улыбкой. Ему было очень холодно.

Спиндл не сдержал сдавленного стона, входя в воду. Он достиг другого берега, дрожа и промокнув до костей.

Трифан плыл медленнее других, поворачивая голову налево и направо и рассматривая все вокруг. Он позволил пронизывающе холодной воде забраться в мех и вымыть пыль и грязь последнего перехода. Вылезая, он чувствовал себя хорошо.

Трифан был полной противоположностью Лейту: оба — ладные и сильные, но в Трифане угадывалась располагающая теплота, Лейт же выглядел аскетичным и холодным, а во всем облике читался суровый нрав и тщеславие. Он не улыбался, и, судя по физиономиям новообращенных, они — тоже не были склонны к веселью.

Мэйуид подошел к Лейту с одной из своих самых дружелюбных улыбок, обнажившей все его желтые зубы, и спросил:

— О много знающий господин! Потрясенный Мэйуид хотел бы узнать, что такое омуты.

Лейт безразлично взглянул на Мэйуида, перевел взгляд на озеро и соизволил ответить:

— Это место гибели тех, кто не чтит Слово. Там холод и вода, крот попадает туда навсегда и пребывает в бесконечной темноте, расплачиваясь страданиями за свой грех.

— О внушающий страх господин, ты хочешь сказать, что в этом озере, которое мы переплыли, имеются омуты?

— Вся вода течет в вечную темноту, где нет ни одного Слова,

звучащего или написанного, и где кроты-грешники страдают без конца.

— У меня, ничтожного, шерсть встает дыбом от ужаса, о быстрый Лейт!

— Это хорошо, крот. Почтение и страх — достойные чувства.

Поскольку неподвижно сидящие кроты по-прежнему не обращали на пришедших никакого внимания, Лейт остался ими доволен и, больше не медля, повел Трифана, Спиндла и Мэйуида дальше. Вскоре они еще раз вышли на поверхность.

Каким облегчением было снова оказаться на воздухе, ощущать солнечное тепло, видеть далеко внизу очертания долины, теперь уже совершенно очистившейся от тумана! Отсюда Верн выглядел совсем не плохо.

Лейт повернул на северо-восток по тропе, ведущей вверх.

— Теперь я отведу вас к Глашатаю Слова, она побеседует с вами.

— Одну минуту, крот, — остановил его Трифан. — Ты хочешь сказать, что тоннели Хенбейн не здесь, а выше?

— У нас не принято произносить имени Глашатая Слова, — сухо обронил Лейт. — Лишь немногие пользуются этой привилегией. Однако отвечаю на твой вопрос: ее тоннели действительно находятся гораздо выше, ибо именно там располагается Тайная разведка — Высокий сидим, и вам выпала великая честь увидеть его. Туда не часто приглашают даже будущих миссионеров. Иные бывают там только для сотворения обряда. И лишь избранным разрешен частый доступ. — Лейт самодовольно улыбнулся. Он выглядел невыносимо тщеславным.

— Многоуважаемый господин, крот высокого ранга и большого ума, можно ли задать тебе очень обыкновенный и простой вопрос? — спросил Мэйуид.

Трудно сказать, был ли в его словах сарказм. Скорее всего был. Трифан и Спиндл не сомневались, что Мэйуид прекрасно понимает, где они находятся на самом деле, и ложь Лейта о расположении тоннелей. Но Лейт, казалось, не догадывался о чувстве юмора Мэйуида и принимал его высокопарный слог за чистую монету. Он чуть наклонил голову, милостиво соглашаясь ответить.

— Удивительный Верн так велик! — продолжал Мэйуид. — Интересно, существует ли крот настолько умный, чтобы знать все его ходы и выходы?

— Такого умного крота не существует, — ответил Лейт. — И таких дураков, что захотели бы попробовать узнать, — тоже. Мы считаем, что один лишь Сцирпас обладал таким умом. Только он был способен запомнить всю выбранную им систему. Даже такой

участок, как этот, — он указал лапой на небольшую скалу, — не может знать полностью один крот, не говоря уже о всей системе! Первое, что должны освоить новообращенные, — хорошо узнать и выучить хотя бы часть той земли, которую я вам показываю.

— А что там особенного? — удивился Спиндл. — Обыкновенный утес.

Лейт снисходительно улыбнулся, а Мэйуид, подыгрывая Лейту, воскликнул:

— Глупый, упрямый Спиндл! Я уверен, симпатичнейший Лейт сказал бы, если захотел, что «обыкновенный утес», как ты его называешь, на самом деле является чем-то гораздо более важным. Мэйуид прав? Или он не прав? Господин, рассуди!

— Да, ты прав, крот, ты опять прав, — кивнул Лейт.

Отвлекшись по крайней мере на несколько минут от своей задачи доставить путешественников к Хейбейн, Лейт повел их к низкому утесу, на что и рассчитывал Мэйуид. Они последовали совету Лейта не отставать от него и не отклоняться с пути и через некоторое время выбрались на самую вершину утеса. Здесь кротам открылась картина, которую едва ли кто мог представить себе. Это было известняковое плато, иссеченное множеством трещин. В них росли папоротники и кустарник, встречались и деревья. Плато простиралось далеко во все стороны, и земля, начинавшаяся за ним, терялась в дымке, а овцы, что паслись там, отсюда казались совсем маленькими.

— Как называется это место? — спросил Спиндл.

— Вообще-то, его название — Земли Вокруг Утеса, — ответил Лейт, — но сидимы называют его Лабиринт. Это место не любят. Здесь испытывают молодых членов общины.

— Как именно? — заинтересовался Трифан.

— Я покажу вам…

Лейт провел их обратно, к подножию утеса, мимо глубоких и темных ходов, наконец они вошли в одну из расселин.

— Теперь следуйте за мной и ни шагу в сторону! — предупредил Лейт.

Расселина поросла папоротниками, шелковистой травой и какими-то розовыми цветами. Очертания трещин наверху, там, где их можно было разглядеть на фоне иногда открывающегося неба, казались никак не связанными с тропинкой, по которой шли кроты. Тропинка столько петляла и разветвлялась, что в конце концов Трифан и его спутники остановились, полуживые от усталости и совершенно сбитые с толку.

— Если бы я оставил вас здесь, — заметил Лейт, — сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из вас отсюда вышел.

Они попытались осмотреться, разглядывали темные стены,

верхушки папоротника над головами, его листья, которые матово поблескивали. В какую бы сторону кроты ни поворачивались, у них возникало странное ощущение, что небо поворачивалось вместе с ними, и трудно было понять, откуда они только что вышли. Высоко в небе плыли облака. Здесь же, внизу, все время казалось, что стены падают на тебя.

Трифан не сомневался, что Лейт прав. Он невольно посмотрел на Мэйуида, которого не так-то легко было запутать.

Мэйуид пошатывался, прикрыв лапой глаза, и бормотал:

— О господин, добрый господин, выведи нас отсюда! Ничтожный и никчемный крот устал, он запутался в этом ужасном Лабиринте. Спаси его, добрый господин, спаси!

Осклабившись, Лейт сообщил, не обращая никакого внимания на стенания несчастного Мэйуида:

— Для новичков Лабиринт — последняя проверка знаний и веры. Каждый сидим также обязан уметь преодолеть Лабиринт, а для этого он должен знать дорогу, а дорогу он может только вызубрить: налево, налево, направо, направо, налево, налево, налево, направо, направо и так далее. — При перечислении направлений голос Лейта стал странно певучим. — Но если новичок ошибется, ему конец, Каждый год погибает несколько кротов.

— Как проверку знаний я могу это понять, но при чем здесь вера? — удивился Трифан.

Лейт пожал плечами:

— Новичок должен верить, что ему назвали точные направления и он идет правильно, и даже в моменты сомнений, а их в пути бывает немало, он все равно должен верить! Боюсь, что некоторых специально запутывают, но это право Глашатая Слова. Иногда кроты становятся слишком самонадеянны, тогда их следует проучить!

— Ты имеешь в виду, — уточнил Трифан, — что их намеренно запутывают и посылают на смерть?

— Я имею в виду, — холодно ответил Лейт, — что крот, впавший в заблуждение, должен быть наказан Словом.

Спиндл и Трифан ужаснулись, а Мэйуид, привалившись к стене, тихонько стонал и все просил, чтобы его вывели отсюда.

— Ты все время говоришь только о кротах. А кротихи?

— Да, конечно, есть и кротихи — самые достойные из них. Например, Сликит, ближайшая подруга Глашатая Слова, совершила далекое путешествие на юг. Уж у нее-то не было проблем с Лабиринтом! Я всегда знал, на что она способна!

Лейт как-то болезненно улыбнулся, и впервые по морщинкам около глаз стало заметно, что он гораздо старше, чем кажется.

Триффан вспомнил, как однажды Босвелл говорил ему, что некоторые кроты, ведущие строгую, не омраченную жизненными невзгодами жизнь, выглядят очень молодо и даже мех у них как у молодых кротов, но черты их стерты и невыразительны, если сравнить с теми, кто живет настоящей, полнокровной жизнью.

Лейт снова вывел их на поверхность. Мэйуид, казалось, овладел собой.

— О красноречивый Лейт, а что, если крот найдет свой собственный путь через Лабиринт? — поинтересовался Мэйуид, нервно перебирая лапами.

Триффан понял, что Мейуиду нетерпится самому поискать выход, и ни минуты не сомневался в том, что его беспомощность и наигранное отчаяние в Лабиринте были только притворством.

— Крот не может найти другого пути. Он сбивается с дороги и умирает. А если он выходит в то же место, где вошел, его убивают, поэтому кроты обычно не возвращаются к началу пути.

Еще несколько вопросов задал Спиндл. Пока Лейт отвечал, Мэйуид отвел Триффана в сторону:

— Дорогой господин, добрый господин, ты, сделавший так много для Мэйуида! Мэйуид в отчаянии, но у него больше нет времени отчаиваться. Лапы его саднят, грудь распирает, сердце болит и рассудок мутится. Чутье подсказывает, надо бежать сейчас же, хотя он не может объяснить почему. Но именно сейчас, храбрый Триффан, и именно здесь! Здесь, господин, и сейчас…

Лейт оглянулся на них. Каждый из трех путешественников, так много прошедших и переживших вместе, без слов поняли свою роль. Триффан и Мэйуид позевывали от скуки и томились, а Спиндл со всей серьезностью настойчиво задавал Лейту вопрос за вопросом, отвечая на которые Лейт мог продемонстрировать все свои знания, власть и превосходство.

Мэйуид тихо продолжал:

— Так вот, господин, я вскоре исчезну. Несомненно, они станут искать, но Мэйуида им не найти, только не Мэйуида! Но он будет рядом, господин, потому что он нужен Триффану, и, даже если покажется, что Мэйуида нет рядом, он будет рядом, верьте ему, господин. Мэйуид уже говорил Триффану раньше и еще раз повторяет: Мэйуид любит Триффана.

Конечно, Мэйуид лучше всех знал, как ориентироваться в темных ходах. За время их долгого путешествия из Вена Триффан оценил огромную милость Камня, пославшего ему Мэйуида в проводники, и не только в чисто физическом смысле. Каким-то таинственным образом, сам того не подозревая, Мэйуид часто был и его духовным поводырем. И теперь Мэйуид покидал его, повинуясь инстинкту. Мэйуид осознал, что, если и дальше хочет

быть полезным Триффану, он должен тайно обследовать тоннели, ведущие в Верн.

— Мэйуид предлагает Триффану и Спиндлу воспользоваться этой последней возможностью спастись.

Доверьтесь ничтожному Мэйуиду! Мэйуид уверен, что сумеет вывести вас обоих из этого ужасного места, внушающего страх и трепет. Здесь что-то нечисто, господин. Глаза у этого крота — злые и холодные. У нас есть последний шанс, господин. Доверьтесь Мэйуиду, Мэйуид знает…

— Я тоже знаю, Мэйуид, я знаю, — прошептал Триффан, — но, как тебе известно, я должен идти дальше. С нами Камень! И хотя я уверен, что он снова соберет нас всех вместе, боюсь, что к тому времени многое изменится. Каждому из нас предначертана своя доля участия в Пришествии Крота Камня. В любом случае ты навсегда останешься в моем сердце, Мэйуид, и, я думаю, в сердцах всех кротов. Ты очень смелый крот, твое мужество больше, чем кто-либо может даже предположить. Я знаю, ты найдешь способ наблюдать за нашим продвижением. Я знаю, ты будешь рядом, и это придает мне смелости и сил, поскольку обратного пути для меня нет.

— Господин, — произнес Мэйуид, и голос его чуть не сорвался от волнения, а уголки рта задрожали, — если меня не будет рядом, когда явится Крот Камня, ты назовешь ему мое имя? Скажи, Мэйуид так хотел увидеть… его. Только об этом и просит ничтожный Мэйуид, господин.

— Я назову ему твое имя, когда буду рассказывать обо всем, что ты для нас сделал, и он повторит твое имя с любовью.

Больше времени у них не оставалось. Лейт ответил на все вопросы Спиндла и теперь подозрительно поглядывал на Мэйуида и Триффана. Они пошли дальше. Спиндл за Лейтом, за ним Триффан, а Мэйуид — последним. И через некоторое время, когда сентябрьское солнце согрело серые камни и путешественники повернули на север, звук шагов Мэйуида стал отдаляться и наконец замер.

Пройдя еще немного, Триффан обернулся и не увидел позади никого, только множество темных дыр — входов в расселины и тоннели, образующие Лабиринт.

— Глупо, — коротко бросил Лейт, когда понял, в чем дело. — Хотя мы ожидали чего-то подобного.

— Он был очень напуган Лабиринтом, он, конечно, найдется, — сказал Триффан.

— Он найдется или умрет. Но когда грайки его поймают, они могут убить его. Это неразумно — так оскорблять Слово. Глупо — так обманывать наше доверие!

— Я действительно думаю, что разум его помутился в Лабиринте. Наш бедный друг легко сбивается с пути, — сказал Триффан, со значением взглянув на Спиндла.

— Слабые не нужны Слову. Забудьте об этом кроте, он уже почти покойник.

Жестокость, с которой легко зачеркивалась чужая жизнь, рассердила Триффана и привела в ярость Спиндла, который не мог быть до конца уверен в истинных намерениях Мэйуида, однако понимал, что Триффан расскажет ему обо всем, как только сможет.

— Этот глупец — не в счет, — добавил Лейт. —

В конце концов свою задачу я выполнил: Глашатаю Слова нужен только Триффан. Вряд ли у нее найдется, что сказать твоему другу Спиндлу.

— Думаю, у него найдется, что сказать ей! — уже спокойно ответил Триффан и улыбнулся. — Так куда мы идем сейчас?

Теперь Верн высился к востоку от них, до него было около двух кротовьих миль крутого подъема. Хотя на изборожденный трещинами западный склон падало солнце, он поглощал солнечный свет полностью и казался окаменевшей тенью.

В таких краях кротам не выжить. Путешественники стояли на границе обитаемых земель. Слева, к западу от них, громоздились известняковые глыбы, между ними случались ровные площадки с бороздами трещин. Прямо на север был глубокий обрыв и темная бездонная пропасть. А дальше — большой каньон, откуда поднимался радужный туман, или, скорее всего, миллионы мельчайших брызг, которые сильным северо-западным ветром относило в сторону Верна.

— Что там такое? — спросил Триффан.

Лейт взглянул туда, куда указывал Триффан.

— Это Водопад Провиденье, — сказал он. — Туда нет хода никому, кроме Глашатая Слова и Верховных сидимов. Это резиденция Хозяина — главы сидима. Там жил когда-то сам Сцирпас.

— А сейчас там живет Хозяин? — уточнил Спиндл, удивленный тем, что Лейт так охотно говорит об этом.

— О да, но его нечасто можно увидеть. Задача нынешнего Хозяина — распространить Слово по всему кротовьему миру. Ему подчиняется Глашатай Слова. Она предугадывает все его помыслы. Мы живем в священные времена, кроты, и вам повезло, что вы здесь. Следуйте за мной и будьте благодарны!

Они спустились чуть ниже, прошли еще немного, затем нырнули в тоннель и продолжали путь уже под землей. Эхо повторяло их шаги в темноте. Потом вдруг высоко над головами

опять забрезжил свет, и кроты оказались в красивейшем зале.

А эхо шагов все кружило вокруг них, удваиваясь, утраиваясь — множась в отголосках. Голова кружилась от звуков, а глаза едва могли выдержать свет, проникавший сквозь отверстия в потолке и ослепительно сверкавший в маленьких лужицах.

Навстречу вышел крот. Блик от ближайшей лужицы упал на его перекошенную физиономию. Это был Уид.

— Добро пожаловать, — сказал он и зловеще улыбнулся. — Очень рады вас видеть. Одного вы, кажется, потеряли, а? И это был Мэйуид. Мы знаем его. Он уйдет от нас дальше, чем ушли бы другие, Лейт, но не так уж далеко, не правда ли?

Уид засмеялся весьма неприятным смехом и кивнул Лейту, отпуская его. Тот молча вышел.

— Ваш приход сюда долго обсуждался. В некоторых кругах очень сомневались, что вы придете. Я-то, правда, был уверен в этом, ведь главная для вас приманка, Босвелл, в наших лапах. У Глашатая Слова тоже не было сомнений. А вот Рекин считал, что вы не такие дураки, чтобы прийти. У него просто нет ни капли воображения, у этого Рекина. Где уж ему догадаться, что крот может поступать иногда вопреки всякой логике. Как вы двое… Потому что Мэйуид выбыл, не так ли? — И Уид опять мерзко захихикал. Интересно, что рот у него при смехе оставался плотно закрытым, и это придавало Уйду странный заговорщический вид. — Конечно, Рекин последнее время стал сдавать. Впрочем, хоть вам едва ли будет это приятно узнать, свое дело в Шибоде он сумел завершить успешно. Эта система теперь принадлежит Слову, а большинство населявших ее кротов убито. Глашатай Слова отослала Рекина на покой, в его родную систему. Теперь его работу делают те, кто помоложе, и делают лучше. Но все эти подробности вас не касаются, правда? — Он холодно ухмыльнулся. — Было время, когда я рад был бы поговорить с тобой, Триффан. Ты сопротивлялся нам, как мог, один из немногих. Но теперь с этим покончено! Слово победило, и никто не сможет противостоять ему.

— Зачем нас вообще впустили сюда? Почему нас просто не убили, как вы всегда поступали раньше?

— Времена меняются, Триффан! Время казней прошло. Куда лучше — убеждение. Убить вас в пути было очень просто, но это означало — сделать из вас мучеников. А здесь крот просто исчезает, и о нем забывают.

— Как Босвелл? — спросил Триффан.

— Как Босвелл, — подтвердил У ид.

— Я хочу видеть его, — заявил Триффан.

— О да, не сомневаюсь, что хочешь! — ответил Уид. — Но

свою просьбу тебе следует адресовать Глашатаю Слова. Кстати, зачем откладывать? Вам бы хотелось встретиться с ней, правда? Она будет вам рада.

Трифан и Спиндл последовали за Уидом. Сидимы, все гибкие и мускулистые, как Лейт, то и дело возникали из темноты или из пятен слепящего света, чтобы получше рассмотреть путешественников.

Они проходили по залам с высокими галереями и смотровыми окошками в белом кристаллическом известняке. Капли воды, падая сверху, сверкали, воздух был прохладен и чист. Они шли через огромные темные залы, дорогами, которые проложила в известняке вода. Ни разу они не видели реки, но часто встречались озера, где спокойная на вид вода могла затянуть в глубокие омуты.

Кроты спускались все ниже и ниже, вскоре они попали в залы, где стены были покрыты письменами. У ид предупредил Трифана и Спиндла, чтобы они не дотрагивались до надписей. Но неуклюжий Спиндл, конечно, задел боком за стену, и тут же раздался отвратительный тошнотворный звук, от которого заболели уши и даже потекло из носа. Омерзительный звук! Спиндла стошнило.

— Вас предупреждали, верно? — осклабился Уид, глаза его радостно блестели. — Лучше не блевать по пути.

Ужас нарастал. Сидимы, казалось, появлялись ниоткуда и исчезали в никуда.

— Нехорошо здесь, Трифан, — сквозь сжатые зубы пробормотал Спиндл.

— Нехорошо, — согласился Трифан.

Потом мощный солнечный луч высветил полосу в зале, куда они вошли, и, казалось, устремился по тоннелю наружу, потому что на мгновение кротам стала видна сиреневая гладь вересковой пустоши. Она обрывалась в уже знакомое им темное ущелье, над которым вздымались мириады брызг. Где-то неподалеку журчал ручей. Да еще ровно, на одной ноте выл ветер. Это — там, на поверхности. А здесь, где находились теперь Трифан и Спиндл, царила мертвая тишина.

— Да пребудет с тобою Слово, Трифан! — послышался голос.

Они узнали этот нежный голос, плывущий среди длинных сталактитов, огибающий сталагмиты, нежно ласкающий поверхность темных озер.

— Нравится ли вам мое жилище?

Они стали лихорадочно озираться, но не могли определить, с какой стороны доносится голос. Куда он устремляется, в какой

темной расселине исчезает?

— Здесь! — сказал Уид, указывая на арку, за которой была нора — очень большая, просторная, залитая светом, с бассейном, который питался из каких-то источников внизу.

Там, на подстилке из высушенного вереска, уютно свернувшись, лежала Хенбейн.

— Я в самом деле очень рада вас видеть, — произнесла она.

Хенбейн казалась больше, чем им запомнилось.

Она постарела, хоть и оставалась по-прежнему очень красивой. Что-то в ней заставляло крота дрожать от страстного желания, как будто жизнь до встречи с Хенбейн была неполной, а без нее уже совсем жизни не будет.

Когда Триффан взглянул на Хенбейн, чувства и разум его раздвоились, причем первое начинало брать верх над вторым. Разум понимал, что эта кротиха — воплощение зла и разрушения. Чувства же говорили Триффану: «Нет, нет, все это. только воображение! Вот же она! Теперь она совсем не та, что раньше. Она не может быть такой, как раньше. Я хочу быть рядом с ней».

Однако Триффан ничем не обнаружил свою внутреннюю борьбу. Некоторое время он с деланным равнодушием смотрел на Хенбейн, затем, оторвавшись от ее гипнотического, влекущего взгляда, обратил внимание на двух кротов, припавших к земле рядом с ней.

Слева была кротиха, которую они оба знали, справа — существо мужского пола, которое могло быть и кротом.

— Вы знаете Сликит, — сказала Хенбейн. — Я доверяю ей больше, чем кому-либо.

Сликит пристально разглядывала пришедших. Вот уж она-то ничуть не изменилась с момента их последней встречи. Взгляд ее ничего не выражал — казалось, она их вообще не узнавала. Они же хорошо помнили, как очень давно вместе с ней участвовали в Семеричном Действе в Бакленде. Несомненно, она была отмечена Камнем. Триффан встретился со Сликит глазами и вдруг понял, что им следует благословлять Камень за то, что она здесь и Хенбейн не знает о ее предназначении. Итак, Хенбейн теперь была хоть в чем-то уязвима. Присутствие Сликит укрепило Триффана, он мог теперь противостоять охватившему его смятению чувств.

Но Уид догадывался, что Сликит нельзя полностью доверять, и Триффан это сразу почувствовал. Но если так, значит, Сликит очень умна, потому что Уид позволял быть рядом с Хенбейн только абсолютно незапятнанным кротам. А может быть, Хенбейн все знала и ее просто развлекали интриги приближенных? Да, возможно, так оно и было.

Этими размышлениями Триффану удалось успокоить свой рассудок.

Когда он смотрел в глаза Хенбейн, ему было легче. Он взглянул на второго приближенного, который приник к Хенбейн справа.

— Что касается этого, — проворковала Хенбейн, по-хозяйски положив свою лапку кроту на плечо, — думаю, с ним вы тоже знакомы.

Она улыбнулась, поглаживая его округлый бок. Да, Триффан узнал этого крота, хотя теперь это было довольно трудно. Лучше бы называть его не кротом, а просто существом. Неестественно полный, даже тучный, рыльце заплыло жиром, рот безвольный, взгляд тупой, ничего не выражающий, лоснящаяся ухоженная шкурка блестит неестественным блеском, когти слабые. Он улыбнулся, и на какое-то мгновение выражение Глаз изменилось. Это был стыд за свою испорченность и продажность.

— Думаю, вы знаете его или он знает вас. Назови им свое имя, дорогой, — вкрадчиво сказала Хенбейн. Ее коготки остренько постукивали по шее крота.

— Меня зовут Бэйли, — сказал он. — Я из Данктонского Леса.

Триффан понял это раньше, чем крот назвал себя. Но несчастный Спиндл… Он застыл пораженный. А Уид внимательно наблюдал за всем, что происходит.

— Здравствуй, Бэйли, — сказал Спиндл своему единственному сыну, который теперь являлся игрушкой Хенбейн. Хотя Спиндл говорил твердым голосом, Триффан видел, что он весь дрожит. Триффан понимал, каким ударом стала для Спиндла эта неожиданная встреча.

— Видишь, Триффан, у меня тоже есть последователь и приверженец из Данктонского Леса! Это мой фаворит, обществом которого я наслаждаюсь. Он напоминает мне о простых радостях жизни. Что за милая и неиспорченная система был этот Данктон, если он породил такую… наивность! Ну, теперь беги, Бэйли, нам нужно поговорить.

Бэйли с трудом приподнялся, быстро и тревожно огляделся, как-то придурковато кивнул головой и потрусил прочь. Он еле протиснулся в арку.

— Он меня забавляет, — лениво сказала Хенбейн и еще добавила очень спокойно, так, что не сразу стало понятно, что в действительности означают ее слова: — Но теперь, когда ты здесь, Триффан, я в нем больше не нуждаюсь, не так ли?

Триффан все еще смотрел в сторону, где скрылось жалкое существо, которое когда-то было славным подростком, сыном

Спиндла, и его пронзило такое отчаяние, какого он раньше представить себе не мог. Он стал догадываться, зачем Камень послал его сюда.

Много позже Спиндл, присутствовавший при этой сцене, отмечал одну странность, которая показалась ему впоследствии трагичной: именно там, в норе Хенбейн, Триффан выглядел таким сильным, уверенным в себе и готовым ко всему, как никогда раньше и никогда после! В жизни каждого крота есть звездный час, к которому он подсознательно стремится и важности которого может даже не заметить. И лишь по прошествии долгого времени ему дано будет узнать, когда он пережил этот час. Спустя годы, оглядываясь назад, Триффан иногда сожалел о том, что тогда не вышел из себя и не убил Хенбейн.

Таково было бремя Триффана. В тот миг он осознал, что Камню почему-то нужно, чтобы все случилось именно так. Готовностью свершить, что положено, и объяснялось спокойствие Триффана.

— Мой фаворит, — сказала Хенбейн о Бэйли, но смотрела она в этот момент на Триффана, а фаворит Бэйли, как выразился бы Лейт, «все равно что умер».

Триффан знал, что такова будет судьба любого, кого обольстит Хенбейн. И тем не менее, когда они вновь встретились глазами в этой словно заколдован ной норе, где луч света резвился, как майский ветерок, Триффан опять почувствовал влечение к той, которую презирал. Хуже того — все присутствующие понимали, что происходит, коль скоро Хенбейн и Триффан смотрели лишь друг на друга. Это понимал и Спиндл. И Уйду с узкими глазами и влажным ртом это было ясно. Он-то знал, сколько у Триффана было предшественников и что произошло с каждым. Уид сейчас цинично наблюдал за развитием страсти, которая зародилась у Хенбейн в тот день, когда Триффан счастливо ускользнул от нее в Хэрроудауне и в другой раз одурачил грайков в Данктоне. Она одновременно хотела и заполучить его для себя, и уничтожить. Именно эти два ее желания наряду с другими причинами позволили этому гордецу проделать свое дурацкое путешествие и попасть в самое сердце Верна.

Итак, зная все наперед, Уйду оставалось только наблюдать, предвкушая развязку.

Сликит, которой никто здесь до конца не доверял, тоже все было ясно. Она видела, как Триффан сопротивлялся чарам Хенбейн, и понимала, что скоро и ей наконец представится возможность сыграть свою роль. Никто и не подозревал, как

одиноко она себя чувствовала рядом с Хенбейн.

Камень по-разному дает проявить храбрость и стойкость каждому кроту. Но одно можно сказать с уверенностью: Камень всегда дает кроту ношу по силам, и он в состоянии выполнить свою миссию, если захочет. Именно в этом выборе — победить себя или поддаться обстоятельствам — сила или слабость поклоняющегося Камню. Сликит, Триффан, Спиндл, Мэйуид собрались сейчас в Верне, и каждый должен был совершить почти невыполнимое. Конечно, Камень укажет каждому дорогу и все устроит, но только в случае, если верные ему кроты будут вести себя храбро и разумно, как и должно для торжества Камня.

Хенбейн заговорила, прервав мысли собравшихся:

— Итак, почему ты пришел, Триффан? Некоторые сомневались, что ты придешь, но я… нет! И вот сейчас, когда я вижу тебя здесь во плоти, Триффан из Данктона, вижу эти крепкие когти, это тело… такое сильное, я не разочарована. Ты — достойный вождь и проповедник старой веры! Жаль только, что она обречена. И вот я снова спрашиваю: зачем ты пришел? Хорошо было бы это узнать.

— Чтобы исповедовать свою веру, Хенбейн, — ответил Триффан.

— Меня здесь называют Глашатай Слова! — неожиданно резко сказала Хенбейн.

— Это кроты Слова зовут тебя так, я не из них, — с достоинством возразил Триффан. — Твое имя — Хенбейн, а мое — Триффан. Вот и все.

Хенбейн рассмеялась, и глаза ее засверкали. Этот ответ одновременно понравился ей и разозлил ее. Услышав ее смех, мудрый крот понял бы, что прикосновение ее когтей может быть и нежнейшей лаской, и жесточайшей пыткой.

— Хорошо, — сказала она примирительно. — Можешь называть меня как хочешь. А пока еще раз спрашиваю: зачем ты пришел? У меня нет ничего, что могло бы тебе понадобиться.

— Босвелл.

— А! Этот… Он старый дурак.

— Он жив? — немедленно спросил Триффан.

— Можно поинтересоваться. Впрочем, думаю, что да. Ты бы хотел увидеть его, верно?

Голос Хенбейн обладал удивительным гипнотическим свойством: с ней хотелось соглашаться, но, соглашаясь, крот отказывался от какой-то части самого себя. Конечно, Триффан хотел видеть Босвелла, но ответить «да» значило проявить слабость. Это было очень странно.

— Да, — сказал Триффан.

— Да, конечно. Увидишь.

— Когда?

— Скоро, конечно! — засмеялась Хенбейн.

Было ужасно, но она смеялась добрым, хорошим смехом, очень красивым. И не рассмеяться вместе с ней было все равно что сопротивляться самой жизни. Триффан напряг мускулы и изо всех сил уперся когтями в каменный пол. И лишь тогда ему удалось вызвать воспоминание о том, как она велела казнить Виллоу и Брейвиса, как их подвесили прямо у них на глазах.

— Триффан, о чем ты думаешь? — спросила Хенбейн, потягиваясь, не скрывая своей чувственности. Она глубоко вздохнула, и это был вздох влюбленной. Она взглянула на Триффана долгим и жадным взглядом.

— О Босвелле, — солгал Триффан, который не лгал никогда. Он солгал именем Босвелла!

Спиндл отчасти понимал, какая борьба происходит в душе его друга. В других обстоятельствах ни одна кротиха не подошла бы Триффану больше, чем Хенбейн, хотя лично ему, Спиндлу, она казалась отвратительной. Более того, он ясно понял, что Хенбейн завлекает Триффана в ловушку, внушая ему, что сдаться — единственный способ спасти Босвелла. Но действительно ли старый Босвелл здесь?

— О да, Спиндл, он жив! — сказала Хенбейн, словно прочитав его мысли.

— Тогда мы хотели бы его увидеть, — сказал Спиндл, и это вышло у него так неловко, что он тут же пожалел о том, что сказал.

Хенбейн раздраженно передернула плечами. Теплота улетучилась, все вдруг почувствовали, что воздух сырой и холодный.

— В таком случае вам обоим лучше отправиться прямо к нему, не правда ли? — произнесла она таким тоном, как будто увидеть Босвелла значило отвергнуть ее. — А после этого, Триффан из Данктона, мы с тобой поговорим еще.

С этими словами она резко повернулась и вышла.

Волшебство ее присутствия было таково, что после ее внезапного ухода не только зал показался совершенно пустым, но и все кроты почувствовали себя покинутыми. Не удивительно, что Бэйли, который совсем молодым кротом впервые встретился с ней, не смог противостоять ее обаянию. Она обладала такой силой! Но эта же сила порой, когда она была в дурном настроении, заставляла самый воздух пахнуть страхом. И да поможет Камень тому, чьим сердцем она завладела! Да поможет Камень Триффану, пристально и молча глядящему ей вслед!

— Другой крот — кажется, Мэйуид, — где он? — в первый раз нарушила молчание Сликит.

Уид почесался и устроился поудобнее, прежде чем ответить:

— Потерялся. Сбежал, это было в Лабиринте.

Сликит взглянула на Триффана без всякого выражения.

— Он умрет, — сказала она. — Жаль! Я слыхала, что с ним стоит побеседовать.

— Вот как? — заинтересовался Уид. — А почему, хотел бы я знать?

— Он провел этих двоих в Вен и вывел их. Об этом я и хотела послушать.

— Он умрет, — сказал Триффан, глядя на Сликит долгим и твердым взглядом. Этот взгляд говорил: не умрет! Поняла ли его Сликит? Понял ли Уид, что в действительности сказал Триффан? По выражению глаз Сликит Триффану стало ясно, что она поняла и, если это вообще возможно, найдет Мэйуида. Триффан ощутил вдруг ужасную усталость и повернулся к Уйду: — Хенбейн сказала, что мы можем повидаться с Босвеллом. Когда?

Уид неприятно усмехнулся, посмотрел сначала на потолок, потом вокруг, потом сквозь щель в стене взглянул на вересковую пустошь, где, как говорили, жил Хозяин Рун.

— Сейчас, — ответил Уид.

Сейчас! В душе Триффана вновь зажглась надежда, лапы были готовы проделать любой путь. Наконец-то после стольких лет он снова увидит Босвелла! Почти не отдавая себе отчета в том, что они делают, Триффан и Спиндл вслед за Уидом вышли из комнаты. Они чувствовали облегчение.

Высоко над ними, среди сталактитов, где свод выгибался, образуя галерею, в которой умирали звуки и обращались в ничто, — в этой мертвенной тишине зашевелился старый крот. Он смотрел оттуда на сына Брекена и Ребекки, он слышал все, что они говорили, теперь он последовал за ними.

У него был черный мех, черные блестящие глаза, плотно сжатый рот и белые острые зубы. Он был даже по-своему изящен, как бывают порочно-изящны старые кроты, прожившие жизнь во зле и не гнушавшиеся подлостей. Плечи покрывали рубцы, поступь была медленной и вкрадчивой. Вокруг царил кромешный мрак, который мог бы смутить и испугать любого другого крота. Но, кроме него, в тоннеле никого не было. Этот крот один наблюдал за всеми.

Отец Хенбейн. Злой Рун. Он обернулся, один из сидимов тут же подошел и помог ему выйти из укрытия и последовать за кротами.

❦

Внизу, в пустом зале, где Хенбейн недавно беседовала с Триффаном, по-прежнему играли солнечные лучи. Вошел толстый крот, усталый, испорченный, крот-предатель, каждый шаг он делал с большим усилием, мех лоснился от нездорового пота. Несчастный Бэйли.

Он подошел к самой трещине и теперь смотрел на Водопад Провиденье. Облако брызг взмывало вверх, а потом рассеивалось по вересковой пустоши.

Он думал о Спиндле. Ему было стыдно. Он чувствовал себя недостойным и совершенно ничтожным, беспомощным и одиноким. Бедный Бэйли плакал, как детеныш, глядя на величественный пейзаж, который казался ему безрадостным. Он плакал, пока наконец не осмелился прошептать слово — название места, воспоминание о котором было для него священно.

Он повторял его, и соленые слезы стекали по щекам, скапливались в уголках рта. Он снова и снова повторял это название. «Бэрроу-Вэйл» — вот что он шептал. Бэрроу-Вэйл… самое сердце Данктона.

А потом он прибавил к своим безнадежным жалобам короткую, храбрую и простую молитву:

— О Камень, я хочу домой, я хочу быть там, где Старлинг. Она моя сестра. Я хочу домой!

Он плакал и плакал в одиночестве, бедный Бэйли.

Глава десятая

Дорога, по которой Уид и его помощники сопровождали Трифана и Спиндла, пролегала через песчаник и иногда через открытые галереи, нависавшие, как и нора Хенбейн, над бездной. Это ущелье путешественники впервые увидели еще с Лейтом. Они спустились на вересковую пустошь и пошли на северо-запад. Выйдя из тоннеля Хенбейн, Уид держался теперь более дружелюбно.

— Разве не здесь, рядом с Водопадом Провиденье, находятся норы Руна? — спросил Спиндл.

— Да, норы Руна здесь. Но тут же содержится и Босвелл. Не удивительно, что Хозяин захотел сам приглядывать за ним.

Уид говорил твердо и серьезно, и Трифан заметил разницу в его отношении к Руну и к Хенбейн. Если первый внушал ему священный ужас и огромное уважение, то вторую он просто боялся.

Все время, пока они шли, а сидимы следили за каждым их шагом, Трифана мучили странные мысли о Хенбейн. Он чувствовал беспокойство, вызванное влечением к Хенбейн, которую одновременно презирал и ненавидел. Сейчас, когда она была далеко, он страдал меньше. Нет, не то чтобы страдал… Его чувство, скорее, можно было назвать сожалением.

Трифан вспомнил, как его мать, Ребекка, когда-то рассказывала о своем отце, Мандрейке. Это был злобный и коварный крот во всем, что бы он ни делал. Тем не менее, когда Ребекка пришла в Шибод, она поняла, почему, несмотря ни на что, любит его. Она любила отца, как любят ребенка, она любила его такого, каким он мог быть и, может быть, в глубине души действительно был.

И теперь здесь, в тоннелях Высокого сидима, слишком просторных и величественных для обыкновенного крота, где не было и намека на домашний уют, Трифан чувствовал жалость к Хенбейн, которая послала на смерть столько кротов! Жалость к врагу Камня!

Земля стала влажной, мех забрызгали капли воды. Трифан, Спиндл и их сопровождающие подошли совсем близко к месту, откуда из бездны летели брызги. Но прежде, чем они смогли что-либо разглядеть, их повели по грубо прорубленным в камне тоннелям, гудящим от рева воды. После крутого спуска они вновь выбрались на поверхность и оказались рядом с водопадом, с грохотом низвергавшимся сверху. Казалось, воздух содрогался от этого звука.

Вода стояла во всех щелях, а чуть выше, на известняковом утесе, росли папоротники и щитолистник. Внизу, под водопадом, кипело и бурлило небольшое озеро, чуть дальше оно перетекало в другое, обширное и спокойное.

Разговаривать было невозможно из-за шума воды. Единственное, что оставалось кротам, — смотреть на утес. Чтобы увидеть небо, им пришлось сильно закинуть головы. Слева от них находилось глубокое озеро, а справа простиралось ущелье, и над его дальним краем вставали другие утесы.

Кое-где в расщелинах росли трава, вереск и несколько чахлых деревьев.

— Это Водопад Провиденье! — У ид старался перекричать шум падающей воды. — В верхних тоннелях живет Хозяин, а внизу доживает Босвелл.

Трифан окинул взглядом утесы и заметил несколько входных отверстий. Видимо, это были тоннели Руна. Вблизи водопада Трифан не заметил никаких следов пребывания Босвелла.

Уид перекинулся несколькими словами с одним из сидимов. Тот указал на дерево, освещенное слабым лучом света, пробивавшимся сверху:

— Обычно он там. Ночью забивается в расселину.

— А что он ест? — спросил Трифан, поняв, что речь идет о Босвелле.

— О, здесь есть черви, — ответил сидим, — и мертвые овцы, если, конечно, они вам по вкусу.

Он указал на груду грязно-белой шерсти и желтых костей.

— Они падают сюда, — коротко пояснил сидим. — Их смывает весенней водой, если раньше не случится наводнение.

— Можешь пойти поискать своего Босвелла, — сказал Уид. — Мы останемся здесь. Не пытайся сбежать. Это невозможно.

Потом, указав на Спиндла, он добавил: — А ты не пойдешь. Останешься здесь, с нами!

Трифан начал карабкаться по блестящим мокрым глыбам. Его не оставляло ощущение, что за ним наблюдают сверху, если не кроты, то вороны.

Рев водопада становился все глуше, но тем громче ему казался стук собственного сердца. Он испытывал ни с чем не сравнимое волнение, торопясь к Босвеллу, которого любил не меньше своих родителей и кого так давно потерял. Неужели здесь? Босвелл! Крот из Аффингтона! Белый Крот!

— Трифан!

Ему показалось, что его имя произнесли сами скалы.

— Трифан!

Это был не крик, не зов, не вопрос, а просто его имя: Триффан!

— Босвелл?

У низкорослой березы сидел Босвелл и улыбался своей ласковой улыбкой. Сердце Триффана вновь открылось миру после стольких лет исканий и странствий. Здесь, около старого крота, который сделал жизнь Триффана такой, какой она была, он наконец почувствовал себя дома.

— Триффан, — негромко повторил Босвелл. С трудом, явно страдая от боли, он подошел поближе. — Я знал, когда-нибудь ты придешь.

Триффан не мог ни говорить, ни двигаться, ни даже думать. Единственное, что он мог сделать, — это склонить голову перед любимым учителем и заплакать. Босвеллу пришлось утешать его: — Не плачь, друг мой, нет причин для слез, во всяком случае пока нет. А что до моей медленной походки, не волнуйся. Просто старым кротам нельзя слишком долго сидеть неподвижно, даже если они размышляют. Я чувствую себя лучше, чем может показаться!

Триффан осмелился наконец взглянуть на Босвелла: хотя он и постарел и мех сделался еще белее, а морщины глубже, все же он не очень изменился. Глаза по-прежнему были полны жизни, в них светились интерес и всегдашнее любопытство.

— Ну, а где же Спиндл? Я поручил ему быть рядом и заботиться о тебе.

— Он заботится, Босвелл. Он здесь. Просто Уид задержал его. Наверное, решил, что все вместе мы убежим.

— Что ж, мой дорогой Триффан, надеюсь, так в конце концов и случится! Крот не может долго жить в таком месте! А теперь рассказывай… Расскажи мне обо всем.

И Триффан рассказал ему о большом пути, проделанном ими, об их борьбе, о переменах в мире кротов, о том, что поклоняющихся Камню становится все меньше, что уцелели немногие. Они затаились, оставшись без руководителя, и ждут.

— Чего? — спросил Босвелл, когда Триффан закончил. — Скажи мне, чего они ждут?

— Пришествия Крота Камня, который принесет Безмолвие. Вот чего они ждут, Босвелл.

Босвелл кивнул и потрепал Триффана по плечу: — Ну а ты, Триффан?

— Я жив, но все померкло в моей душе, и иногда я теряю веру. С тех пор как Фиверфью…

— Фивервью, Комфри, Алдер, Тандри, Скинт, Смитхиллз, Тайм, Старлинг, Мэйуид… как много… — прошептал Босвелл. —

Этот Мэйуид… Расскажи мне о нем подробнее.

Трифан исполнил просьбу и поведал Босвеллу, как высоко он ценит Мэйуида. Несмотря на его исчезновение в Лабиринте, Трифан был уверен, что Мэйуид жив и где-то рядом.

— Так, — заключил Босвелл, — по твоим рассказам я полюбил этого крота. Я полюбил их всех, Трифан. Я… доволен ими!

Стало заметно, что Босвелл очень устал. Его взгляд блуждал в вышине, где виднелся кусочек неба.

— Ты все делал правильно, Трифан. Ты правильно вел кротов.

— Я никуда не привел их, Босвелл. Я нисколько не приблизился к Безмолвию, я не нашел его и в Вене.

— Ты нашел его, мой дорогой, просто ты не смог его услышать. Но скоро его услышат все. Однако у нас мало времени. Теперь я должен уйти. У меня еще есть дела в этом большом мире, который известен тебе лишь как мир кротов. Я еще на что-то гожусь, но силы мои на исходе. Так и должно быть в моем возрасте. Но главная беда в том, что к старости воля слабеет.

Последняя фраза прозвучала несколько раздраженно, как будто это состояние подкралось к нему незаметно и слишком рано.

— Наверное, ты самый старый крот из всех! — воскликнул Трифан. — Это потому, что ты Белый Крот.

Босвелл вдруг рассмеялся слабым и хрипловатым смехом:

— Да, я знаю, что стар, но чтобы считать себя самым старым, патриархом… Вряд ли я уж настолько стар!

Вдруг он нахмурился и взглянул наверх, будто искал глазами Руна в одной из трещин, где прятались орлы.

— Ты ничего не рассказал о себе, Босвелл. Впрочем, я и раньше знал о тебе не много, хоть и проделал с тобой долгий путь от Данктона до Аффингтона.

— Я вел простую жизнь обыкновенного крота. Жил здесь под надзором Руна. Вероятно, он рассчитывал что-нибудь узнать от меня, но я разочаровал его, потому что просто лежал, припав к земле, молчал и наблюдал смену времен года. В каком-то смысле я уже давным-давно прошел через это в Аффингтоне, приняв обет молчания. Сидимы полагают, что держат меня в плену. Слово можно выбрать любое, Трифан. Каждый крот выбирает слово по себе. У меня есть пища, крыша над головой, безопасное место, где я могу укрыться, и здесь я узнал Безмолвие. Но сейчас у меня есть еще одно дело, и ты очень мне в нем помог.

— О какой помощи ты говоришь? Теперь я такой же пленник, как и ты!

— Нет, нет, плен не в Верне, плен везде. Тюрьма не снаружи, а внутри крота. А твоя помощь заключалась в подготовке кротов к переменам. Я надеюсь, что они произойдут. Теперь Спиндл, Алдер, Мэйуид и другие к этому готовы. А мне предстоит выполнить еще один, последний долг.

— Но… — начал было Трифан.

— Никаких «но»!

— Как ты выберешься отсюда? — спросил Трифан. — Кругом охрана и полно сидимов. А Спиндл и я — действительно пленники, как ни отмахивайся от этой мысли.

Босвелл поднял лапу и спокойно сказал:

— Ты уже сделал все, что нужно, чтобы вызволить меня отсюда. От тебя больше ничего не требуется, и, пожалуйста, постарайся успокоиться. Из всего, что ты рассказал, из всего, что я знаю, ясно: ты подготовил Пришествие Крота Камня. Этого я и ждал. Теперь ты должен познать Безмолвие, и я боюсь, тебе это будет особенно трудно. Это всегда трудно для крота, который руководил другими, такому кроту труднее забыть о себе. Доверься мне, Трифан, и доверься Камню, и знай, что Спиндл будет рядом, когда понадобится тебе.

Трифану стало страшно: в глазах Босвелла было столько печали! Казалось, он знал гораздо больше, чем сказал, во всяком случае, большего опасался.

— Разве ты не можешь руководить мною, Босвелл?

Босвелл покачал головой:

— Разве я когда-нибудь руководил тобою, друг мой? По-моему, никогда. Я лишь указал тебе, как надо жить. Я всего лишь выполнил долг отца перед сыном. Просто быть, вот и все, — это и значит жить! Если я чему и научил тебя, так это прислушиваться к голосу своего сердца и доверять себе. Если ты и совершал ошибки, а ты, конечно, их совершал, тебе это простится. И в будущем тоже доверяй самому себе и верь, что со мной ничего плохого не случится. Когда ты будешь готов вернуться домой, Спиндл должен позаботиться, чтобы ты вернулся невредимым. А теперь я устал, мне предстоит многое сделать. Говорил ли я тебе о Хенбейн? Нет, нет, не говорил. Я не могу. Мне нечего сказать. Впрочем, вероятно, уже поздно. Но не пытайся сразиться с Руном, Трифан. Это не для твоих когтей. Оставь его Хенбейн. А теперь иди, иди!..

— Босвелл, увижу ли я тебя снова? — Трифан сознавал всю странность этого вопроса, но ответ мог успокоить его и придать сил, ибо будущее казалось слишком мрачным.

Босвелл посмотрел на него долгим-долгим взглядом, как будто перед ним был не Трифан, а любой другой крот. Но ответ,

безусловно, предназначался Триффану, именно Триффану, которого он так любил:

— Да, ты меня увидишь, и я увижу тебя и буду любить тебя всегда, как люблю сейчас и как любили тебя твои родители. Запомни, Триффан, тебя очень сильно любили, а это значит, что тебя будут любить до конца твоих дней. Конечно, зло и мрак не хотят нашей новой встречи. Но ты увидишь меня по великой милости Камня. И поймешь, что мрак — это временно. И, поняв, ты научишься любить меня. Весь кротовий мир должен познать любовь. Ты, Триффан, крот, отмеченный благословением, потому что тебя любили Ребекка и Брекен, и это они наставили тебя на путь к Безмолвию. Ты можешь услышать Безмолвие, в нем — прозрение, там зарождается звук, трогающий сердца всех кротов.

И тогда Триффан отправился в обратный путь, мимо скал, мокрых лишайников, ступая по корням старых деревьев. Он вернулся к реке. Там его ждали Уид, сидимы и Спиндл.

Никто не произнес ни слова, они просто пошли прочь от места, которое готовился покинуть Босвелл. Здесь чувствовалось незримое присутствие наблюдавшего за ними крота, который был воплощением зла.

❦

Через несколько дней Триффана и Спиндла заточили в темницу. Она находилась вблизи и чуть выше подземного потока Доубер Джилл. Весь день им приходилось слушать монотонный рев воды. Единственное, что видели узники через трещину в скале, было небо, но ни один крот не сумел бы добраться до этой трещины. Выход охранялся несколькими сидимами — молодыми, сильными, неразговорчивыми.

Червей не было. Пищу им приносили. Условия были бы совсем суровыми, если бы не вереск и сухая трава на полу, принесенные кем-то. Еще кое-где на полу было немного песка и гравия, так что узникам не приходилось сидеть на голом каменном полу.

Воздух был хороший, как и везде в Высоком сидиме. Для естественных нужд их по одному выводили на поверхность под усиленной охраной.

Оба крота были готовы к борьбе со скукой, которая теперь стала их главным врагом. Тем не менее уже через несколько дней ими овладело беспокойство, всегда сопутствующее скуке. Единственной отдушиной были выходы на поверхность.

Если узникам хотелось скрыть содержание своих разговоров,

они говорили шепотом, потому что сидимы всегда находились рядом, а стены тюрьмы хорошо проводили звук. Даже когда Триффан и Спиндл беседовали очень тихо, шипящие звуки, например, были отчетливо слышны.

Однако Триффан передал Спиндлу все, что сказал ему Босвелл, и поделился своими сомнениями. А потом узники предались мечтам о будущем. В мечтах рядом с ними всегда был Босвелл.

Триффан мало говорил о своих опасениях и страхах, но Спиндл заметил это. Он пытался утешить Триффана, поддерживая разговоры о прекрасном будущем, когда они снова обретут Данктон. Оба сошлись на том, что, если будет угодно Камню, они займутся ведением летописей, поскольку умеют делать это лучше всего. Тогда Спиндл достанет свитки, которые спрятал в древних заброшенных ходах Данктонского Леса. Он возродит Библиотеку. Когда не будет уже ни Спиндла, ни Триффана, кроты узнают о своем прошлом.

— Наши записи не будут похожи на Хроники Священных Нор, — уточнил Триффан. — Мы будем записывать истории настоящих кротов, на примере которых могли бы учиться все. Простые кроты тоже научатся читать и писать. Летописцы должны научить других, как я научил тебя и Мэйуида. Если бы у меня были свои дети, я бы, во-вторых, научил их грамоте, а во-первых — жизни. Вот как бы я поступил!

Триффан болезненно улыбнулся и замолчал, а Спиндл подумал, что, когда действительно есть свои дети, родители не всегда так поступают. Он подумал о своем сыне Бэйли, который был сейчас так близко и в то же время так непоправимо далеко.

Однажды, когда они, как обычно, переговаривались шепотом, их прервали. Это была Сликит, первая из приближенных Хенбейн.

— Триффан из Данктона, ты должен явиться к Хенбейн, — произнесла она своим обычным бесстрастным голосом.

— А Спиндл? — спросил Триффан, не двинувшись с места.

— Он останется здесь, — ответила Сликит.

Триффан пошел за ней без лишних расспросов. Сидимы посторонились и выпустили их из норы. Сликит сказала Триффану:

— Стены здесь имеют уши. Вам здорово повезло, что во время вашего заточения вы не сказали друг другу ничего лишнего, а только мечтали.

Она натянуто улыбнулась и вдруг посмотрела прямо в глаза Триффану, словно предупреждая: «Берегись сказать мне что-нибудь, даже если веришь, что я камнепоклонница. Нас могут услышать».

Попрощавшись взглядом со Спиндлом, который был заметно обеспокоен, Трифф ан последовал за Сликит. Впереди и сзади шли сидимы, так что предостережение Сликит показалось Трифф ану излишним: все равно возможности поговорить не было.

Дорога оказалась трудной и извилистой. И не сколько раз один из сопровождающих намного отставал, а другой, что шел впереди, уходил слишком далеко, поэтому иногда Трифф ан и Сликит оставались наедине. Но в этом тоннеле, как и во всех тоннелях Высокого сидима, были высокие потолки и галерея, и Трифф ан каждую секунду чувствовал, что за ними наблюдают. А потому он выжидал, пока Сликит сама найдет возможность поговорить с ним, если имеет подобное намерение. На всякий случай он держался к ней поближе.

И возможность действительно вскоре представилась: в одном месте откуда-то сверху низвергался поток воды. Тоннель здесь сужался, а затем переходил в грот, куда и стекала вода. Им пришлось лавировать, обходя лужицы и сталагмиты. В полумраке, почти заглушаемая шумом воды, Сликит тихо сказала:

— Я не забыла ни Бакленд, ни Семеричное Действо. Меня не покидает ощущение, что Камень чего-то ждет от меня.

— Я тоже так думаю, — отозвался Трифф ан.

— Это всегда меня беспокоило, я не знала, что мне делать. Тогда, в норе, возле больной кротихи Тайм, я впервые почувствовала мир и покой.

— Так было угодно Камню, — сказал Трифф ан. — А что касается твоей миссии, утешайся тем, что очень немногие знают, в чем их миссия. Именно в поисках они обретают Камень, но путь этот тяжел.

— Все эти годы я пыталась услышать Безмолвие опять. Я была… одна. А теперь, когда ты здесь, я боюсь, я не знаю, что делать. Хенбейн убьет меня, как убивала других.

— Кого же она убивает?

— Кротов. Она в них нуждается. Но после убивает, или их устраняют по ее приказу. Спастись невозможно. Не сдавайся ей, Трифф ан, или ты погиб. Это все, что я могу сказать, все, чем могу помочь тебе.

Трифф ан видел перед собой испуганную кротиху. Он вспомнил Семеричное Действо. Тогда Трифф ан впервые ощутил в себе дар врачевания. Он чувство вал свою силу и теперь.

— Ты можешь сделать очень важное дело. — Трифф ан и сам не знал, что скажет в следующую секунду. — Это, возможно, Камень и предназначал для тебя. Это… крот Бэйли.

Взгляд Сликит выразил одновременно жалость и презрение.

— Он сын кротихи, которую мы тогда все вместе исцелили.

Его матерью была Тайм. Спиндл — его отец.

Глаза Сликит удивленно расширились.

— Но Бэйли не знает этого, — продолжал Триффан. — Помоги ему! Я думаю, ты поможешь нам всем. Отведи его…

Тут Триффан вспомнил себя, молодого крота, который пришел к Камню в Данктонском Лесу и спросил его, как ему жить. И тогда явился Босвелл. Босвелл вел и наставлял его.

— Отведи его к Босвеллу. Босвелл поймет, что нужно делать. Отведи его к Водопаду…

— Что-нибудь случилось, госпожа? — Сидим по дошел к ним сзади.

— Какая наглость, — процедила Сликит, — этот полоумный пытался убедить меня, что я на неверном пути! Поистине эти камнепоклонники никогда не теряют надежды!

Сидим рассмеялся:

— Посмотрел бы я, как он будет обращать Глашатая Слова!

— Ладно, пошли дальше, и без разговоров, — холодно бросила Сликит.

— Пусть будет так, — сказал Триффан.

— Так и будет! — со значением произнесла Сликит.

Вскоре они дошли до покоев Хенбейн, где она ждала их. Томно взглянув на Триффана и безразлично — на Сликит и сидимов, она промурлыкала:

— Оставьте нас.

— Но, госпожа… — попыталась возразить Сликит.

— Да? — Голос Хенбейн был холоден как лед.

— Разумно ли это?

Триффан удивился тому, как уверенно ведет себя Сликит. Видно, не зря она была первой приближенной Хенбейн.

— Не очень разумно, — ответила Хенбейн, — но рисковать бывает забавно. К тому же вряд ли Триффан решится причинить мне зло, зная, что его дорогой друг Спиндл сейчас коротает время в темнице. А во имя Слова наши славные сидимы, не колеблясь, пустят в ход свои замечательные острые когти. Еще что-нибудь, дорогая, перед тем, как ты уйдешь?

Сликит улыбнулась:

— Почти ничего.

— Почти — это уже что-то, — заметила Хенбейн. — Говори!

— Я могу рассказать, о чем этот крот секретничал со Спиндлом.

— Это что-нибудь важное?

— Нет, просто забавно. Они говорили о Бэйли. По их извращенному Камнем мнению, Бэйли еще не настолько закоснел в приверженности Слову, чтобы Босвелл, с его мудростью, не смог

возродить его для Камня.

Хенбейн расхохоталась:

— Вот как! Ну что ж, Бэйли давно рвется спуститься к Водопаду Провиденье. Давай дадим ему шанс, Сликит. Но ты будь рядом. Я хочу, чтобы ты мне потом рассказала, как повлияет на Бэйли их ученая беседа. Позови Бэйли.

Сликит вышла. Вскоре она вернулась с пыхтящим и отдувающимся Бэйли.

— Сликит сказала, ты хочешь, чтобы я… — В голосе Бэйли слышалось смешное рвение. Заметив Триффана, Бэйли неуклюже поздоровался: — О! Здравствуй!

Триффан кивнул головой, но не сказал ни слова.

— Пришло время отдать тебя на воспитание мудрейшему кроту в мире, — сказала Хенбейн.

Глаза Бэйли широко раскрылись от ужаса.

— Хозяину?

Хенбейн громко расхохоталась. Но через секунду взгляд ее стал ледяным.

— Нет, Босвеллу, — сказала она. — Он расскажет тебе о Камне.

— Но я не верю в Камень, — опасливо произнес Бэйли. — Я поклоняюсь Слову. Клянусь!

Хенбейн раздраженно скривилась:

— Крот исполняет Слово, а не поклоняется ему. Возможно, Триффан и Спиндл правы, так веря в Босвелла. Но для тебя было бы лучше, если бы они ошиблись. Ну так вот, Бэйли, если ты не сможешь склонить Босвелла к Покаянию, проповедуя Слово, если он тебе не поверит, вы умрете оба.

— Но, Хенбейн… — Бэйли прошиб холодный пот.

— Я не это имела… — запротестовала Сликит.

— Спасибо, Сликит! А ты, Бэйли, заткнись! Ты меня раздражаешь. Отведи его к Босвеллу, Сликит, а потом расскажешь мне, что из этого получилось. Хорошо бы сегодня, только… — Она томно посмотрела на Триффана и прибавила:

— Только… не очень скоро. А теперь оставь нас.

❦

Все, кого занимала история Данктонского Леса и события до Пришествия Крота Камня, много спорили впоследствии о том, что произошло в эти часы между Триффаном из Данктона и Хенбейн из Верна и что потом случилось с Триффаном. Здесь много неясностей и противоречий. Некоторые относились к

происшедшему с осуждением, некоторые — с сожалением. Но многие, и с годами их становится все больше, отнеслись к этому с пониманием и сочувствием. Всякий крот несовершенен и небезупречен, ни один не смог бы, оглянувшись на прожитое, не пожалеть о каких-то поступках или, наоборот, о том, чего он когда-то не совершил.

Разумный крот должен просто выслушать историю Данктона, и если ему захочется высказать свое мнение, то пусть оно будет доброжелательным и здравым. Пусть этот крот всегда помнит, что Триффан жил в трудные времена и ноша его была тяжела. И хотя многое из того, что он делал, можно было сделать лучше, он никогда не забывал своего долга перед Камнем и свою миссию. Он всегда старался подготовить последователей к великим переменам, в которые так верил.

Правда о нескольких часах, проведенных в обществе Хенбейн, до сих пор покрыта мраком. Самый лучший и самый доступный источник — это записи, оставленные летописцем Спиндлом. Он был свидетелем того, что происходило в те дни. Однако в данном конкретном случае, возможно, и ему нельзя доверять полностью. В конце концов, Спиндл тоже несовершенен, а о некоторых вещах, пожалуй, мог знать и того меньше, чем кто-либо другой. Жизнь его сложилась не совсем обычно: в свое время ему посчастливилось встретить Тайм, но после того, как она умерла, ему уже ничего не было нужно, кроме летописей, ученых текстов и добрых друзей.

Поэтому, возможно, он склонен был судить Триффана слишком строго. Кроме того, Спиндл делал свои записи раньше, чем стала известна вся правда о Пришествии Крота Камня.

Но мы сейчас можем обратиться к иному источнику. Хотя многие скажут, что и он не вполне достоверен, и, вероятно, будут правы, потому что этот источник — рассказ самого Триффана, до сей поры никем не записанный.

Почему Триффан не оставил записей, не нам объяснять. Но он рассказал, что произошло между ним и Хенбейн, и многие детали впоследствии получили подтверждение из других источников. Поэтому мы склонны думать, что эта версия — самая близкая к правде, к горькой правде.

Итак, сделав такие пояснения, мы должны будем вернуться в странный и красивый грот, который коварная Хенбейн почему-то любила называть «своей берлогой», и узнать наконец, что произошло после того, как Сликит хитроумно устроила встречу Бэйли с Босвеллом.

❦

После ухода Сликит и Бэйли, Хенбейн долго и безотрывно смотрела на Триффана. Она молчала, погрузившись в одолевавшие ее мысли. Это придавало ей трогательный вид — слабый и волнующий. Триффан ожидал чего угодно — только не такого.

Перед ним сидела предводительница грайков, и она была совершенно беззащитна. Глаза ее вдруг наполнились слезами. Казалось, все пространство грота заполнилось скорбью. Но о чем она скорбела?

— Я тебе не нравлюсь, — произнесла она, — но у меня нет неприязни к тебе, как никогда ее не было ни к одному из последователей Камня. Ты меня не любишь, Триффан из Данктона, и твоя неприязнь отдается во мне болью, вот тут! — И она прижала лапу к груди, разразившись слезами. — Меня никто не любит! — рыдала она. — Я так одинока!

Триффан не знал, что сказать, если вообще надо было что-то говорить. Да и кто знал бы на его месте? Триффан потом вспоминал, что горе Хенбейн подействовало тогда на него с невероятной силой, он по чувствовал его так же, как несколькими днями раньше физически ощутил ее притяжение. Триффан был в полном смятении.

Ее горе было истинным, и не верить ему — значило не верить своей способности к жалости, состраданию, стремлению понять другого.

И еще об одном он подумал, если, конечно, мог серьезно думать в такой ситуации! Если он сейчас попытается понять Хенбейн, может быть, ему удастся не только освободить Босвелла и Спиндла, но также изменить отношение ко всем последователям Камня. А первые признаки веротерпимости уже заметны — взять хотя бы саму возможность их прихода в Верн. Все эти надежды и искреннее сострадание к существу, которое, казалось, очень мучается, сделали свое дело.

Без сомнения, Триффан помнил предостережения Босвелла и Сликит, да и по своему собственному опыту знал, что такое грайки. Но ведь перед ним было глубоко страдающее, несчастное создание. Такое горе могло растопить и ледяное сердце.

Когда Хенбейн хотела, одно ее присутствие оказывало необычайно острое воздействие на сердце любого крота. Она была красива, умела завораживать своей речью, для любой эмоции находила самые точные интонации, особенно для ненависти и злобы. Триффану случалось видеть ее в гневе, но это забывается, когда перед тобой воплощение горя и скорби.

— Скажи мне, — вдруг спросила Хенбейн, как будто вынырнув на минуту из глубин своих страданий, как солнце

порой выглядывает из-за туч, — скажи мне, Триффан, я хочу знать: тебя очень любили в детстве?

«Очень любили!» Это слова Босвелла! Он произнес их, беседуя с Триффаном у Водопада. Лишь много позже Триффану пришло в голову, что Хенбейн или Рун подслушали его разговор с Босвеллом и она знала, на чем лучше сыграть.

Очень ли его любили? Конечно! Как и должны любить крота. Любовь Брекена и Ребекки к нему и друг к другу всегда была основой его жизни.

— Да, очень, — ответил он, но не успели эти слова слететь с его языка, как тихая заинтересованность Хенбейн превратилась в неистовый гнев.

— А меня не любили, Триффан! Меня не любили! Своего отца я не знаю; а свою мать я убила.

Стены содрогнулись от ее яростного признания.

— Тебе этого не понять, этого никому не понять, — продолжала она. — Между тем все осуждают меня!

Итак, за гневом последовали обвинения. Но не успел Триффан привыкнуть к новому повороту ее настроения, как она испустила вопль, такой громкий, такой долгий, такой душераздирающий, что только глухой не сделал бы попытки успокоить ее. Триффан не был ни глухим, ни бесчувственным. И он сделал то, что большинство сделало бы на его месте: он постарался утешить ее прикосновением.

С того самого момента, когда Триффана тронули вопли Хенбейн, он был обречен. Но мог ли он думать об этом тогда? Он просто хотел успокоить ее. Она повернулась к нему и заплакала:

— В детстве я прозябала в дыре под названием Илкли. Это голодный край, там и червей-то нет. Мою мать звали Чарлок.

Тут Хенбейн внезапно замолчала. Она отрешенно смотрела в пустоту, видимо думая о своей матери. Казалось, в душе ее поднялась волна раскаяния, готовая излиться слезами, каких она еще никогда не проливала. И вот тихие, крупные, горестные слезы пролились.

Потом, словно справившись с собой, она заговорила быстро, но спокойно. Она рассказывала о своем детстве в Илкли, о жестокости матери, о том, как одинока и нелюбима она была, о горячем желании узнать побольше о Слове, а потом добраться до Верна и целиком посвятить себя служению Хозяину.

Она рассказала, как пришел Уид и как она для себя оправдала убийство матери — избавлением других кротов от острых когтей Чарлок. Иногда она прерывала свой рассказ всхлипываниями, как будто с трудом сдерживая слезы. Она подходила все ближе к Триффану, касалась его, умоляя

выслушать всю правду, пыталась объяснить, что вся ее жизнь была во имя Слова и на благо кротовьего мира. И вот теперь, когда она сделала все, что могла, она так одинока и всеми покинута!

Она говорила и говорила, сгущались сумерки, рев потока ослабевал. Для Триффана весь мир сосредоточился в этой страдающей кротихе, которая больше не была всесильной Хенбейн из Верна, а была просто несчастным детенышем из затерянной пустоши, которого тиранила мать и чьей единственной надеждой был таинственный Хозяин. Жестокая Чарлок готовила свою дочь ему в наложницы.

Знала ли Хенбейн, разговаривая с Триффаном, что из всех, к кому она могла бы обратиться, именно Триффан способен был понять ее и посочувствовать? Ведь его собственную мать Ребекку изнасиловал когда-то ее отец Мандрейк. Понял ли Триффан из ее рассказа то, чего она и сама не знала, а знал только Уид, — что Рун, первым овладевший ею, был ее отцом? Может быть, именно Триффан, зная историю Ребекки, почувствовал сострадание к Хенбейн, а любой другой крот, например Спиндл, мог бы и не пожалеть ее.

Возможно, так и было. По крайней мере, это объясняет, почему он слушал и почему она решилась поведать ему так много. Возможно, почувствовав сострадание, она, великая мастерица заманивать в ловушки, решилась рассказать ему все.

Как бы там ни было, наступила ночь, Верн затих, и только Хенбейн и Триффан продолжали разговор. Между ними уже возникла связующая нить, соединяющая тех, кто делится друг с другом сокровенными тайнами.

Когда темнота окутала их, они были уже не Хенбейн и Триффан, а просто два крота, которые обрели утешение и покой. Оба чувствовали себя так, словно вернулись после долгих скитаний домой.

Тела их уже соприкасались, рыльца терлись друг о друга. Они впали в древнее как мир состояние, когда каждый из двоих забывает о себе и два существа сливаются в одно. Это состояние, задуманное Камнем, или Словом, или какой-то другой Силой, сотворившей жизнь и любовь, и есть высшее наслаждение. Не поддаться этому восторгу, когда тебе дарует его судьба, — значит не поддаться самой любви.

И той ночью, под рев горного потока, эти двое соединились. Все было забыто: время, друзья, цели и устремления.

В любви Хенбейн дала полный выход своей страсти. Ее вздохи, крики, слезы, даже ее гнев — все нашло выход этой ночью. В любовь кроты вкладывают себя до конца, все хорошее и

плохое, всю силу и слабость. Так и случилось с Хенбейн и Триффаном.

Верн всё слышал. И Спиндл, и Лейт, и Бэйли, и Рун, и Босвелл. Все они слышали. Но даже если бы Хенбейн и Триффан знали об этом, им было бы все равно! Ничто не может отвлечь от любви.

Наконец страсть их утихла, разрешившись вздохами облегчения и покоя и чистым радостным смехом. Так может радоваться лишь тот, кто испытал истинное наслаждение.

Верн все слышал. И, слушая, каждый чувствовал свое: беспокойство, удивление, злость, тревогу, настороженность, печаль, утрату.

И еще один крот все слышал и понимал лучше остальных, за исключением разве что Босвелла. Он понимал: если действительно существуют Камень и Слово, то в эту ночь они хранят Хенбейн и Триффана. Это был Мэйуид, хитроумнейший Мэйуид, способный найти выход даже из первозданного хаоса.

«Я буду рядом», — обещал он когда-то Триффану.

❦

В эту ночь потрясений, наполненную криками страсти Триффана и Хенбейн, Мэйуид пробирался к Водопаду Провиденье. С тех пор как этот необыкновенный крот расстался с Триффаном и Спиндлом, он успел узнать много странного и интересного о Верне. И главное, он понял один секрет: чтобы найти дорогу в Верн, нужно целиком довериться воде, ее течению. Следуй за водой, не бойся воды — и тогда Верн покорится тебе.

Мэйуид долго бродил, много успел увидеть и услышать, многому научиться. Ни разу никому не удалось напасть на его след. Все, кроме Триффана и Спиндла, считали его пропавшим, погибшим. И вот теперь окольными путями он выбрался к самому Водопаду и услышал эхо голосов Хенбейн и Триффана.

Он понял, что эти крики означают какие-то очень важные изменения, но стал вести себя еще осторожнее и осмотрительнее.

Мэйуид уже знал, что Босвелл в окрестностях Водопада. Он знал также, что рядом скрывается и Рун. Рун был уже очень стар, и все же его следовало опасаться.

Когда занялась утренняя заря и все стихло, Мэйуид, низко припадая к земле, принялся обследовать окрестности Водопада в поисках Белого Крота.

Вдруг ему открылась поразительная картина. Он не мог и

вообразить ничего подобного. Он увидел Босвелла, который показался ему еще более глубоким старцем, чем он ожидал. А рядом с Босвеллом сидел необыкновенно толстый крот с глазами потерянного детеныша и с неуклюжим телом.

Мэйуид чуял и других кротов, и, подкравшись поближе, в бледном утреннем свете он увидел сидимов. Они прохаживались и выжидали.

— Босвелл и этот Бэйли говорили всю ночь, — сказал стражник.

— А некоторые занимались еще кое-чем, кроме разговоров, — ответил другой.

— Молчать! — сурово приказал третий голос, явно принадлежавший кротихе. Ее Мэйуид не видел. — Я пойду приведу Бэйли, — сказала она. — Хенбейн захочет с ним поговорить.

— Хорошо было бы, если б Слово вразумило его, — насмешливо заметил второй сидим. Раздался неприятный смех, к которому добрый Мэйуид уже успел привыкнуть за время своих скитаний по Верну.

Услыхав имя, Мэйуид удивился. Единственный ему известный Бэйли был братом Старлинг. Но тот был ребенком, невинным, юным, с любопытными детскими глазами…

Детские глаза! Мэйуид сначала встревожился, а потом в который уже раз подумал о мудрой власти Камня и его неисповедимых путях. Так, значит, этот жирный крот — и есть Бэйли? Нет, Мэйуид не побежал стремглав к нему и Босвеллу. Только не Мэйуид! Мэйуид был настоящим следопытом, со всеми присущими следопыту привычками и инстинктами. Он осторожно прокрался стороной мимо сидимов и вышел к струе Водопада. Здесь он остановился, посмотрел сначала вниз, в глубокий бурлящий водопад, а потом вверх, где под нависающим выступом скалы брал начало ревущий поток. Отполз немного назад, и ему снова стали слышны голоса сидимов. Они спорили. Кротиха заставляла стражников идти с ней, объясняя, что ей одной не привести Бэйли к Хенбейн, ведь такой толстяк не может сделать и нескольких шагов без передышки.

Итак, все отправились за Бэйли, а незамеченный Мэйуид бросился короткой дорогой, придумывая на ходу план. Да поможет Камень им всем!

Мэйуид застал Босвелла и Бэйли врасплох. Толстяк уставился на него в тупом удивлении.

— О досточтимый, состарившийся в трудах господин, Белый Крот из Аффингтона! О дородный крот Бэйли! Много слов, а времени мало!

— Но… — начал было Бэйли.

Глаза его чуть не вылезли из орбит, когда он увидел крота, которого знал и любил когда-то и уже никогда не надеялся увидеть.

Мэйуид поднял лапу, призывая к молчанию:

— Никаких «но», о тучный господин, никаких сомнений и колебаний. Слушайте меня и следуйте за мной. Сидимы идут сюда. Сидимы убьют вас. Спасти Босвелла! Мэйуид, ничтожный и смиренный, придумал очень сложный план, объяснять который подробно нет ни времени, ни возможности. Согласен ли ты довериться мне, о умиротворенный Босвелл?

Босвелл улыбнулся:

— Да, Мэйуид, и этот крот — тоже, несмотря на все его протесты. А теперь скажи нам, что делать, потому что нам обоим не терпится уйти отсюда.

— Тогда следуйте за мной оба, сейчас же, и молитесь.

— Так и сделаем. — Босвелл засмеялся счастливым детским смехом и слегка наподдал ошарашенному Бэйли лапой — не слишком изящный и вежливый жест для Белого Крота.

Мэйуид повел их по ущелью, и едва они немного отошли от площадки, где обычно сидел Босвелл, как послышались удивленные возгласы сидимов. Никого не обнаружив, они принялись кричать друг на друга и лихорадочно обнюхивать окрестности. На верхушках утесов засверкал первый утренний блик, тени побледнели. Очень скоро станет совсем светло.

В любую минуту сидимы могли догнать беглецов — идти по каменистой неровной земле было трудно. Прихрамывавший Босвелл шел неплохо, но бедняга Бэйли был совершенно не способен преодолеть некоторые участки, а между камнями застревал.

— Еще далеко? — взмолился он, задыхаясь.

— Очень далеко, о колеблющийся Бэйли, а потому Мэйуид посоветовал бы тебе употребить все силы на ходьбу и не разговаривать.

Долго пробирались они к бурлящему озерцу. Вдруг беглецы услышали позади крики и мелкую дробь шагов.

— Соберите все силы, — обратился Мэйуид к Босвеллу и Бэйли, но они и без того старались как могли, карабкаясь по острым и скользким камням.

Наконец Босвелл и Бэйли оказались у самого озера. Единственный более или менее удобный спуск к воде был между двумя валунами. Зловеще чернела вода, сильное течение взбивало желтую пену.

— Что же нам теперь делать? — в ужасе спросил Бэйли.

Это был своевременный вопрос. Бэйли с ужасом смотрел то на приближавшихся сидимов, то на озеро.

— Господин, если крот хочет чего-то добиться в жизни, он совершает прыжок в неизвестность!

— Туда? — недоверчиво переспросил Бэйли.

Мэйуид кивнул.

— Но мы утонем! — ужаснулся Бэйли.

— Смиренный Мэйуид полагает, что если самый старый крот в мире и самый толстый выплывут, то, вполне возможно, что жалкий и ничтожный выплывет тоже.

С этими словами Мэйуид спихнул упиравшегося Бэйли в воду, прежде чем к ним успел подбежать самый проворный сидим. Бэйли недолго барахтался у берега, потом течение подхватило его и понесло. Он в отчаянии простер лапы к небу, издал несколько судорожных воплей и пропал из виду.

Босвелл, полностью доверявший Мэйуиду, вошел сам, и с каким достоинством! Его белый мех сразу намок и стал серым, через секунду его уже нельзя было разглядеть в бурном потоке.

Мэйуид, оставшись на берегу один, бросил последний быстрый взгляд на преследователей и вдруг увидел кротиху, которую он ждал всю свою жизнь. Мгновенно перед глазами возникла картина: тоннель в Вене, встреча с Триффаном. Как давно это было! Сомнения Мейуида: найдет ли он когда-нибудь подругу… его слова: «Я не знаю, какая она будет… Но когда я ее встречу, я сразу пойму, что это она!»

И здесь, в ущелье, спасая двух кротов, преследуемых сидимами, Мэйуид узнал ее. Среди сидимов была кротиха, голос которой он слышал из укрытия. В этот самый миг луч солнца упал на ее сероватый мех. Она внимательно смотрела на странного крота, который почему-то медлил на грани между жизнью и смертью. Так Сликит впервые увидела насмешливого и живого Мэйуида, презирающего опасность, крота, который, к ее удивлению, вдруг поднял лапу и крикнул:

— Глупые сидимы, остановитесь!

И, воспользовавшись минутным замешательством оторопевших сидимов, успел взволнованно сказать, глядя ей прямо в глаза:

— О несравненная госпожа, Мэйуид — а именно так меня зовут — ради тебя вернется даже из объятий самой Смерти. — С этими словами он прыгнул в озеро, уверенно и красиво, и вскоре пропал из виду.

❦

Едва первые лучи солнца проникли в грот, где Триффан провел ночь с Хенбейн, он проснулся и вспомнил, какую беду навлек на себя. Хенбейн высвободилась из его объятий и сказала:
— Теперь ты должен уйти, Триффан из Данктона.

Заботилась ли она о его безопасности, желая помочь спастись? Он не знал этого точно, хотя ему хотелось так думать. Так ему легче было бы оправдаться перед собой за ночь, проведенную с кротихой, которая была величайшим врагом всех приверженцев Камня.

Но было слишком поздно. За Триффаном и Хенбейн с отвращением и презрением наблюдал старый крот.

Встречи с этим кротом Триффан давно опасался. У него были черные глаза, блестящий, суховатый мех, кривые когти. За ним стояло несколько кротов, как догадался Триффан, высокопоставленные старшие сидимы. И возраста они были почтенного. Все стройные, с тонкими и жестокими чертами, в каждом чувствовалась сила и власть, которую особенно страшно наблюдать у кротов, уже достигших возраста умиротворения и покоя. Они сохранили свою силу для жестокости.

— Мое имя Рун, — произнес старый крот. — А ты — сын Брекена.

Триффан почувствовал близость смерти.

— Да, — ответил он.

— Твоему отцу почти удалось погубить меня, и все же у него не вышло. Но я не забыл, что он пытался это сделать. Я желал твою мать, и, если бы не Брекен, я получил бы ее. У меня более чем достаточно причин убить тебя. Я ты являешься в Верн, где тебе не причиняют никакого вреда, и соблазняешь Хенбейн. Вот еще одна причина убить тебя, но другим способом!

Сидимы окружили его плотным кольцом. Несмотря на страх и растерянность, Триффан прежде всего подумал о друге:

— Спиндл никому не причинил вреда и не причинит. Отпустите его. У вас есть я и Босвелл.

Рун слегка приподнял левую лапу. Глаза его горели черной ненавистью.

— Его никто не тронет, — сказал Рун, — во всяком случае, физически. И ты не умрешь. Мой долг — подобрать подходящее наказание. Ты пришел сюда живым, и твои жалкие последователи должны знать, что ты выйдешь отсюда живым. И они должны знать, чем ты тут занимался с Хенбейн. Так оно и будет.

Он бросил на Хенбейн быстрый взгляд, и кончик его тонкого бледного языка на мгновение высунулся изо рта и тут же спрятался опять.

— Думаю, твои приверженцы сочтут, что ты заслужил

справедливое наказание, Трифан.

И только теперь, по манере двигаться и говорить, по каким-то почти неуловимым черточкам, Трифан понял до конца правду о Руне и Хенбейн и догадался, что тот ее отец. Трифан повернулся к Хенбейн и сказал с презрением, ничуть не уступающим тону Руна:

— Посмотри на Хозяина сидима! Посмотри внимательно. Разве ты не видишь, Хенбейн, кто он и что он сделал с тобой? Он — твой отец!

И когда Хенбейн посмотрела на Руна, первые подозрения закрались в ее душу. Рун резко отвернулся от них обоих и бросил ожидавшим приказа сидимам:

— Он много болтает. Сделайте все сейчас же и как следует. Быстро.

Сидимы еще плотнее сомкнули кольцо вокруг Трифана, и в ужасающей тишине удары их тренированных лап градом посыпались на него. Он дрался и ранил нескольких, но вскоре тело обмякло под ударами. Он лежал на полу в крови. Перед тем как ему выцарапали глаза, он видел, как потоком изливается их ненависть. Перед тем как потерять слух, он слышал их хриплое, хрюкающее, злобное дыхание. И за миг до того, как весь мир погрузился в темноту, он сумел дотянуться до Хенбейн и почувствовать ответное касание. В глубине своей осквернённой души она чувствовала к нему по крайней мере жалость. А когда на него навалилась невыразимая боль, Трифан почувствовал себя сломленным, разорванным на куски, он понял, какой мрак несет Слово. В этом мраке не было ни Камня, ни даже надежды на Камень. Так он узнал смерть при жизни.

Глава одиннадцатая

За всю историю цивилизации кротов никто никогда не возмущался столь гневно, как неуклюжий Бэйли, когда он беспомощно тонул в озере, куда столкнул его Мэйуид. Колючий холод сковывал дыхание, большое несуразное тело кувыркалось независимо от воли владельца, а в глазах мелькали круги: то желтые, то зеленые, то черные, то белые.

Возмущение возросло еще больше, когда он вдруг вспомнил, что уже второй раз в жизни находится в таком унизительном положении. В первый раз это было при обвале тоннеля во время бегства из Данктонского Леса. У кротов ощущение несправедливости развито чрезвычайно остро, а потому, погибая, Бэйли думал: «Это несправедливо! Почему я должен тонуть второй раз!»

Он задыхался. Грудь болела. Лапы судорожно цеплялись за мокрую пустоту. Его затягивало в омуты, кидало на скалы, мелкие острые камешки царапали ему рыльце, он беззвучно кричал под водой, но оставался жив.

Как это ни смешно, Бэйли испытал даже некоторое разочарование, потому что смерть в конце концов оправдала бы его глупую ярость. Он выглядел бы не так смешно. А пока боль в груди нарастала, шум в ушах достиг предела. Вдруг Бэйли почувствовал, что рыльце его над водой, ощутил пронизывающий холодный воздух. Он не утонул, не умер, он будет жить! Бэйли захлестнула волна облегчения и радости, каких он не знал уже многие годы, с тех пор как впервые встретил Хенбейн.

Вокруг него шумела вода. Бэйли плыл в полной прострации, его лапы работали сами по себе, а он безостановочно бормотал:

— Больше никогда близко не подойду к воде! Вода — это не для Бэйли. Ненавижу Мэйуида, это он во всем виноват!

Однако его сетования сразу кончились, как только он услышал знакомые засасывающие звуки и рев воды. В панике он стал, как сумасшедший, грести обеими лапами, пока животом не почувствовал каменистое дно. Страшно неуклюже, но очень быстро, если учесть его габариты, Бэйли вскарабкался на берег и теперь пытался отдышаться.

Он был жив! Никогда не думал, что крот может быть так счастлив.

Бэйли услышал хлюпанье и всплески там, откуда только что выбрался.

— Босвелл? — позвал он с надеждой.

Хлюпанье продолжалось, но никто не ответил. Бэйли

вообразил тут же, что оказался совсем один в пещере, в глубине которой живет ужасный зверь, и вот этот зверь, почуяв запах Бэйли, приближается, чтобы сожрать его.

— Ты крот? — прошептал он опасливо.

— Да, да, конечно крот, — послышался раздраженный голос Босвелла. — Иди же сюда и помоги мне выбраться!

Еще раз испытав облегчение, исполненный ликования, Бэйли потрусил обратно и помог Босвеллу вылезти на сушу.

Едва они успели отряхнуться и слегка обсохнуть, из дальнего конца озера донесся голос:

— О вымокшие господа, Мэйуид слышит вас, но не видит, будьте добры, скажите что-нибудь, чтобы он мог вас найти…

— Я тебе сейчас все скажу! — воскликнул Бэйли, которому голос Мэйуида напомнил о том, что его чувство собственного достоинства уязвлено. — Здесь сыро и холодно. Я очень голоден и хочу знать, как мы выберемся отсюда. Хенбейн будет в ярости, а вам известно, что это значит! А может быть, неизвестно? Зато я прекрасно знаю. Будьте уверены, картина не из приятных!

— О расстроенный и встревоженный Бэйли, спасибо, что ты откликнулся, — сказал Мэйуид, подходя к Бэйли и Босвеллу по террасе из песка и гравия, на которую их вынесло течением, — а теперь Мэйуид просит тебя прекратить жаловаться раз и навсегда.

— Но… — попытался возразить Бэйли.

Мэйуид повернулся к мокрому и продрогшему Босвеллу и увидел: тот не слишком пострадал от вынужденного заплыва, если не считать глубокой царапины над правым глазом.

— Мне больно, — заныл Бэйли.

— Господин Бэйли, — строго сказал Мэйуид, — Мэйуиду тоже больно. И Босвеллу больно. И всему кротовьему миру больно. Ни меня, ничтожного, ни почтенного Босвелла не заинтересуют сейчас твои слова, если только они не будут разумны и полезны.

— Тогда я предлагаю убраться отсюда побыстрее, — заявил Бэйли.

Мэйуид улыбнулся:

— Мэйуид не против, и он уверен, что Босвелл тоже не против. К тому же приятно убедиться, что физические невзгоды и страдания сплачивают кротов, а не разобщают, побуждая к бесплодным жалобам и взаимному недовольству. Мэйуид рад, что глыбоподобный Бэйли может быть нормальным кротом. Сообщаю: Мэйуид хорошо изучил подобные тоннели. И вот что он скажет. Такая пещера — гиблое место, здесь холод с такой силой въедается в плоть крота, что заставляет мутиться его рассудок. Только движение спасительно, и чем быстрее двигаться, тем

лучше. Однако двум беглецам следует как можно дольше оставаться под землей. Идите вдоль этого ручья, здесь должны быть ходы.

— Почему ты говоришь «двум беглецам»? — быстро переспросил Бэйли.

— Мэйуид не пойдет с вами, о несамостоятельный господин. Тебе предстоит самому вести Босвелла, это называется «миссия». Мэйуид искренне сочувствует обескураженному ее внезапностью господину, особенно если принять во внимание его комплекцию и те трудности, что выпадут на его долю. Однако Мэйуид склонен думать, что толстый господин справится и даже более того — он окажется в выигрыше.

— Каком таком выигрыше? — заколебался Бэйли, потирая лапой шишку на лбу.

— Он похудеет, — улыбнулся Мэйуид, — и я, смиренный, уверен, что господин хочет хорошо выглядеть, когда придет на юг. Там не любят толстяков, считают их ленивыми и ни на что не годными кротами.

— Но Хенбейн… — с сомнением проговорил Бэйли.

— Хенбейн убьет господина, если поймает его. Сейчас она и ее сидимы сочтут его и Босвелла мертвыми. И хорошо. Не надо ее разубеждать. Не попадайтесь ей. Крадитесь, ползите по земле, насколько господину позволит его живот. Пусть Бэйли слушается мудрого Босвелла и вновь обретет разум! Теперь идите оба. Отправляйтесь сейчас же, пока вас не убил холод.

— Так ты не идешь с нами? — спросил Босвелл.

— О мудрый Босвелл, неисповедимы пути Камня! Камень даровал мне встречу с красивейшей кротихой со светлым мехом. Мэйуид больше не хочет быть один. Мэйуид вернется и отыщет ее.

— Что это за кротиха? — спросил Бэйли.

Мэйуид описал ее.

— Это Сликит. Она — одна из самых высокопоставленных сидимов. Приближенная Хенбейн, вторая кротиха Верна. Она — ужасное создание.

— Да простит меня господин, но в вопросах женской красоты я, ничтожный, не очень склонен доверять мнению прожорливого Бэйли. Мэйуид позволит себе напомнить ему, что, возможно, она и ужасная, но по крайней мере не толстая.

— Не знаю, за что ты мне нравился когда-то, Мэйуид. А может быть, и не нравился. Может, только несчастной Старлинг ты и нравился.

— Я, ничтожный и смиренный, думаю, что однажды, когда дородный господин похудеет, он снова поймет или вспомнит,

почему он когда-то любил Старлинг и почему ему нравился Мэйуид.

Босвелл рассмеялся.

— Я замерз, Бэйли, — наконец сказал он, — и лучше нам послушать совета Мэйуида и отправиться в путь. Веди же меня!

— Я, — чуть не задохнулся от возмущения Бэйли, — но!..

Босвелл мягко дотронулся до плеча Мэйуида лапой:

— Да обретешь ты Камень, крот, ибо ты этого достоин. Найди Сликит и заручись ее поддержкой. Когда придет время, разыщи Триффана, потому что настанет день, когда он будет нуждаться в тебе, так же как и ты в нем.

Босвелл, прихрамывая, медленно побрел вдоль ручья. Влажный мех Белого Крота поблескивал в солнечных лучах, проникавших в пещеру. Бэйли, издав последний вздох протеста, пошел за ним, а Мэйуид, подождав, пока они не исчезли из виду, принялся вынюхивать другой путь. В конце концов он нашел узкую щель в совершенно гладкой на первый взгляд стене пещеры и исчез в ней.

❦

Хоть Спиндл и очень боялся за Триффана, когда того увели к Хенбейн, он даже предположить не мог, каким кошмаром закончится их свидание. Поэтому, когда пришел молчаливый сидим и без всяких объяснений быстро повел его куда-то на юг, Спиндл не знал, что и подумать. Они остановились только один раз, и то ненадолго.

Спиндл увидел очень старого крота, окруженного старшими сидимами. Спиндлу больше всего запомнился его взгляд: леденящий, проницательный и безжалостный. Когда он заговорил, Спиндл понял, что это Рун.

— Триффан из Данктона понес наказание, которого заслуживал. Теперь ты можешь забрать его. Если кто-нибудь спросит, можешь сказать, что Триффан наказан Словом. Оно проявило милосердие, не лишив его жизни. Он пришел сюда принять Покаяние, но вместо этого оскорбил нас и обманул наше доверие. Теперь он очистился наказанием. А ты, Спиндл из Семи Холмов, скажи спасибо, что мы выполняем обещание, данное даже порочному иноверцу, иначе и тебе не избежать бы того же наказания. Мы не сомневаемся, что ты по-прежнему поклоняешься Камню, но теперь это не имеет значения. Вера в Камень умерла, а ты не способен возродить ее.

Сидимы заулыбались. Спиндл не мог вымолвить и слова под

взглядом этого крота, он даже не способен был полностью осознать, что тот говорит. Спиндл понял только, что Триффану плохо, и у него возникло лишь одно желание — помочь.

— Выведите его на поверхность, — безразлично сказал Рун, — а мне помогите вернуться к Хенбейн. Она теперь, как никогда, будет нуждаться в моей помощи.

Глядя, как сидимы провожают Руна, Спиндл вдруг почувствовал неведомое ему раньше отвращение. Пока Рун говорил, он, казалось, заполнял собой все вокруг и остальное не имело значения. Но теперь Спиндл понял, какой Рун старый и дряхлый, шкура висит складками у него на боках, а мех у него тусклый и вытертый. В самой походке Руна чувствовалась испорченность души, а не тела.

Спиндл брезгливо отвернулся. Сидимы вывели его на поверхность. Он оказался на западной окраине Верна и на мгновение забыл все сомнения и опасения, увидев красновато-коричневый вереск, освещенный сентябрьским солнцем. Солнце то и дело выныривало из густых облаков, но ветер был прохладным.

— Он здесь, — коротко бросил один из сидимов, указав на какие-то высохшие корни дерева. — Забирай его и уходи, и чтобы больше о вас здесь не слышали. Мы даем вам несколько дней, а потом, если вас увидят в Верне, вы будете убиты. Ваше время, как и время Камня, прошло, благодарение Слову!

Сидимы ушли, и Спиндл осторожно пошел в ту сторону, куда ему указали. То, что он принял сначала за сплетение корней, оказалось кротом. Трава и вереск вокруг залиты кровью, а крот — неузнаваем.

— Триффан? — с сомнением спросил Спиндл. — Это я, Спиндл! — взволнованно добавил он.

Триффан не пошевелился. Спиндл подошел поближе, обошел распростертое тело и взглянул на голову: это было сплошное кровавое месиво, одна сплошная рана, которая начиналась там, где когда-то был рот, и охватывала глаза, уши и всю голову. Все вспухло, кровоточило и блестело. Спиндл с ужасом отшатнулся. Тучи мошкары уселись на сгустки крови, поэтому рана казалась даже не красной, а серой.

Спиндл попробовал согнать мошек, но любое, даже самое легкое прикосновение заставляло Триффана стонать от боли. Он не узнавал Спиндла и, видимо, принимал его за сидима. Если Спиндл и подумал, что этот кошмар ему снится, то сон только начинался. Тело Триффана тоже было изранено, передние лапы перебиты и изодраны. Внезапно сверху нависла черная тень и послышалось голодное карканье. Ворон. За ним прилетели

другие. Они кружили, камнем падали в вереск, потом поднимались опять — и наконец напали.

Спиндл когтями защищал Триффана от воронов, но от мошкары защитить не мог. Стервятники улетели лишь с наступлением сумерек.

Этой ночью Спиндлу пригодился полученный в Бакленде опыт по выносу убитых с поля боя.

Он то нес, то волок Триффана вниз, к ручью. Наконец нашел укрытие под камнями. Сам вылизал языком раны Триффана.

Страшновато было оставлять Триффана одного, но следовало отыскать какую-нибудь еду. Он принес червяка и разжевал его для Триффана в надежде запихнуть ему в рот.

Триффан опять страшно закричал. У Спиндла сердце разрывалось от жалости, он заплакал, однако не отступил и добился своего: немного пищи Триффан проглотил. Теперь Спиндл должен был не дать ему замерзнуть.

Ночь прошла спокойно. Зато утром опять появились вороны. Их клювы блестели на солнце. Потом пришел горностай и долго сопел и принюхивался.

Спиндл приготовился к схватке. Он видел острые клыки горностая, чувствовал его зловонное дыхание. Но когда хищник сунулся под камень, Спиндл нанес такой сильный удар, что враг решил больше не рисковать.

Прошел день, спустились сумерки, опять наступила ночь. Спиндл не отходил от Триффана: неизвестно, кто еще может нагрянуть! Лиса? Горностай? Крот?

Рассвет. Потом еще один день. Спиндл понимал: чтобы выжить, Триффану нужна вода. Раны посте пенно подсыхали и превращались в плотные сгустки. Глаз не было видно. Когда Спиндл попробовал подтащить Триффана к ручью и напоить, раненый издал отчаянный крик и забился в судорогах. Обливаясь потом, Спиндл заставил себя дотащить Триффана до ручья и погрузил в него рыльце бедняги, следя за тем, чтобы он не захлебнулся. Почуяв воду, Триффан затих и немного попил. Он не узнавал Спиндла и по-прежнему был не в состоянии двигаться, так что Спиндлу пришлось втаскивать его обратно на берег.

Снова приходили горностаи. Судя по запаху, где-то рядом кружила лиса. Триффан снова поел лишь через четыре дня, и съел не больше детеныша. Вероятно, у него была сломана челюсть, а потому он не мог жевать. Триффан позволил Спиндлу еще раз подтащить себя к воде и даже попробовал опереться на передние лапы. Они не выдержали, и он повалился прямо на раненый бок. На месте глаз запеклась кровь. Казалось, он не видит и не слышит ничего, что делает Спиндл. Но стоило тому хотя бы слегка

отодвинуться, Триффан с трудом шевелил передней лапой, давая понять, что просит его не уходить.

Прежде чем отправиться на поиски червяков, Спиндлу приходилось долго успокаивать его.

На шестую ночь Триффан кричал. Это были страшные, бессвязные вопли впавшего в отчаяние крота. Спиндл обнял его и попытался утешить. Триффан забылся тревожным, болезненным сном.

Прошло еще несколько дней, и вороны потеряли к ним интерес. Они почувствовали, что упустили легкую добычу: к раненому кроту возвращались силы. Он уже мог слышать. Теперь, когда опухоль на голове спала, стали видны глаза, вернее, то, что от них осталось. Левый пострадал больше правого. Однако, наклонив голову влево, Триффан мог немного видеть. Сильнее всего он страдал от ран на голове.

Погода заметно испортилась. Однажды неожиданно выпал град. Следующий день был теплее. Триффан даже немного прополз сам, спускаясь к воде. Но усилие оказалось слишком велико для него, и вернуться без помощи друга он бы не сумел.

— Скоро мы двинемся в путь, — сказал Спиндл. — Здесь мало червей и трудно рыть тоннели. Мы должны уйти. Нам больше нечего делать на севере, и лучше, чтобы зима не застала нас в пути.

Триффан медленно обнюхал землю вокруг себя и прислушался. Потом он уронил голову на землю, перебитые лапы разъехались в стороны.

«Я не могу двигаться», — говорил он всем своим видом.

Тогда Спиндл ежедневно стал заставлять его проделывать путь до ручья и обратно. И всякий раз Триффан сопротивлялся, но с каждым днем передвигался все лучше. И вот настал день, когда он не только сам спустился к воде, но и медленно, превозмогая боль, смог подняться обратно. В тот же день еще похолодало, небо стало свинцово-серым.

Однажды Триффан проснулся и поднял голову к небу.

— Серое, — прошептал он.

— Ты видишь? — спросил Спиндл.

Триффан кивнул и некоторое время лежал тихо и думал. Наконец он прошептал:

— Надо идти. — Это были первые здравые слова с тех пор, как Спиндл начал выхаживать его.

Собрав все силы, Триффан попытался встать. Он дрожал от напряжения и то и дело стонал от боли, однако ему удалось подняться. Медленно-медленно Триффан заковылял вперед. Сделав несколько шагов он упал и долго лежал без сил. Потом

повернул голову на юг и потянул носом воздух.

— Мы можем взять чуть-чуть южнее, — понял его мысли Спиндл. — Но я думаю, нам сейчас неразумно встречаться со Скинтом в Грассингтоне. Сидимы предупредили меня: если они нас встретят — убьют. Во всяком случае, у наших друзей из-за нас будут неприятности. Мы могли бы найти какое-нибудь безопасное место поближе к югу и там перезимовать, а за это время ты совсем поправишься.

— Сп… Спиндл, — слабым голосом проговорил Триффан. Спиндл придвинулся поближе. — Не просто ближе к югу! Спиндл, отведи меня домой. Прошу тебя, отведи меня домой, в Данктон! — И он прислонился израненной головой к Спиндлу, как ребенок прислоняется к матери, когда ему бывает плохо, и заплакал.

Некоторое время Спиндл смотрел на безрадостные склоны Верна, потом взглянул на юг, и в глазах его появилась решимость.

— Каждый шаг, который мы сделаем, уменьшит число шагов до Данктонского Леса. Пойдем же, Триффан. В путь!

И Триффан пошел: он сделал первый шаг, потом второй, потом, превозмогая себя, третий — и начался долгий путь домой.

❦

Внезапное исчезновение Босвелла и Бэйли вызвало замешательство среди сидимов и навлекло подозрение на причастных к этому. Стражников, охранявших подступы к Водопаду и впустивших незнакомого крота, допрашивал сам Хозяин, но приговор именем Слова вынесла Хенбейн. Она решила запустить их в Лабиринт, из которого они либо выберутся, либо умрут от голода. Ни одного из них больше никто не видел.

Сликит тоже была с пристрастием допрошена Хозяином и подвергнута наказанию Звуком Устрашения. Все слышали, как она кричала. Однако в конце концов Хозяин признал ее невиновной. Тем не менее он прислушался к предостережению Уида, который советовал ограничить ее в передвижениях.

— Пусть она побудет с Хенбейн, — предложил коварный Уид, — так она не сможет причинить ни какого вреда.

Рун кивнул. «Побыть с Хенбейн» на языке Уида значило стать пленницей, потому что Хенбейн ни куда не выпускали. Хитрый Уид давно понял, что прибытие Триффана в Верн повлечет за собой важные события. И когда разнеслась весть о гибели Босвелла, наказании Триффана и изгнании его и Спиндла из Верна, Уид слышал, что Рун собирается навестить Хенбейн, и

знал, к чему это может привести.

Одно дело — тайно встречаться с молодыми кротами в отдаленных от Верна норах, а другое дело — принять Триффана в самом сердце Высокого сидима. Уид догадывался о ревности Руна, он понимал, что теперь похотливый Рун попытается вернуть себе Хенбейн, и опасался последствий. Тем более что Триффан открыл ей тайну отцовства Руна.

Уид знал характер Хенбейн лучше других и догадывался о возможных последствиях крушения надежд Хозяина. Поэтому он позаботился заранее отозвать всех кротов от грота Хенбейн, желая сохранить в тайне то, что произойдет при встрече Руна и Хенбейн.

Догадки Уида подтвердились. Хенбейн отвергла приставания Руна, и тогда Хозяин велел ей на некоторое время «предаться размышлениям». Ее сидимов отстранили, их место заняли старшие сидимы. Уид надеялся смягчить гнев Хозяина, поместив Сликит вместе с ней. Кроме того, две наказанные кротихи содержались бы в одном месте, что тоже было удобно.

Обстановка в Высоком сидиме становилась все тяжелее. Прежде всесильная, Хенбейн оказалась теперь лишенной не только власти, но и свободы. Она пришла в ярость. Плакала. Пыталась бороться. Но все было бесполезно. Ни Рун, ни даже Уид не появлялись. У нее была только Сликит, только с ненадежной Сликит приходилось делиться, только ей доверяться.

Начался октябрь, и новое неожиданное обстоятельство омрачило и без того безрадостное существование Хенбейн. Сама она не понимала, что происходит, но Сликит и Уид догадались. С верхней галереи Уид внимательно наблюдал за пленницей, и от него не укрылись перепады ее настроения и нарастающая вялость.

Вялость, недомогание. Случилось невероятное: Хенбейн была беременна от крота из Данктона. Сликит поняла это, потому что знала природу кротов, но еще лучше — повадки Хенбейн. Она заметила ее раздражительность, апатию, капризность.

Но гораздо удивительнее было то, что Рун тоже знал это, даже ни разу не взглянув на Хенбейн и не расспрашивая о ней Уида. Если Босвелл олицетворял в себе все светлое, то Рун являлся воплощением тьмы и притом был наделен особым сверхъестественным чутьем, а потому мог предвидеть будущее.

Сама же Хенбейн ни о чем не догадывалась много кротовьих недель, поскольку имела все основания полагать себя не способной к деторождению. У нее бывали всякие неприятности, несколько выкидышей например, но она никогда не рожала. После расправы над Триффаном Хенбейн с каждым днем чувствовала себя все более уставшей и расстроенной, теряла

контроль над собой чаще, чем прежде. Ее донимала тошнота и странные ощущения, собственное тело казалось ей каким-то чужим.

Временами тоска окутывала ее мозг, как черная туча. А с этой тучей приплывал к ней образ Трифана, и его голос повторял: «Рун — твой отец». Мысли об этом угнетали ее постоянно, и она относила свои недомогания на счет усталости и гнева.

Однажды она заметила, что ее тело стало страшно неуклюжим. Тогда она все поняла. Она подошла к сидиму-охраннику и велела позвать Уида. Уид не пришел.

Начался ноябрь. Тело Хенбейн еще больше округлилось и казалось ей отвратительным. Она пылала бессильной злобой к этим маленьким существам, толкавшимся внутри ее. Она ненавидела их, ненавидела Руна, ненавидела всех.

— Пожалуйста, скажи Уйду, что мне нужен его совет, — в конце концов взмолилась она, разыграв в присутствии Сликит сцену смирения. Сидиму не пришлось передавать ее слова Уйду, тот все слышал из своего укрытия.

Сидим, уставший от вспышек гнева Хенбейн, перемежавшихся с мольбами, уговорил Уида хотя бы взглянуть на Хенбейн. Польщенный необходимостью «его совета», Уид с галереи понаблюдал за Хенбейн еще некоторое время и нашел ее подавленной и усталой. Он обратился к Руну и получил разрешение на встречу. Уйду следовало выведать, как Хенбейн относится к перспективе стать матерью и к своему будущему потомству.

— Конечно, детеныши должны умереть, — сказал Уид Руну. — Недопустимо, чтобы семя камнепоклонника проросло в самом сердце Верна.

— Разве? — спокойно возразил Рун. — Разве сам Сцирпас не был камнепоклонником? Разве нельзя из ее паршивого отродья выбрать одного, который при должном воспитании мог бы в будущем стать главой сидима и новым Хозяином? А, Уид? Слово ведет нас странными путями, и оно может распорядиться именно так. Иди к ней, раз она тебя зовет. Узнай у нее или Сликит, когда она должна родить. Она должна разрешиться от бремени на Скале Слова, там, где родилась сама. Да, и еще, чтобы Трифана и Спиндла нашли и убили. Они должны быть уничтожены.

— Я уже отдал такой приказ, Хозяин, и выслал грайков. Негодяи скоро будут найдены и убиты, так что никто ничего не узнает. Сликит тоже надо навсегда заткнуть рот. Но только после рождения детенышей. Она может быть полезна при родах. Судьба детенышей и их значение для Слова — это дело Хозяина. Хозяин лучше, чем Уид, разбирается в таких вещах.

Итак, Уид вошел к Хенбейн. Она выглядела тихой и послушной. Уид просиял, удовлетворенный состоянием Хенбейн и своей необходимостью Хозяину.

— Когда должны родиться детеныши? — спросил он.

— Скоро эти мерзкие твари выйдут наружу, и я позабочусь, чтобы они прожили недолго, — ответила Хенбейн.

Она так говорила, — возможно, она даже так думала, — но никогда нельзя доверять словам матери до родов. Чтобы зачать, она готова драться за самца. Зачав, она хочет умереть. Родив, она любому горло перегрызет за своего детеныша. А следующей весной она может оттолкнуть свое потомство и отправиться на поиски нового самца. Верно говорят: не верь пустующей кротихе и беременной не верь тоже.

— Это очень мудро с твоей стороны, о Глашатай Слова. — Уид улыбнулся своей прежней улыбкой, и Хенбейн улыбнулась ему в ответ. — Но ты обратилась ко мне за советом, и я дам его, если смогу. Хотя в том, что касается потомства, я не очень хорошо разбираюсь.

— Я не о потомстве, Уид, — произнесла Хенбейн слабым голосом, способным смягчить сердце любого.

Она бросила быстрый настороженный взгляд на сидима, стоявшего поблизости, потом на Сликит и отвела Уида в сторону, к широкой трещине в стене, сквозь которую было видно глубокое ущелье. Только там не могут подслушать из-за рева ветра и воды.

Ее слабость, притворная любезность сразу испарились без следа. Она снова стала прежней Хенбейн.

— Уид, — сказала она холодно и достаточно громко, чтобы слышала Сликит, — все эти годы ты знал, что Рун — мой отец?

Уид не успел даже испугаться, так молниеносно Хенбейн прыгнула на него и придавила всей своей тяжестью. Лапы Хенбейн такой мертвой хваткой сдавили его шею, что он закашлялся. Она сильно толкнула его к проему в стене. Никто из сидимов и глазом моргнуть не успел. Когда же они опомнились, Уид уже висел на самом краю пропасти, а Хенбейн придерживала его левой лапой, держа правую наготове для первого же сидима, который осмелится подойти.

— Только троньте меня — и Уид немедленно умрет, — предупредила она.

Одни сидимы не решались приблизиться, другие кинулись звать Хозяина.

— Так ты знал? — Когти Хенбейн вонзились в тело Уида, брызнула кровь. Он беспомощно балансировал на краю обрыва.

— Хозяин… — начал было выкручиваться Уид.

Сидимы сообразили, что Уид хочет выиграть время, дать

шанс схватить Хенбейн, и стали медленно приближаться. Но Хенбейн быстро лишила их этой возможности. Она загородила расселину своим телом, и комната погрузилась во мрак. В ярости она впилась в Уида когтями и еще раз крикнула:

— Он мой отец, да или нет? Я все равно узнаю правду, Уид. Скажи мне, и тебе нечего будет бояться.

Уид понимал, что смерть ждет его в любом случае: если он солжет — то от когтей Хенбейн, если скажет правду — от когтей Руна, но сейчас его удерживали на грани жизни и смерти сильные, сжимающие шею лапы Хенбейн, и поэтому он предпочел сказать правду.

— Да, — прохрипел он.

Хрип Уида тут же перешел в вопль, пронзивший ущелье до самого дна. Хенбейн с торжествующим и злобным криком толкнула его прямо в бездну. Перевернувшись несколько раз в воздухе, он упал на выступ скалы, но тут же сорвался и полетел дальше. Через секунду его уже не было видно.

В гроте воцарилась тишина. Хенбейн обернулась к онемевшим старшим сидимам. В глазах их были ужас и уважение. Сликит просто молчала и неотрывно смотрела на свою госпожу. Хенбейн глубоко и тяжело дышала, бока вздымались и опадали.

— Теперь оставьте меня, — резко приказала она.

— И не подумаем, — раздался насмешливый голос. Сидимы расступились, показался Рун.

Он посмотрел на ее содрогавшееся тело безо всякого сочувствия и злобно ухмыльнулся.

— Оставьте меня, — вне себя закричала Хенбейн, чувствуя приближение родов, первую волну боли. — Оставьте меня! — вопила она.

Но Рун не ушел, напротив, он вместе с сидимами подошел поближе и внимательно наблюдал за каждым ее движением. Он заговорил о матери Хенбейн, подлой и злобной Чарлок, рассчитывая усугубить ярость Хенбейн.

Сликит подошла поближе, и Хенбейн инстинктивно прислонилась к ней.

— Скажи, чтобы они ушли, — умоляла Хенбейн Сликит.

Рун расхохотался, сидимы тоже улыбнулись. В аскетически запавших глазах было бесстыдное любопытство. Этим кротам, никогда не знавшим любви и нежности, нравилось подглядывать за беззащитной кротихой.

Рун с наслаждением продолжал говорить мерзости.

В какой-то момент Хенбейн внезапно успокоилась и овладела собой. Она прикрыла глаза, глубоко вздохнула… и мир и покой снизошли на нее. Она потеряла немного крови, но Сликит

справилась с этим. Сидимы вдруг устыдились, впали в беспокойство и бестолково засуетились. Рун замолчал.

Хенбейн глубоко дышала. В первый раз со дня исчезновения Триффана на нее снизошло умиротворение. Успокоившись, она получила едва уловимое преимущество перед Руном.

Недовольный Рун удалился, сидимы потянулись за ним. Холодный ноябрьский ветер задувал в трещину, слышался рев потока Доубер Джилл. Пошел снег.

Поздно ночью Хенбейн и Сликит разговаривали просто, как две кротихи.

— Я ощутила, как они шевелятся, когда все столпились и глазели на меня… Они мне не чужие! — сказала Хенбейн с удивлением и радостью, способность к которым она, казалось, давно утратила. — Я чувствую их. И не хочу, чтобы они погибли, Сликит.

— Тогда мы не должны допустить их гибели, — отозвалась Сликит.

— Да, да… Ты должна помочь им, что бы я ни говорила и ни делала. Возьми их отсюда, отнеси в надежное место. Ты должна обещать мне это, Сликит, пожалуйста!

Но Сликит могла лишь положиться на помощь Камня. Она знала, что сделает для детенышей все возможное, даже если это будет стоить ей жизни. После стольких лет сомнений в собственной вере Сликит убедилась, что вера ее крепка, а цель ясна. Именно такова ее миссия, именно для этого она здесь.

Через несколько дней схватки у Хенбейн возобновились. Сидимы-надзиратели сразу заметили это.

— Пошли! — сказали они. — Так велел Хозяин.

Хенбейн растерялась. Сликит спросила сидимов, куда они собираются вести Хенбейн.

— Служить Слову, — ответил один из них.

— К Скале Слова. На детенышей должны пасть грехи и преступления их матери, — добавил другой.

— Можно ли Сликит пойти со мной? — испуганно спросила ослабевшая Хенбейн. Живот ее сделался очень большим, казалось, его распирало изнутри.

— Еще бы она не пошла, — ответил сидим с грубым смехом.

Они отправились на юго-запад, в самую потаенную часть Верна, где бывали немногие. Даже Хенбейн ходила туда крайне редко. Вместо пещер и ходов, вымытых водой в известняке, здесь были тоннели, вырытые древними кротами. Местами подъем был крутой. Хенбейн приходилось тяжело. Иногда она задыхалась и останавливалась, жадно хватая ртом воздух, и тогда сидимы безжалостно подгоняли ее.

И хотя Сликит старалась замедлить ход всей процессии, ей это не очень-то удавалось.

Хенбейн было известно, что именно на этой скале Рун стал главой сидима при подлом пособничестве Чарлок, подруги предыдущего Хозяина. Грайки и охранники искренне верили, что их имена как верных слуг Слова будут торжественно записаны когда-нибудь на Скале Слова, но Хенбейн знала, что это место — место предательства. В конце концов они подошли к тоннелю с высоким сводом, вырубленному в известняке. Здесь все сидимы, кроме одного, и остались. Тоннель был такой узкий, что возможности развернуться и напасть на охранника не представилось. Все силы Хенбейн уходили на то, чтобы продвигаться вперед. Эта «прогулка» вполне могла ускорить рождение малышей.

Сидим, который шел сзади, остановился и сказал:

— Я дальше не пойду. Мы получили приказ убить вас, если вы попытаетесь вернуться без разрешения Хозяина. Да вразумит вас Слово. Идите.

Им ничего другого и не оставалось. Вскоре тоннель стал шире и еще выше. Они сделали поворот и оказались в зале, откуда была видна Скала Слова — мрачный утес, стоявший абсолютно вертикально, черный, но странно мерцающий в темноте.

Источником света было озеро у подножия утеса. Вода переливалась различными цветами: холодным серым, черным, темно-синим, желтым. Скала сначала казалась просто темной, но со временем, когда глаз привыкал к освещению, выглядела, скорее, черно-серой. Страшный и нескончаемый гул, похожий на далекие раскаты грома, заставлял вслушиваться в ожидании чего-то еще более страшного, являлись ли эти звуки шумом воды или ревом ветра — трудно сказать.

Рун был уже здесь, один. Он припал к земле у пещеры, откуда брал начало поток, питавший озеро.

— Пришло твое время родить детенышей, — сказал он, подозвав к себе Хенбейн.

— Они тебе не будут принадлежать! — воскликнула Хенбейн, корчась от боли.

— Они принадлежат Слову, — спокойно заметил Рун.

— Нет, мне, — возразила Хенбейн.

— Не спорь, дорогая, это тебе вредно. Иди сюда, здесь тебе будет приятнее.

Действительно, ровная площадка была удобнее, чем каменистый берег озера. Хенбейн с трудом втащила туда отяжелевшее тело и попыталась устроиться поудобнее. Сликит

осматривалась в надежде найти путь к спасению.

Пещеру она отвергла сразу. Сликит никогда не приходилось видеть скалу, источающую воду, как здесь. Над их головами заостренными сосульками висели сотни тысяч сталактитов самых странных цветов. С их кончиков то и дело срывались капли воды: тут и там слышалось безостановочное плоп, плип, плюп. За много столетий здесь образовалось множество круглых коричневато-зеленых и коричневато-желтых наростов. По размеру они были больше кротов и внушали суеверный ужас. Сталагмиты влажно блестели, как живые, между ними вился ручей; казалось, что они двигаются! Зловещее впечатление усиливалось тем, что по форме наросты очень напоминали полуразложившиеся трупы кротов.

— Добро пожаловать к Скале Слова, — произнес Рун. — Здесь суждено родиться твоим детям.

Его резкий голос, неприятно усиленный эхом, в конце концов замер где-то в вышине.

— Ты кажешься испуганной, Хенбейн. И ты, Сликит. Чего вы боитесь?..

Казалось, его слова скользят между ними, чтобы их разделить. Хенбейн вздохнула. Ей было не по себе.

— Я боюсь тебя, — сказала она.

— Я боюсь Слова, — прошептала Сликит, дрожа. Это больше не было правдой, но она должна была сказать это и сразу ощутила на себе сверлящий взгляд Руна. Она пыталась все обдумать и рассчитать, потому что знала, роды у Хенбейн начались и теперь она, Сликит, должна сделать все возможное для спасения детенышей. Она в отчаянии взглянула в ту сторону, куда убегал ручей, нет ли там выхода, но увидела лишь полумрак.

— Детеныши не умрут, — проворковал Рун, будто прочитав их мысли. — Нет-нет, я приказал оставить твоих малышей в живых. Они получат особое воспитание, а потом… — Он улыбнулся.

— Что потом? — спросила Хенбейн.

— Позвольте мне теперь показать вам то, что видели очень немногие. — Он указал левой лапой в сторону пещеры. — Здесь заключена подлинная история Верна, — сказал он.

Сначала они не догадались, что он имеет в виду. У Хенбейн уже были частые схватки, она то и дело заходилась от боли. А Рун, будто ничего не замечая, говорил о каких-то пустяках. Хенбейн могла бы все же догадаться, к чему он клонит. Но чем дольше кротихи смотрели на страшные сталагмиты, тем больше крепло в них ужасное подозрение.

А Рун между тем нашептывал:

— Смотрите, смотрите на них. Вот они, бывшие Хозяева сидима. Здесь они застыли в вечной медитации. И вода сделала для них саркофаги.

Наконец стало понятно: наросты напоминали по форме кротов, потому что это и были кроты, мертвые кроты, замурованные в эту живую скалу! Здесь они умерли или погрузились в последнюю медитацию, из которой никогда не выходят. Это был склеп Хозяев, и именно это место было выбрано Руном для родов Хенбейн.

Хенбейн испустила отчаянный вопль ужаса или боли, а может быть, того и другого.

Рун небрежно указал на жутких истуканов:

— Все они здесь, и сам. Сцирпас тоже. Смотри!

Даже Хенбейн вся выгнулась в последней потуге, она не могла оторвать глаз от огромной фигуры, самой большой, видно, потому, что стояла здесь дольше других. Внизу были различимы очертания огромных лап, сросшихся с полом, длинные когти, выросшие уже после смерти! Казалось, они ждали случая вонзиться в добычу. Сликит с нарастающей паникой смотрела на мертвые фигуры, живущие какой-то таинственной жизнью. Они были влажные, а цвет их напоминал цвет темной венозной крови. Сликит перевела взгляд на головку детеныша Хенбейн, который уже готов был появиться на свет. В конце концов Хенбейн со стоном вытолкнула своего первенца.

Детеныш казался уменьшенной копией этих гигантских уродливых фигур. Он еще не дышал и был обвит пуповиной. Рун смотрел на него молча. Сликит спокойно стояла, повинуясь инстинкту, который подсказывал ей не вмешиваться.

Потом показался второй детеныш, исчез и опять показался, на этот раз уже почти весь. Вскоре он лежал мокрым слепым комочком рядом с первым. Первый вдруг судорожно вздохнул, закашлялся и запищал, слабо вторя крикам Хенбейн. Потом и второй стал подавать признаки жизни.

А капли со сталактитов все падали и падали на неподвижных кротов, замурованных в камне, мертвых и тем не менее отвратительным образом растущих.

— Само Слово говорило со мной, Хенбейн, — выкрикнул Рун, как будто обезумев от зрелища родов. — Ты носила детенышей данктонского крота, который был близок к Камню и которого любил Босвелл. Босвелл мертв, Триффан хорошо знал его, и немногие камнепоклонники, оставшиеся в кротовьем мире, тоже знали его. Я опасался могущества Камня и хотел узнать, что скажет Слово. Уид посоветовал мне уничтожить твоих детенышей, но Слово судило иначе и сделало тебя

исполнительницей своей воли, убившей Уида. По крайней мере, это тебя отчасти оправдывает. А твои дети…

В этот момент Хенбейн глубоко вздохнула, закричала и попыталась вытолкнуть еще одного.

— Кричи, вырви свою боль! Эти детеныши будут воспитаны Высоким сидимом, один из них станет Хозяином после меня. Так решило Слово. Кричи, кричи, Хенбейн! Пусть твои крики будут громкими и радостными, пусть весь мир узнает, что мы даже детей Триффана сделали приверженцами Слова! Вот как могущественно Слово, вот как слаб поверженный Камень!

Рождался третий детеныш. Он оказался темнее и меньше, чем первые два, но это был нормальный, жизнеспособный кротенок.

Как только Хенбейн перестала кричать и корчиться и смогла наконец полюбоваться на своих детишек, Рун удалился. Прежде Сликит представить себе не могла такую радость и удивление в глазах Хенбейн. Она вылизывала и нежно покусывала детенышей, которых выносила и родила.

Они поскуливали, а Хенбейн им что-то нашептывала. Потом оглянулась на Сликит, свою единственную помощницу, и сказала, но не своим обычным властным тоном, а с удивлением подростка, который впервые вышел на прогулку один и вернулся, чтобы с восторгом рассказать об этом:

— Я родила их, Сликит!

Рун незаметно и тихо ушел за ожидавшими его сидимами.

Хенбейн, черпая последние силы в своей измученной душе, достойная в этот момент уважения всего мира, горячо и торопливо зашептала Сликит:

— Возьми их, Сликит, и сделай, как я тебе сказала, помоги им, спаси их…

Пока Сликит беспомощно оглядывалась вокруг, пытаясь сообразить, куда бежать, Хенбейн поняла, что Рун исчез, чтобы привести сидимов и забрать ее детей. Тогда она, с трудом волоча свое истерзанное тело, пошла за ним. Позади тянулся кровавый след. Новорожденные лежали на прежнем месте, будто принесенные в жертву Слову.

Но они не были принесены в жертву. Когда появились сидимы, Хенбейн встала в угрожающую стойку, готовая защитить своих детей от злобного крота, когда-то давшего жизнь ей самой.

— Спаси их! — крикнула она Сликит еще раз, и слова ее были подхвачены эхом. — Спаси их!

Все — и Сликит, и детеныши, и застывшие фигуры бывших Хозяев, — все ждали чего-то или кого-то… И этот кто-то был здесь.

Он пошевелился. Его мокрая блестящая спина, его рыльце,

его длинные когти — все это двигалось!

Сликит смотрела на ожившую фигуру широко раскрытыми от ужаса глазами. Сидимы вопили от страха. Сликит чуть было не умерла от испуга, когда «мертвое» тело стало не только двигаться, но и открыло рот.

Мэйуид! Мэйуид, притворившийся одним из замурованных в камне бывших Хозяев! Изобретательный, неисчерпаемый на выдумки Мэйуид!

— О ошеломленная госпожа, здравствуй! Я, смиренный, появился из этой сырости, где прятался слишком долго, и теперь буду краток и перейду прямо к делу. Мы, злополучные, можем взять с собой лишь двух детенышей, поэтому решай!

— Я не знаю, я не могу… — пролепетала действительно ошеломленная Сликит.

Детеныши тем временем лезли друг на друга, бестолково тыкались один в другого своими маленькими рыльцами в поисках материнских сосков — крохотные комочки с пока еще не раскрывшимися глазками, розовыми подушечками лапок, мягкими коготками.

Сликит решилась.

— Этот и этот, — сказала она, взяла одного и указала на второго, что был поближе.

— Сюда, госпожа, — поторопил Мэйуид, указав на тень под лапами огромной фигуры, которая когда-то была Сцирпасом.

Когда Сликит побежала туда, схватив зубами за загривок одного из детенышей, Мэйуид посмотрел на второго, избранного ею. Этот был меньше и темнее, чем другие. Он не понравился Мэйуиду. Почему-то в этот миг ему представился бесконечный тоннель, не обещающий ничего хорошего, и интуиция Мэйуида, развитая сильнее, чем у любого другого крота, подсказала ему: не нужно брать этого малыша. Мэйуид лучше всех умел определять правильную дорогу. Вот и сейчас, в этот момент, он должен был выбрать наилучший путь для всего кротовьего мира!

— Да простится мне, ничтожному, если я ошибся! — проговорил Мэйуид и, оставив детеныша, выбранного Сликит, взял другого, посветлее.

Мэйуид быстро последовал за Сликит, догнал ее там, где начиналась тень, и повел в тоннель, пройдя который, они, если будет угодно Камню, выйдут к свету.

Хенбейн видела, что Сликит и Мэйуид унесли двух кротят, а если не видела, то почувствовала, потому что, испустив крик утраты, она нашла в себе силы задержать преследователей и убить на месте первого сидима, который осмелился приблизиться, а потом отшвырнуть второго. И тут наконец

Хенбейн отомстила за позор своего рождения. Она всем телом навалилась на Руна. Никто не смог бы остановить ее тогда, сидимы стояли как вкопанные.

Они бесстрастно наблюдали, как Хенбейн, собрав последние силы, приволокла Руна на плато, где до сих пор лежал ее последний детеныш. Рун даже не сопротивлялся, когда она забросила его на плато, а следом забралась сама. Пока маленький черный кротенок поднимал слабенькую головку, она схватила когтями его деда и с силой ударила об одну из блестящих фигур, затем о другую и наконец добила, швырнув на самый большой нарост — на Сцирпаса.

И вот сверху упала первая капля из миллионов капель, что еще упадут, и тут же на окровавленном мехе появилось блестящее пятнышко — начало конца Руна под этим подземным дождем бессмертия.

Хенбейн отвернулась и медленно пошла к малышу, взглянула на него, а потом, не обратив никакого внимания на сидимов, устремила долгий взгляд на Скалу Слова. Она с достоинством поклонилась и вошла в священное озеро, погрузив темные тело и душу в темные воды, чтобы очиститься в их холоде.

Когда Хенбейн вылезла и отряхнулась, она подошла к детенышу. Улеглась, обвив его своим телом, и нежно подтолкнула его рыльце к соску. Умиротворенная, она наконец подняла глаза на сидимов, столпившихся вокруг.

— Каковы будут твои распоряжения, Хозяйка Слова? — спросил самый старый из них.

Она улыбнулась. Тело еще плотнее обняло единственного кротенка, который с жадностью сосал. Хенбейн еще раз оглянулась на Скалу и опять удовлетворенно улыбнулась. Это была прежняя Хенбейн. Она справилась с собой и была теперь совершенно спокойна.

— Найти и убить их.

— И детенышей?

— О да, — прошептала она, лизнув своего последнего и единственного, — именно детенышей в первую очередь. Мне нужен только один, вот этот.

Только одного я должна воспитать. Других найдите и убейте.

Несколько сидимов кинулись туда, куда убежали Мэйуид и Сликит, другие отправились к выходу; оставшимся рядом Хенбейн приказала:

— Принесите мне еду. Я останусь здесь на несколько дней, а затем вернусь в свою нору. Пусть весь Верн узнает, что Хозяин умер и теперь у них будет Хозяйка.

— Мы всех оповестим, — отозвались сидимы. — Да

здравствует Хозяйка!

— Она будет здравствовать, — с победоносной улыбкой прошептала Хенбейн.

Воцарилась тишина. Слышны были лишь всхлипы падающих капель да причмокивание детеныша.

— Да здравствует Хозяйка и ее детеныш! — воодушевленно промолвили сидимы.

Скала Слова переливалась разными цветами, воды самого темного озера в кротовьем мире, казалось, нашептывали что-то своему новому сыну.

Часть II. Пришествие Крота Камня

Глава двенадцатая

Наступил декабрь. Первые же снегопады изменили западный склон Верна, выбелив его нижнюю часть, так что крутые, более высокие скалы казались теперь еще чернее.

Много ниже, у подножия южных склонов, не ведая о тени, притаившейся поблизости, и о том, что в Верне уже наступила и утвердилась зима, двое кротят, почти подростков, резвились в снегу, радуясь его свежему хрусту и слепящей белизне.

Они с удивлением трогали снег, хихикали и хохотали, с восхищением любовались, как он мягко падает со свинцового неба, трясли одинокую кривую березу. Снег бесшумно валился со ствола и ветвей прямо на них, спрятавшись в расселине, из которой и росло дерево.

— О полные сил молодые кроты, надо слушаться Сликит, идите есть! — послышался знакомый голос; они потрусили на зов и накинулись на пищу, принесенную теми, кто о них заботился. Никто не мог увидеть этих кротов, никто не подозревал, что они прячутся здесь, в самом сердце Верна.

Изобретательный Мэйуид взглянул на кротят, потом на Сликит, которая ответила ему ласковым взглядом. Однако во взгляде была и тревога. Мэйуид и Сликит по воле обстоятельств и складу характеров научились в полной мере доверять друг другу и читать друг у друга в глазах.

❦

Удача сопутствовала отважным Мэйуиду и Сликит в тот день, когда они, взяв двух детенышей Хенбейн, бежали из мрачного зала с каменными нерукотворными изваяниями. Они бежали быстро, и Мэйуид ни разу не оглянулся, он знал, что Сликит не отстанет. И потом, когда они вышли наружу и когда Мэйуид вел ее по торфяникам к известнякам, пронизанным трещинами, к опасному Лабиринту. За ними охотились, шли по их следам, высматривали снизу и сверху. Но двое беглецов то высовывались из вереска, то снова пропадали. В конце концов они стали задыхаться от быстрого бега и спотыкаться от усталости. Тогда Мэйуид на минуту положил, свою ношу на землю и сказал:

— Госпожа, меня преследовали раньше и, думаю, еще будут преследовать. В Верне погоня — обычное дело. Я, ничтожный, остановился, чтобы сказать: доверься Мэйуиду, госпожа, и мы спасемся. Нашим убежищем станет зловещий Лабиринт, который

Мэйуид тщательно обследовал. Он сомневается, что сидимы пойдут в Лабиринт, но, если даже они решатся на это, заблудятся, а Мэйуид пройдет дорогой, известной одному ему. Доверься Мэйуиду, следуй за ним, госпожа, и все будет хорошо. — И, улыбнувшись, добавил: — Я надеюсь.

После этой, по мнению Мэйуида, утешительной речи, которая должна была избавить его от объяснений в дальнейшем, Мэйуид снова схватил детеныша и побежал, держа курс прямо на сидимов, ожидавших их как раз под маленьким выступом поблизости от входа в Лабиринт.

Сзади послышались предупреждающие крики преследователей, впереди сидимы сбились в кучу, готовые преградить дорогу двум кротам, державшим в зубах детенышей.

Потом Мэйуид как будто заколебался. Сликит догнала его и остановилась. Сидимы ослабили внимание. Быстро кивнув Сликит, Мэйуид рванулся прямо ко входу в Лабиринт, мимо сидимов, которые все еще не пришли в себя. Сликит успела проскочить за ним. Мэйуид свернул налево потом направо, опять налево и еще раз налево, потом опять направо, и вот уже крики преследователей замерли далеко позади:

— Они пропали! Они погибнут! Надо стеречь вход и выход, на случай, если, по милости Слова, они найдут дорогу!

Мэйуид продолжал идти, сворачивая то в одну, то в другую сторону, попадая в тупики, выискивая обходные пути. Сликит покорно следовала за ним. Наконец он замедлил ход, потом остановился и положил свою ношу на землю. Сликит сделала то же самое.

— Но мы действительно никогда отсюда не выйдем! — ужаснулась Сликит и с опаской посмотрела вверх, на недосягаемое небо.

— Мэйуид не раз слышал это о Лабиринте, госпожа, но Мэйуиду случалось приходить сюда и выбираться отсюда. Да, смиренному Мэйуиду доводилось выходить отсюда целым и невредимым.

— Но как? — удивилась Сликит.

— С большим трудом, госпожа. Мэйуида нелегко испугать, но ему бывало страшно, ему и сейчас страшно.

— Разве ты не знаешь, где мы находимся? — прошептала она встревоженно.

— Мэйуид с сожалением должен признаться, что не имеет ни малейшего понятия. Но не все потеряно. Не надо сходить с ума: в данный момент мы в безопасности. Сидимы послоняются около входа и примут наше отсутствие за доказательство смерти. А Мэйуид, в свою очередь, сочтет подобную уверенность за

свидетельство негибкости их ума. Нельзя считать крота мертвым, если ты не видел его труп. — Мэйуид подошел поближе к Сликит: — О подруга по несчастью, поговорим теперь о приятном — о пище в Лабиринте. Черви? Не много, но есть. Слизняки? Достаточно. Пауки? Много. Мы не будем голодать, госпожа, поэтому останемся здесь. Ты позаботишься о детенышах, а я, смиренный, начну искать путь к южной части Лабиринта. И так мы дождемся дня, когда детеныши подрастут и смогут передвигаться сами. Когда все будут считать нас погибшими, мы ускользнем незамеченными и отправимся в Грассингтон, к старым друзьям и новым ходам.

— Но у меня не было детей. Мне никогда не приходилось ухаживать за кротятами.

— Ах да… — пробормотал Мэйуид, взглянув на беспомощные пищащие комочки. Однако он тут же принял самый победоносный вид, на какой был способен со своим невзрачным телом и потертым. рыльцем. — У меня для госпожи две новости: хорошая и плохая. Хорошая состоит в том, что госпожа больше не бездетна. А плохая — в том, что кротят двое. Мэйуид осмеливается предложить госпоже нажевать червей и положить их в ротики малышам; правда, Мэйуид предпочел бы не видеть такого кормления. Однако даже он может показать, как это делается.

Детеныши выжили, оказавшись на попечении двух весьма и весьма неопытных кротов, — видно, им была уготована долгая жизнь. Редко можно встретить родителей столь неуклюжих, нетерпеливых, вспыльчивых, а иногда и безразличных, как эти двое: Сликит и Мэйуид.

Однако кроме перечисленных они обладали еще одним качеством, которое компенсировало все остальные, — умением любить. Каждый из них дал себе обет заменить этим малышам родителей: Мэйуид — Триффана, а Сликит — Хенбейн. И они не опускали лап, как бы трудно ни было. Мэйуид и Сликит устали, стали раздражительными и нетерпеливыми, но первые критические недели они выдержали, детеныши выжили, и… они были под защитой и покровительством Камня.

Постепенно кротята научились ползать, потом держаться на лапках, смотреть, смеяться, даже пытались говорить… Сликит и Мэйуид впервые немного успокоились и вдруг поняли, что теперь, когда на них неожиданно свалились эти непонятные родительские обязанности, они узнали друг о друге гораздо больше, чем узнают другие за всю жизнь.

— Госпожа, — сказал однажды Мэйуид, — один из детенышей — он, а другой — она, и ни у того ни у другой нет

имени!

— Хеабелл и Уорф, — мгновенно предложила Сликит.

— Госпожа! Так быстро?! — воскликнул Мэйуид, удивленный и восхищенный.

— Я давно уже придумала эти имена, — призналась Сликит.

— Мэйуиду кажется, высокоумная Сликит вспомнила, что их родители тоже так получили свои имена: она — по названию цветка, а он — по названию места, хотя оба имени довольно печальны. Госпожа сделала поистине мудрый выбор.

— Колокольчик я впервые увидела высоко, на Аффингтонском Холме. И, глядя, как он покачивается на ветру, я впервые подумала, что есть иной путь, кроме Слова. У этой малышки в характере чудесная легкость, она заставляет вспомнить колокольчик.

А Уорф — это река, чистая и с сильным течением, которое ничто не остановит. И этот — такой же. Вот почему я выбрала эти имена.

— Мэйуид восхищен: госпожа — просто поэт!

Сликит вздохнула и спокойно произнесла:

— Во имя Слова я сделала в своей жизни многое, чего сейчас стыжусь! Теперь у меня наконец есть возможность встать на путь Камня. Не знаю, смогут ли меня принять последователи Камня такой, какая я есть, я воспитывалась в Верне и не привыкла к обычаям последователей Камня. Но ведь ты, кажется, принял…

— Я, госпожа, принял тебя? Я, ничтожный, благодарен милостивой госпоже за то, что она принимает меня и оказывает мне честь, говоря со мной! Мэйуид надеется, что со временем Сликит увидит, что в этом невзрачном теле бьется сердце столь же доброе, как у всякого другого крота, верующего в Камень.

Они смотрели друг другу в глаза и были очень взволнованны. Они могли бы сказать друг другу больше, подойти ближе и коснуться друг друга, как хотелось этого обоим… Но прибежали малыши. Их широко раскрытые глаза излучали радость и любопытство. Снег медленно падал, погода пока была хорошая, но небо уже приобрело зимнюю холодную окраску.

— О жизнерадостная Хеабелл и ты, храбрый Уорф, послушайте, что вам скажет Мэйуид. Подойдите поближе к Сликит.

Дети послушно подошли.

— Итак, разве вы не смелы? Конечно смелы. Разве не бесстрашны? Конечно бесстрашны! Рассказывал ли я вам о Камне? Нет, не рассказывал. Что ж, я не самый лучший рассказчик, и Сликит пока — тоже. Но Камень существует, он спасет и сохранит вас; ведь чтобы спастись, недостаточно даже

очень крепких и острых когтей. Снег означает зиму, а зима — неважное время года в Лабиринте. Итак, нас обкидают… приключения!

Хеабелл и Уорф переглянулись. Они поняли не столько слова, сколько озабоченность Мэйуида. Значит, они покинут наконец эти высокие стены и увидят, что за ними. Они еще теснее прижались друг к другу.

— О юные кроты, — продолжал Мэйуид, — посмотрите кругом в последний раз. Это был ваш первый дом, который вам сейчас предстоит покинуть. Следуйте за мной и знайте, что Сликит идет сзади. Делайте, как мы скажем, доверяйте нам и… помните это место!

Дети, которые только-только начали говорить, молча кивнули. Хеабелл заплакала, нахмурился и Уорф. Трогательно сдерживая слезы, они приготовились к путешествию, пообещав:

— Мы будем очень стараться.

И они отправились в путь: Мэйуид — впереди, за ним — дети, Сликит шла последней. Она терпеливо ждала, когда Уорф останавливался посмотреть на дерево, под которым они с сестрой играли, или еще на что-нибудь, что он хотел хорошенько запомнить. Он теперь отмечал про себя каждый поворот, как это делал Мэйуид, запоминал дорогу, как настоящий следопыт.

Хеабелл глубоко вздыхала, и Сликит улыбалась, глядя на нее. В эти моменты малышка напоминала свою мать, Хенбейн. Но не ужасную Хенбейн, грозу кротовьего мира, а другую, однажды доверившую Сликит свою радость, когда почувствовала в себе шевеление детенышей. Теперь эти детеныши были здесь, живые и невредимые, и Сликит, воспитанная как сидим, вдруг почувствовала себя матерью. Но она не собиралась забывать, чьи это дети и что они могли унаследовать. Когда-нибудь она честно расскажет им об этом. Кроту, который смотрит в будущее, лучше знать и о прошлом.

Мэйуид вывел их из Лабиринта южной дорогой. Они оставили мрачный Верн позади и теперь пробирались в Грассингтон. Они ушли вовремя. Над Верном уже собирались черные тучи, холодный зимний ветер крепчал, зима покрыла все своей белой пеленой.

❦

Когда холодный ветер настиг Триффана и Спиндла, они уже перевалили через Темную Вершину и спускались к югу.

Сначала Триффан передвигался очень медленно и с большим

трудом, потому что плохо видел, а лапы были изранены и слабы. Но постепенно к нему вернулись силы, и, хотя голову покрывали страшные рубцы, а зрение оставалось так себе, лапы зажили и он уже мог идти довольно быстро.

Чтобы облегчить Триффану путь, Спиндл старался идти вдоль дорог ревущих сов. Хотя это и рискованнее, но зато земля там более гладкая. Они старались идти ночью, и горящие глаза ревущих сов задолго предупреждали их об опасности. Еще одно преимущество маршрута состояло в том, что, кроме них, ни один крот там не ходил. Встретились лишь грач и пустельга, для которых крот — не такая уж легкая добыча, особенно если крот готов пустить в ход когти.

Они многое узнали о ревущих совах. За время, проведенное в Вене, кроты привыкли к их постоянному шуму и дыму; избегать взглядов ревущих сов они тоже научились. Эти совы двигались слишком быстро, чтобы замечать кротов.

Таким образом, к середине декабря, когда выпал первый снег, Спиндл мог уже сказать Триффану:

— Мы прошли больше половины пути, Триффан, и ты окреп. Вот она, сила молитвы! Есть надежда, что мы доберемся домой!

Триффан печально улыбнулся и промолчал. Спиндл стал привыкать к такому настроению друга. Путь назад был совсем не похож на дорогу в Верн. Тогда Триффан часто встречался с кротами и рассказывал им о Камне, а теперь они пробирались тайком. Триффан считал возвращение временем размышлений и не хотел никого видеть. Иногда они забивались в какую-нибудь нору, прячась от холода, и сталкивались со случайными кротами.

— Вы бродяги? В такую погоду надо сидеть в своей норе, — говорили им обитатели нор, а потом добавляли уже потише, обращаясь к Спиндлу: — Твой дружок-то совсем плох, как я посмотрю. Попался в лапы лисе? Он долго не протянет… А куда вы идете?

— Искать целителя по имени Крот Камня, — обычно отвечал Спиндл.

— Отличная шутка, приятель, но я бы на твоем месте так не шутил. Эта система теперь принадлежит Слову, здесь не говорят о Камне…

— Крот Камня скоро явится, — отвечал Спиндл.

— Возможно. А вы, значит, отправились искать его? Что ж, наверное, только он один и сможет помочь твоему другу. А целителей теперь не осталось! Если кто-то заболевает, значит, такова воля Слова!

Странно, но никто из встреченных не выдал их грайкам. Может быть, помогая бродячим последователям Камня, они

выполняли внутреннюю потребность души. Кроты часто приносили им поесть и позволяли отдохнуть в своих норах. Немало было и таких, кто приходил потом пожелать счастливого пути и благополучного возвращения домой. И совсем немногие крепко сжимали лапу Спиндла, чувствуя в нем веру, которую они не решались открыто исповедовать, и шептали:

— Если вы найдете Крота Камня, назовите ему наши имена. Мы помогли вам ради него!

Когда кроты уходили, Спиндл говорил Триффану:

— Камень не оставил нас, Триффан, он посылает нам помощь. Мы дойдем домой! Скоро опять будет Самая Долгая Ночь, и, может быть, к тому времени мы найдем Камень, чтобы помолиться и дотронуться до него. Это тебе поможет.

Но Триффан все глубже уходил в себя, в свою веру и свои сомнения. Когда он спотыкался, Спиндл не знал, объясняется ли это только поврежденным зрением или причина глубже — в душе.

Самая Долгая Ночь приближалась. Но Спиндл боялся, что они ее не увидят, замерзнув в пути: давно уже не было такой ужасной погоды. Дул северный ветер, такой ледяной, что временами казалось, дыхание застывает в горле. Замерзли ручьи, вымирали черви, даже в самых глубоких ходах холод пробирал до костей.

Ветви деревьев с треском ломались и падали; иногда ветер на какое-то время прекращался, тогда все вокруг стояло неподвижно, скованное морозом, птицы устраивались на ночлег и, закоченев, падали на землю. Лисы рвали на куски их мертвые тела. Это было страшное время, и все же Спиндл не переставал верить в помощь Камня, и они продолжали идти. Они продолжали идти, даже когда возобновился дикий, сумасшедший ветер, от которого все живые существа искали укрытия.

За несколько дней до Самой Долгой Ночи погода стала такой невыносимой, что перед ними встал выбор — спрятаться или умереть. Поесть можно было только замерзшую падаль, и Спиндл притащил ее в подобие укрытия, где кроты спрятались от ревущей снежной вьюги. Земля превратилась в выветренную ледяную корку, а в лесах все было завалено снегом.

Наступила Самая Долгая Ночь. Сумрак куполом накрыл весь кротовий мир. Ветер утих, падал снег. Камни стояли одиноко. Никто из кротов не осмеливался подходить к ним: ни в Эйвбери, ни в Роллрайте, ни в Кэйр Карадоке, ни в Аффингтоне, ни в Данктоне, ни в Файфилде, ни в Шиборде. Камни были оставлены. Великие Камни впервые за долгие столетия, с тех пор как явился великий Бэллаган, были покинуты. Поистине всюду властвовали грайки. Однако везде оставались еще кроты, которые по крайней мере думали в этот день о Камне. Еще меньше было тех, кто

пустился в путь в эту ночь, но из-за холода не смог выбраться на поверхность и приблизиться к Камням. Грайки властвовали на земле, но не в сердцах кротов.

Может, были и такие, кто высунул рыльце на поверхность и всматривался в темноту, когда пришел час празднования. Так поступил Спиндл. Но воздух оказался странно тяжелым и холодным, земля растрескалась от мороза, небо темно-серое, как сама смерть, деревья, трава, скалы, замерзшая вода — ничто не двигалось. Да, Спиндл, как многие другие, выглянул наружу и тут же спрятался снова.

— Сегодня наверху опасно, Триффан, — проговорил он, — кажется, весь мир притаился и не решается двинуться. Невероятно холодно! Лучше нам помолиться прямо здесь.

Тут Триффан зашевелился. И потянулся рыльцем к выходу. Он явно был встревожен: то подходил к выходу, то возвращался обратно. Становилось все темнее. Ветер совсем стих, а мороз буквально обжигал.

— Лучше не выходить, Триффан. Лучше остаться.

Здесь поблизости нет Камня…

— Всегда есть Камень, — уклончиво ответил Триффан.

— Что тебя беспокоит? Ты хотел бы отпраздновать Самую Долгую Ночь?

— Кротовий мир ждет. Пришла Самая Долгая Ночь. Нет сегодня последователя Камня, который не ждал бы знака. Нас мало, мы угнетены и разобщены, но уверяю тебя, Спиндл, многие сейчас ждут, как мы с тобой. Он придет, Спиндл, и я уверен, Камень даст нам надежду. Пойдем со мной наверх и будь моими глазами, я еще плохо вижу. Посмотри, нет ли там Камня или кого-нибудь из кротов. Пойдем, Спиндл…

До сих пор он говорил тихо и спокойно, и вдруг рванулся и, не слушая предостережений Спиндла, полез из норы в морозную ночь. Когда Спиндл попытался удержать его, Триффан с неожиданной силой, присущей одержимым, оттолкнул его. И Спиндл отпустил его в снежную пустыню, на поиски Камня. Сам же последовал за Триффаном, чтобы не дать ему потеряться и погибнуть; и Спиндлу, с его острым зрением, удалось увидеть то, чего не видел Триффан. Воздух был все еще мертвенно спокоен, но высоко в небе бесстрастные, тяжелые облака начали рассеиваться.

❦

Триффан был прав, последователи Камня во всем кротовьем

мире ждали этой ночью знака. Позже многие будут рассказывать о своем ожидании и как они его дождались.

Глубоко в Вене данбарские кроты изо всех сил цеплялись за жизнь, но уцелели немногие. В это самое время Фиверфью ждала у выхода на поверхность, на восточном склоне холма. Это был не ее тоннель. К югу от места, где она находилась, лежал Вен, тихий, как всегда; мерцали его огни, чернели дали, слышались приглушенные звуки, издаваемые двуногими и редкими ночью ревущими совами, чьи глаза видны были издалека.

Неподалеку от Фиверфью сидел крот и смотрел на нее, но она его не замечала. Это был Хит, которому Старлинг поручила Фиверфью, хотя он оберегал бы ее и без просьбы Старлинг. Фиверфью нравилась ему, и, кроме того, все эти кротовьи годы, пока не было Триффана, она была так добра к их детям, часто рассказывала им о Камне, о почти забытых традициях и обрядах.

Уже многие месяцы Фиверфью болела и грустила, а с октября она просто не находила себе места. Болезнь распространилась ниже, зрение и слух притупились, лапы постоянно ныли.

«Смотри за ней, Хит, я не могу оставить детей в Самую Долгую Ночь, — сказала Старлинг. — Следуй за ней, куда бы она ни пошла, и повторяй молитвы, которым она научила нас».

И Хит последовал за Фиверфью, оберегая ее, как Спиндл в это время оберегал Триффана. В эту ночь двое искавших Камень и двое охранявших их оказались на поверхности, на лютом морозе. Небо всей своей тяжестью навалилось на землю, стараясь убить на ней всякую жизнь и надежду. Двое кротов искали Камень.

Потом, как по волшебству, с востока подул ветерок, нарушил давящую неподвижность. — Сначала ветерок был очень слабый, а потом усилился, это был добрый, радостный ветер. Пожухлая трава зашевелилась рядом с выходом из тоннеля, где сидела Фиверфью. А там, где был в это время Триффан, качнулись самые тонкие ветви деревьев. И над ними обоими плыли облака, постепенно наполняясь светом. Над Веном это выглядело изумительно красиво. Кроты Вена, привыкшие к туману в низинах, из-за которого они всегда видели небо сквозь дымку, теперь увидели его таким, каким оно сияло всем остальным жителям кротовьего мира. Сначала зажглась одна звезда, потом две, потом тысячи звезд. Да, это было сияющее и величественное небо Самой Долгой Ночи.

А что случилось потом, запомнил каждый, кто смотрел на небо. Появилась одинокая, большая яркая Звезда. Она зажглась на востоке, откуда дул спасительный теплый ветер. Эта Звезда притягивала к себе взгляды всех кротов, и они смотрели на нее в священном трепете. Никто никому не подсказывал, что надо

говорить этой Самой Долгой Ночью, но с удивлением и восторгом каждый шептал:

— Это знак. Явился Крот Камня!

Хит тоже смотрел на Звезду и с упоением шептал те же слова. И потому он не заметил, как Фиверфью кинулась вдруг в промерзший тоннель. Она бежала так быстро, как будто знала дорогу, которую когда-то долго искал Мэйуид. Она бежала из одного тоннеля в другой, и свет Звезды освещал ей вход за входом и проливался, яркий и чистый, на письмена Данбара.

Она бежала все быстрее, иногда касаясь стен тоннелей. А в это время в другом месте Спиндл тронул друга за плечо, чтобы Триффан поднял голову к небу и, как другие кроты, увидел Звезду, которая была знамением.

— Грядет Крот Камня! — воскликнул Триффан. — Видишь? Он дает нам знак! Грядет Крот Камня!

Он говорил радостно, как раньше, слезы лились из больных глаз и сияли в свете Звезды. Спиндл знал, что теперь надежда в душе Триффана воскреснет, а вера окрепнет после этих слез, пролитых при свете Звезды надежды Самой Долгой Ночью.

Все звезды на небе засияли ярче. Потрясенные кроты шептали:

— Эта Ночь — Самая Долгая. Это поворот к свету. Скоро будет свет, грядет Крот Камня!

А Фиверфью все бежала по тоннелям, освещенным звездами, минуя письмена, оставленные когда-то ученым кротом; в письменах этих говорилось: однажды явится Крот Камня. Фиверфью оказалась наконец у грота, вход в который загораживала каменная глыба, чтобы ни один смертный крот не мог бы ее отодвинуть. Припав к земле, она внимала звучному эху, которое было гласом мудрости, обращенной к молодости, к будущим поколениям. Наконец эхо угасло, и осталось лишь одно слово:

— Слушай!

Фиверфью поняла, что уловила зов грядущего Крота Камня. Он был еще далеко, но она знала, что зов обращен к ней. Как и многие другие кроты этой ночью, Фиверфью повторяла:

— Крот Камня! Крот Камня! — и смеялась от радости. Именно ее, последнюю молодую кротиху Вена, он звал помочь ему, собираясь вскоре явиться, и она была нужна ему. Фиверфью почувствовала: Камень с нею! Это он поведет ее, он осветит ей путь.

Фиверфью выбралась на поверхность. Сверху лился свет: с востока — для всего кротовьего мира, кроме Вена, а для Вена — с запада. В свете огромной яркой Звезды облезлое рыльце

Фиверфью казалось белым, а мех — густым и блестящим. Ее ждал Хит.

— Ты искал меня? — спросила Фиверфью.

Хит кивнул и хотел идти с ней.

Но она ласково дотронулась до его лапы и покачала головой:

— Нет, мой друг, не сейчас. Вы придете на его зов, но не прежде. Будь готов привести Старлинг, когда настанет время.

— Но ты заблудишься в тоннелях или тебя убьют! — возразил Хит.

— Камень ведет меня, он меля не оставит.

Прежде чем отправиться в путь, она вернулась к Старлинг, чтобы проститься.

— Приглядывай за ними получше, — прошептала Фиверфью, имея в виду детей и стариков, которые были еще живы.

— Мы будем стараться, — ответила Старлинг, — когда-нибудь мы тоже придем. Я позабочусь, чтобы они были живы и здоровы, и когда-нибудь мы придем, Фиверфью, многие придут.

Фиверфью радостно засмеялась. Хиту и Старлинг показалось, что звезды освещали землю, на которую ступали ее лапы, когда она отправилась на запад — выполнять свою великую миссию.

❦

— Почему мы сегодня идем ночью? — спросил крот, которого мало бы кто теперь узнал.

— Эту ночь запомнят многие кроты, и я бы хотел, чтобы ты тоже ее запомнил, — ответил Босвелл. — Нам идти не так уж далеко.

Бэйли посмотрел на старого крота с любовью. Босвелл помнил: когда-то у Триффана было такое же выражение. Сколько же лет назад это было? Босвелл не смог вспомнить точно: годы, кроты — все перепуталось. Должно быть, не так уж давно.

— Светло, как днем! — воскликнул Бэйли.

Он почти бежал этой звездной ночью. Бэйли, воспитанный Хенбейн, просто не мог бы так бежать. Того Бэйли Босвелл уничтожил. Вернее, тот Бэйли исчез где-то в долгом и суровом пути, он отпал, как падают сухие листья с дерева, постепенно обнажая крепкие ветки. Исчезли его грузность, его изнеженность, капризность и потливость непривычного к движению крота. В этом путешествии родился новый, никому доселе не знакомый крот. Теперь он выглядел старше, чем раньше, гораздо более сильным и стройным, в его походке чувствовалась уверенность, а когти стали крепкими. Теперь ему иногда случалось смеяться. Он

сохранил наивность и простодушную веселость, которой отличался, когда жил с сестрами Старлинг и Лоррен. Все они были детьми, Данктон еще принадлежал им, и в Бэрроу-Вэйле раздавалась детская болтовня и радостный смех.

Глядя на Бэйли в последние дни пути, когда цель путешествия была уже почти достигнута, Босвелл вспомнил, о чем подчас многие забывают: кроты могут меняться или, по крайней мере, сбросить с себя все темное, что овладевает порою их душами. Но Босвелл знал также, что не проходят бесследно старые испытания судьбы. Отсюда сумбур в мыслях и робость души бедного Бэйли, который считал себя недостойным, но больше всего на свете хотел встречи со Старлинг и Лоррен. Мудрый Босвелл тяжело вздохнул: сколько времени кроты тратят на переживания!

Но в эту ночь прошлое не омрачало душу Бэйли. Он смотрел, как и все остальные, на сверкающую Звезду. Он, вероятно, был одним из немногих, кто не знал и даже не догадывался, что эта Звезда знаменовала Пришествие Крота Камня.

— Что это за Звезда, Босвелл? — спросил Бэйли, стараясь закинуть голову повыше, потому что Звезда была над ним.

— Что за Звезда? — переспросил Босвелл, продолжая идти и не поднимая головы. — Все кроты знают, что это за Звезда. Ее появление значит, что грядет Крот Камня.

— О! Куда же мы идем? — воскликнул Бэйли.

— Теперь уже недалеко, — вздохнул Босвелл.

Бэйли посмотрел на старого крота сбоку, и ему показалось, что мех Босвелла сверкает даже ярче, чем искрящийся снег и даже сама Звезда. И в то же время Босвелл показался ему сейчас очень старым и таким слабым, что Бэйли захотелось оградить его от тягот пути.

— Я думаю, тебе лучше отдохнуть, — сказал Бэйли, — ты ведь очень стар!

— Не приставай ко мне с глупостями! — ответил Босвелл с некоторым раздражением. — Все остальные кроты могут спокойно смотреть, но мы должны идти.

— Смотри! — крикнул Бэйли, позабыв о своем беспокойстве за Босвелла, когда они, взобравшись на холм, увидели перед собой море огней под звездным небом.

— Это Вен, — сказал Босвелл. — Я тебе о нем много рассказывал.

Туман в долине рассеялся, и Вен был как на ладони.

— Ты не говорил мне, что он такой! Поразительно!. — Лучше, чем Звезда?

— Пожалуй, — ответил Бэйли, уже не зная, на что смотреть.

— Я покажу тебе кое-что совсем необычное, друг мой, если ты будешь идти, не останавливаясь всякий раз, как увидишь что-нибудь новое, — сказал Босвелл, снова двинувшись с места. — Пойдем! — Смотри и слушай, крот, — добавил Босвелл через некоторое время, — и запоминай, многие будут спрашивать тебя об этой ночи.

Перед ними, вдалеке за деревьями, яркое сияние высвечивало силуэты стволов. Они подошли ближе и увидели наконец, что сияние исходит от большого Камня, который улавливал свет Звезды, сверкавшей прямо над ним. Камень словно светился изнутри.

— Этого не может быть, — прошептал Бэйли, охваченный священным трепетом. Он невольно остановился и пропустил Босвелла вперед. — Мы идем к Камню? — спросил Бэйли.

— Да.

— Как его имя?

— У него было много разных имен в разные века. Но имя, которое дал ему Триффан, — одно из самых лучших. Он назвал его Камнем Комфри. Пусть будет так! Это единственный Камень в мире, названный по имени крота, а не наоборот.

— Послушай, Босвелл! — сказал Бэйли. — Слышишь?

Это был слабый звук, похожий на тихий гул. Он исходил от Камня.

— Слушай! — повторил Бэйли.

— Я знаю, мой дорогой, я слышу, — мягко ответил Босвелл.

А Бэйли заплакал при виде такой необыкновенной красоты. В Самую Долгую Ночь Камень, около которого умер Комфри, сиял ярче всех других Камней кротовьего мира. Он был абсолютно белый. Его белизна была яркой и чистой, и вокруг простиралось, наполняя собою небо, Безмолвие. Летописцы утверждают, что многие слышали его в ту ночь, как слышала его Фиверфью. Потом свет Звезды стал бледнее, и сделалось как-то пусто.

Бэйли плакал, как крот, потерявший все и теперь жаждущий снова обрести утраченное.

— Крот Камня идет к нам на помощь? — спросил он Босвелла.

— Да, — ответил Босвелл устало.

— Босвелл!

— Что, Бэйли?

— Что мы будем делать здесь?

— Ждать, — улыбнулся Босвелл. — А пока мы ждем, ты мог бы поискать червей и вырыть нору около Камня Комфри.

— Мы будем ждать долго?

— Может быть, недели. А может быть, месяцы.

— Кого?

— Кротиху.

— Но зачем?

Босвелл улыбнулся мудрой улыбкой старца над нетерпением молодости:

— Она нужна мне, Бэйли. Я стар, и мне недолго осталось жить.

— Не говори так, Босвелл. Я не люблю, когда ты так говоришь!

— Что ж, это правда. Но не бойся. На земле и под землей достаточно храбрых и верных кротов. Мой путь почти завершен, и приход кротихи не будет напрасен.

— Босвелл, — прошептал Бэйли, когда заря окрасила небо на востоке, — куда пропал свет Камня Комфри?

— Он — в сердцах верующих в Камень. Этот свет поможет им услышать Безмолвие, когда явится Крот Камня.

— Этот свет — в сердце Триффана?

— Да.

— А Спиндла?

— Да.

— И Мэйуида?

— Да.

— А Хенбейн?

— Не знаю.

— Послушай, Босвелл, и в сердце Старлинг? — спросил Бэйли со слезами.

— Да, и в ее сердце тоже.

— Когда же явится Крот Камня? — спросил Бэйли, уже почти засыпая.

Тихого ответа Босвелла Бэйли уже не услышал. Глаза его были закрыты. Он спал перед Камнем Комфри, освещенный светом восходящего солнца.

❦

Пока Бэйли спал, армия кротов пришла в движение. Кроты шли отовсюду, в том числе из завоеванного Шибода, в их глазах горел отсвет Звезды. Они видели Звезду и поняли ее как знак, обещанный Алдером, — знамение Пришествия Крота Камня. И вот толпы кротов обрушились на грайков, охранявших тоннели Шибода. Это была неудержимая мощная лавина. Она не знала пощады. Она, как сказал Алдер, начавшись, не кончится до тех пор, пока кротовий мир не станет поклоняться Камню, а Слово не

будет забыто.

Непреклонность и жесткость были в глазах Алдера. Но в глазах Маррама было беспокойство. Снова убивать? Он не хотел этого, напрасно убеждая других. И потому, когда последователи Камня снова напали на грайков, он удалился на восток, туда, где зажглась Звезда. Он шел одинокий, в смятении и без друзей.

Заканчивается наш рассказ о Самой Долгой Ночи. Не будем упоминать имена могущественных и значительных кротов, они и так займут свое место в истории. Подумаем об обыкновенных кротах, обеспокоенных, неуверенных в себе, сомневающихся, их имена, вероятно, будут забыты. Они, подобно Марраму, имели смелость и присутствие духа искать Крота Камня. Велика и прекрасна была их цель: узнать Крота Камня и обрести Безмолвие. Помните их!

Глава тринадцатая

Многие, подобно Марраму, потом скажут, что дни после Самой Долгой Ночи изменили всю их жизнь.

Можно без конца записывать воспоминания о тех днях. Как будто вместо тупика открылся тоннель, длинный и темный, и в самом конце забрезжил свет. Но не все кроты бросились к свету подобно Марраму. Некоторых он раздражал, кое-кто был недоволен — время вынуждало их измениться и искать Безмолвия. А иные набрели на путь истинный случайно, как, например, старый Скинт и его добрый друг Смитхиллз. Разве не удалился Скинт на север, где хотел в покое провести остаток дней в Грассингтоне? Разве не поклялся он больше ни разу не пустить в ход когти в борьбе с грайками, не думать больше ни о Слове, ни о Камне, и всей этой чепухе, о которой болтают кроты? Да, поклялся. Однако Скинт не был создан для праздности. После ухода Триффана в Верн он сделался беспокойным и раздражительным. Не находил себе места. Он быстро собрал из кротов Грассингтона боевой отряд и стал ждать возвращения Триффана и Спиндла. Но шли месяцы, они не возвращались. Скинт утешал себя тем, что, когда они придут, собранные им силы могут понадобиться.

— Это совсем не то, о чем я мечтал в Грассингтоне, Смитхиллз! Здесь совсем нечего делать, разве что предаваться воспоминаниям, а до этого я небольшой охотник! Лучше бы я пошел с Триффаном в Верн.

— Да, да, — соглашался Смитхиллз, — помощь пришлась бы ему кстати!

Так тянулись кротовьи месяцы. Но Камень, вероятно, слышал жалобы Скинта, как слышал молитвы, и всегда находил способ помочь…

❦

Однажды холодным и неуютным вечером в середине декабря, когда уже начал падать снег, у входа в тоннель Скинта послышалась возня. Там толпились кроты, и чей-то знакомый голос нарушил тоскливое уединение Скинта. Он и не думал, что будет так рад услышать этот голос.

— О почтенный Скинт, крот, который немало странствовал, прислушайся и угадай, чей это голос! Да, это я, смиренный Мэйуид, который так надоедал тебе раньше, а теперь верный,

хотя, может быть, и неугодный тебе, слуга. Да, я перед тобой… и не только я!

— Всемогущий Камень! Да это же Мэйуид собственной персоной! — воскликнул Скинт. — Войди и дай мне свою лапу, я рад тебе!

— О лучезарный господин, — послышался сверху голос Мэйуида, — я не один.

— Спустись-ка сначала ты, — крикнул, как всегда, осторожный Скинт.

Мэйуид спустился, оставив Сликит наверху с Уорфом и Хеабелл. Он подумал: следовало бы предупредить Скинта, что его спутниками были одна из бывших сидимов и двое подростков, происхождение которых надлежит держать в секрете. Но не успел еще Мэйуид объяснить хозяину, кто такая Сликит, как двое замерзших и проголодавшихся детенышей с громким топотом ворвались в опрятную нору Скинта, как к себе домой, а Сликит едва поспевала за ними.

— Уф! — выдохнул Скинт. — А ведь все вы, вероятно, хотите есть.

— Э-э, — замялась Хеабелл. — Благодарю.

— Да, очень! — искренне ответил Уорф, у которого был прекрасный аппетит.

— Гм, — отозвался Скинт. — Тогда помогите мне поискать червей.

Разделить трапезу пришел и Смитхиллз. Лишь глубокой ночью, когда Сликит с детьми улеглись спать, Скинт наконец обратился к Мэйуиду:

— Итак, понятно, чем ты был занят. Осенние кротята? Что ж, они иногда бывают удачными!

— О заблуждающийся Скинт, о пораженный Смитхиллз, это не мои дети и не дети Сликит.

— Так чьи же они, Мэйуид?

Мэйуид опасливо огляделся, подвинулся ближе и сказал:

— О любопытствующие господа, хотите ли вы долгого рассказа или краткого, целой саги или одной, так сказать, фразы?..

— Краткого, краткого, — нетерпеливо перебил Скинт.

— Это дети Триффана.

Воцарилось молчание.

— Триффана?

— Господин, ты стар, но Мэйуид рад убедиться, что со слухом у тебя все в порядке. Да, я сказал «Триффана», и это действительно дети Триффана.

— Ты должен объяснить, — сказал Скинт. — Во-первых, где

Триффан?

Мэйуид сокрушенно вздохнул:

— Я не знаю. Невозможно быть повсюду. Я рассказал вам о Босвелле и о Бэйли, и если они не пришли сюда, убежав из Верна, то это, вероятно, потому, что Босвелл идет особыми путями ученого крота, которые даже мне, Мэйуиду, неведомы.

— Да, — согласился Смитхиллз. — Вероятно, именно так.

— За великолепным Триффаном и достойнейшим Спиндлом я не мог уследить. Камень велел мне идти другим путем и привел меня вот к этим детям.

— Но кто их мать? — спросил Скинт.

— О господа, — медленно проговорил Мэйуид, — во всем кротовьем мире есть только двое, кому я могу это сообщить, и эти двое — вы. Нельзя, чтобы об этом знали лишь Мэйуид и Сликит. Они могут умереть, и потому должен знать кто-то еще. Мать этих добрых, крепких и ласковых кротят — не кто иной, как сама Хенбейн.

Скинт был потрясен. Они со Смитхиллзом обменялись недоверчивыми взглядами.

— Лучше тебе начать с самого начала, Мэйуид, и рассказать нам все, что ты знаешь!

И Мэйуид рассказал обо всем, просто и с достоинством, а разбуженная Сликит подтвердила, что все было именно так. Они не скрыли от Скинта и Смитхиллза ничего, в том числе и того, что произошло у Скалы Слова. Когда они закончили, Скинт сказал:

— Кроты, я не знаю, что сказать, и тем более не знаю, что делать. Необходимо крепко подумать, прежде чем что-нибудь решать в таком деле. Я всегда сначала долго думаю, вот Смитхиллз подтвердит. Он сам выскажется очень скоро и скажет много, поэтому дайте-ка ему этого вкусного червя и пусть посидит спокойно!

Смитхиллз добродушно усмехнулся и предложил всем отдохнуть, а глубоко потрясенный услышанным Скинт поднялся на поверхность и стал размышлять. Он провел наверху несколько долгих часов и только на рассвете приблизился к решению. Скинт не сомневался, что кротята действительно дети Триффана и Хенбейн, но не хотел бы, чтобы сами кротята об этом знали. Но что теперь с ними делать?

Когда забрезжило утро, Скинт вспомнил свой последний разговор с Триффаном, особенно два высказывания крота-летописца. Первое — сильные когти нужны не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы с тобой считались. Да, уж это точно: Скинт за свою жизнь столько раз видел, как убивают, что больше

видеть этого не хотел. И по пути в Верн, насколько ему было известно, Триффан проповедовал то же самое. Путь Камня — это путь мира. Над вторым высказыванием Триффана — о Биченхилле — Скинт потом часто задумывался. Триффан сказал тогда: «Я был счастлив там целый день».

И теперь, думая о детях Триффана, столь неожиданно попавших к нему, Скинт вспомнил этот разговор и принял решение.

Он спустился в нору, разбудил спавших и повторил им слова Триффана. А от себя добавил:

— Биченхилл — хорошее и безопасное место для воспитания детей, прежде всего потому, что туда трудно добраться. Кроме того, Сквизбелли — умный и толковый глава системы, у него всегда спокойно. А еще там есть Камень и кроты, которые помнят и уважают отца этих детенышей. Именно в Биченхилле, когда придет время, им лучше узнать тайну своего рождения и все хорошее и дурное о своих родителях. Уйдем отсюда тихо, не суетясь, — продолжил Скинт, — никому не скажем, куда мы отправляемся и зачем, а главное, разобьемся на две группы. Когда сидимы будут нас искать и расспрашивать кротов, их собьют с толку рассказы только об одном детеныше. Но окончательно решение должны принять Мэйуид и Сликит.

Время уже близилось к полудню, когда эти двое наконец согласились разделиться.

В тот же день они ушли: Мэйуид и Скинт — с Уорфом, а Сликит и Смитхиллз — с Хеабелл. Ушли тихо, не сказав никому ни слова, а те, кто заметил их исчезновение, тоже ничего не сказали из уважения к Скинту и Смитхиллзу.

Скинт велел ни с кем ни о чем не говорить, при встрече с грайками отшучиваться и вообще оказывать всяческое почтение Слову, то есть не возбуждать ненужных подозрений.

Они шли на юг, к Темной Вершине, по холмам и долинам, по берегам рек и лесам, веря, что Камень хранит их и, значит, они доберутся до Биченхилла целыми и невредимыми.

Оба маленьких отряда видели Звезду Самой Долгой Ночью, и взрослые рассказали восхищенным детям о Кроте Камня и его скором Пришествии. Они шли, пока однажды, в начале января, не прибыли наконец в Биченхилл.

Мэйуид со своими спутниками прибыл чуть раньше Смитхиллза. Добрые кроты Биченхилла приняли всех радушно. Их глава, Сквизбелли, не спросил, откуда взялись детеныши, поняв, что их рождение связано с какой-то тайной.

Мэйуид и Сликит решили: теперь их задача присматривать за детьми Триффана и Хенбейн, в Биченхилле, готовить малышей к

миссии, которую возложит на них Камень. Возможно, пробыв долгие месяцы рядом и не имея случая остаться наедине, с приходом весны они почувствовали, что пора наконец обратить внимание друг на друга, немного отдохнуть и порадоваться жизни.

А Скинт после прихода в Биченхилл все медлил с возвращением в Грассингтон. Однажды Смитхиллз, ворча на жизнь и ругая старость, сказал:

— Знаешь, Скинт, уж такой у тебя несчастный характер, что ты не бываешь доволен, если не найдешь себе дела. Ты никогда не задумывался, что сделал бы Триффан, увидев Звезду Самой Долгой Ночью?

— Он бы отправился на юг, в Данктонский Лес, несмотря ни на что.

— Да, и я так думаю. А как ты считаешь, пригодились бы ему два старых крота, если бы они, конечно, смогли дотащиться туда? — спросил Смитхиллз.

— Мало того что ты сам глуп, Смитхиллз, ты еще и меня провоцируешь на глупости. Мы отправимся сегодня же. Мне как-то не по себе с Самой Долгой Ночи. Не то чтобы я поверил в Камень, все это чепуха, я всегда так говорил! Но клянусь когтями на моих лапах: если бы я когда-нибудь узнал, что Крот Камня действительно существует, а я не сделал и шага, чтобы увидеть его, я бы себе не простил этого всю жизнь!

Скинт и Смитхиллз были не прочь уйти в тот же день, но жизнерадостный толстяк Сквизбелли настоял, чтобы они остались еще на один день и как следует попрощались со всеми. Более того, он заставил их коснуться Камня Биченхилла, чтобы, отыскав Крота Камня, дотронуться до него той же лапой. Это, как он полагал, принесло бы удачу Биченхиллу.

Итак, в середине января, когда дул резкий холодный ветер и падал снег, два старых, покрытых шрамами крота покинули Биченхилл.

Мэйуид проводил их милю-другую. Наконец ему настала пора возвращаться.

— Добрые господа, — печально обратился он к Скинту и Смитхиллзу, — мне, ничтожному, будет тяжело и грустно, когда вы уйдете, я лягу на землю и выплачу все глаза. Но сначала попрошу вас передать Триффану, что Мэйуид не забыл своего обещания.

— А что это за обещание? — спросил Скинт.

— Великолепный Триффан вспомнит, Мэйуид уверен! Поэтому вы лишь скажите Триффану, что сейчас место Мэйуида рядом с Уорфом и Хеабелл. Но когда Мэйуид выполнит здесь

свой долг, тогда он опять займется своим делом, поисками путей во тьме. И он поведет кротов по этим дорогам. Однажды он вернется к Триффану, и, если вокруг будут хаос и мрак, Мэйуид будет Триффану поводырем. Передайте ему это ц еще скажите…

Но бедный Мэйуид не сумел закончить. Он опустил голову и заплакал.

Скинт и Смитхиллз утешали его как могли и обещали непременно передать Триффану все, что сказал Мэйуид, кроме, разумеется, того, чего Мэйуид недоговорил: если Камень захочет, то однажды Мэйуид сам сможет сказать все эти слова Триффану!

После ухода друзей Мэйуид долго не находил себе места. Ему не давала покоя мысль, что он, может быть, сейчас нужен Триффану на юге. Он ни секунды не сомневался, что Триффан жив и идет в Данктонский Лес.

Между тем Уорф и Хеабелл подрастали. Они очень подружились с детьми Сквизбелли, Брамблом и Бетони, которые были постарше. Мэйуид и Сликит остались бы с кротятами еще не какое-то время, но однажды пришла дурная весть: в окрестностях Биченхилла видели сидима и грайка, и они искали кротиху по имени Сликит.

— Я должна уйти, мой любимый, — сказала Сликит. — Мое присутствие в Биченхилле подвергает опасности не только детей Триффана, но и всех остальных. Я одна пойду на юг и постараюсь, чтобы об этом узнали, это отвлечет преследователей от Биченхилла.

— О госпожа моя! — воскликнул Мэйуид. — Я согласен. И если гостеприимный Сквизбелли согласится отпустить меня и если удастся объяснить все детям, я пойду с тобой. Я, смиренный, поведу тебя, как раньше.

Сликит облегченно вздохнула:

— Где же мы будем скрываться?

Мэйуид улыбнулся:

— Скрываться? Мы? Вдвоем? Вместе? Романтично, но неверно. Крот никогда не должен скрываться.

Не скрываться мы будем, а пойдем в Данктонский Лес! Не правда ли, умно? А?

Они улыбнулись друг другу и решили, что мешкать нельзя. Простившись со всеми и поручив Уорфа и Хеабелл заботам строгого, но доброго Сквизбелли, они оставили Биченхилл и отправились на юг, вслед за Скинтом и Смитхиллзом.

❦

После Самой Долгой Ночи Триффан очень изменился. Он снова обрел интерес к жизни, опять стал замечать простые вещи. Теперь он часто останавливался и подолгу с удовольствием разглядывал то, что попадалось ему на глаза.

— Вот корень, освещенный жемчужным светом! — мог с восхищением прошептать он; или: — Смотри, как стебель красного папоротника пробивается сквозь снег. Смотри, Спиндл! Моего отца звали Брекен — по названию этого растения. Как бы я хотел, чтобы он сейчас был со мной! Своих родителей всегда начинаешь по-настоящему ценить слишком поздно.

Однако Триффана все еще мучили боли, глаза были воспалены, а лапы стали негнущимися и шишковатыми.

Они подошли к Роллрайту как раз в январе, но Триффан отказался встретиться с кротами из опасения столкнуться с грайками. Не то чтобы путешественники боялись. История их была проста и правдива: они говорили всем, что покалеченный Триффан направлялся в Данктонский Лес, чтобы найти там приют. Грайки не трогали таких кротов, опасаясь заразных болезней.

И все-таки Триффан подошел к Шепчущим Горностаям дорогой, когда-то найденной Мэйуидом. Когда они помолились и уже собрались в путь, Триффан вдруг заметил молодую кротиху.

— Вы верите в Камень? — спросила она.

— Мы ищем исцеления, — ответил Спиндл.

— Да хранит вас Камень! — сказала она. — У тебя такой вид, словно ты побывал в изрядной драке.

— Так оно и было, — пробурчал Триффан. — Как твое имя?

Кротиха ответила:

— Меня зовут Рэмпион, и я не скрываю веры в Камень.

— Тогда, Рэмпион, вознеси ему молитву за израненного и усталого крота.

— С радостью! — воскликнула она и прочла молитву. Потом поинтересовалась, куда они направляются.

— В Данктонский Лес, — отвечал Триффан.

Рэмпион печально вздохнула. Теперь только отверженные шли в Данктонский Лес. Потом она улыбнулась и сказала:

— Если вы туда дойдете, помолитесь за меня знаменитому священному Камню.

— Обязательно, Рэмпион! — ответил Триффан и на мгновение прикоснулся к ней.

Рэмпион вздрогнула, поняв, что незнакомый крот благословил ее. Когда она ушла, Триффан с неожиданной энергией воскликнул:

— В путь, Спиндл!

— Вот оно что, — сказал Спиндл. — Оказывается, всего-то и нужно было встретить молодую кротиху, чтобы ты забыл о своих болях и скорбях!

Трифан улыбнулся.

— А ты узнал эту молодую кротиху? — спросил он.

Спиндл отрицательно покачал головой.

— Мы ее встречали здесь, в Роллрайте, год назад. Она дочь Хоума и Лоррен.

— То-то я смотрю, на кого она похожа? Ты сейчас видишь хуже меня, но кротов помнишь лучше. А я лучше запоминаю события. Но ведь Хоум мог бы помочь нам, Трифан! Может быть, зайти?

— Я уверен, что он помог бы, но слишком на многих я навлек беду. Поэтому пойдем, пока Рэмпион не рассказала родителям о двух кротах около Горностаев, не то они станут нас искать. Хоум молчалив, но он совсем не глуп и сразу обо всем догадается. Пойдем! Молитва этой кротихи прибавила мне сил, и теперь мне еще больше не терпится добраться до дома.

❦

Опасения Трифана оправдались. Несколько дней спустя Рэмпион оказалась в той самой норе, где выросла, хотя редко приходила сюда, покинув родительский дом прошлым летом.

Самой Долгой Ночью, направляясь к Горностаям для ночного бдения, она, как и многие другие, видела Звезду. И, в священном трепете припав к земле, вдруг увидела поблизости своих мать Лоррен и отца Хоума.

Хоум, как всегда, молчал, но Лоррен просияла. Она очень обрадовалась Рэмпион, расспросила ее о братьях и сестрах, которые тоже давно ушли от родителей. Но они были далеко, и потому только ей, Рэмпион, мать могла предложить вернуться к ним, пока не кончится январь и не начнется брачный сезон, во время которого кроты не покидают своей территории и не живут даже там, где родились. Рэмпион очень обрадовалась родителям и пообещала вернуться.

Молодые часто дают обещания и сразу забывают о них. Вернуться домой для них значит вернуться слишком далеко назад, а ведь вся жизнь впереди! Всегда кажется, что она вне родительской норы.

Но вскоре после встречи с незнакомцами около Шепчущих Горностаев Рэмпион, потрясенную прикосновением крота в шрамах, лапы сами понесли по давно знакомым тоннелям к норе,

где она родилась.

— Какой сюрприз! — воскликнула «Лоррен и сразу принялась отряхиваться сама и отряхивать Хоума. — Да это же Рэмпион! А мы уж и не надеялись, что ты придешь. Я так и сказала: наверное, у нее есть дела поважнее!

— Я просто подумала, — неловко начала Рэмпион, — что было бы славно повидаться с вами…

Хоум был все такой же: небольшой крот с широко раскрытыми глазами и тревожным взглядом. Он знал больше, чем говорил. «Застенчивый» — вот какое могло быть у него прозвище.

— Рад видеть тебя, очень рад, — сказал он Рэмпион.

— Спасибо, — ответила она, тронутая до слез.

Пока Лоррен трещала без умолку, беспрестанно извиняясь то за беспорядок, то за отсутствие хороших червей, то еще за что-нибудь, Хоум просто смотрел на дочь. Наконец, когда в разговоре возникла пауза, он ласково погладил Рэмпион и спросил:

— Что случилось?

— Ничего, — ответила она и слишком сильно затрясла головой. — Ничего особенного.

Хоум все смотрел на нее и ждал. Рэмпион наконец сказала:

— Так грустно! Я встретила у Горностаев двух кротов, и один из них был очень сильно изранен!

И она все рассказала родителям. Выслушав дочь, Хоум заставил ее описать незнакомцев.

— Это Триффан, — сказал он, — и, может быть, Спиндл.

— Но ведь они ушли в Верн и наверняка погибли, — возразила Лоррен. — Прошло столько времени — и никаких известий. Наверное, они умерли.

Но Хоум покачал головой.

— Это был Триффан, — сказал он убежденно.

В тот же день Хоум пробрался к Горностаям лишь одному ему известным путем. Он когда-то был другом Мэйуида, а эти двое лучше всех умели находить дорогу. У Хоума было тяжело на душе. Он понимал, если это действительно был Триффан и он не пришел к нему, значит, что-то не так! У него серьезные раны — так выходило по рассказу Рэмпион. Хоум провел около Горностаев целый день. Он наблюдал. Прошел немного на юг, по направлению к Данктонскому Лесу.

Хоум видел Звезду и верил в Пришествие Крота Камня. Он слышал проповеди Триффана. И сейчас он спросил у Камня, что ему делать. Камень велел ему сохранять спокойствие, ждать и верить. Триффан пришел бы к ним, если бы они ему сейчас были нужны.

Хоум отправился назад, к Лоррен, и рассказал ей о своих

предположениях и опасениях.

— Хоум, тут многое можно сказать, — произнесла Лоррен и подошла к нему совсем близко.

Иногда она не могла скрыть, как сильно любит его. Лоррен ни разу в жизни и не взглянула на другого крота. Она любила этого маленького, неряшливого, невзрачного Хоума. Он принадлежал ей, а она — ему, навсегда.

— Но сделать я хотела бы две вещи, и ты знаешь какие, — заявила она.

Хоум с улыбкой кивнул. Он отлично знал, что первым ее желанием было вернуться в Данктон, в Болотный Край, где она выросла, и найти там удобный тоннель. Вторым желанием было увидеть Старлинг и Бэйли, потому что Лоррен верила, что они живы. Хоум не сомневался, что Лоррен скорее умрет сама, чем поверит в их смерть.

Хоум тяжело вздохнул. Лоррен улыбнулась и нежно погладила его:

— Ведь это когда-нибудь произойдет, правда?

Хоум энергично закивал.

— И Мэйуид вернется, — добавил он, поскребывая свой грязный бок.

— Когда-нибудь… — сказала Лоррен, и они подумали о Звезде, которую видели.

❦

Триффан и Спиндл подошли к коровьему тоннелю чуть позже середины января, примерно в то же время, когда Скинт и Смитхиллз распрощались с Биченхиллом.

Путники так устали, что даже не боялись трудностей, которые скорее всего ожидали их в Данктоне. Когда они уже шли вдоль дороги ревущих сов, огибавшей систему с юго-востока, их начали останавливать патрули и выспрашивать, куда они идут. Тогда появился страх. Патрулей было много, и, видимо, они охраняли не только тоннель.

Триффану и Спиндлу то и дело попадались трупы казненных. Путников предупредили, что подвешивание ожидает всякого, кто попытается бежать из Данктона.

— Все об этом знают, — сказал им один из грайков, — но иногда кротам бывает так паршиво, что они предпочитают рискнуть своей шкурой, чем остаться в Данктоне, где подручные местных вожаков могут расправиться с ними в любую минуту.

— Но за что? — спросил Спиндл и не получил

вразумительного ответа.

Неужели Данктон стал настолько мрачным и страшным, что кроты не колеблясь рискуют жизнью, убегая отсюда? Похоже, что так.

Правда, Спиндл заметил одну странность: все казненные, которых они видели, были кротихи.

Узнав, что эти двое хотят попасть а Данктон, грайки отнеслись к Триффану и Спиндлу удивительно дружелюбно, хотя и с некоторой брезгливостью. Например, они избегали подходить слишком близко, опасаясь заразиться, и не спрашивали имен. Путники, в свою очередь, не стали рисковать и пытаться узнать, известно ли грайкам, что некие Триффан и Спиндл могут попытаться проникнуть в Данктон. Правда, в любом случае никому бы не пришло в голову, что этот хромой и покрытый шрамами крот — тот самый Триффан, который был когда-то вождем данктонских кротов.

Их почти уважали за то, что они пришли в Данктонский Лес по своей воле. Триффан и Спиндл узнали, что они не единственные, кто просился в эту систему. Все больные и немощные знали, что им прямая дорога в Данктон. Здесь они, дескать, обретут свободу. Приверженцы Слова гордились, что сделали эту систему островком свободы, где кроты могли верить во что угодно. Это якобы свидетельствовало о милосердии и веротерпимости Слова, чего на самом деле и в помине не было.

Когда грайки увидели, что у Триффана и Спиндла нет явных признаков заразной болезни, они с пристрастием допросили их, желая убедиться, что путники действительно приняли решение жить среди изгоев в Данктонском Лесу. Поняв, что именно этого они и желают, грайки, хотя и с неохотой, согласились пропустить их в систему через коровий тоннель.

— Ну и олух же ты, приятель! — сказал один из них Спиндлу. — Хотя, не скрою, тебя можно уважать. Но если ты не примешь Покаяние, тогда жить тебе в Данктоне всегда! Но ты ведь знал об этом, когда сюда шел, верно? А что, твой друг тоже верующий?

— Да, — ответил Спиндл.

— Послушай, почему он пришел сюда, я понимаю. Он бы не выжил в нормальной системе без посторонней помощи. — Крот уставился на обезображенную голову Триффана.

— Он видит? — спросил грайк Спиндла.

— И довольно хорошо, — ответил тот, — но я помогаю ему, когда нужно. Ему бывает трудновато в пути, и он плохо отыскивает червей.

— Он слышит? — громко крикнул грайк.

— Когда хочет, слышит, — заверил его Триффан.

Он по-прежнему мог при желании говорить очень веско и внушительно, хотя теперь делал это нечасто. Однако грайк встревожился и отступил назад.

— Запомните: если вы войдете, то уже не выйдете, — предупредил он еще раз.

В это можно было поверить. Коровий тоннель охранялся дюжиной здоровенных грайков.

— Я это знаю, — сказал Спиндл.

— Жизнь надоела? Скажу тебе то, что нам говорил Вайр: тот не должен входить сюда, кто в добром здравии и служит Слову.

— Я был воспитан в вере в Камень, — сказал Спиндл с гордостью, — в этой вере и умру.

Грайк больше не проявлял к ним интереса. Он выполнил свой долг, теперь пусть ими занимаются другие.

— Проводи их, — приказал он другому грайку, — и объясни этим кретинам, что их ожидает.

Второй охранник повел Триффана и Спиндла поверху к коровьему тоннелю.

— Не обращайте на него внимания, — примирительно сказал грайк. — Не так уж здесь и плохо, если жить тихо, склонив голову и не пытаться мстить за обиды. Вы оба, похоже, мало на что годны. Держитесь Истсайда, не переходите границы, идите в Болотный Край, там у вас есть надежда выжить. Обычно последователи Камня селятся на северной опушке леса.

— Патрули в Данктоне есть? — спросил Спиндл.

— Теперь уже нет. Сама Бик была у нас вначале старшей. Она умерла. Многие погибли от болезней. Да, тяжело им приходилось в ту пору! Но Вайр не дурак! Он послал за подкреплением, и какое-то время в Данктоне было очень жарко! Вам повезло, что вы не пришли тогда, вы бы и дня не прожили. Но теперь все успокоилось. И потом, там уже некому драться. Остались одни старики, и они вымирают. Теперь это проклятая, обреченная система. Никто по своей воле не придет сюда жить, разве только такие идиоты, как ты, или калеки, как твой приятель. Да… Единственная проблема — кротихи, которые хотят отсюда выбраться. Приходится их убивать или, если удается уговорить, отправлять обратно. Ну, это зависит от того, кто дежурит у тоннеля…

— Почему же бегут именно кротихи?

— Хотят иметь детенышей, — осклабился грайк, — а здесь это у них не получается.

Больше Спиндл и Триффан ничего не успели узнать. Сквозь плотную цепь грайков они вошли в коровий тоннель, а выйдя из

него с другой стороны, оказались на юго-восточном склоне Данктонского Холма, покрытом грязным снегом с коровьими лепешками.

Дорога ревущих сов осталась у них за спиной. Подъем в Древнюю Систему лежал перед ними, темный и неприступный. Конечно, не так Спиндл представлял себе их возвращение, не так хотел бы вернуться домой и Триффан. Но все же это было возвращение! С тяжелым вздохом, не проронив ни слова, Триффан взглянул в сторону Древней Системы, а потом… потом поступил так, как советовал им охранник: повернул на север и пошел вдоль Истсайда, к далекому Болотному Краю.

Глава четырнадцатая

Склоны Луга, по которым нужно было вскарабкаться, чтобы попасть в Данктонский Лес, покрывал скользкий ледяной наст.

Триффан и Спиндл долго и тяжело взбирались к деревьям, голым, черным, мрачным. Земля под деревьями была холодная и безжизненная. Однако радость Триффана час от часу росла.

— Мы снова здесь, Спиндл! Мы вернулись!

Спиндл не чувствовал воодушевления. Он нервничал, беспокойно озирался, ожидая увидеть воинственно настроенных кротов, наблюдающих за ними из-под искривленных корней, или больных, калек, уродов. Но вокруг не было никого. Бесшумно качались тонкие безжизненные ветки, и мертвенно-белым блеском серебрился снег.

После разговора с грайком Спиндл представлял себе Данктон наполненным кротами. Если это было так, то им успешно удавалось скрываться в тоннелях, входы в которые изредка попадались на глаза Триффану и Спиндлу. Однако, судя по всему, пользовались ими нечасто.

— Что нам теперь делать? — спросил Спиндл, имея в виду: искать старые тоннели или рыть новые.

Но Триффан понял этот вопрос иначе.

— Мы будем жить смирно и тихо, чтобы сберечь силы для ведения летописей, — таков был его ответ, поразивший Спиндла.

— Писать? О чем?

Триффан громко рассмеялся:

— О чем мы говорили в Верне. Я был посвящен в сан летописца, и пора уже мне начать заниматься своим делом.

— Но твои лапы… — замялся Спиндл.

Хотя раны Триффана затянулись, лапы стали неуклюжими, негодными для тонкой работы. Он мог довольно хорошо ходить, но копать землю и искать червей ему было и всегда будет тяжело, а уж делать записи — тем более!

— Да, конечно, они уже не те, что прежде. Но, как всегда внушал мне Босвелл, крот пишет сердцем, а не когтями. Почерк мой будет не так красив, как раньше, но все же кто захочет — разберет.

— Что же ты будешь записывать?

— Еще не знаю, Спиндл. Возможно, я буду писать о том, что мы сделали, о чем думали. Столько книг пропало в Аффингтоне! Вероятно, пройдут годы, прежде чем тексты, зарытые тобою в Семи Холмах, можно будет откопать, если они вообще еще там. Поэтому я думаю, сейчас пришла пора писать для будущих

поколений о времени, в котором мы живем. Кто-то должен начать, пусть это будем мы. Надо торопиться. Ведь если придет Крот Камня, мы захотим служить ему так, как он того пожелает. Итак, нам нужно поскорее найти место и начать работать. Мне не терпится!

— Но как же опасности Данктона?

— Какие опасности? — спросил Триффан беспечно. — Я не вижу ни одной.

— Ну, возможно, за нами наблюдают, выжидают, хотят узнать, что мы будем делать.

— Кто?

— Кроты, — прошептал Спиндл, уже не скрывая своего страха.

— Нам предрекали, что мы не выдержим Слопсайда. Большинство не верило, что можно уйти живыми из Верна. Однако мы живы. Немного побитые, ослабевшие, но в общем все те же, кроме того, мы вместе. Думаю, мы сможем выжить и в Данктонском Лесу, а теперь пойдем посмотрим, что нас ждет в Болотном Краю.

Все же чутье не подвело Спиндла. Когда они снова пустились в путь, за ними последовала кротиха. У нее были узкие незрячие глаза, морщинистый лоб, хитрое рыльце. Она старалась держаться с подветренной стороны, потому что от нее исходил гнилостный запах и потому что ей самой было удобнее следовать за ними по запаху…

Она сопела, фыркала, глубоко втягивала воздух, присвистывала носом, поводила усами: она чуяла, что их двое, они явно чужие, сильные, но устали, один слегка хромает, у него слабые передние лапы, разговаривают о летописях, об этой системе, так, будто она им знакома, одного зовут Спиндл. Выследить, куда они пойдут, а потом донести… Такие доносы вознаграждались хорошими червями. По крайней мере, раньше. Времена меняются! Однако стоит попробовать.

Слепая кротиха наткнулась на корень, упала и замерла, чтобы ее не заметили. Они и не заметили. Кротиха поднялась из последних сил и с трудом побрела за ними. Нет, не ради червей она это делала! Лучшей наградой для нее было побыть среди других кротов. Они дадут ей парочку червей и разрешат посидеть с ними немного, почувствовать, что она тоже одна из них, что она кому-то нужна. И опять фырканье, сопение, вперед, за ними, на север. Ей было так тяжело идти, так стыдно подглядывать!

Когда Триффан и Спиндл вошли в тоннели Истсайда, им стали попадаться кроты. Появился отвратительный запах, напомнивший им Слопсайд, это был запах гниения, запах

нечистой и больной плоти. Вокруг валялся мусор, разлагались нечистоты, слышалась тревожная дробь чьих-то шагов, беспокойное и опасное принюхивание. Здесь ютились кроты, которые не хотели ни с кем встречаться, никого видеть, ни с кем говорить.

Вдруг возник какой-то крот. Это существо сидело скорчившись прямо перед ними. «Существо» — потому что Трифан и Спиндл даже не могли определить, он это или она, такой лохматый и свалявшийся у него был мех, такое грязное рыльце, такое бесформенное, покрытое язвами тело.

— Кто здесь? — хрипло спросило несчастное создание.

Спиндл встревожился, но Трифан не раздумывая подошел поближе.

— Мы пришли с миром… — начал он, но крот повернулся и заковылял прочь, что-то бессвязно бормоча.

Они пошли дальше. Никто больше не заговаривал, но из нор за ними пристально наблюдали запавшие глаза больных лысухой кротов с тусклой, изъеденной лишаем шерстью. Некоторые были слепы, другие совершенно потеряли рассудок, вокруг лежали мертвые и разлагались прямо там, где умерли.

— Это такая форма чумы, — сказал Трифан. В голосе его слышалось неподдельное сострадание. — Бедные кроты! — прошептал он, глядя, как они отползают, то ли от страха, то ли от стыда.

Некоторые тоннели были оставлены кротами и пустовали, несмотря на обилие червей, в других, наоборот, скопилось много кротов, как будто эти несчастные предпочитали страдать, сбившись в кучу. Говорили они лишь сами с собой в бреду или просто стонали. Появление двух чужаков встревожило их.

Только уже на выходе из Истсайда Трифан и Спиндл встретили первую кротиху, которая не побежала прочь, завидев их.

Она стояла спиной и сначала не заметила их приближения. Увидев незнакомцев, вздрогнула, но не убежала. Это была кротиха, состарившаяся прежде времени, истощенная, с запавшими глазами, но на ее теле не было язв.

— Пошли, — сказала она, вернее, выкрикнула, словно глухая, — можете взять все, правда, это не много…

Она провела их в убогий тоннель, где лежала жалкая кучка червей, а сама отрешенно присела в сторонке.

— Нам не нужны твои черви, — сказал Спиндл и повторил это еще раз, потому что она не расслышала.

— Тогда зачем вы пришли? — закричала она, с недоверием глядя на них.

— Мы идем в Болотный Край, — ответил Спиндл.

Услыхав это, она сразу сменила подобострастие на презрение. Вскинулась, встала на дыбы, молотя воздух передними лапами с обломанными когтями.

— Так вы, значит, из Болотного Края? Зачем же вы являетесь сюда, что вы суетесь, зачем беспокоите меня? Выметайтесь отсюда вон! На этой свалке тошно и без таких, как вы! Я уже сыта по горло этой вашей верой, да и другие тоже!

Они попытались успокоить кротиху, выяснить, за кого она их принимает, но она не слушала, ярость и гнев переполняли ее, и в конце концов она зашлась в ужасном глубоком кашле, и слизь потекла у нее изо рта.

— Выметайтесь! — завопила она снова, и они ушли.

Другие кроты, вероятно, слышали крики кротихи, это придало им смелости. Они столпились вокруг Триффана и Спиндла и накинулись на них с угрозами.

— За кого вы нас принимаете? — попытался узнать у них Триффан.

— За обманщиков! — выпалил один из кротов, захохотал и убежал прочь. Его сумасшедший смех еще долго блуждал по извилистым ходам.

Спиндл и Триффан выбрались наверх. Там их поджидал молодой крот. Рассерженный не на шутку таким приемом, Спиндл потребовал у него ответа:

— За кого нас принимают?

— Вы похожи на вестсайдцев, потому что выглядите сильными и здоровыми, — ответил тот.

— Сильными! — воскликнул Спиндл.

— Здоровыми! — с горечью произнес Триффан.

— Да, именно так. Ну и что из того, что у тебя рубцы на голове? Это не мешает тебе нормально жить, верно? Мозги-то у тебя на месте, думать ты можешь, правда?

— Хорошо, если мы не вестсайдцы, то кто мы, по-твоему?

— Фанатики из Болотного Края, конечно! Проповедники этого поганого Слова или этого занюханного Камня. Вы без конца болтаете всякий вздор о том, что будет в будущем, и не хотите лапу о лапу ударить теперь. Нет, спасибо! Это мне неинтересно. Я живу своей жизнью, тихо и мирно, и чихал я на вас всех!

— Мы не вестсайдцы и не фанатики, — спокойно проговорил Триффан.

— Так кто же вы тогда?

— Изгнанники.

— Ты имеешь в виду, вы только что пришли в систему? — подозрительно спросил крот.

— Да, — ответил Спиндл так убедительно, что подозрения крота рассеялись.

— И сразу отправились сюда?

— Грайки сказали нам, что в Болотный Край лучше всего пойти через Истсайд. Видимо, в Вестсайде опасно.

— Интересно… — с сомнением протянул крот.

— Болотный Край, должно быть, вполне приличное место, — продолжал Триффан. — Там совсем неплохо, тем более что кроты из богатых червями ходов Вестсайда никогда не интересовались Болотным Краем, вряд ли и теперь он им нужен.

— Да ты, кажется, неплохо осведомлен, приятель.

— А как же иначе? Он ведь здесь родился! — сказал Спиндл.

— Сдохнуть можно! А вы меня не разыгрываете? — изумился крот.

Триффан покачал головой:

— Нет, зачем?

— Ладно, я вам верю. Вы оба даже слишком откровенны для Данктона. Так ты действительно здесь родился?

Триффан кивнул.

— Тогда ты первый из данктонских кротов, кого я встретил. Я-то думал, что грайки истребили всех.

— Нет, не всех, — ответил Триффан.

— Так вы, значит, последователи Камня? — спросил крот, уже немного успокоившись.

— Да.

— А как вас зовут?

Но раньше, чем они успели ответить, крот замахал лапой и зашептал:

— Лучше здесь ни о чем таком не говорить. Давайте найдем место поспокойнее. Тут и стены имеют уши.

Крот отвел их подальше от входа в тоннель, на несколько мгновений исчез, вернулся с червями и положил их перед Триффаном и Спиндлом.

— Так как же вас зовут? — опять спросил их новый знакомый.

— А тебя? — поинтересовался Триффан.

— Хей — коротко и красиво! И все-таки…

— Меня зовут Триффан.

Крот расхохотался и повернулся к Спиндлу:

— Ну а ты, вероятно, скажешь, что ты — сам Крот Камня!

— Я Спиндл.

— О Всемогущий Камень! — Хей стал встревоженно озираться вокруг. Помолчав немного, он сказал: — Я знаю, нет смысла спрашивать, серьезно ли вы говорите, потому что ни один сумасшедший сейчас не назвался бы Триффаном, не будучи им.

Слишком опасно. Ну и дела! Значит, Триффан? И Спиндл с Семи Холмов?

— Ты слышал и обо мне? — удивился Спиндл.

— Как же о тебе не знать? Ты ведь знаменит, приятель! А тебя, — Хей повернулся к Триффану, — считают убитым, и, может быть, ты предпочел бы быть мертвым, если бы знал все. Разрази меня гром! Погодите-ка, а грайки не спросили, как вас зовут?

— Не додумались, — ответил Спиндл.

— Ты бы рассказал нам лучше, откуда тебе про нас известно, почему ты так удивлен и чего такого мы не знаем, — заметил Триффан.

— Вот беда-то, лучше бы мне от вас отделаться как можно быстрее, только… — Вдруг Хей подал им знак сохранять молчание и скрылся в подлеске. Послышались сдавленные крики, и голос, не принадлежавший Хею, прохрипел:

— Я ничего такого не делала, я ничего не знаю, просто проходила мимо.

— Проходила мимо, гадина! — зло повторил Хей, вытаскивая брыкавшуюся кротиху из кустов.

Перед Триффаном и Спиндлом предстала грязная, зловонная слепая кротиха. Это была та самая кротиха, которая выслеживала их.

— Здесь полно таких, как она, — сказал Хей. — Шатаются, подслушивают, сплетничают, доносят и за это получают свою горсть червей в Вестсайде. Ну, так как же тебя зовут, кротиха? Может быть, Мерзавка? Или Подлянка? Или тебе придумали имя получше?

Кротиха уставилась белыми незрячими глазами прямо на Триффана и Спиндла:

— У меня есть имя, и я его называю, когда хочу. Надо же мне чем-то жить. Другие добывают себе червей лучше, чем я, вот и приходится приспосабливаться. Другие болтают, а я передаю. Ты меня ударил, и об этом я тоже расскажу. Кому я донесу, узнают, кто ты такой.

— Как же они узнают? — спросил Хей, который, похоже, был не из драчливых.

— Узнают! — заверила кротиха.

— Мы не причиним тебе вреда, и у нас нет секретов. Меня зовут Триффан, а это Спиндл, мой друг. Мы вернулись в Данктон и не собираемся никому вредить. Но скажи тем, кому ты все передаешь: если они попробуют причинить нам зло, то они от этого не выиграют. Ступай с миром и помни, что мы не собираемся никого обижать.

Кротиха как-то передернулась, недоверчиво потянула воздух носом, потом подошла поближе к Триффану и попросила:

— Дай мне червячка — и я рта не раскрою!

— Тебе стоит только попросить, — мягко ответил Триффан и пододвинул кротихе тех червей, что принес Хей.

— Ты добрый крот, — прошамкала она. — Было время, и я жила хорошо. Растила детенышей, кормила их. Да, было время. Два раза я рожала, пока со мной не приключилась болезнь. Только это было не здесь, ведь я не отсюда…

— Уходи! — не выдержал Хей. — Ты получила своих червей!

Но Триффан укоризненно посмотрел на Хея, припал к земле рядом со слепой кротихой, взял червяка и стал есть за компанию с ней.

— Откуда ты? — спросил он доброжелательно.

— Издалека, ох издалека. Как же давно это было! Теперь, глядя на меня, нипочем не скажешь, что у меня было два выводка: три и четыре кротенка. Да, милые мои детки, мне было тогда о ком заботиться…

— Расскажи мне о них.

— Охота тебе слушать мою чепуху!

Триффан подвинул слепой кротихе оставшихся червей и еще раз попросил:

— Расскажи.

И она рассказала, сбиваясь и то и дело принимаясь плакать, как все кроты, которые не привыкли к хорошему обращению. Они все время боятся прервать свой рассказ хоть на миг, чтобы слушатель не ушел. Но Триффан остался, Хей и Спиндл тоже. Наконец кротиха поведала Триффану историю своей жизни и собралась уходить:

— Мне пора. Как, ты сказал, тебя зовут?

— Триффан.

— А меня — Тизл. Очень приятно было познакомиться, Триффан. Я люблю поболтать. Да и кто не любит?

— В хорошей компании, конечно, — согласился Триффан.

— Твоя правда, — сказала Тизл.

Потянув носом, она определила, в какую ей надо сторону идти.

— Счастливо! — крикнула она и ушла, напевая себе что-то под нос. Неуклюже шатавшаяся из стороны в сторону, кротиха была единственной движущейся точкой в поле их зрения.

Когда Тизл скрылась из виду, Хей сказал:

— Теперь я знаю, почему про тебя, Триффан, и про Спиндла ходят легенды. У меня такое чувство, что наша сегодняшняя встреча была предопределена.

— Скорее всего! — жизнерадостно подтвердил Трифан. — А, Спиндл? У нас с тобой такая привычка — встречать нужного крота в нужное время, или, если говорить точнее, Камень посылает нам нужного крота всегда вовремя.

— Только не надо проповедовать! — шутливо встревожился Хей. — Я не очень-то гожусь в верующие.

— Как и большинство кротов, которые не пробовали, — ответил Трифан. — А теперь, пожалуй, нам надо найти какие-нибудь норы для ночлега. А ты бы рассказал нам, каким стал Данктон, пока нас тут не было. Спиндл волнуется, как мы будем жить, думает, что на нас непременно кто-нибудь нападет. Может, тебе удастся немного успокоить его.

— Договорились! Я расскажу вам, что знаю, а взамен вы мне расскажете, правду ли о вас говорят. Об угрозе нападения забудьте. Эти времена прошли. Есть, правда, у нас несколько придурков, от которых много шума, и они действительно живут в Вестсайде. Я поступаю с ними просто: посылаю их подальше, и они оставляют меня в покое.

— Так что ты о нас слышал? — спросил Трифан.

— Вы — единственные кроты, которые дали отпор грайкам, вы сделали это во имя Камня и с его помощью. Говорят, будто вы храбрые, умные и все такое, но я намерен верить только своим глазам.

— Это самое лучшее! — одобрил Трифан.

Итак, в тот день в Данктон пришли два крота, теперь их стало трое, и маленький отряд отправился на поиски ночлега.

❦

Данктонская система, куда они вернулись, представляла собой в ту пору картину безысходного тупого отчаяния по сравнению с атмосферой убийств и разбоя, которые царили в ней, когда сюда по приказу Хенбейн были приведены первые переселенцы. Рассказ Хея отчасти основывался на его собственном опыте, отчасти — со слов уже умерших кротов. А умерли здесь многие. Теперь состав населения стал более постоянным, и, хотя заболеваемость была очень высокой, смертность уменьшилась. Казалось, кроты притерпелись к тяжелой жизни, которая вызывала у них болезни и общее истощение.

— Да, те времена были ужасные, — сказал Хей, — кроты жили в постоянном страхе. Вначале сюда пригоняли только больных лишаем или всяческих подонков. И пока эти негодяи не

лишались рассудка или не покрывались язвами, они были здоровыми и сильными кротами. Можете себе представить, что тут началось, когда они получили полную свободу жить, как им хочется, и устанавливать свои законы. Хенбейн, должно быть, здорово хитра, если додумалась до такого! Здесь царил сплошной разбой! Сильные нападали на слабых, слабые — на умирающих, а умирающие питались умершими. Зараза распространялась Кажется, все болезни, которыми могут болеть кроты, собрались здесь. Если вам известна эта система, можете себе представить, что произошло. В Вестсайде много червей. Поэтому его захватили сильнейшие. Это была грязная жестокая банда. Они совершали набеги на Болотный Край и подвешивали слабых и больных на проволоке вокруг Лугов.

— У них был предводитель? — спросил Спиндл, которому всегда хотелось знать обо всех и обо всем.

— Вожак? Вожаки всегда находились, в основном всякие выскочки, но ни один из них не мог долго продержаться. Они тоже заболевали, слабели, умирали, их место занимали другие. Я слишком часто наблюдал эти смены власти, чтобы следить за ними. Во всяком случае, самые сильные из первой волны переселенцев обосновались в Вестсайде. Кто был поумнее, но слаб физически, затерялись в Болотном Крае. Крот с мозгами может там спрятаться. Я тоже жил там первое время после того, как пришел. Вот почему я знаю тамошние ходы, во всяком случае некоторые. Ну а кто пришел попозже и не сумел ужиться с вестсайдцами, осели в Истсайде, а как же иначе? Там они и жили, как могли, и вымирали. Разумеется, вестсайдцы нападали на них и уводили кротих… и не только кротих, иногда и кротов. В то время сюда пришло несколько молодых кротов, почти все они сошли с ума. Да, очень много было сумасшедших. Все это время Древняя Система, и в том числе знаменитый Данктонский Камень, находилась в лапах гарнизона грайков. Их начальницей была Бик. По злобе и подлости она не уступала Феск, своей предшественнице в Бакленде.

— Ты знал Феск? — удивился Спиндл.

— Не то чтобы знал, а видел ее раз или два. Я сам из Бакленда. Служил там у грайков. Я бы и сейчас еще был там, если бы не крот, которого вы однажды повстречали. Из-за него-то и начались все мои неприятности.

— Крот, с которым мы встречались? — переспросил Триффан.

— Да. Регворт. Он говорил, что познакомился с вами, когда вы приходили в Бакленд.

— Регворт, — повторил Триффан.

— Регворт сражался против грайков. Он пропал без вести во время катастрофы в тоннеле.

— Регворт знал Камень, — произнес Триффан.

— Знал Камень? — рассмеялся Хей. — Да он жил Камнем, он дышал им. Устраивал тайные собрания, обращал других кротов в веру, в том числе и моего друга Бориджа. Не знаю, какова судьба Регворта, но Боридж продолжил его дело. Он устроил собрание около Камня, на которое я имел несчастье прийти. Там нас и накрыли патрули, и, когда выяснилось, что я болен, меня, Бориджа и еще нескольких кротов отправили сюда. Мы попали во вторую волну переселенцев после воцарения Вайра в Бакленде.

— Так Боридж здесь? — спросил Спиндл.

— Да, он жив, но его мучают угрызения совести, — ответил Хей. — Он живет в общем неплохо и помалкивает о Камне. Ему не нравятся фанатики Камня, которые всем навязывают свою веру. Он теперь раскаивается, что раньше сам проповедовал и навлек беду на многих. У него есть подруга, но, в общем-то, он весь в себе. Из-за него многие пострадали — Бориджу теперь стыдно.

— Почему из-за него пострадали?

— Потому что он струсил. Грайки угрожали ему подвешиванием, и он выдал имена последователей Камня в Бакленде. Нельзя его винить. Я наверняка тоже проболтался бы, если бы мне угрожали такими муками. Никто особенно и не осуждает Бориджа, но немногие с ним разговаривают. Живет, склонив голову.

— Я хотел бы увидеть Бориджа, — сказал Триффан. — Он кажется мне достойным кротом.

— Ага. Может быть, так оно и есть. Ну так вот, как я уже говорил, Бик отправили сюда против ее воли, а среди ее грайков распространился лишай, и она тоже заболела. Тогда Вайр приказал им оставаться там, где они были, то есть в тоннелях неподалеку от Камня, и они тоже оказались пленниками. Некоторое время Бик держалась, но потом ослабела. Никто точно не знает, что там произошло, но, вероятно, однажды грайки взбунтовались и убили Бик — подвесили ее на всеобщее обозрение прямо перед Камнем. Потом они перешли границы, преступать которые им было запрещено, и хлынули в тоннели Вестсайда. Очень страшные времена, но я-то пришел месяцем позже и уже не застал самого худшего. Вообще-то, наверное, все произошло из-за того, что грайкам нужны были кротихи, а Бик запрещала им иметь дело с местными самками. Тогда грайки подвесили ее и ринулись в Вестсайд. Надо сказать, что кротихи особенно не возражали.

— Так значит, в Вестсайде родилось много детенышей? —

спросил Триффан.

— Ни одного! Я имею в виду ни одного живого. Было несколько мертворожденных, но ни одного живого!

— Это из-за лишая?

— Да, ведь лишай приводит к бесплодию.

— Не всегда, — сказал Триффан, вспомнив о своих детенышах. Да он никогда и не забывал о них!

— Как водится, кроты обвинили кротих, а кротихи — кротов. Вот почему стали особенно цениться здоровые на вид кроты. Ты можешь быть уродлив, как червяк, но, если на тебе нет язв, тебя примут с распростертыми объятиями. Той весной все поняли, что, если хоть один из родителей болен лишаем, надежды на потомство нет. И не только лишаем. Как называется эта болезнь из Эйвбери, которая приводит к слепоте, а в конце концов — и к безумию?

— Ящур, — сказал Триффан.

— Вот именно. Как бы там ни было, кроты стали бесплодны. А летом еще много умерло. Грайки стали терять власть. Никто уже не помнил, кто есть кто, выживал сильнейший и хитрейший. Еще оставалась слабая надежда на осенних кротят, но опять ничего не получилось.

Вот тогда и начался настоящий упадок. Всеми овладело уныние, ведь без молодых система умирает. Конечно, кое-кто пытался уйти, но к коровьему тоннелю нагнали побольше грайков, беглецов ловили и убивали. Самым сильным и ловким все же удалось прорваться. Остались лишь старые и больные, ну, еще несколько таких, как я. Мы пока здоровы, но отсюда нам не выбраться. Впрочем, крот живет надеждой.

Сейчас январь. Многие кроты хотели бы иметь потомство, но знают, что это невозможно. Теперь все немного успокоились. Земли Вестсайда по-прежнему остаются самыми лучшими, хотя порядка там нет. Несколько вожаков, кучка приспешников, циничные кротихи, но молодых нет, система умирает. Не то чтобы количество жителей снижалось, нет, за этим-то Вайр следит! Все время присылают новеньких. В конце весны ожидается еще одна партия молодых кротов: больных, последователей Камня, бандитов, — ну тогда держитесь! Тогда не поднимай головы! А пока более или менее тихо.

Некоторые, конечно, будут пытаться бежать, в основном кротихи, в надежде родить детенышей на воле. Некоторые просто сходят с ума от того, что не могут родить. В конце концов, зачем это все нужно, если нельзя продолжить свой род? Здешние кроты, сами понимаете, не молодеют. У кротих не остается надежды.

— Все то же, что и в Вене, Триффан, — сказал Спиндл.

Триффан кивнул:

— Похоже, кротовий мир вымирает!

— Не знаю, как другие системы, — сказал Хей, — но эта — точно.

— А эти фанатики из Болотного Края? Почему ты подумал, что мы из них? — спросил Спиндл.

Хей улыбнулся:

— Я недолго так думал. Там, внизу, в Болотном Краю, живут умные кроты или те, кто считает себя умными. Им просто необходимо спорить о чем-нибудь, поэтому там нужно быть или за Камень, или за Слово. Особой разницы нет, как мне кажется: и те и другие хороши! Они посылают проповедников в Истсайд вербовать новых сторонников. Сами понимаете, когда крот болен, он во что угодно поверит, лишь бы ему обещали облегчение или помощь. А эти фанатики просто звереют, если ты сопротивляешься, поэтому большинство избегает их. В конце концов они тоже заболевают и умирают. Куда бы я вам посоветовал пойти, так это на восток Болотного Края. Там сыро и климат плохой, зато там есть несколько серьезных кротов, которые живут сами по себе, Боридж тоже там. И я туда собираюсь на некоторое время. Если в системе узнают, что ты Триффан, тебе не избежать встречи с вестсайдцами. Лучше всего сразу отшить их. Тогда они в конце концов оставят тебя в покое. Были времена, когда ты бы и часа не прожил, если бы не перешел в их лагерь. Теперь они слишком стары, чтобы драться всерьез, кроме разве что нескольких отпетых мерзавцев.

— Живет ли кто-нибудь около Камня?

— Нет, но вестсайдцы никого не подпускают к нему, пресекают всякие попытки кротов Истсайда. Они объясняют это тем, что паломники, дескать, едят их червей. Верно, едят. Последователям Камня, ясное дело, не нравится этот запрет, но вестсайдцы всегда могут прибегнуть к помощи кротов Слова. Была тут заваруха в Самую Долгую Ночь: верующие отправились было к Камню, но ничего у них не вышло. И вот что страшно…

— Ну-ну, говори! — ободрил Хея Спиндл.

— Удивительное было тогда небо. Звезды такие яркие, что в лесу стало светло, как днем. И еще эта Звезда на востоке… и всякие разговоры… Дескать, что-то должно произойти…

— Крот Камня… — произнес Триффан.

— Вот именно, Крот Камня. Тогда я в последний раз видел Бориджа, в Самую Долгую Ночь. Они с подругой пробирались к Камню. Она, так же как и все, очень хочет родить, но не может, бедняга. Заболела, когда они пришли сюда. Кожа да кости — так исхудала! Думала, что если бы смогла дотронуться в ту ночь до

Камня, может, и родила бы весной. Я сказал ей, что глупо даже пытаться, но эти кротихи ничего не хотят слушать!

— И что же, она дотронулась до Камня? — тихо спросил Трифан.

Хей пожал плечами:

— Может быть. Она упорная. А по-моему, она просто бередит свои раны.

❦

В последний раз Трифан был в Болотном Краю много кротовьих лет назад, когда юг системы уже захватили грайки Хенбейн и беженцы устремились на север. Но теперь настали другие времена.

Очертания низкорослых деревьев терялись в тусклом свете. Лежал снег. Птиц было не видно и не слышно, стояла бесцветная болезненная тишина. Черви, которые им попадались в сырой, черной и холодной земле, были бледные, тонкие и почти несъедобные.

Спиндл чувствовал себя неуютно. Он тщетно пытался выбрать приличное место для ночлега. Даже жизнерадостный Хей как-то сник. Однако Трифан, несмотря на усталость, с удовольствием продолжал беседовать с ним. Он рассказывал Хею, каким прежде был Данктон.

В тоннелях, где они решили устроиться на ночлег, жило много кротов, и весть о чужаках распространилась быстро. Скоро стало известно, что один из них — сам Трифан, а другой — Спиндл, о нем здесь тоже слышали.

Ночью кроты стали собираться послушать Трифана. Сначала они подходили робко и неуверенно, потом освоились, и постепенно их набралось девять или десять. Пришло несколько фанатиков, которых легко было узнать по елейным улыбкам и неудержимому желанию говорить. Но другие кроты зашикали на них: сейчас говорил незнакомец, и всем было интересно, что он скажет.

Словно в противовес повествованию Хея о последних годах в Данктоне, Три ан рассказал о времени, предшествовавшем его рождению, когда старейшиной в Болотном Краю был уважаемый и любимый всеми крот Меккинс. Он рассказал, как Меккинс помог Брекену и Ребекке и как однажды ночью он отправился к Камню, чтобы помолиться о Ребекке.

Слезы навернулись на глаза этих подавленных, изможденных и потерявших надежду кротов, когда Трифан поведал им о том,

как молитва Меккинса была услышана, и он нашел детеныша, названного потом Комфри, и принес его Ребекке, и было это здесь, в Болотном Краю.

Среди собравшихся были кротихи, худые, с пересохшими сосцами. Они плакали в голос, слушая рассказ Триффана о времени, когда в этой системе еще слышались крики детенышей. Некоторые осмеливались спросить:

— А какая была Ребекка? Разрешалось ли ходить к Камню кротам из Болотного Края?

Триффан отвечал им всем. Кроты слушали, затаив дыхание. Потом, подталкивая друг друга, кротихи стали перешептываться:

— Еще наступит время, когда мы услышим писк детенышей в этих тоннелях!

— Да, да, должны наконец наступить хорошие времена!

Позже, когда собравшиеся разошлись так же тихо, как пришли, глубоко тронутый Триффан сказал Спиндлу:

— Только сейчас я понял, что у меня есть родина, где кроты будут рады продолжить начатое до них, узнать побольше о жизни своих предков. Я больше не покину Данктон, Спиндл, никогда в жизни, даже если сам Крот Камня призовет меня! Здесь теперь мое место, и я верю, что в эти тоннели еще вернутся и вера, и надежда. А к Камню мы скоро пойдем. Если кроты не в состоянии жить мирно в такой системе, как эта, где же они вообще могут жить?

Здесь наша миссия, Спиндл, и мы выполним ее. Будем действовать убеждением, а не когтями и зубами. Начнем записывать все, что знаем, и научим грамоте других. Будем спокойно размышлять в тишине. Конечно, эта тишина не сравнится с Безмолвием Камня, но и она принесет пользу здешним кротам.

Мне кажется, Спиндл, горе, которое я испытал в Верне, и боль, которая до сих пор мучает меня почти постоянно, будут напоминать мне о боли всех кротов, оторванных от своей родины и от близких и вынужденных против своего желания пускать в ход когти. Конечно, нельзя всю жизнь прожить в мечтах, забыв, где ты находишься на самом деле. Мы должны спокойно и постепенно научить нынешних обитателей Данктона любить свой дом.

Эти ослабевшие лапы, эти когти, когда-то такие крепкие, — Триффан приподнял правую лапу и печально посмотрел на рубцы и искривленные когти, — снова научатся писать. Завтра и начнем, Спиндл. Но прежде всего мы пойдем к Камню, чтобы поклониться ему и возблагодарить его.

Скоро придет Крот Камня, и я молюсь, чтобы нам было позволено увидеть его. Звезда возвестила о Пришествии, многие

ее видели, многие, как и мы сейчас, ждут начала новой жизни.

Каждый крот пойдет своей дорогой и каждый найдет свое. Кроты должны жить, зная самих себя, любя ближнего, относясь с уважением к месту, где они живут. А это значит — никаких драк, резких, необдуманных слов, безграничной уверенности в собственной правоте. Итак, завтра…

Завтра началось той же ночью. Пока Трифан спал, Спиндл записал сказанное им на куске коры. Так было положено начало книги, которую историки называют «Летописи Болотного Края».

Глава пятнадцатая

Той же ночью в Данктонском Лесу выпал глубокий снег. Мягко и неслышно ложился он на черные ветви деревьев и тяжело падал на землю. Вместе с чистым пушистым снегом Данктонский Лес покрыла особая тишина, ознаменовавшая возвращение Триффана.

Под прикрытием снега Триффан и Спиндл смогли отправиться к бывшей Линии Обороны Болотного Края, где когда-то скрывался Скинт со своим отрядом. Только Хей знал, куда они пошли. Ни кротам, ни другим обитателям леса не были известны эти ходы. Все там осталось таким же, каким было при Скинте.

Здесь Триффан мог на время укрыться от чужих глаз. Здесь они со Спиндлом положили начало времени, которое позже станет известно как Эра Великой Письменности, чего так давно жаждал весь кротовий мир. Один из них был летописцем, обученным самим Босвеллом, другой — грамотным кротом, не посвященным, но, несомненно, отмеченным Камнем. Спиндл писал о Комфри и Тайм, Старлинг и Бэйли, о Хоуме и бесстрашном Мэйуиде, чтобы кроты будущего знали, какими были кроты прошлого и как сложились их жизни.

Спиндл занимался составлением библиотеки, как он уже делал это раньше в Древней Системе, в Хэрроудауне и в других местах.

Суровый февраль принес в Данктонский Лес смерть и отчаяние. Триффан и Спиндл не видели этого, но Хей рассказывал им обо всем. Холод парализует волю к жизни, и многие кроты, хотя и казались еще крепкими, погибли. А новые не пришли.

К концу февраля, когда в системах обычно наступает оживление, кроты начинают брачные игры и думают о будущих детях, в ходах Данктона царила мертвая тишина. Казалось, в них навеки поселилась зима. Снег превратился в ледяную корку, испещренную следами лис и шершавую от клочьев коры, упавших со старых деревьев.

Если где-нибудь над кротовьим миром и светило солнце, оно редко проникало в Данктонский Лес и никогда не показывалось в Бэрроу-Вэйле, бывшем когда-то сердцем системы Ребекки и Брекена. Входы во все тоннели были завалены снегом, кроты сидели под землей и ждали весны. Надежды на потомство у них уже не было.

Изможденные кроты и кротихи соединялись друг с другом, издавая крики не наслаждения, а отчаяния. Они были больны, а

значит, бесплодны. А землю покрывала ледяная корка, и ветер пробирал до костей.

Наступил конец февраля. Триффан и Спиндл продолжали свой труд, окруженные страданием и горем. Они как раз вписывали сейчас в свою летопись самые темные страницы: о Вене, о диких бесчинствах грайков, о Руне. Дни летописцев разнообразили лишь тайные приходы Хея. Правда, он приносил лишь печальные вести о системе, лишенной будущего, скованной морозом и льдом.

Однажды Хей пришел, как раз когда Триффан делал записи, и потому долго беседовал со Спиндлом наедине:

— …Грайки все еще там, у коровьего тоннеля. Я разговаривал с кротихами, которые туда ходили. Искали себе пару. Но грайки не станут спариваться с данктонскими кротихами — боятся заразы. К тому же у них сейчас другое на уме. Они получили приказ с пристрастием проверять всех приходящих в Данктон — боятся Крота Камня. Думают, что он идет сюда! За последние недели почти никого не пропустили, во всяком случае мужского пола. Так что если он и объявится, то не здесь!

Хей вдруг прервал свой рассказ, заметив, что Спиндл выглядит совсем усталым и больным.

— Ты случайно не заболел? — обеспокоился Хей. — В этом году Данктон не самое лучшее место для зимовки!

Спиндл покачал головой:

— Времена всегда трудные. Я просто устал. Мне нужно передохнуть. А Триффан последнее время все молчит. Ему кажется, что он не справился со своей задачей, что он виноват перед кротами. Кроме того, он разлучен с теми, кого любит.

— Многие здесь были бы рады встретиться с Триффаном, — возразил Хей. — Кроты знают, что вы здесь, в системе, только, я думаю, не многие догадываются, где именно. Но мы уважаем ваше молчание и затворничество. Многие кроты гордятся уже тем, что вы именно здесь ведете свои записи и этим создаете какое-то будущее Данктону, обреченному стать системой больных стариков. Как знать, может быть, все же настанут лучшие времена и детские крики опять будут раздаваться там, где сейчас слышны лишь стоны умирающих.

Спиндлу было приятно услышать все это. Он предложил Хею взглянуть на готовые записи.

— Зачем? — даже испугался Хей. — Я ничего там не пойму.

Спиндл улыбнулся:

— Я ведь тоже когда-то не понимал. Но теперь, как и Триффан, я думаю, что всех кротов следует учить грамоте. Сначала жить, говорит Триффан, потом записывать. Жизнь учит

нас познавать душу и тело, письмо — ум. Пойдем, я покажу тебе…

Вот так Хей, совершенно неграмотный в то время крот, первым увидел и прикоснулся к великим записям, сделанным Триффаном и Спиндлом той зимой. Рукописи лежали на простых полках в глубоких тоннелях Болотного Края, недалеко от старого высохшего дерева, корни которого были как раз на пересечении тоннелей.

Хей смотрел на рукописи со смесью страха и почтения. Спиндл с трудом уговорил его дотронуться до одной из них.

— Что это? — спросил Хей.

— Это одна из моих записей, — ответил Спиндл. Он пробежал когтями по строчкам и прочел: — «Предварительный Каталог манускриптов, хранящихся в Хэрроудауне, и Воспоминания о последних днях Брейвиса и его мученической смерти вместе с Виллоу, достойнейшей кротихой из Грассингтона».

— Да ты, должно быть, очень умный крот, если написал все это! — восхитился Хей. Потом он спросил о другом свитке.

— А это — о моем раннем детстве в Семи Холмах, — пояснил Спиндл и добавил слегка извиняющимся тоном, хотя и не без некоторой гордости: — Я быстро пишу.

Потом он показал несколько листов с записями Триффана.

— Вот этот озаглавлен: «Путь к Безмолвию. Наставления Белого Крота Босвелла», — сказал Спиндл. — Конечно, мы понимаем, что никогда не сможем сделать всего, что нужно. Никто не успевает записать все…

Вдруг Спиндл умолк, и гримаса боли исказила его рыльце. Хей подбежал к нему, но Спиндл, не в силах говорить, знаком остановил его. Через несколько минут он снова дышал ровно и спокойно.

— Что с тобой? — спросил Хей.

— Так… ничего, — ответил Спиндл.

— Что-то не похоже! У тебя раньше бывали подобные приступы?

— Дважды, — сказал Спиндл. — Прошу тебя, ничего не говори Триффану, я не хочу попусту волновать его. Эта зима такая долгая! К тому же путешествие из Верна очень утомило меня. Пожалуйста, ничего не говори Триффану.

— Ну хорошо, — неуверенно пообещал Хей. Потом, уже более жизнерадостно, он добавил: — Я думаю, нужно, чтобы еще кто-то навещал вас, кроме меня. Есть один крот. Вы можете доверять ему. А он очень хотел бы увидеться с вами. Это Боридж.

— Я не знаю… Думаю, что Триффан не будет…

— Чего я не буду? — спросил Триффан, подходя к ним.

Узнав, о чем речь, он сразу согласился:

— Спиндл всегда старается уберечь меня от всех. Но мы провели здесь столько времени совершенно одни! Скоро наступит весна, пусть даже мы этого не чувствуем! — Триффан говорил весело потому, что хорошо потрудился и был доволен своей работой. — Приводи к нам Бориджа!

Через два дня Хей пришел с Бориджем. Этот крупный крот держал себя с достоинством почитателя Камня, который твердо верит сам, но никому не навязывает своих убеждений. Как у всех кротов, побывавших в лапах грайков, на теле Бориджа остались следы побоев. Видно было, что и болезни не обошли его стороной.

Триффан поздоровался и долго молча смотрел на гостя. Боридж, казалось, опасался Триффана.

— Разве ты не привел с собой подругу? — спросил Триффан.

Триффан достиг такого совершенства собственной души, что стал способен читать в душах других кротов.

— Да, привел, — смущенно выдавил Боридж.

— Тогда позови ее, — мягко предложил Триффан.

Она тихо вошла, и всем показалось, будто вместе с ней к ним вошла надежда… Она была худа и больна, но глаза ее светились любовью и нежностью к Бориджу. Однако Спиндл заметил, что она не выглядела спокойной, счастливой кротихой, живущей в мире с собой.

— Это Хизер, — представил ее Боридж.

Триффан подошел поближе и дотронулся до ее лапы.

— Мы много слышали о Бориджe, — сказал он. — Для нас большая честь познакомиться с его подругой.

Хизер ничего не ответила. Воцарилось молчание, которое Триффану не хотелось нарушать.

— Ты благословишь меня? — вдруг спросила Хизер. — Ты благословишь меня, чтобы у меня было потомство?

Триффан накрыл ее лапу своей и ответил:

— Когда-то давно я исцелял кротов, но теперь я сам заблудился, Хизер, и еще не нашел дороги. Исцеление совершает не целитель, а сам страждущий. Целитель — лишь проводник великой силы Камня, которая через него переходит к больному.

— Прошу тебя! — настойчиво повторила кротиха. Боридж подошел поближе.

Триффан печально повторил, что вряд ли сможет излечить ее от бесплодия.

— Разумеется, я и не думала, — сказала она, — что ты излечишь меня. Это было бы неправильно — ведь таких, как я,

много. Они все прибежали бы сюда, если бы ты мог. Кротиха не живет, а медленно умирает, если она не в состоянии иметь детенышей.

Хизер улыбнулась, и в ее улыбке было кроткое смирение и покорность судьбе. Однако Спиндл заметил, что она все еще на что-то надеялась, чего-то ждала и не успокоится, пока не испробует все.

— Почему ты хочешь иметь детей? — спросил Трифан.

— Ты мог бы с таким же успехом спросить, почему я хочу дышать или есть. Это путь всякой кротихи, она должна кого-то воспитывать, кому-то рассказывать…

— А что ты расскажешь своим детенышам, когда они у тебя будут? — спросил Трифан.

Глаза ее потеплели, на них навернулись благодарные слезы. Да, она была благодарна Трифану за то, что он сказал «будут», а не «были бы» и «когда» вместо «если».

— Когда у меня будут кротята, — ответила Хизер, усаживаясь поближе к Бориджу, — я буду так счастлива, что первым делом расскажу им про Камень, который слышит и хранит нас. Потом я скажу им, что их родина станет лучшей в мире и от них зависит сделать ее такой. А это совсем не трудно — надо только не совершать ничего дурного. О, у меня найдется, что сказать им! Например, я скажу, что им повезло с отцом, да и с матерью тоже. Я расскажу им сказки и спою песенки, которые знаю. И я уж позабочусь, чтобы они различали, где у них правая лапа, а где левая, потому что тот, кто не различает, спотыкается. Все это мне придется повторить им не один раз: даже простые истины нуждаются в повторении!

Потом, когда они подрастут, я расскажу им обо всем, что знаю сама, и, надеюсь, они мне поверят! Вообще-то, крот лучше постигает мир, когда он учится сам, поэтому, может быть, я просто объясню своим детишкам, что всегда буду рада помочь им в случае нужды. Потом, когда придет осень и они будут готовы уйти из родной норы, я скажу, что скоро они будут самостоятельными во. всем, но… Но всегда есть Камень — это во-первых. А во-вторых, Боридж и я, мы по-настоящему любим друг друга, и, когда они поймут это, они станут взрослыми, и я смогу гордиться ими!

Все молчали, пока она говорила. Трифан низко склонил голову. На своем веку он видел и знал много кротов, но всякий раз Камень приводил к нему очередного крота, у которого было чему поучиться!

— Очень давно, когда я был маленьким, к моей матери, Ребекке, целительнице, приходили кротихи, которые не могли

забеременеть. Я помню слова заговора. Может быть, Хизер, ты позволишь мне сказать их тебе?

— Да, прошу тебя, — ответила она.

И Трифан произнес слова, которые его мать когда-то говорила кротихам, не способным забеременеть:

Есть заклинания от бесплодия,
Но лишь Камень дает детей.
Есть заговоры от пустого гнезда,
Но лишь Камень его наполняет.
Есть заклинания для матерей,
Но лишь Камень дарует счастье материнства.
Есть заговоры для отцов,
Но лишь Камень дарует радость отцовства.
Есть заклинания для счастья в любви,
Но лишь Камень дарует его.
Да, Камень дарует все это.
Услышь мольбу этой кротихи, о Камень!
У нее нет детей, но она хочет их.
Услышь мольбу этой кротихи, о Камень, Ибо вера ее велика.

Трифан произнес эти слова негромко и напевно. Хизер прикрыла глаза и не открывала их еще некоторое время после того, как Трифан умолк. Когда же она открыла глаза, в них стояли слезы.

— Никому не говори о том, что я сделал, Хизер, и верь! Хотя, увы, я сейчас больше летописец, чем целитель.

Трифан улыбнулся Хизер и обратился теперь к Бориджу. Они долго беседовали о Бакленде, о переменах, которые произошли там после того, как Трифан вывел своих кротов из Слопсайда, и позже, когда пришел Вайр.

— Он силен и опасен, этот Вайр, и очень предан Верну, — сказал им Боридж. — Пока он удерживает власть в Бакленде, верующие не смогут открыто поклоняться Камню и совершать свои обряды. Грайки слишком сильны. Мы не сможем одолеть их.

— Теперь это занимает меня меньше, чем раньше, — ответил Трифан. — Хотя, наверное, услышь мои слова кто-нибудь из верующих, это ему не понравилось бы. Но когда настанет день выйти и про возгласить свое право на отправление наших обрядов, мы будем убеждать, а не драться. Боюсь, что Алдер и Маррам в Шибоде вдохновили кротов на борьбу там, где можно было бы действовать мирным путем. Добротой и убеждением добьешься больше, чем когтями. Я понял это дорогой ценой. Хорошо, если бы эти двое заплатили меньшую цену!

— Но каким образом теперь можно что-либо изменить? — спросил Боридж.

Трифан нетерпеливо передернул плечами:

— Грядет Крот Камня, и только он может указать нам дорогу. Возможно, мы не доживем и не увидим его, но он придет! Те, кто моложе нас, наверняка дождутся его. Я же счастлив тем, что нахожусь в Данктоне и веду свои записи, которые когда-нибудь прочтут другие. Хотя, думаю, у Спиндла получается интереснее. Он пишет о простых кротах и недавних событиях, а такие рассказы всегда занимательнее, чем рассуждения на духовные темы.

Все слушали молча. Потом Боридж сказал:

— Здесь, кроме меня, еще многие кроты хотели бы побеседовать с тобой, Трифан. Их бы очень поддержали твои слова. Может быть, ты согласишься беседовать с ними? Сейчас здесь не так опасно, как было раньше… Но вокруг столько смертей, болезней, отчаяния.

Трифан покачал головой:

— Когда-то я мог проповедовать. Например, по пути в Верн, помнишь, Спиндл? Помнишь системы, куда мы заходили, и бесстрашных последователей Камня?

— Да, я все это помню, — ответил Спиндл, — и многое записал.

Трифан усмехнулся и спросил:

— Интересно, а записал ли ты про то место, которое я помню лучше всего, или ты не заметил, что оно мне особенно дорого?

Спиндл нахмурился, припоминая, потом сказал:

— Это, вероятно… — и замолчал.

— Вы только посмотрите! — засмеялся Трифан. — Он записывает все, кроме того, что мне особенно запомнилось!

Все рассмеялись. Спиндл тоже расплылся в улыбке:

— Ты говоришь о Биченхилле. Ему посвящены целых три страницы моих записей.

Хей, Боридж и Хизер растрогались при виде того, как Спиндл хорошо знает Трифана и как любит его. Такая привязанность теперь была редкостью в Данктонском Лесу, и кроты, вынужденные жить здесь, тосковали по ней.

— Надеюсь, вы передумаете, когда погода станет получше. Многие будут рады вам, — не успокаивался Боридж. — Что касается вестсайдцев, то они много шумят и угрожают, но все это пустая болтовня. Не думаю, что они осмелятся напасть на вас.

Трифан почувствовал усталость, и Спиндл проводил гостей. Когда они ушли, Трифан сказал Спиндлу, что их затворничество длится уже достаточно долго, да и лапа у него побаливает от

письма, поэтому немного поразмяться не повредит. Пожалуй, они скоро выйдут и встретятся с другими кротами.

❦

Многие кроты запомнили первое появление Звезды Самой Долгой Ночью. Многие заметили страшную тяжесть и духоту, распространившуюся по всему кротовьему миру в тихие мартовские дни, предшествовавшие второму появлению Звезды. Все понимали, что последнее, третье ее появление будет означать появление Крота Камня.

Хотя большинство кротов и сидело по своим норам, некоторых март все же застал в пути. Это было не совсем обычно и потому запомнилось. Маррам шел из Шибода. Он ориентировался по Камням, которые они с Алдером видели по пути на запад. Маррам был опечален возвращением в одиночестве, но говорил себе: такова воля Камня. Миссия Алдера сейчас состояла в организации сопротивления в Шибоде и окрестностях. Маррам шел, с каждым днем приближаясь к Данктонскому Лесу.

❦

Скинт и Смитхиллз тоже были в пути. Они, как всегда, ворчали друг на друга и спорили, однако неуклонно продвигались на юг. Оба радовались, что они «при деле», как Скинт это называл. Они не знали, что их ожидает в Данктоне, но были наслышаны от грайков о бедствиях в этой системе.

Из Верна был послан приказ найти Триффана и Спиндла. Скинт и Смитхиллз, конечно, тоже слыхали о нем, и это еще больше укрепило их решимость поскорее прибыть в Данктон. Они, конечно, немолоды, но Триффану вполне могли пригодиться их когти.

У Скинта и Смитхиллза были и другие причины спешить. Они узнали, что на запад выслали отряды грайков, потому что в Шибоде зрело восстание. Подтягивались также силы для отражения возможных набегов с востока. Говорили, что сам Рекин будет отозван из отставки, и еще говорили, что Вайр, находящийся в Бакленде, сам поведет кротов на Шибод.

Войны, интриги, подозрения — плохие времена для путешественников и в то же время хорошие. Грайки слишком заняты, чтобы обращать внимание на двух морщинистых старых

кротов. Однако, чтобы не пропасть, следовало держаться настороже. Вокруг было полно сидимов, они распространяли слухи о Хенбейн, жуткие рассказы о смерти Хозяина, истории слишком страшные, чтобы повторять их даже шепотом. Сидимы все вынюхивали и всех расспрашивали. У Тайной разведки имелся приказ искать двух подростков: худого, покрытого шрамами крота Мэйуида и предательницу из числа сидимов Сликит. Поэтому Скинт и Смитхиллз старались не привлекать к себе внимание и держать язык за зубами.

Говорили еще, что сидимы разыскивают крота кротов, то есть Крота Камня, которого ужасно боялась Хенбейн. Она выслала на юг молодых сильных сидимов, которые продвигались куда быстрее Скинта и Смитхиллза.

Тяжелые, тревожные времена! Времена, когда Марраму, Скинту, Смитхиллзу и всем, кто в пути, надо было быть очень осторожными и хорошо скрывать свои секреты.

Была еще одна путешественница — Фиверфью, облезлая кротиха, говорящая на странном диалекте. Ей освещал дорогу отблеск Звезды, все еще живший в глазах Фиверфью, и вера, которая провела ее по самым извилистым и опасным тоннелям Вена. Она шла одна, без проводников и помощников, но ее вел Камень — лучший из поводырей. Она добралась до пустоши, упоминаемой Старлинг и Хитом, и на выходе из сводчатого тоннеля увидела крота. Крот был стар и слаб. Фиверфью подошла и обратилась к нему по имени.

— Рован, — сказала она, — проводи меня немного.

Он повел ее, не сказав ни слова, как будто всю жизнь только и ждал этой просьбы. Они пошли к толстому Корму, и тот повел Фиверфью дальше, а потом ее вел Мурр по самым запутанным тоннелям к западной оконечности Вена.

Она почти все время молчала, но все кроты, помогавшие ей тогда, расставаясь с ней, не могли сдержать слез. На их вопросы, куда она идет, Фиверфью неизменно отвечала, что идет на свет Звезды. Там будут Безмолвие и Свет, там она исполнит свою миссию.

— Какую миссию? — спрашивали они.

В ответ она лишь улыбалась и шла дальше.

Так Фиверфью и вышла из Вена, с помощью Камня и простых кротов, почти незнакомых ей. Казалось, она видит свет, не видимый другими. И вот наступил день, когда она начала взбираться на утес, на вершине которого высился Камень Комфри.

Середина марта. Сумерки. Когда небо такое чистое, звезды загораются рано, одна за другой. Мириады огней сияют над Веном.

Бэйли волновался. Он уже давно не выглядел самовлюбленным капризным увальнем. Теперь в его глазах была забота и усталость. Он беспокойно взглядывал то на огни Вена, то на Камень Комфри, то на лежавшего без движения старого Босвелла. Старик страшно исхудал и дышал с трудом. Иногда он начинал метаться, когти скребли снег, голова покачивалась из стороны в сторону.

— О Камень, — прошептал Бэйли, — прошу тебя, помоги ему, потому что я уже не в силах помочь. Я вижу, как он страдает, но не знаю, что делать. Он отказывается от еды и не хочет идти в нору. Он так устал, о Камень, но не может уснуть. Он страдает, и ничто не может облегчить его страдания. А я всего лишь крот, обыкновенный, не очень умный, и мало знаю…

— Бэйли, — прошептал Босвелл. — Она еще не пришла? Попроси Камень позвать ее! Попроси!

— Я прошу, — ответил Бэйли, глядя то на Камень, то на звезды на небе. — Босвелл, я не знаю, что делать, я правда не знаю!

— Просто не дай мне замерзнуть, пока она не придет…

— Кто она? Ты не сказал мне, кто она! Ты зовешь ее уже несколько недель и не говоришь, кто она.

— Ты узнаешь это, — ответил Босвелл. — Ты это узнаешь, друг мой.

Босвелл болел уже давно, может быть, с тех пор, как они впервые подошли к Камню Комфри и увидели сияние, которое потом угасло. В последующие дни Босвелл уходил в нору, чтобы согреться и поесть, но каждый день поднимался на поверхность и, глядя на восток, в сторону Вена, шептал:

— Она идет. Ей нужна моя помощь, чтобы добраться сюда. Она скоро придет, Бэйли. А я так устал! Больше я ничего не могу. Молись за нее, Бэйли. Помоги ей, когда она придет. Это твоя миссия, мой дорогой.

Босвелл повторял это снова и снова. Выпал снег, но его тут же сдул ветер, и земля вокруг Камня оставалось голой, а на склонах видна была прошлогодняя трава.

— Надо помочь ей… Помоги ей, Бэйли, когда она придет. Молись за нее… молись за меня тоже. — Иногда мысли Босвелла путались, он называл Бэйли именами других кротов: то Триффаном, то Комфри, то Брекеном, то Ребеккой. Были и такие имена, каких теперь не бывает. Как-то Босвелл даже спутал его с Бэллаганом, первейшим из кротов.

— Я — Бэйли, — шептал испуганный крот, но Босвелл отвечал:

— Нет, нет, мой дорогой, ты теперь не Бэйли… Она идет? Я так жду ее!

Так прошли эти ужасные последние недели. Сначала Босвелл не захотел больше спускаться в нору. Потом стал отказываться от пищи, слабеть и таять на глазах удрученного Бэйли.

❦

В тот последний день ему было больно дышать, голос стал совсем слабым, тем не менее он все спрашивал:

— Ты видишь ее? Она уже пришла?

Но Бэйли никого не видел на крутом склоне. Сначала огни Вена горели ярче, чем звезды, но постепенно блеск звезд становился все сильнее. Той ночью было очень холодно. Бэйли устал. Он тяжело переживал страдания Босвелла. Звездный свет заливал землю вокруг Камня, белый мех Босвелла светился. Он ждал кого-то, к кому уже не мог выйти навстречу. Он должен ждать! Он должен перенести эти страдания.

— Она пришла?.. Она так нужна мне сейчас, Бэйли… Она пришла? — шептал несчастный Босвелл, и сердце Бэйли разрывалось от жалости. Он еще раз обратился к Камню Комфри:

— Помоги ему, Камень, пошли ему свое Безмолвие, помоги ему!

Потом Бэйли припал к земле рядом с Босвеллом, как будто так он надеялся защитить его от недуга. Этого не смог бы никто. Босвелл пробормотал что-то невнятное. Казалось, что его освещенное звездным светом тело с каждым мгновением становится все более хрупким.

— Она пришла?..

— Да, пришла!

Бэйли вдруг увидел ее. Она поднималась, худая, с облысевшей головой. Казалось, она явилась, чтобы отнять у Бэйли его Босвелла! Бэйли вскочил с криком:

— Нет! Нет!

Он боялся, не зная, кто она и зачем пришла. Он испугался и странного звука, который вдруг расколол небо. Ему уже приходилось слышать такой звук.

— Да… да, — еле слышно произнес Босвелл. — Да, теперь наступил звездный час для кротов… Она пришла!

Бэйли был готов бежать к ней, остановить, не подпустить к Босвеллу. Ее тело покрывали язвы. Она была отвратительна. Она

пришла, чтобы забрать доброго Белого Крота.

— Я люблю его, — прошептал Бэйли.

Она ответила, что знает это. Бэйли теперь ничего не видел, кроме света вокруг Камня. Голос Босвелла и голос этой кротихи слились в один чудный звук, и бедный Бэйли заплакал, потому что не в силах был вынести такой красоты.

— Бэйли, дорогой, ты отведешь меня туда, откуда пришел?

— В Данктон? — спросил он, боясь взглянуть на нее.

— Туда, где Триффан, — ответила она.

— Отведу, — сказал Бэйли и понял в этот миг, как долго Камень готовил его к этой миссии. Он спросил, как ее зовут, и она ответила:

— Фиверфью, мой дорогой.

Той же ночью Бэйли и Фиверфью оставили Камень Комфри и пустились в путь. Они не оглядывались, им не нужно было оглядываться, они и так знали, что под Камнем лежало тело того, кого раньше звали Босвеллом, Белым Кротом, белым как снег, белым, как свет Звезды, которая однажды уже появлялась на небе и теперь зажглась опять.

❦

Все видели Звезду этой ночью. Она воссияла во второй раз. Многие догадались, что Пришествие Крота Камня уже близко. Маррам понял это и заплакал. Скинт и Смитхиллз тоже видели Звезду. На этот раз она была на юге, сияла высоко и ярко, все небо было наполнено светом.

Триффан и Спиндл тоже поднялись на поверхность и увидели Звезду. В ту ночь многие кроты в Данктоне смотрели на небо. Одна кротиха долго искала Триффана, долго принюхивалась, сопела, фыркала. Она помнила, как добр был к ней Триффан. Ее звали Тизл, и в ту ночь она в конце концов нашла Триффана.

— Друг, — сказала она, — это ты?

— Да, — ответил Триффан.

— Ты меня помнишь?

— Да.

— Поболтаем, Триффан? Угостишь меня червяком?

Но он молчал, и тогда она сказала:

— Ты сегодня молчаливый, приятель, не то что раньше!

— На небе Звезда, Тизл, и все на нее смотрят.

— Где? — спросила она. — Покажи мне!

Он лапой повернул ее голову и приподнял вверх, потому что Звезда была высоко.

— Я сейчас смотрю на нее? — спросила она, и ее незрячие глаза широко раскрылись.

— Да, Тизл. Что же ты видишь?

— Я не могу видеть…

— Ты можешь, Тизл, ты можешь! — тихо, но твердо произнес Триффан.

— Я чувствую, но я не могу увидеть, не могу! — У нее из глаз потекли слезы и засверкали в свете Звезды, которая была скрыта от Тизл мраком слепоты.

— Верь, кротиха, — прошептал Триффан, — и ты прозреешь!

— Это та самая Звезда Крота Камня? — спросила она, придвинувшись к нему поближе, будто искала защиты.

— Да.

— Когда он придет, я увижу его, Триффан! Я так хочу его увидеть!

— Ты увидишь его, — прошептал Триффан.

Тизл так и осталась стоять с поднятой головой. Она надеялась, что однажды увидит глазами то, что сейчас видит сердцем.

Потом, когда кротиха ушла, а Звезда все еще ярко светила, Триффан сказал Спиндлу:

— Я скоро отправлюсь в Бэрроу-Вэйл, а потом пойду к Камню. Теперь уже скоро, Спиндл.

Он пошел к Камню той же ночью — во сне или наяву, теперь уже никто не знает. И там, у Камня, он встретил Белого Крота, и тот ласково сказал ему:

— Триффан, на этом месте я тебя нашел, когда ты был маленьким. Помнишь?

— Да.

— И ты спросил меня, сможешь ли ты стать летописцем.

— Да, — прошептал Триффан, — но я недостоин.

— Нет никого достойнее тебя, — улыбнулся Босвелл. — Никого нет бесстрашнее и достойнее тебя. Слушай же, ибо я слаб. Фиверфью скоро придет, и с ней — Крот Камня. Заботься о ней, вы созданы друг для друга. Будь рядом, помогай ей воспитывать его, учить, пусть он чувствует, что его очень любят. Вот она, твоя великая миссия, которую ты так долго искал. Сделай это для меня. Я стар, я устал, я должен уснуть и в Безмолвии подготовиться к последнему делу, которое мне надлежит выполнить для всех кротов. Молись за меня, Триффан. Молись.

Когда Триффан попытался подойти ближе к Босвеллу, тот растворился в ярком свете и исчез. И тогда наступило Безмолвие. Триффан больше ничего не слышал, кроме звука, который слышали все, когда Звезда показалась на небе в первый раз. Этот

звук напоминал отдаленный крик детеныша, и он шел откуда-то сверху, с неба.

Глава шестнадцатая

Вскоре после второго появления Звезды, которую кроты уже открыто называли Звездой Крота Камня, в природе произошли приятные перемены. Снег стал таять, появились первые цветы.

Триффан и Спиндл поняли, что пришла весна, когда с сухого дерева в Болотном Краю упали первые капли и проникли глубоко в почву, прямо в их тоннели.

Зашевелились черви, земля ожила.

Триффан теперь работал нерегулярно, но именно в этот день он решил закончить какие-то тексты. Спиндл же, редко выходивший наружу все это время, вдруг потерял терпение и воскликнул: — Я пошел!

Он устал от письма, устал от тоннелей, устал даже от общества Триффана. И потому с удовольствием выбрался на поверхность вместе с Хеем погреться на весеннем солнце и прогуляться по округе.

Снег почти весь сошел. Но кое-где еще оставался серый толстый слой намокшего пористого льда. Он лежал с северной стороны на корнях деревьев, на стволах и на пнях, там, куда не проникало солнце.

К востоку от Болотного Края, где деревья росли реже, а почва была более влажной и теплой, ближе к дороге ревущих сов и к реке Темзе, уже появились радующие глаз подснежники и желтый аконит. Когда же Спиндл завидел желтые ирисы, он воскликнул:

Как жаль, что Триффан их не видит! Схожу-ка я за ним.

Хей хотел составить ему компанию, но Спиндл решил пойти один, не торопясь, потому что Хей просто не умеет ходить медленно.

— Понимаешь, — нерешительно проговорил Хей, — мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь тебя побеспокоил.

— Что значит — побеспокоил? Ты думаешь, на меня нападут?

— Сейчас в Данктоне вам не грозит нападение. Я сказал именно «побеспокоил». Дело в том, что теперь почти все знают про тебя и Триффана. К тебе станут подходить и заговаривать.

Не поверив ему, Спиндл возразил:

— Все-таки оставь меня, Хей. Я как-нибудь справлюсь.

Хей ушел. Спиндл окинул взглядом болота. На большинстве деревьев почки были еще маленькими и плотными, но ветерок уже покачивал желтые сережки ольхи.

Спиндл шел медленно. Лес всегда казался ему странным. Спиндлу больше нравились меловые склоны Аффингтона или каменистые долины Семи Холмов, а в Данктоне его привлекали

старые тоннели, расположенные выше, но…

Спиндл остановился. Острая боль пронзила его грудь, такая сильная, что он был не в состоянии даже пошевелиться. Боль и страх сковали его.

— Триффан! Я… — Спиндл хотел что-то сказать, но не смог. Он лежал скорчившись около корней большого дерева. Этот приступ боли был гораздо сильнее, чем прежние. О тех он даже не обмолвился Триффану. Он чувствовал себя слабым и старым. Болели грудь и левая лапа.

В конце концов боль отпустила, и он пополз вперед, отыскивая место посветлее. Потом был новый приступ, и Спиндл замер около сухой ветки, давно упавшей с дерева.

— Мне еще многое надо сделать, — пробормотал он раздраженно. Было бы просто несправедливо, если бы Камень забрал его сейчас, здесь, не дав подготовиться. — Я хотел узнать, чем все кончится, — упавшим голосом добавил Спиндл, — хотел дописать, увидеть Крота Камня, увидеть Бэйли…

Новый приступ — Спиндл задохнулся от боли и сполз на бок.

Над вершинами деревьев быстро пролетели две дикие утки. Небо потемнело. Волна боли схлынула. Спиндл почувствовал страшную усталость. И еще, не сразу сообразил, где находится. Он попробовал пошевелить лапой, потом другой и понял, что жив, просто очень устал. Но боли не было. Спиндл огляделся: восточная часть болота. Он осторожно пошел по собственным следам, возвращаясь обратно в тоннели, где они с Триффаном так давно прятались.

В голову приходили странные мысли: одни — спокойные и неторопливые, другие, наоборот, тревожные, о том, что надо немедленно сделать. Он подумал, например, что должен спрятать записи свои и Триффана, потому что время читать их еще не пришло. Он должен поручить Триффана какому-нибудь доброму кроту, который будет заботиться о нем, потому что лапы у Триффана теперь уже навсегда останутся слабыми, рыть тоннели ему тяжело и искать червей — тоже. Триффан, который раньше был аккуратен и опрятен, теперь сделался рассеянным и неряшливым. Рядом с ним должен быть кто-то. Триффан немногословен, но ему нужен кто-нибудь, с кем он всегда мог бы перекинуться несколькими словами. Хей? Может быть. Но, скорее, Боридж и Хизер. «Они достойные кроты», — сказал бы Триффан.

— Спиндл? Тебя так долго не было! — воскликнул Триффан, когда Спиндл вернулся.

— Долго, — подтвердил Спиндл.

— Я собирался и сам выйти, но решил дождаться тебя, а теперь считай — день пропал! — В голосе Триффана

чувствовалась досада.

— Там цветы, Триффан, в восточной части, и вообще… там есть на что посмотреть.

— Так пойдем и посмотрим!

— Позже, — ответил Спиндл. — Я устал.

Триффан внимательно посмотрел на Спиндла и помрачнел. Он больше не сказал ни слова, просто сидел рядом со Спиндлом, пока тот спал.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Триффан, когда его друг проснулся.

И Спиндл ответил, что хорошо, да-да, хорошо, просто он очень устал от этой долгой зимы.

❦

Они выбрались наружу только через несколько дней. Погода по-прежнему стояла теплая. Все вокруг пробуждалось от спячки. Сначала Триффан и Спиндл шли очень медленно. Никто не попадался им навстречу, но они чуяли поблизости кротов: спокойных кротов, любопытных кротов, кротов робких и пугливых. Эта зима была слишком долгой и тяжелой, и первым знакам весны пока не верили.

— Да, теперь здесь тихо, Спиндл, гораздо тише, чем в прежние времена. Как тут резвились когда-то детеныши! Теперь ничего этого нет и, может быть, уже не будет.

Из-за угла высунулась голова худой изможденной кротихи. Она некоторое время рассматривала их, потом, не проронив ни слова, подошла ближе.

— Здравствуй! — сказал Триффан.

Кротиха отпрянула и тотчас убежала. Но вскоре она вернулась и привела еще двоих. Все они только смотрели как зачарованные на Триффана и Спиндла, но завязать с ними беседу не удавалось. Это были жалкие, неухоженные, запуганные немолодые кротихи, у всех имелись признаки начинающейся болезни. Как видно, они привыкли к грубому обращению.

— Куда мы пойдем? — шепотом спросил Спиндл. Он не очень-то любил, чтобы его разглядывали.

— Как куда? Куда идет данктонский крот весной? — удивился Триффан.

Поскольку у Триффана боковое зрение было ограничено, он ничего не заметил, но Спиндл обратил внимание, что три кротихи навострили уши и подались вперед, чтобы не пропустить ни единого слова Триффана.

— Весной, — радостно продолжал Трифан, — крот в здешних местах идет либо к Камню — поблагодарить его за то, что зима кончилась, или в Бэрроу-Вэйл, чтобы почувствовать себя членом кротовьей общины. Именно Бэрроу-Вэйл — место, где кроты могут встречаться друг с другом без страха.

Трое кротих, услыхав эти слова, стали перешептываться:

— Он сказал «Камень»! Он сказал «Бэрроу-Вэйл»! Представляете? Он туда собирается!

К этим троим присоединились и другие. Некоторые из них, вероятно, были глухи и плохо видели, они нетерпеливо подталкивали остальных, чтобы узнать, куда им ступать и что сказал Трифан.

— Он идет в Бэрроу-Вэйл, точно! И тот другой — тоже! Знаете, кто это? Это Трифан, вон тот, со шрамами, а тот, неуклюжий, — Спиндл…

Трифан сделал вид, что не замечает интереса к себе. Дружелюбно кивнув кротам и кротихам, он пошел дальше, уверенный в себе и твердо знающий, куда идет. Спиндл следовал за ним, и там, где они проходили, тут же собирались кроты. Стояли, смотрели во все глаза и боялись заговорить.

Некоторые все же отваживались поздороваться.

— Рады вас видеть! — кричали они. — Осторожно, поберегите лапы! Здесь грязно!

Трифан улыбался и кивал. Он шел медленно, прихрамывая на правую лапу. Он шел не боясь никого и ничего. В нем было особое обаяние бывалого крота-путешественника, много испытавшего и выстрадавшего.

Они шли и шли и лишь один раз ненадолго остановились, когда пара каких-то безобразных верзил, ругаясь, угрожая и зубоскаля, преградила им путь. Тогда Трифан и Спиндл припали к земле и переждали, пока один из хулиганов не извергнул все оскорбления и ругательства, накопившиеся в его больном мозгу.

Когда верзилы ушли, несколько кротов осмелились подойти ближе к Трифану, повторяя его имя, радостно переглядываясь. Они были счастливы, что он смотрел на них, что он им улыбнулся. Слепые кроты поначалу ничего не понимали, но им объяснили шепотом:

— Это Трифан, он перестал жить затворником и направляется в Бэрроу-Вэйл, как делали в прежние времена… в прежние времена! Идите за нами, мы вас доведем.

Наконец и в главных, и в боковых тоннелях стало так тесно и шумно и началась такая толкотня, что Трифан вывел кротов на поверхность. Остаток пути шли по прошлогодней листве, среди

которой уже пробивались первые зеленые побеги.

Иногда Триффан останавливался. Казалось, он до сих пор не представлял себе, сколько кротов шло за ним. Он любовался почками на кустах и аконитом, растущим между корней деревьев.

— Смотри, — сказал он Спиндлу, — в конце концов весна все-таки приходит. Наконец она пришла и сюда. Посмотри-ка на это обгоревшее дерево. Его сжег пожар, который заставил кротов уйти из этого места. Но это было еще до меня.

— Он сказал, что эти деревья обгорели при пожаре, еще до него, — тотчас же закричали несколько кротов своим глухим попутчикам.

Все шикали друг на друга, всем хотелось услышать каждое слово Триффана и Спиндла.

Потом Триффан замолчал, и кроты тоже притихли. Впереди он увидел открытое пространство, окруженное старыми деревьями.

— Смотри, Спиндл, — сказал он, — это Бэрроу-Вэйл!

Все до одного остановились и смотрели как зачарованные на это кольцо деревьев, окружающее место, которое столько десятилетий было самым сердцем системы. Все остались стоять, когда Триффан пошел вперед, немного неуклюже ступая большими лапами. Он теперь стал грузнее, чем раньше, мех сделался грубее и местами свалялся.

Вперед, в Бэрроу-Вэйл! Только бы смотреть на эти деревья, пусть пока еще без листьев, но уже полные жизненных соков, на лужайку, где совсем скоро, в апреле, засинеют колокольчики!

Никто не нарушал молчания. Все понимали, что это за минута для Триффана.

— Кротам свойственно забывать, как красива может быть их родная система, — спокойно произнес он. — Сюда привела меня мать, когда я был маленьким, и рассказала мне о системе, которую любила. Сюда приходил я с отцом. Здесь же, — продолжал он, указывая на Спиндла, — этот крот, которого я люблю и уважаю, впервые признался в любви Тайм, здесь она стала его подругой. Он способен на такую верную дружбу, какую обыкновенному кроту трудно представить.

Многие глубоко и сочувственно вздохнули. Любовь и доверие, существовавшие между Триффаном и Спиндлом, казались вещью реальной, физически ощутимой.

После этого Триффан и Спиндл обошли поляну по кругу. Они шли медленно, стараясь вобрать в себя красоту этого места.

Немного позже к ним присоединились сопровождавшие их кроты.

— Расскажи нам что-нибудь, Триффан! — раздались

крики. — Расскажи нам о прошлом и будущем.

Но Триффан ответил, что говорить он не будет, он просто пойдет вместе с ними. Пусть и они идут, чувствуют землю под лапами и знают, что все они едины.

Так они шли, негромко беседуя. И Триффан наконец познакомился с этими старыми, потерявшими надежду кротами, по соседству с ним пережившими долгие зимние месяцы.

Здесь были Хизер и Боридж, Хей и Тизл, и многие другие.

— Мы пойдем к Камню? — спрашивали некоторые.

— Да, ведь мы там никогда не были.

— Вестсайдцы этого не потерпят!

— Они разорвут нас своими когтями!

Действительно, вестсайдцы, узнав, что происходит, собрались и заняли оборонительную позицию, преградив путь Триффану и его спутникам.

Хотя вестсайдцев было меньше, чем кротов, идущих с Триффаном, они были гораздо сильнее и здоровее. Многие были грайками, в основном из остатков старой гвардии Бик.

Некоторые из пришедших с Триффаном испугались и отступили, иные нырнули в тоннели, но оставшиеся приготовились к бою и теперь выкрикивали вестсайдцам угрозы, обещая Триффану и Спиндлу, что будут бить вестсайдцев, пока те не побегут.

Но Триффан не хотел никаких драк. Когда он вышел из толпы и медленно двинулся к вестсайдцам, его сопровождал только Спиндл.

— Мы пришли с миром, — произнес он ясно и четко, — и приглашаем вас присоединиться к нам.

— Ах, он приглашает! — воскликнул один из вестсайдцев.

— А кто он вообще такой, чтобы приглашать! — издевался другой.

— Разорвать этого ублюдка! — крикнул третий.

Триффан подошел еще ближе. Он держался смело и независимо.

— Кто у вас главный? — спросил он, не выдав волнения.

— А тебе-то что?

— Я хочу поговорить с ним.

— Ах вот что, поговорить! — отозвался здоровенный крот, который был вне себя от ярости. — О чем же? Случайно не об этом? — Он быстро подскочил к Триффану и ударил его по голове. Это был сильнейший удар. Кроты Триффана содрогнулись, по их рядам прокатился ропот.

Спиндл выступил вперед, готовясь броситься на врага, и сделал бы это, если бы Триффан не остановил его:

— Слишком много было пролито крови в кротовьем мире за последние годы. Не стоит проливать еще больше. — Триффан опять выступил вперед и, пристально глядя в глаза ударившему, спокойно и с достоинством повторил: — Кто у вас главный, крот?

— Он придет, когда захочет, а пока убирайтесь отсюда, а то еще попробуете наших когтей, и не один раз!

Союзники Триффана уже начали подтягиваться поближе, вестсайдцы тоже готовили когти к драке. И вдруг Триффан удивил всех, повернувшись к вестсайдцам спиной. Он обратился к своим сторонникам. Пока он говорил, вестсайдцы смотрели на его спину и чувствовали себя полными идиотами. Триффан сказал:

— Я в своей жизни видел достаточно драк, чтобы пресытиться этим зрелищем. Не хочу, чтобы из-за меня пускали в ход когти. Я прошу, чтобы ни один из вас не вышел сейчас защищать меня, что бы ни случилось. Моя защита — это моя вера в Камень. Эти кроты, которые мне сейчас угрожают, — тоже жертвы, они тоже страдали, как и все мы. Есть ли среди вас кто-нибудь, кто не удержится и пустит в ход когти, если они опять поднимут на меня лапу? Если есть, я бы предпочел, чтобы этот крот лучше ударил меня, чем кого-нибудь другого.

Его слова так подействовали на сторонников Триффана, что все, как один, тихо припали к земле. Слышны были лишь тихие молитвы, обращенные к Камню.

Триффан велел Спиндлу отойти к остальным, старый друг подчинился, хотя и весьма неохотно. Потом Триффан повернулся к вестсайдцам.

— Пойдемте! Отведите меня к главному, — сказал он.

— О, мы отведем тебя, приятель, не сомневайся! — злобно процедил один из вестсайдцев.

И они принялись пихать и подталкивать Триффана вперед. Каждый удар отзывался глухим стоном в рядах кротов, пришедших из Бэрроу-Вэйла. Некоторые уже были готовы пустить в ход когти, но Спиндл не разрешил им этого, и никто не полез в драку.

Потом они увидели, как Триффана грубо втолкнули в вестсайдские тоннели. Когда он пропал из виду, вдруг раздался одинокий надтреснутый голос какой-то старой кротихи. Это была древняя песня о Камне, и остальные подхватили ее. Эта песня некоторое время была слышна Триффану, она поддерживала его в вестсайдских тоннелях.

Существует несколько версий того, что случилось в тот день в Вестсайде. Согласно некоторым, Триффан силой своей личности воздействовал на вестсайдцев и обратил их помыслы к Камню. Но разумные кроты всегда искали более правдоподобную версию, и она есть! Эта версия известна не по воспоминаниям Спиндла, а по рассказу крота, которого Триффан, может быть, и забыл, но тот крот имел основания быть благодарным Триффану, и он был в тот день в вестсайдских тоннелях, хотя и не присутствовал при первом нападении на Триффана.

У вестсайдцев не было не только вожака, но вообще никого, кто за что-либо отвечал. В Вестсайде царила анархия. И в тот день компания кротов просто вышла на поверхность поискать приключений, как кроты из Болотного Края вышли, чтобы искать покоя и утешения.

Оказавшись внизу, вестсайдцы стали грубо допрашивать Триффана. Многие уже догадались, кто он, другие хотели услышать это из его собственных уст. И когда он подтвердил, что его действительно зовут Триффан, они еще больше разозлились и в их глазах загорелась ненависть.

— Ты, ублюдок, ты еще пожалеешь, что вернулся!

— Так это Триффан, вернее, то, что от него осталось? Вот эта рухлядь — тот самый Триффан?

— Твои кроты убили моего друга, когда мы пришли в Данктон! — заорал какой-то грайк и изо всех сил стукнул Триффана. Тот опять не ответил на удар, и это разъярило их еще больше.

— Подвесить его! Привести его к Камню и подвесить ублюдка!

Но даже после этих слов Триффан не сделал ни малейшей попытки оказать им сопротивление.

Его поволокли по тоннелям, которые он так хорошо знал ребенком, хотя и в самых страшных снах не могло ему присниться, что таким может быть путь к Камню. Кроты вылезали посмотреть, что происходит. Новые кроты присоединялись к разъяренной толпе, Триффана толкали, пинали и в конце концов вытолкнули на поверхность и поволокли к деревьям, окружавшим Данктонский Камень.

Здесь давным-давно его отец пострадал от когтей подручных Мандрейка. Здесь Триффан впервые увидел Босвелла. Здесь они с Босвеллом простились с Комфри, отправляясь в Аффингтон.

И вот теперь Триффан лежал перед Камнем, изнемогая от боли. Правда, рассказывают, что, захватив Триффана, вестсайдцы сами занервничали. Каждый из них старался остаться в тени, но при этом все они орали, что его нужно подвесить.

Рассказывают еще, что Триффан отвернулся от них, обратился к Камню и заговорил с ним. Тогда наступила тишина, и все услышали голос Триффана.

— Я всегда был недостойным кротом, — шептал он, уверенный в близкой смерти, — но я очень старался. Пусть спасется Спиндл. Пусть спасутся остальные. Да простится этим кротам, ибо я понимаю их гнев. Пусть больше никто сегодня не будет убит. — Потом он добавил так тихо, что никто не услышал: — Босвелл, я подвел тебя.

Триффан опять повернулся к своим мучителям. Он посмотрел вверх, чтобы еще раз увидеть серо-зеленые ветви буков. На них уже набухли почки. Скоро будут листья. Ему было жаль всего этого. Он не хотел умирать.

Ярость вестсайдцев нарастала по мере того, как подходили новые кроты. Они спешили увидеть, как Триффан будет умирать. Их голоса, слившиеся в одном зловещем хоре, повторяли:

— Подвесить его! Подвесить его!

И тогда Триффан понял, что чувствовал тот не знакомый крот в Бакленде, перед тем как его убили грайки по приказу Феск.

И Триффан обратился к этой своре, которая уже готова была растерзать его:

— Неужели среди вас нет ни одного, кто проявил бы сострадание к кроту, чья смерть близка? Неужели никто не даст ему перед смертью почувствовать, что он не одинок? Поклоняются они Слову или Камню, кроты всегда остаются кротами. Неужели нет ни одного?

И среди гнусного, грубого хохота и издевательств, которыми грайки встретили этот последний отчаянный призыв, вдруг раздался голос:

— Да, есть один! Есть крот, который будет рядом с тобой, Триффан из Данктона! Ты не будешь один.

Из толпы вышел крот, слабый и тщедушный на вид, больной ящуром. Он не побоялся сильных когтей и думал сейчас лишь о Триффане, с которым должен быть рядом, чтобы облегчить его кончину.

Триффан видел его нечетко, как в тумане, как во сне. Он не знал этого крота. И вообще, в этом кроте не было ничего запоминающегося: он был худой, больной, покрытый коростой. Но в нем чувствовалась такая смелость, такая спокойная решимость, что толпа даже подалась немного назад, когда крот встал перед Триффаном, словно загораживая его собой.

— Да это же Трифт! — крикнул кто-то.

— Ты же наш, приятель! Не валяй дурака!

— Да, я грайк, — согласился Трифт. — Я один из вас, и я

крот Слова. Но прежде всего я крот. Здесь есть те, кто знает, что сделал Триффан, когда мы впервые пришли в Данктонский Лес. Здесь есть и те, кто видел, как он спас мне жизнь, рискуя своей. Здесь многие знают, что он тогда для меня сделал…

И, вынырнув из моря своих страданий, Триффан вспомнил крота, которого когда-то спас во время боя у коровьего тоннеля. Триффан велел тогда Трифту передать Хенбейн, если она спросит, куда ушли данктонские кроты, что они ушли в Безмолвие. Так это тот самый крот? Время и болезнь меняют внешность, но не меняют сердце.

— В прежние времена не было крота, способного устоять против Триффана из Данктона, и я готов поклясться, что эти шрамы он получил не в честном бою один на один, а от такой же своры, как вы!

— Это сидимы, — тихо сказал Триффан.

— Слышите, вы, ничтожества?! — крикнул Трифт. — Эти раны нанесли ему сидимы, и все-таки он выжил. Так вот, те из вас, кто видел, как он спас мне тогда жизнь, и кто сейчас хочет его убить, — выходите и убейте сначала меня!

Триффан приблизился к Трифту. Они припали к земле рядом, крот Слова и приверженец Камня. Никто не вышел против них, толпа была смущена. Некоторые кроты подходили к Трифту и дотрагивались до него в знак уважения. Иные быстренько удалились и предпочли на всю оставшуюся жизнь забыть ужасную и величественную сцену около Камня.

Трифт сказал:

— Я встречаю тебя во второй раз. И второй раз при тебе я лицом к лицу сталкиваюсь со смертью. С тобой недолго и спятить!

Триффан улыбнулся:

— Давай в следующий раз встретимся при более приятных обстоятельствах, Трифт. Я предчувствую, что так и будет.

— Тогда лучше бы встретиться поскорее, потому что мне недолго осталось, — хладнокровно ответил Трифт.

Триффан и сам видел, что это так. Болезнь у Трифта уже зашла далеко, хотя выглядел он еще прилично.

Они вдвоем пустились в обратный путь и вскоре встретились с кротами из Болотного Края, во главе которых шел Спиндл.

— Ну, Спиндл, ты пропустил занятное зрелище! — небрежно заметил Триффан. — Отпраздновали мы весну, нечего сказать!

Все засмеялись.

— Спиндл, скажи кротам из Болотного Края, чтобы они собрались с духом и попробовали для начала хотя бы поговорить с вестсайдцами, именно сейчас, когда те смущены и не уверены в

себе. Сейчас как раз время сломать барьеры, установленные самими кротами. Это последние приготовления. Убеди их, Спиндл!

Спиндл так и сделал, и ему помог Хей. С того дня данктонские кроты стали вместе залечивать свои раны. Это был шаг к единству Данктона.

Но Спиндл тогда не понял, что имел в виду Триффан, сказав «последние приготовления». Триффан не объяснил этого и позже. Весна вступала в свои права, кроты встречались в Бэрроу-Вэйле, они ходили всюду свободно, в том числе и к Камню.

В эти дни страх ушел из системы, но отчаяние осталось. Отчаяние из-за бесцельности существования без потомства. Обезумевшие кротихи бродили повсюду в поисках материнства, которого обрести не могли.

Тут Триффан не мог предложить никакого средства, кроме молитвы. Всем, кто спрашивал совета, он обещай скорый приход Крота Камня. Конечно, наивно было ждать от всех кротов такой же веры, как у самого Триффана, и такого же терпения.

Дни стали длиннее, колокольчики сменили на полянах аконит. Почки буков, на которые смотрел Триффан и думал, что видит их в последний раз, полопались и развернули клейкие зеленые листочки. Первая вспышка радости от весны, от встреч кротов друг с другом, миновала. Система оставалась мрачной, ущербной, неуютной.

Кроты были раздражительны, то и дело возникали стычки, вспыхивали ссоры.

К тому же внизу, у коровьего тоннеля, грайки стали активнее и внимательнее. Смельчаки иногда ходили туда разведать обстановку. Хей, вернувшись, рассказывал, что там собралось множество молодых кротов аскетического вида — сидимы.

В последние месяцы очень мало переселенцев пересекло границу Данктона: это были только больные кротихи, и ни одного крота. Тот, кто пытался уговорить грайков впустить их, получал увесистый удар, и никаких объяснений.

От изредка приходивших кротих жители Данктона узнали, что сидимы следят за входом, чтобы не пропустить Крота Камня.

— Но как его узнать? — спрашивали все.

Этого кротихи не знали. Они только повторяли, что сидимы поджидают его и пройти мимо них ему не удастся.

Теперь на смену глухой тоске пришло возбуждение. Данктон сделался питательной средой для слухов и домыслов. Но были и кроты, настолько отчаявшись и измученные, что их не интересовало ничто, даже сама жизнь…

Когда Скинт и Смитхиллз пришли в Роллрайт, слухи о

начавшихся переменах уже распространились повсеместно. Путешественники узнали сначала от Хоума, потом от Рэмпион, что Трифан проходил здесь. Скинта, как и Хоума, обуревали смешанные чувства радости и беспокойства, и новости лишь усилили его горячее желание поскорее попасть в Данктонский Лес. Он был просто уверен, что найдет там Трифана.

Но вокруг было полно грайков, и Хоум понимал почему. После второго появления Звезды Крота Камня они получили приказ разыскать вождя последователей Камня. После нескольких кротовьих лет сравнительно мягкого режима давление на известных приверженцев Камня усилилось. Относительная веротерпимость закончилась, все кроты должны были теперь принадлежать Слову.

Скинт и Смитхиллз надеялись найти какой-нибудь другой проход в Данктонскую систему, кроме хорошо охраняемого коровьего тоннеля.

Чем ближе к Данктону они подходили, тем у них становилось больше попутчиков. Многие после появления Звезды решили, что надо идти на восток, и теперь двигались к Данктонскому Лесу.

Грайки, похоже, были предупреждены о возможности такого паломничества. Вайр оправдал доверие Хенбейн. Он оказался умным и дальновидным. Это он окружил Данктон грайками, считая это не менее важным, чем подавление восстания в Шибоде. Однако едва ли он имел отношение к сидимам, наводнившим окрестности Данктона. Это были молодые кроты, которые никогда не улыбались, а на грайков смотрели свысока.

Насилий и убийств не было. С толпой кротов, вдруг устремившейся в Данктон, сидимы разбирались очень просто: все кроты мужского пола отправлялись прочь. В конце концов любой из них мог оказаться Кротом Камня.

Вот в такое неспокойное время Скинт и Смитхиллз подошли к коровьему тоннелю.

— Убирайтесь отсюда поскорее, вы двое, — бросил им запыхавшийся грайк.

— Но мы старики, мы и мухи не обидим, — возразил Скинт. — Мы так долго шли в систему, где нас ждет свобода!

— Разрешено впускать только кротих, а их там уже скопилось столько, что они стали опасны, — устало ответил грайк. Видно, он уже много раз повторял одни и те же слова. — Скажите спасибо, что мы вас сюда не впускаем.

— Но…

— Слушай, приятель, если ты надеешься найти там этого вашего поганого Крота Камня, забудь об этом. Сами видите, сидимы сразу же схватят его, стоит ему только высунуть нос.

— Значит, они знают, как он выглядит? — поинтересовался Скинт.

— Рассказывают разное, но я слыхал, что он крепкий крот, такой, каким раньше был Трифан.

— Трифан-то ведь умер, верно? — Скинт задавал вопрос за вопросом, пытаясь завязать разговор и что-нибудь выведать.

— Давайте, давайте, проваливайте! — спохватился грайк.

Оставив их, стражник обратился к какой-то кротихе:

— Как тебя зовут, кротиха, и откуда ты?

Скинт и Смитхиллз уже отвернулись и потому расслышали лишь ее голос:

— Мое имя Фиверфью…

Она говорила на каком-то странном, но очень красивом диалекте. Скинт и Смитхиллз обернулись и увидели… кротиху, больную лишаем, забрызганную грязью, изможденную, слабую, но… но что-то в ней было особенное, что они не смогли бы выразить словами. Скинт все смотрел и смотрел на нее, силясь понять, что же это.

К ним подошел грайк и оттолкнул их подальше от входа. Скинту и Смитхиллзу так и не удалось поговорить с кротихой. Но они видели, как она беседует со стражником. Потом к ней подошел сидим и с видимым отвращением задал несколько коротких вопросов. Кивком головы он разрешил ей пройти, и она, еле-еле переставляя ноги от усталости, побрела к коровьему тоннелю.

Но что же все-таки в ней привлекало взгляд? Почему, стоило ей пройти мимо галдящей толпы кротов, как они мгновенно стихли и так же, как Скинт, удивленно глядели теперь ей вслед? Разве не была она обыкновенной больной кротихой, отличавшейся от других лишь своим чудным диалектом?

Даже сидим, только что пропустивший ее, вдруг отвлекся от следующего крота и рассеянно и недоуменно провожал ее взглядом. Он даже сделал несколько шагов туда, куда пошла она.

В этот момент Скинт неожиданно для самого себя понял, что Фиверфью должна пройти в Данктон во что бы то ни стало!

— Что с тобой, Скинт? — спросил Смитхиллз, уже готовый вернуться к дороге ревущих сов и искать другой путь в Данктон.

— Разве ты не замечаешь в ней ничего особенного? — шепотом спросил Скинт.

— Это кротиха, у нее лишай и…

— Ну? — настаивал Скинт.

— Не знаю…

— Вот и сидим тоже не знает, однако хочет догнать ее и вернуть. — Скинт вдруг резко повернулся к Смитхиллзу. — Ну-ка,

ударь меня, Смитхиллз! — сказал он. — Давай, давай, ударь!

Смитхиллз удивленно уставился на старого друга.

— Давай, развлекись немного! Ударь меня! Врежь как следует!

Но прежде, чем Смитхиллз сообразил, к чему клонит Скинт, из толпы выскочил какой-то крот и изо всех сил толкнул Скинта.

Смитхиллз, у которого, вообще-то, была замедленная реакция, на этот раз тотчас же кинулся на выручку Скинту. С могучим ревом он отшвырнул крота.

— Трус! — закричал тот, поднимаясь на ноги, вновь готовый кинуться на Смитхиллза. — Ударить старика!

— Я?! — гневно заорал Смитхиллз. — Это ты его ударил!

— Может, я и не молодой, но и не старик! — вдруг взревел Скинт и почему-то толкнул Смитхиллза.

— Клянусь Камнем, я сейчас вас обоих… — крикнул обычно хладнокровный Смитхиллз, дрожа от ярости.

Сидим, который уже пошел было вдогонку Фиверфью, услышал шум потасовки и оглянулся. Он и грайк подбежали к дерущимся. Фиверфью обернулась, бросила быстрый взгляд на разгоревшуюся ссору и поспешно пошла дальше. Вскоре она скрылась в коровьем тоннеле. Она была в Данктоне!

«Она в безопасности», — с облегчением подумал Скинт, не чувствуя тумаков, которыми награждал его Смитхиллз.

Через несколько минут сидим и стражник растащили драчунов и велели им отправляться прочь, пока целы. Смитхиллз продолжал ворчать. Как только они отошли от грайков настолько, что те не могли их услышать, незнакомый крот спросил:

— Она точно прошла?

— Прошла, друг! — успокоил его Скинт. — А теперь ты бы объяснил нам, что происходит!

— Я думал, ее не пропустят.

— Но ведь она кротиха, притом больная, — возразил Скинт. — Она ведь не может быть Кротом Камня. Так почему, по-твоему, ее должны были задержать?

— Ты не заметил в ней ничего необычного?

— Она очень даже необычная, очень странная! Что-то заставляет смотреть на нее. Это… Послушай, а что это? Ты ведь знаешь! Кстати, как тебя зовут и откуда ты взялся?

Крот усмехнулся и сказал:

— Я знаю не много, но свое-то имя я знаю. Я слышал, как вы называли друг друга по имени, мне известны ваши имена. А меня зовут Бэйли.

— Всемогущий Камень! — ахнул Смитхиллз.

— Но Мэйуид говорил, что ты толстый! — не поверил Скинт.

— Я похудел, — скромно ответил Бэйли.

Скинт и Смитхиллз посмотрели на него с уважением. Им нравились его непосредственность и откровенность.

— У нас есть о чем поговорить.

— Возможно, — согласился Бэйли. — Но я должен пробраться в Данктонский Лес. Я обещал, что буду с ней…

— Послушай, нам надо поговорить, — твердо сказал Скинт, как всегда взяв инициативу на себя. — Ты пойдешь с нами и расскажешь нам все, что знаешь о Босвелле, о Кроте Камня и обо всем остальном. Но начни-ка лучше с этой кротихи. Кто она такая и что в ней такого особенного, почему кроты оглядываются на нее?

— Ее зовут Фиверфью. Она из Вена, — сказал Бэйли, — и почитает Камень. А что до ее странности, так тут все очень просто: все дело в том, что теперь нечасто встретишь больную кротиху, которая была бы беременна.

Беременна. Бэйли с опаской оглянулся на сидимов и стражников.

— Так она беременна? — прошептал Смитхиллз.

— Думаю, она вынашивает Крота, которого все так долго ждали, — сказал Бэйли.

— Крота Камня! — воскликнул Скинт, в священном трепете устремив взгляд туда, куда ушла Фиверфью.

— Да, — тихо сказал Бэйли, — видимо, именно так явится в мир Крот Камня.

— Тогда мы во что бы то ни стало должны пробраться в Данктонский Лес, — решительно сказал Скинт. — Не для того мы со Смитхиллзом проделали такой долгий путь, чтобы болтаться здесь, когда там происходят чудеса. А, Смитхиллз?

— Точно, Скинт! Не для того мы сюда пришли.

— Вот и я тоже, — произнес Бэйли и последовал за ними.

Глава семнадцатая

Весь день Спиндл не находил себе места, беспокойно бродил по тоннелям, то и дело возвращаясь в хранилище, чтобы просто потрогать записи. Он все время думал, как много ему надо сделать, и… не мог ничего делать.

А Триффан решил закончить работу, которую долго откладывал, — дописать последние страницы своей книги про обучение у Босвелла: «Путь к Безмолвию». В тот день ему плохо работалось, он никак не мог собраться с мыслями. К тому же Триффану мешал Спиндл, который ходил туда-сюда и тяжело вздыхал. Триффан пытался поговорить с ним, но Спиндл отвечал односложно, заметил только, что устал и очень многого не успел сделать.

— Ты еще успеешь, Спиндл, еще успеешь…

Но Спиндл качал головой и смотрел отстраненно. После продолжительного молчания он сказал:

— Я бы хотел убедиться, что тексты, которые я спрятал в Древней Системе, уцелели. Ты помнишь, где они, Триффан?

— Как я могу помнить, если их прятали вы с Мэйуидом и не сказали мне куда.

— Просто у тебя тогда не было времени, а теперь…

— Я пойду с тобой, и мы найдем их, — закончил за него Триффан.

— Сегодня? Сейчас? — обрадовался Спиндл.

Триффан рассмеялся:

— К чему такая спешка, Спиндл? Завтра. Сегодня я должен закончить работу.

— Тогда я возьму с собой Хея, — разочарованно сказал Спиндл, — но где тайники, показывать ему не буду. Это место должен знать в первую очередь ты, а потом уже другие, и то лишь те, кому мы полностью доверяем.

— Мы сходим туда с тобой завтра.

— Хорошо, хорошо, — сказал Спиндл, — пойду разыщу Хея.

Но Хея он не нашел, — по крайней мере, кроты видели, как Спиндл в одиночестве направлялся на юг через Истсайд.

«Он двигался целеустремленно и очень торопился, — рассказывал потом кто-то из очевидцев. — Я окликнул его, но он, видно, меня не услышал».

Спиндл действительно пошел один, поверху. Он слишком спешил, чтобы долго искать Хея. Кроме того, возможно, ему было приятнее совершить этот поход в одиночку. Чем меньше кротов знают о спрятанных записях, тем лучше. Он тогда сделал

несколько тайников и отметил ходы условными знаками, по которым потом найдут место со спрятанными текстами.

Он не видел ничего вокруг, задыхался от быстрой ходьбы. Опять появилась боль в груди, потом она стала очень сильной.

— Я должен, должен… — бормотал Спиндл, пытаясь не обращать внимания на боль. — О Камень, помоги мне, я должен…

Какой-то крот заговорил с ним, думая, что Спиндл просто сидит и отдыхает. Спиндл отвернулся, сделав вид, что не заметил его, и снова двинулся в путь.

Миновав Истсайд, он направился к Лугам, на юго-восток, туда, где пролегает дорога ревущих сов.

Крот пошел за Спиндлом, обеспокоенный его состоянием. Чуть позже он опять приблизился к Спиндлу. Тот смотрел вдаль, на дорогу, откуда доносился приглушенный рев. Был день, и глаза сов не горели.

— Спиндл, что ты здесь делаешь?

— Жду! — ответил тот. Потом он сказал: — Видишь? Они совсем как мы.

— Кто, Спиндл?

— Не знаю, — неуверенно ответил Спиндл. — Когда-нибудь кроты узнают.

Потом Спиндл начал подниматься вверх по склону, держа путь к Древней Системе. Крот весело крикнул ему вслед:

— На Холме ты ничего не узнаешь о ревущих совах!

Спиндл сначала ничего не ответил, но чуть позже, когда крот уже пошел своей дорогой к Истсайду, Спиндл его окликнул:

— Послушай, друг, передай Трифану, что он должен прийти к Камню. Вряд ли у меня хватит сил проделать весь обратный путь и сказать ему это. Хей знает, где найти Трифана. Торопись…

Крот хотел продолжать идти за Спиндлом, который был явно не в себе, но в просьбе слышался приказ, и ноги сами понесли крота к Болотному Краю.

— Хорошо, хорошо, — крикнул он на бегу.

Но один раз он все же оглянулся. Спиндл поднимался вверх, но шел очень медленно. Казалось, что он внезапно очень сильно постарел.

Каждый шаг причинял Спиндлу боль, лапы расползались на мокрой траве. Он бормотал:

— Я должен записать это, кроты должны знать, я запишу…

На небе разлился прозрачный апрельский свет, обещающий скорое весеннее тепло. Солнце осветило клейкие листочки буков, наконец зазеленевших в Древней Системе. Сотни тысяч солнечных бликов на молодых листьях!

Спиндл с радостью смотрел на листочки, но боль не отпускала. Ему хотелось, чтобы Трифан был сейчас рядом, ведь они столько пережили вместе, столько делили и плохого и хорошего, и теперь Спиндлу хотелось разделить с ним эту красоту.

Солнце сияло над Древней Системой необычно ярко. Этот свет звал и подбадривал Спиндла, хотя ему было очень трудно идти.

— Я запишу это для всего кротовьего мира, — шептал он, — чтобы они знали, чтобы чувствовали…

— Спиндл, друг мой, иди сюда, помоги мне…

Ее легкий и светлый голос доносился из леса. Когда он услышал этот голос, ему показалось, что вся его жизнь была лишь подготовкой к этому мигу, когда он должен помочь ей. Он вошел в лес, над ним переплетались ветви, их серо-зеленая вязь была очень красива, лес — тих и задумчив. Перед Спиндлом стояла Фиверфью. Она улыбалась, но видно было, что она очень устала.

— Где Трифан? — спросила она ласково. — У тебя усталый вид. Не стоило тебе приходить сюда одному.

— Ничего. Я послал сказать Трифану, чтобы он скорее шел к Камню, Фиверфью. И он придет, он поймет… Я сейчас доведу тебя туда, и мы вместе подождем его.

— Идем, — согласилась она и погладила его по лапе.

Они медленно поднимались по склону. Спиндл говорил о свете, который сейчас видел, и о том, как он почему-то почувствовал необходимость прийти сюда, и что все это он должен записать.

Когда в просвете между деревьями показался Камень, Спиндл сказал:

— Я так хотел увидеть Крота Камня, Фиверфью, так хотел! В нем и конец, и начало. Это будет твой детеныш, ведь правда?

Фиверфью, задыхаясь, схватилась за живот. У нее уже начались боли.

— Ты увидишь его. Помоги мне.

Спиндл бережно подвел ее к основанию великого Данктонского Камня.

— Трифан скоро придет, Фиверфью. Я подожду здесь, с тобой.

— Нет, друг мой, ты уже сделал все, что мог. Иди. Оставь меня, я подожду моего любимого Трифана.

— Я хотел увидеть Крота Камня, Фиверфью, я хотел написать о нем. Обо всем остальном я написал, обо всем, что происходило.

— Один крот не может написать всего, — ласково возразила она.

— Я хотел бы рассказать, как я сегодня пришел сюда, про этот свет над деревьями, я хотел, чтобы об этом узнали. Мне было больно, Фиверфью, но Камень позвал меня, и я…

— Он позвал тебя, чтобы ты помог мне, Спиндл, чтобы ты привел меня сюда. Ты это сделал, теперь успокойся, оставь меня тут… Иди, встречай своего сына Бэйли, он уже идет. Скажи ему, что следует сказать всем кротам, — что он любим.

И тогда Спиндл понял, что его миссия уже почти завершена. Он оставил Фиверфью под защитой Камня и пошел на юго-восток к Лугам.

Он припал к земле на самом краю леса, глядя вниз, на дорогу ревущих сов, откуда, как ему казалось, должен был появиться Бэйли. Он шептал имя своего сына и его матери. Вдруг небо над ним стало медленно темнеть, и из глубокой темноты засияла Звезда.

Спиндл тихо позвал Триффана. Он вглядывался в сгустившиеся сумерки. Оттуда, с севера, мог появиться Триффан.

Все пространство между стволами заполнилось сиянием. Спиндл понял, что он присутствует при чуде Безмолвия, возвещающего начало новой эры в Данктоне и во всем мире кротов.

И все-таки даже в такой момент мысли Спиндла обратились к Триффану.

— Я бы хотел увидеть его еще раз, и моего сына тоже, — прошептал он. — О Камень, даруй мне эту радость!

Ему стало очень холодно. Звезда сияла и заливала светом все вокруг.

❦

Удивление и восторг медленно, как свет Звезды, распространялись по Данктонскому Лесу. Триффан трудился над последним листом «Пути к Безмолвию», когда прибежал запыхавшийся посланец Спиндла:

— Ты должен пойти к Камню! Так велел передать Спиндл. Ты должен…

И крот рассказал, как он встретил Спиндла и как тот, не в силах дойти сам, послал его к Триффану.

Триффан выбрался на поверхность и увидел восходящую Звезду.

— Я пойду к Камню, сейчас же пойду. Передай Хею и другим: в эту ночь он должен явиться. Теперь скажи мне, где ты видел Спиндла…

Крот объяснил и добавил, что Спиндл выглядел очень больным. Триффан застыл в глубоком молчании. Да, это было одновременно и начало и конец.

Сейчас он должен быть рядом со своим другом, и это не менее важно, чем быть рядом с Кротом Камня.

Триффан отправился на поиски Спиндла. Уже распространилась весть, что Крот Камня явился, причем в Данктоне, потому что его Звезда взошла в третий раз именно здесь, над Данктонским Камнем. Все вышли на поверхность.

Триффан очень спешил. Он чувствовал, что Спиндл выполнил задачу своей жизни и, значит, пробил его час. Лапы Триффана бежали быстро, и столь же быстро неслись его мысли…

Фиверфью. Да, да! Она придет, так говорил Босвелл. Триффан ощущал ее присутствие. Он знал, что она уже здесь, и Спиндл был рядом с ней, а должен был быть он, Триффан. Триффан и Фиверфью принадлежали друг другу. И Крот Камня…

Обуреваемый восторгом и страхом, Триффан бежал дорогами своего детства. Он знал их наизусть, к тому же свет освещал ему путь. Это был свет, который звезды излучают в час исполнения предсказаний.

Сначала он хотел пойти прямо к Камню, но сердце и лапы повели его через лес на восток. Там, на опушке, он и нашел Спиндла.

Его друг лежал неподвижно, голова его была опущена, но глаза — открыты. Он ждал.

Увидев Триффана, он пошевелился и даже попытался встать, но старый друг знаком остановил его и сел рядом.

— Скоро придет Бэйли, — сказал Спиндл, глядя вниз, где уже горели глаза ревущих сов. — Я чувствую, что он скоро придет, но у меня уже нет сил дождаться. Я хотел бы увидеть его еще раз, но не таким, каким он был в Верне, а таким, каким сделал его Босвелл. Я… ты расскажешь ему обо мне, Триффан?

— Может быть, Камень позволит тебе самому рассказать, Спиндл.

— Ты расскажешь? — настаивал Спиндл.

Триффан с любовью посмотрел на друга. Да, Спиндл был слаб, но даже сейчас ему не нужны были фальшивые слова утешения. Не этого он хотел и не этого заслуживал. Спиндл хотел только правды.

— Что ты ему скажешь?

— Я скажу ему, что его отец был храбрым и истинно верующим, что это был крот, которым могут гордиться близкие. Я скажу еще, что Спиндл любил всю жизнь только одну кротиху и был верен ей, как был верен Камню, во всем, что бы он ни делал.

Я скажу ему, что лапы Спиндла хоть и были слабее, чем у некоторых, но крепко держались за то, что многие легко упускают: веру в Камень и верность тем, кого любят. И еще, самое главное, я скажу ему, что Спиндл давал силы другим, его записи дадут силы и знания кротам будущих поколений.

Звезда сияла все ярче. Теперь она была прямо над Спиндлом.

— Ты помнишь, как мы впервые встретились с тобой в Аффингтоне? — прошептал Спиндл.

Триффан кивнул.

— Я помню твою храбрость, — ответил он. — Я помню, как Босвелл сказал о тебе: «глубоко верующий крот». Я помню, как много мы пережили вместе.

— Теперь я спокоен, Триффан, мне…

— Да, Спиндл?

Голос Спиндла слабел, тело его холодело.

— Мне… интересно! — ответил он.

И даже теперь Триффан мог бы поклясться, что в глазах его друга светятся ум и любознательность, целеустремленность и жизнелюбие. Ему и сейчас был интересен этот мир, как детенышу.

— Триффан, — проговорил Спиндл, — я записал, сколько смог, и спрятал записи. Но ты сможешь найти их. Я оставил для тебя специальные метки. И Мэйуид знает многие тайники. Я никогда не решался сказать Мэйуиду, что очень его люблю. И Бэйли тоже. Но я любил их! Я… просто не знал нужных слов, Триффан. Даже для Тайм я находил их с трудом. Триффан… Я хотел сказать тебе: я следовал за тобой не потому, что это был мой долг, моя миссия, хотя так оно и было. Я следовал за тобой потому, что… полюбил тебя. В тебе — дух Камня, часть его Безмолвия. Ты и сам этого не замечаешь. Но довольно, теперь иди к Фиверфью. Я оставил ее у Камня. Иди.

Боль опять настигла Спиндла, но глаза его вдруг засветились счастьем, он обратил взор на восток и с восторгом прошептал:

— Смотри! Ты видишь, Триффан?

Лапа его соскользнула с лапы Триффана, он затих. А Звезда Крота Камня осветила кротов, поднимавшихся по склонам, чтобы быть поближе к ней.

Триффан, прошептав слова благословения своему умершему другу, оставил его, а сам, выполняя последнюю просьбу Спиндла, пошел к Камню, чтобы найти там Фиверфью.

Проходя через лес, Триффан встретил множество кротов.

— Идемте к Камню! — крикнул им Триффан.

Они узнали Триффана и последовали за ним. Старые, слепые, калеки, больные, напуганные, отчаявшиеся, опустившиеся — все пришли к Камню в эту Ночь ночей. Они шли из Болотного Края,

из Истсайда, из Бэрроу-Вэйла, из Вестсайда. Они понимали, что начинается новая жизнь, что этот Свет, проникший в их сердца, — больше, чем просто свет Звезды, которая будет сиять лишь одну ночь, а потом погаснет. Этот Свет навсегда сохранится в сердцах кротов.

Они шли за Трифаном. Он первый увидел, как чистый неземной Свет освещает Данктонский Камень. У подножия Камня, где оставил ее Спиндл, лежала Фиверфью. Храбрый Трифан, который только что уверенно вел за собой кротов, растерялся.

— Подойди к ней, крот, — ободряюще сказала Трифану какая-то старая кротиха, и он робко приблизился к Фиверфью.

Фиверфью шепотом заговорила с ним о безмолвии, которое было между ними в Вене. То было не Безмолвие Камня, а безмолвие утраты. Скоро эта пустота заполнится Пришествием Крота Камня.

Она тяжело вздохнула и вдруг вздрогнула от резкой боли.

— Трифан, — прошептала она.

— Что, любимая?

— Нам поручено великое дело!

— Наша миссия послана нам Камнем, значит, мы должны справиться.

— То его чадо.

— Я знаю.

— Любимый, мне страшно!

— Я тоже боюсь, Фиверфью, но с нами Камень.

— Мой дорогой, Босвелл — первая сущность Камня среди кротов, чадо — вторая, Безмолвие — последняя и окончательная… О, как мне страшно!..

— Мне тоже страшно…

О чем еще говорили в эту ночь Трифан и Фиверфью? Никто не знает. Как они успокаивали друг друга? Никому не известно. Какие молитвы они шептали? Неведомо.

Кроты смотрели на них из тени деревьев. Никто, кроме этих двоих, не решился войти в круг Света.

Однако у самого подножия Камня, куда Трифан и Фиверфью осторожно пробрались, лежала небольшая тень. Вернее, это была даже не тень, просто мягкий сумрак, какой бывает в ясный день под ветвями буков. Камень защищал Фиверфью от прямых лучей.

Здесь и прозвучал первый крик роженицы. Этот крик был совсем не похож на крики обыкновенной кротихи, рожающей в темной норе. Он был особенно громким и сильным, он разнесся по бесплодной системе, его слышали деревья и долины и само небо над Данктоном.

Ее боль отозвалась болью у других, особенно у кротих, которые сами жаждали детей. Весь кротовий мир замер, услышав этот крик. Все поняли: осталось совсем немного до рождения Крота Камня.

❦

Это поняли Алдер в Шибоде, Уорф, Хеабелл и Сквизбелли в Биченхилле и многие другие.

Это поняли Старлинг и Хит. И сидим Лейт тоже понял. Потрясенный, он не мог отвести глаз от неба. Он никогда не видел такой красоты над Верном.

Поняли Лоррен и Хоум, и даже те, кто родились уже после бегства из Данктона и не знали своей родной системы. Их глаза тоже загорелись радостью, когда они поняли: родился Крот Камня.

❦

Почувствовала это и Хенбейн. И ее сын. Он был темный — в Триффана, но было в нем нечто порочное, унаследованное от Руна. Его звали Люцерн.

— Что это? — спросил он, когда Хенбейн вывела его из Высокого сидима посмотреть на Звезду.

— Это — вызов тебе, мой дорогой Люцерн! Смотри, смотри на этот свет. Ты рожден для того, чтобы погасить его. Этот свет означает Пришествие Крота Камня.

Люцерн смотрел на небо и, в отличие от Лейта, не испытывал страха.

— Я рад, что мне этот свет не нравится, — сказал он.

— Я тоже, мой дорогой, — ответила Хенбейн. — А теперь иди сюда…

Несмотря на его возраст, она все еще кормила его, он всасывал любовь к тьме с молоком матери. И пока Люцерн сосал, глаза его были устремлены в небо, а сердце переполняла темная злая радость.

❦

Скинт, Смитхиллз и Бэйли шли вдоль дороги ревущих сов. Все пути наверх тщательно охранялись, и, хотя втроем они могли

бы убить одного или двух грайков, этот вечер был не для убийств. К тому же они хотели проникнуть в Данктон незамеченными.

Они передвигались очень осторожно. И при всей своей осторожности вдруг наткнулись… на притаившегося грайка. Смитхиллз приготовился к бою. Грайк — тоже. Он был большой и, видимо, сильный.

— Куда вы идете? — спросил он.

Это был слишком вежливый вопрос для грайка. Скинт выступил вперед:

— Мы идем с миром, крот…

Он не закончил фразы, потому что грайк вдруг ахнул, спрятал когти, облегченно вздохнул и подошел ближе:

— Если это не Скинт, тогда я не Маррам!

— Благодаренье Камню! — воскликнул Скинт.

Они быстро обменялись новостями. Никто из них уже больше ничему не удивлялся этой волшебной ночью. Теперь им нужно было перейти дорогу ревущих сов.

— Послушай, Маррам, ты похож на грайка, ты настоящий грайк! Вот и веди себя соответственно. Прикажи, например, этому патрулю убраться обратно к тоннелю, тут-то мы незаметно и проскользнем, — предложил Скинт.

Так и вышло. Грайков вполне убедил вид Маррама и его властный голос, и они ушли. Тогда кроты поднялись по насыпи и осторожно приблизились к обочине дороги. Там стоял невыносимый шум, глаза застилал дым, который выпускали ревущие совы. Кроты знали, что, переходя дорогу, нельзя встречаться взглядом с ревущей совой.

— Бегите быстро, — велел Скинт, — и не останавливайтесь.

Они по двое перебежали сначала на середину дороги, а потом — на противоположную сторону. Ревущие совы с грохотом проносились мимо, сверкая своими ужасными глазами.

Наконец кроты добрались до юго-восточных Лугов Данктона.

— Куда теперь, Скинт? — спросил Маррам.

Но дальше их вверх по склону повел Бэйли. Дойдя до огромных буков, обозначавших границу Древней Системы, Бэйли остановился. Он увидел худого мертвого крота. Тем не менее глаза крота были открыты, а мех блестел в звездном свете.

— Да это же Спиндл! — тихо произнес Смитхиллз.

— Точно, — подтвердил Скинт и взглянул на Бэйли.

— Я знаю этого крота, — сказал Бэйли. — Я видел его с Триффаном в Верне, и еще он однажды говорил со мной в Бэрроу-Вэйле.

Смитхиллз и Скинт промолчали, им была известна история Бэйли. Бэйли посмотрел в глаза своим товарищам и спросил так

робко, будто заранее знал ответ:

— Что за крот был этот Спиндл?

Ему ответил Смитхиллз глухим от слез голосом:

— Это твой отец. Ты не догадывался об этом?

Бэйли горько заплакал. Маррам подошел утешить его. Но не успел Бэйли утереть слезы, как Скинт сказал:

— Он словно чувствовал, что ты вернешься домой. Он знал, что можно будет гордиться тобой. Он верил в будущее и что его Бэйли, сын его возлюбленной Тайм, будет достоин этого будущего. Оставь своего отца, друг мой, и пойдем с нами. Сегодня ночью родился Крот Камня, он приведет нас к Безмолвию, которое Спиндл из Семи Холмов уже, конечно, познал.

И все четверо скоро исчезли среди деревьев. Они отправились к Камню.

❦

Когда они подошли к Данктонскому Камню, из груди Фиверфью вырвался последний крик и она родила Крота Камня.

Он был крошечный, липкий, как все новорожденные. Но он был рожден в тени Камня, прикрывшего его от яркого Света Звезды. Этот детеныш был рожден на радость всем кротам. Он был рожден, чтобы ему поклонялись. В смутное мрачное время появился крот, который должен был принести Свет и Безмолвие.

Фиверфью свернулась вокруг него и теперь радостно его вылизывала. Некоторые кроты осмелились подойти ближе. Они слышали первый писк детеныша, любовались малышом, смотрели, как мать его кормит. Старым, немощным, павшим духом — всем было позволено смотреть, всем разрешено разделить радость Фиверфью. Даже некоторые кроты Слова пришли к Камню в ту ночь и вовсе не верующие, даже тот, кто был на пороге смерти, как Трифт, но дожил-таки до рождения Крота Камня.

Пришли даже слепые.

— Триффан, это я — Тизл. Покажи мне только, в какую сторону смотреть.

— Но ты прозрела, Тизл! Темноты больше нет.

Свет Звезды коснулся маленького тельца Крота Камня, отразился в глазах Тизл, и случилось чудо: она прозрела.

— Да он совсем особенный! — радостно воскликнула Тизл и посторонилась, чтобы дать посмотреть другим. Это было первое исцеление, совершенное Кротом Камня.

Здесь были и Хей, и Хизер, и многие другие кроты. Эта ночь поистине стала началом новой эры.

Наконец Трифан что-то тихо сказал Фиверфью. Она кивнула, взяла детеныша и отнесла его в нору, где когда-то жили Брекен и Ребекка и где родился Трифан. Там Фиверфью легла рядом с детенышем и сказала:

— Иди, мой дорогой, оставь нас. Мы будем спать.

Трифан выбрался на поверхность и стал смотреть на Камень. Он ощущал то странное волнение и возбуждение, которое обычно чувствует отец в ночь рождения сына. Тут было и удивление, и восхищение новой жизнью, и страх за нее.

Потом из темноты, окутавшей Камень, появились другие кроты. Он узнал их по шагам и голосам. Это были Смитхиллз, Бэйли, Маррам и, наконец, Скинт. Они обступили Трифана.

Хотя у каждого из них была своя причина для скорби, но радость объединила их.

— Мы отпразднуем рождение Крота Камня, как этого хотел бы Спиндл, — печально произнес Трифан.

Звезда сияла, и по склонам спускались к ним счастливые и радостные кроты.

— Помните, здесь, в Древней Системе, был хороший большой зал? — спросил Скинт. — Пусть соберется много кротов, будем петь песни.

— Давайте петь, — поддержал его Смитхиллз. — Кроме того, нам есть что рассказать друг другу!

Трифан подумал о том, как много кротов встречали они со Спиндлом в своих странствиях. Ему было бы трудно выбрать, кого из них он хотел бы видеть рядом в эту праздничную ночь. Конечно, никто не заменит ему Спиндла.

Трифан был рад Бэйли, который проделал такой большой путь, в прямом и в переносном смысле. Он был также рад доброму, славному Смитхиллзу, и надежному Скинту, и Марраму, который вместе с ним участвовал в Семеричном Действе в Бакленде.

Трифан огляделся: четверо и он сам — это пятеро. Пятеро готовы благословить Крота Камня. Этого достаточно. И все же ему бы хотелось…

И в этот момент справа послышался какой-то треск. Потом все смолкло. Несомненно, там были кроты. Они обнюхивали землю, они подбирались ближе.

— Сидим! — прошептал Скинт, принимая боевую стойку.

— Патруль! — сказал Бэйли, становясь с ним рядом.

— Грайк! — воскликнул Смитхиллз. — Если будет драка, рассчитывайте на меня! — И он выпустил когти уже в третий раз

за этот день.

Из темноты послышался голос, такой родной, такой необходимый им сейчас голос!

— О господа, пребывающие в заблуждении, которое сейчас рассеется! Мэйуид сожалеет, что не в первый и, увы, не в последний раз вы ошиблись. Он, смиренный, вовсе не сидим, не патруль и не грайк. Он — само смирение.

И Мэйуид, к радости всех собравшихся, вышел к Камню и сказал:

— Мэйуид, живой и невредимый, приветствует вас. Что за ночь! Что за удивительные времена! Мэйуид просит вас принять и полюбить его спутницу — Сликит! Больше Мэйуид ничего не имеет сказать, по крайней мере, пока с ним не поздороваются и не предложат ему парочку червячков.

— Да ведь это Мэйуид! — воскликнул Смитхиллз.

— Как ты проницателен и красноречив, о почтенный Смитхиллз! — сказал Мэйуид.

Смитхиллз добродушно похлопал Мэйуида по плечу.

— Никто не был бы для нас столь желанным гостем, как ты, Мэйуид, — сказал за всех Триффан, — ты так много сделал для каждого из нас!

— Да, всё, что сказал Триффан, истинная правда.

Я так рад видеть тебя и Смитхиллз тоже! — воскликнул Скинт.

Мэйуид открыл было рот, чтобы ответить, но, увидев, с какой любовью на него смотрят собравшиеся, совсем растерялся и утратил дар речи. Поэтому он просто обратился к Камню. Свет озарил его облезлые бока. Он склонил голову и проговорил сквозь слезы:

— О Камень, Мэйуид сегодня счастлив!

Теперь их было семеро. Триффан понял, что этой ночью каждый из них узнает Безмолвие.

— Пойдемте, — тихо сказал он, — сотворим молитву и дадим клятву. А потом мы поговорим. Каждый расскажет, как он добрался сюда. И Мэйуид будет рассказывать последним, потому что, без сомнения, его путь был самым интересным и необычайным. А теперь пойдемте.

И он провел их в тоннель, где недавно оставил Фиверфью. Тихо, стараясь не шуметь, он ввел их в нору. Они вошли, и их сразу же коснулся чудесный Свет, исходящий от Крота Камня.

Детеныш был мал и беспомощен, но о нем теперь заботился весь кротовий мир. И когда-нибудь он научит всех кротов слышать Безмолвие!

Семеро кротов встали вокруг Фиверфью и ее детеныша, и их

лапы соединились в Звездном Свете.

— Мы, семеро кротов, пришли к Камню и Кроту, которого он послал, — произнес Триффан. — Мы, семеро, — свидетели, защитники и друзья. Какими бы мы ни были раньше, какие мы ни есть теперь, какими бы ни стали в будущем, мы, семеро, совершаем сейчас Семеричное Действо и посвящаем наши жизни тому, кто пришел, чтобы принести нам Безмолвие. Мы помним о тех, кого любили, и о тех, кто верил в его Пришествие, мы думаем о тех, кто еще придет, чья вера поведет нас дальше. Мы, семеро, пришли к Камню и к Кроту, которого он послал. Сюда принесли мы Безмолвие, которое уже обрели, и здесь ожидаем Безмолвия, которое принес нам Крот Камня.

В норе, в самой древней части Данктонского Леса, заворочался Крот Камня. Он был еще слепой и слабый, но ни у одного крота до сих пор не было лучших защитников, чем эти семеро, стоявших теперь рядом. Ни у кого не было и такой любящей и нежной матери. Потом семеро кротов тихо вышли из норы.

А над ними возвышался сияющий Камень, и Свет его, казалось, проникал в самые отдаленные уголки кротовьего мира. В эту Ночь ночей кроты обращались друг к другу со словами:

— Он пришел! Наконец-то пришел Крот Камня!

Уже везде кроты знали, что это свершилось, и это знание пробудило в их душах любовь, надежду и радость. Песнь торжества наполнила весь кротовий мир.

Эпилог

Много дорог прошли мы вместе с Триффаном. Скоро нам предстоят новые путешествия. Мы узнаем всю правду о Босвелле и Данктонском Лесе. Мы услышим о жизни Крота Камня и о Великих Заповедях, принесенных им в мир кротов. Наконец, мы должны узнать историю кротихи, приход которой был предсказан Босвеллом; ее преданность Камню, мудрость, бесстрашие позволили ей первой познать Безмолвие при жизни и тем самым показать всем кротам, что это возможно! Обо всем этом читайте в книгах «На исходе лета» и «Обретенный Данктон».

Об издании

Литературно-художественное издание

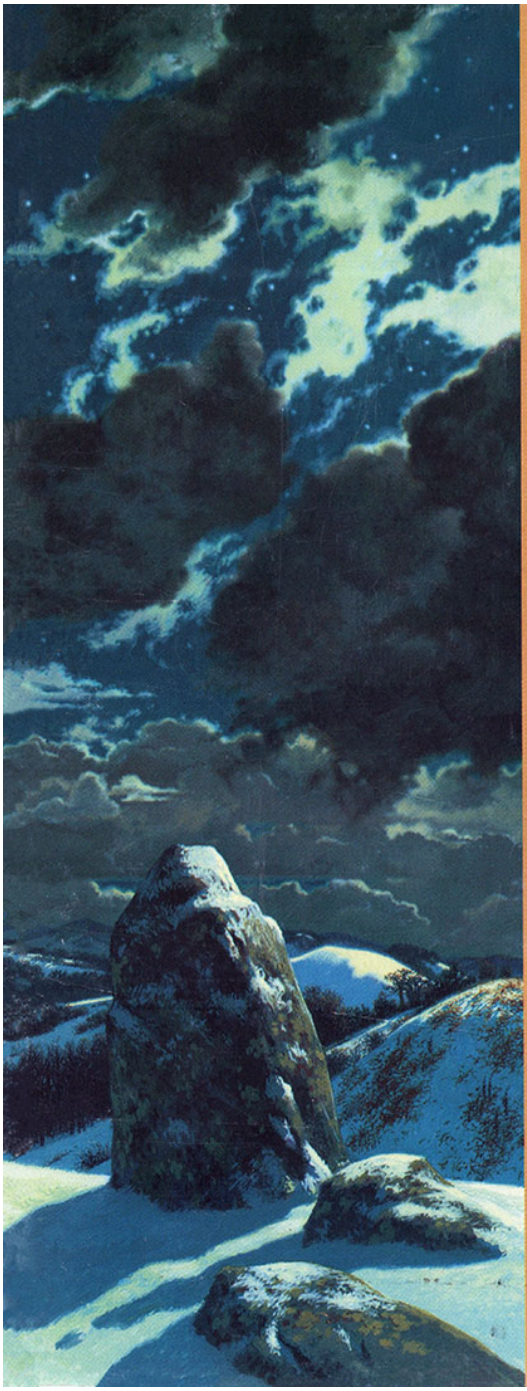
Уильям Хорвуд
КРОТ КАМНЯ
Роман из цикла «Данктонский Лес»

Перевод с английского
Ответственная за выпуск О. Салютина
Редактор А. Варковецкая
Художественный редактор В. Пожидаев
Технические редакторы: Т. Раткевич, С. Сизова
Корректоры: А. Келле-Пелле, И. Киселева
Компьютерная верстка: В. Титова

ЛР № 071669 от 26.05.98 г.
Подписано в печать 26.02.99 г.
Формат издания 84X108$^{1}/_{32}$. Гарнитура Антиква.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Уч. — изд. л. 17,84. Зак. 327.

Издательство «ТЕРРА».
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.
Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Эта книга о любви и ненависти, сострадании и жестокости, вере и безверии. Над кротовьим миром сгустилась тьма. Повсюду властвуют приверженцы Слова. Найдется ли кто нибудь, способный противостоять злу и спасти ЗАПОВЕДНЫЙ МИР? Отчаявшимся обитателям Семи Древних Систем остается надеяться на чудо. К ним должен явиться КРОТ КАМНЯ.



Эта книга о любви
и ненависти, сострадании
и жестокости, вере
и безверии.
Над кротовьим миром
сгустилась тьма.
Повсюду властвуют
приверженцы Слова.
Найдется ли кто-нибудь,
способный противостоять
злу и спасти
ЗАПОВЕДНЫЙ МИР?

Отчаявшимся
обитателям
Семи Древних Систем
остается
надеяться на чудо.
К ним должен явиться
КРОТ КАМНЯ

ISBN 5-300-01974-7